

*Институт археологии Российской академии наук
Ярославский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник*

Археология: история и перспективы

Девятая межрегиональная
конференция

Сборник статей

Ярославль
2020

Утверждено к печати
Учёным советом Института археологии Российской академии наук
Учёным советом Ярославского государственного
историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Е. Леонтьев, д-р ист. наук, отв. редактор
А. В. Энговатова, канд. ист. наук
Н. В. Артемьева
О. М. Стадник

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

И. В. Исланова, д-р ист. наук
В. Ю. Коваль, канд. ист. наук

A87 Археология : история и перспективы: Девятая межрегиональная конференция : сб. статей / под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль : ГАУК Ярославской области «Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», 2020. — 272 с.; ил.

Книга представляет собой сборник статей участников IX Межрегиональной конференции «Археология: история и перспективы», которая состоялась в Ярославле 15–16 ноября 2018 г. Сборник посвящён изучению Ярославля, Ярославского края и близлежащих регионов в археологическом отношении.

Книга предназначена для археологов, историков и краеведов.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-91730-000-9

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-91730-000-9

© Авторы статей, 2020
© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2020
© ГАУК Ярославской области «Ярославский государственный историкоархитектурный и художественный музей-заповедник», 2020

<i>Адаменко О. Н., Недомолкина Н. Г.</i> Стекланные предметы нового времени из раскопок в Вологде (ул. Лермонтова, 4)	4
<i>Альквист А.</i> Кустерь	19
<i>Вишневский В. И.</i> Курганный могильник у д. Вельково на Плещеевом озере (раскопки 1988 г.)	38
<i>Глазунова О. Н., Янишевский Б. Е.</i> Печные муравленые изразцы Переславля-Залесского. Декор одной из печей	54
<i>Зейфер В. А.</i> Археологические исследования в Переславле-Залеском в 2016–2017 гг.	65
<i>Зозуля С. С.</i> Раскопки на селище Петровского археологического комплекса в 1963 году	77
<i>Зубов К. А.</i> Город Устюжна в свете новых археологических открытий.....	84
<i>Кадиева Е. К., Энговатова А. В.</i> Чернолощёные кувшины Ярославля и Троице-Сергиева монастыря XVI–XVIII вв. (Опыт сравнительной характеристики)	94
<i>Кашкин А. В.</i> Сравнительная характеристика памятников дьяковской культуры. Географический аспект.....	110
<i>Кудряшов А. В.</i> Памятники VI–IX вв. бассейна Шексны и Белого озера: результаты поисков и перспективы изучения	117
<i>Кукушкин И. П., Калинина Н. И.</i> Археологические исследования на Вологодском городище (ул. Бурмагиных, 27)	132
<i>Кукушкин И. П., Калинина Н. И.</i> Исследования на посаде средневековой Вологды (ул. Ударников, 12)	140
<i>Максимов А. В.</i> Монеты XIX — 1-й половины XX века из нумизматической коллекции ЯМЗ-18835.....	149
<i>Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н.</i> Новые находки предметов христианского культа средневековой Усть-Шексны.....	161
<i>Самойлович Н. Г.</i> Археологические наблюдения в Успенском соборе Ростова Великого в 2018 г.	173
<i>Спиридонова Е. В.</i> Стекланные флаконы XIX — начала XX века с надписями (из коллекции Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника).....	188
<i>Уткин А. В., Мацане А.</i> Восточные зоофакты в квази-энеолитическом захоронении Сахтыш ПА	200
<i>Уткин А. В.</i> Ещё раз о радиоуглеродной хронологии нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш ПА	211
<i>Фролов И. В.</i> Водяные мельницы как объекты археологического изучения (по материалам полевых исследований).....	227
<i>Яганов А. В., Рузаева Е. И.</i> Архитектурные наблюдения в Успенском Соборе Ростова Великого в 2018 г.	232
<i>Яковчик М. С., Энговатова А. В., Орфинская О. В., Чернова О. Ф.</i> Ткани из коллективного захоронения XIII в. в Ярославле	248
Список сокращений	271

О. Н. Адаменко, Н. Г. Несомонкина

Вологда

Стеклянные предметы нового времени из раскопок в Вологде (ул. Лермонтова, 4)

Письменные, изобразительные, картографические источники являются преобладающими в XX веке, однако результаты охранных археологических работ также могут внести существенный вклад в изучение истории «поздних» для классической науки периодов, методически проследить особенности археологизации отдельных объектов на её первоначальной стадии. В 2016 г. экспедицией «Старый город» в ходе наблюдений и раскопок был исследован участок по адресу: г. Вологда, ул. Лермонтова, 4. Обзор данного комплекса работ был отражён в публикации 2017 г.¹

Расположение участка объективно предполагало наличие мощного слоя засыпки XIX–XX вв. на склоне бывшего рва (рис. 1). В начале XVIII в. отсюда начинался плавный спуск к р. Вологде — «Булдаков взвоз»². Позднее участок относился к дворовой части одного из корпусов Гостиных рядов, здесь в низине р. Золотухи располагались хозяйственные постройки (рис. 2). В начале XX в. участок был описан в городской прессе так: «Всё пространство, занимаемое двором, представляет собою сплошное болото грязи глубиною по колена и больше. Не только человеку, но и лошади часто становится невозможно выбраться из этой грязи...»³. Примечательно, что и М. В. Фехнер охарактеризовала эти склоны как «место свалки дореволюционных лет»⁴. В XIX–XX вв. склон

¹ Адаменко О. Н. Археологические исследования крепостного рва г. Вологды в 2015–2016 гг. // Историки. Поколения. Взгляды: материалы Всероссийской научной конференции (Вологда, 19–21 октября 2017 г.). Вологда, 2018. С. 70–77.

² Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. / Сост. И. В. Пугач (отв. ред.), М. С. Черкасова. М., 2008. Т. 2. С. 67.

³ Нас просят обратить внимание... // Вологодская жизнь. 1908. № 11 (8 октября). С. 1.

⁴ Фехнер М. В. Вологда. М., 1958. С. 202.

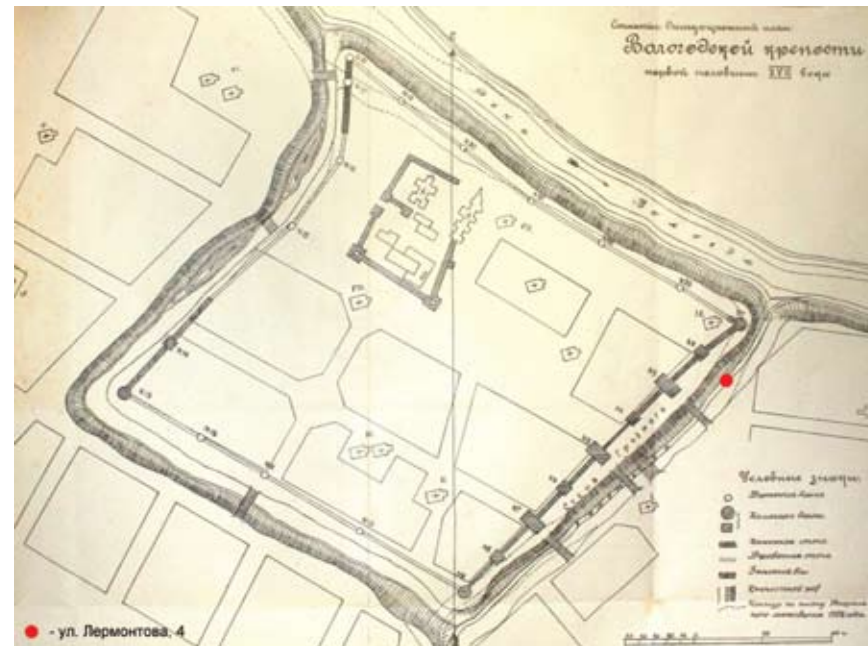

Рис. 1. Расположение участка археологических работ 2016 г. на реконструированном плане Вологодской крепости (Фалин Н. В., 1920-е гг.)

Рис. 2. Участок по адресу ул. Лермонтова, 4, на фотопанораме начала XX в.

продолжили засыпать отвалами от строительства каменных зданий, Рыбнорядского моста.

Участок расположен на северо-восточной окраине памятника археологии «Культурный слой города Вологды в границах крепости XVI века», внутри крепостного рва⁵. В результате работ 2016 г. были установлены мощность и датировка перемешанного слоя, определена стратиграфия заполнения рва, уточнены границ памятника и др.⁶ Особый научный интерес представлял поиск остатков склона крепостного рва, оборонительных сооружений середины XVI в., однако «чеснок» и «надолбы», которые к 1657 г. «все огнили и обвалились», не были обнаружены⁷.

Материал из перемешанного слоя XX в. довольно скудный, концентрация находок конца XIX — начала XX в. была выявлена в двух срубных конструкциях — технологическом колодце и обгоревшем амбаре. Бревенчатый сруб-колодец (рис. 3) в начале XX в. предположительно использовался в качестве ямы для отходов из расположенного рядом ресторана. Внутри были найдены флаконы, винные бутылки, флаконы от бальзама, фарфоровая посуда, мелкие серебряные монеты, пуговицы от рубашки. Бревенчатый амбар стоял на участке в последней трети XIX — начале XX в., затем сгорел и был частично разобран и засыпан колотым кирпичом (рис. 4). Внутри амбара было обнаружено крупное скопление курительных трубок, в основном типа «тахта-чубук» XIX в., материалы 1920-х гг. (агитфарфор и др.), а также монета-подвеска из «полушки» 1730-х гг. В малой комнате за перегородкой были сконцентрированы винные бутылки.

Для характеристики коллекции важно учитывать размещение данного участка в городском пространстве. Он окружён зданиями, материалы из которых напрямую повлияли на содержимое археологической коллекции. Так, через дорогу располагается место старейшей аптеки Вологды, открытой Аптекарским приказом в 1675 г. (совр. ул. Ленина, 1). Это была третья из открытых в стране аптек. В конце XIX — начале XX в. на этом же месте, но уже в каменном здании работала «Старовологодская» аптека Ивана Ивановича Креммерта — одна из трёх вольных аптек города. В 1922 г. там же было основано Первое аптечное управление города.

Линия Гостиных рядов, располагавшихся рядом, в конце XVIII — XIX в. включала многочисленные торговые лавки и харчевни. Вероятно,

Рис. 3. Технологический сруб-колодец

Рис. 4. Бревенчатый амбар

⁵ Паспорт выявленного объекта археологического наследия — памятника археологии «Культурный слой города Вологды в границах крепости XVI века» / Сост. Н. Б. Васильева, И. В. Папин // Архив АУК ВО «Вологдареставрация». Отдел учёта. Вологда, 2009.

⁶ Адаменко О. Н. Краткий научно-технический отчёт о проведённых археологических исследованиях (наблюдениях) на земельном участке по адресу г. Вологда, ул. Лермонтова, 4 // Архив АУК ВО «Вологдареставрация». Отдел учёта. Вологда, 2017. С. 1–5.

⁷ Фалин Н. В. Вологодская крепость в XVII веке // Север. 1924. № 1(5). С. 30–32.

из одной из них и происходит коллекция курительных трубок, сложенных в амбаре. В конце XIX в. в рядах открылась гостиница «Пассаж», в ресторане которой отпраздновали венчание Сергей Есенин и Зинаида Райх. Обнаруженная во дворе данного здания в колодце столовая посуда и винная тара синхронного периода в совокупности с мелкими монетами (чаевыми?) и пуговицами позволяет предположить происхождение коллекции именно из ресторана гостиницы «Пассаж». Позднее в здании располагалась городская поликлиника, материалы из которой также были найдены на склонах Золотухи.

Изделия из стекла представляют собой частую находку в городских слоях нового и новейшего времени. В Вологде, несмотря на большое количество раскопов в разных частях города, представительная коллекция изделий из стекла получена впервые. Всего из наблюдений на участке происходят 76 предметов из стекла (ВГМЗ-39148). В данной работе даётся характеристика и атрибуция, определяются хронологические рамки существования посуды технического, бытового назначения и парфюмерно-аптекарской (57 пр.).

Аптечная посуда представлена двумя плоскими флаконами прямоугольной формы из коричневого стекла высотой 8,4 и 8,9 см (рис. 5: 1, 2). На широкой грани одного из них сверху находится рельефная надпись «АПТЕКА» и российский герб с изображениями двуглавого орла, внизу надпись «PHARMACIE». Край венчика сосуда утолщён и выступает наружу

Рис. 5. Вологда, ул. Лермонтова, 4. Аптекарская посуда. Стекло

гранью 0,3 см. Тулово высокое прямоугольное, чуть расширенное к плечикам. Плечики через ребро переходят в тулово. На втором флаконе нижняя надпись отсутствует. Венчик со сливом. Плечики покатые, плавно переходящие в высокое прямоугольное тулово. На дне первого флакона находятся цифры «6-25», и «4-15» у второго.

Ещё один аптечный флакон из белого прозрачного стекла высотой 9,1 см с надписью аптеки и её владельца «ст. (аро) Никольская В. К. Феррейна, аптека» (рис. 5: 3). На дне надпись: «1». Староникольская аптека основана в 1700 г. Гурчиным Даниилом Алексеевичем в Стрелецкой слободе в белом городе на Мясницкой улице у Никольских ворот. Следующие владельцы аптеки: Т. Меер, Г. Гильденбрант (с 1771 г.), А. Ландграф, Феррейн Карл Иванович (1802–1887) (с 1832 г.), его сын, Владимир

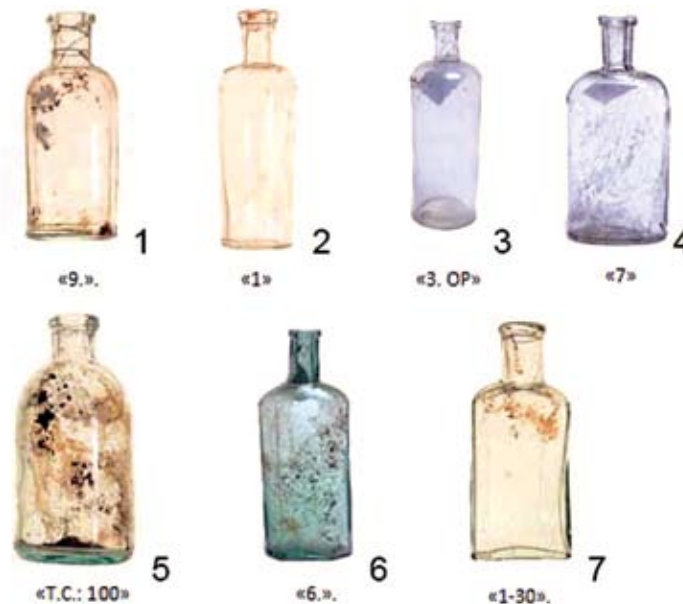

Рис. 6. Вологда, ул. Лермонтова, 4. Посуда с цифровой маркировкой. Стекло

Феррейн (1834–1918). Феррейны организовали оптовую торговлю при фармацевтической фабрике в московском Кривоколенном переулке, розничную продажу товаров в своих аптекарских магазинах (аптечными, косметическими, парфюмерными, фотографическими и др. товарами). В Подольском уезде московской губернии (сейчас это городской район Бутово) и в Крыму у них были плантации лекарственных трав, в г. Мологе Ярославской губернии — химическая фабрика, а в деревне Нижние Котлы (ныне — район метро «Нагатинская») — крупный фармацевтический завод. Во время Первой мировой войны, когда ощущался острый дефицит лекарственных средств, предприятие выпускало около 300 наименований препаратов. С 1902 г. — товарищество. Крупнейшая аптека в России⁸.

На многих флаконах высотой 6–15 см имеется только надпись на донцах (рис. 6: 1–7). У этих сосудов, скорее всего, имелись бумажные этикетки, которые не сохранились. Цифровая маркировка имела несколько значений. Чаще всего указывался объём флакона, вес содержимого. Цифры могли также обозначать номер изделия, партии поставки, номер заказа. В нашем случае это цифры 1, 6, 7, 9, 1–30. Встречаются буквы, оче-

⁸ Попков С. А. Каталог старинных бутылок, флаконов, банок и ёмкостей медицинского назначения. 1-е изд. Ростов-на-Дону, 2014. С. 112. URL: https://vk.com/doc-12950719_313395670

видно, обозначающие место и производителя стеклянной тары «Т. С.: 100», «З. ОР», «С. Г.». Клеймо «С. Г.» свидетельствует о том, что посуда была изготовлена на заводах С. В. Глинского, действующих с 1880 г. Клейма, состоящие из заглавных букв имени и фамилии, проставлялись на внешней стороне доньшка сосудов или оттискивались на гладких лицевых гранях изделий. Буквы и точки выпуклые, заведомо включённые в форму самого проектируемого предмета. Завод Орлова и братьев Орловых проставлял своё клеймо подобным же образом, но с отличием в написании. Существуют следующие клейма Орловых: ОРЛ., ОР., ор. Перечисленные клейма часто можно видеть на стеклянных предметах, выпущенных клинскими заводами до 1917 г.⁹ На заводах изготавливались сотни номеров продукции, о чём можно судить по преysкурантам заводов. Например, в письме от 3 августа 1915 г. Глинский пишет: «Милостливые государи! Сим имею честь довести до Вашего сведения, что вследствие непрерывного повышения цен на материалы, употребляемые для выработки стекла, а также топлива и прочих продуктов, а ровно возрождения рабочих рук и доставки материалов и товаров, я вынужден с 13-го июля сего года сделать 25 % скидки со своего преysкуранта по № 206 и по № 410 — 10 % (выделено мной. — Н. Н.)».

Трудно атрибутировать, для чего предназначались флаконы фирмы Р. Кёлер, поскольку в ассортимент продукции фирмы входили и лекарства, и парфюмерные продукты, преимущественно гигиенического назначения. 11 октября 1882 г. провизор и московский купец первой гильдии Роберт Романов Кёлер открыл в Рогожской части Москвы на Вороньей улице, № 15 (ныне — ул. Сергея Радонежского) в собственном доме фабрику фармацевтических принадлежностей. Это было первое в России промышленное предприятие по производству лекарственных средств. В 1893 г. Кёлер основал Фабрично-торговое товарищество «Р. Кёлер и К°» в Москве¹⁰. Фирма Кёлера имела эфирный и мыловаренный заводы в Хорошеве, стекольный завод аптекарской и парфюмерной посуды в Вербилках, фабрику фотографических пластин, химико-фармацевтическую фабрику в Москве. Продукцию разливали в разные по величине (в зависимости от желания покупателя) флаконы. Самые известные продукты — лавандовый спиртовой и цветочный одеколоны. В Париже на Всемирной выставке 1900 г. товарищество «Р. Кёлер и К°» было удостоено Гран-при за «Одеколон № 6». После 1917 г. фабрика была национализирована, и т-во «Р. Кёлер и Ко» переименовывается в «Фармзавод № 12».

⁹ Пирог В. Р., Лисицына Н. Е. Клинское стекло / портал г. Клина. URL: http://www.gorodklin.net/2007/11/24/klinskoe_steklo/html

¹⁰ Попков С. А. Каталог старинных бутылок, флаконов, банок и ёмкостей медицинского назначения. 4-е изд. Ростов-на-Дону, 2017. С. 129. URL: <http://asmlocator.ru/viewtopic.php?t=595852&view=newest>

Сейчас это фармацевтическое объединение «Мосхимфармпрепараты». В нашей коллекции представлен флакон высотой 12,4 см из белого прозрачного стекла. Стенки флакона прямые, в горизонтальном сечении образуют шестиугольник вытянутой формы, с закруглёнными углами. На плечиках имеется невысокий шестигранный выступ. Горловина прямая с краевым ободком и носиком для слива. На одной стороне выступающая вертикальная надпись в две строки: «Т-во Р. КЁЛЕРЪ и К° в Москвѣ», разделённые в центре вертикальным вдавленным углублением в виде прямой линии. Дно шестиугольной, вытянутой формы, с выступающим краевым ободком. На дне цифра «13».

Парфюмерная посуда. Флакон белого прозрачного стекла с туловом прямоугольной формы с закруглёнными гранями, высотой 15,8 см (рис. 7: 2). Плечики покатые, рельефные, плавно переходят в горло. Горло широкое, высокое, с кольцевым утолщением, венчик с утолщением. На широкой грани рельефный рисунок в виде двуглавого орла. Вокруг орла рельефные буквенные надписи: «Товарищество Брокеръ и К° въ Москвѣ»; на дне: «3-3». Основатель фирмы Генрих Брокер — выходец из семьи французских парфюмеров. В 1864 г. открыл собственную мастерскую по производству парфюмированного мыла, в 1869 г. — фабрику. В 1872 г. создал торговый дом. С 1874 г. Брокер — поставщик великой княгини Марии Александровны, за что имел право на своих флаконах изображать малый Государственный герб. В 1893 г. создано Товарищество парфюмерного производства в Москве. С 1913 г. Брокер является поставщиком Двора Его Императорского Величества, о чём свидетельствует второй Малый герб. В 1917 г. фабрику национализировали, переименовали в Замоскворецкий парфюмерно-мыловаренный комбинат № 5. Главный брокеровский парфюмер, француз

Рис. 7. Вологда, ул. Лермонтова, 4. Парфюмерная посуда. Стекло

Август Мишель в 1922 г. выступил с предложением назвать фабрику «Новая заря»¹¹.

Флакон из белого прозрачного стекла, высотой 15,5 см (рис. 7: 3). Тулово цилиндрической формы, слегка расширяющееся в своей верхней части, на плоском, слегка вогнутом основании. Стенки гладкие, плечики округлые, резко переходящие в горловину. Просматриваются формовочные швы. Горло цилиндрическое, высокое. Венчик с утолщением. На дне надпись: «180. G. AD». В 1864 г. французский подданный Фридрих Францевич Дютфуа купил на Б. Панской улице 2,2 га земли у Рождественской церкви. Дютфуа был совладельцем соседней парфюмерной фабрики А. Ралле и основал хрустально-стекольный завод рядом специально для производства посуды для парфюмерного производства. Дютфуа вошёл в правление образовавшегося «Торгового дома А. Ралле» и начал с весны 1864 г. производство оригинальных флаконов для продукции Ралле¹², которые имели клеймо «AD».

К этой группе отнесены флаконы из белого прозрачного стекла (рис. 7: 4). Плоский фигурный, горлышко прямое с кольцевым утолщением в нижней части. Боковая поверхность гранёная, фигурная, дно прямоугольное. На дне клеймо «С. Г.». Второй флакон треугольной формы с округлыми гранями (рис. 7: 5). Тулово высокое, прямоугольное в сечении. Плечики округлые. Шейка горловины цилиндрической формы с резьбой под пробку. Дно прямоугольное с прямоугольным углублением. По боковым граням ёлочный орнамент. В таких флаконах в советское время продавались одеколоны.

Рис. 8. Вологда, ул. Лермонтова, 4. Флаконы технического назначения. Стекло

Флаконы *технического назначения* представлены стеклянной белой прозрачной бутылочкой, с туловом цилиндрической формы, с покатыми плечиками, которые плавно переходят в широкое высокое горло (рис. 8: 2). Венчик с утолщением. Дно плоское. Имеется рельефная надпись: «И. К. КОХЪ ВЪ РИГЕ».

¹¹ Потков С. А. Каталог старинных бутылок, флаконов, банок и ёмкостей парфюмерного и косметического назначения. 3-е изд. Ростов-на-Дону, 2014. С. 129. URL: https://vk.com/doc-12950719_485583034

¹² Там же. С. 58.

Рис. 9. Вологда, ул. Лермонтова, 4. Посуда бытового назначения для пива и минеральной воды. Стекло

Лаковая фабрика существовала с 1842 г., вырабатывала лаки масляные и спиртовые для мебели¹³. В эту группу мы включили флакон из белого прозрачного стекла четырёхгранной формы, с гладким горлышком с выступающим венчиком (рис. 8: 3). На боковой поверхности имеется надпись: «PARFUMERIE d. ORIENT. VARSOVIEMOSCOU». В флаконы разливался восстановитель «Ориантин» фирмы «Parfumerie» для окраски седых волос. Продавался он в парфюмерных магазинах или высылался наложным платежом В. Жолновским из Варшавы. Ещё одна банка для ваксы из белого прозрачного стекла, тулово четырёхугольной формы, с фасками по углам, спрямым горлышком (рис. 8: 1). На широкой грани надпись: «П. Е. ЛУКОВНИКОВЪ преемн. Б. Э. РИТТЕРЪ МОСКВА». Купец Луковников Поликарп Ефимьевич основал производство чернил, уксусной эссенции, ваксы в 1868 г. Б. Э. Риттер — его преемник с 1910 г.¹⁴

Посуда бытового назначения *для пива и минеральной воды* представлена бутылками коричневого и зелёного стекла. Первая бутылка с высоким цилиндрическим туловом, плавно переходящим в длинное узкое цилиндрическое рельефное горло (рис. 9: 1). Завершается горло утолщением в виде широкого, немного выпуклого пояса. Дно слегка вогнутое, с надписью: «З.А.Г..1/20». До революции на дне многих бутылок, преимущественно пивных, указывалась ёмкость в ведёрной системе: 1/20, 1/40, реже 1/30 или другие. На тулове с одной стороны

¹³ Потков С. А. Каталог старинных бутылок, флаконов, банок и ёмкостей технического назначения (кислоты, чернила, лаки, машинное масло и проч.). 3-е изд., доп. и испр. Ростов-на-Дону, 2014. С. 100. URL: https://vk.com/doc-12950719_485583573

¹⁴ Там же. С. 47.

выпуклое изображение головы оленя в овале с надписью: «ПИВО. Т/Д И. А. ПЕРВУШИНА С-вья. ВОЛОГДА», с противоположной стороны надпись: «Заявл. отд. пром». У второй на тулове с одной стороны выпуклое изображение головы оленя в овале с надписью: «ПИВО. Т/Д И. А. ПЕРВУШИНА С-вей. ВЪ ВОЛОГДЕ» (рис. 9: 2). Дно слегка вогнутое с надписью: «Бр.Б.1/20». Пивоваренный завод купца 1-й гильдии коммерции советника Ивана Андреевича Первушина начал действовать в Вологде в 1864 г. В конце 1880-х гг. завод перестраивают наследники И. А. Первушина. До 1917 г. предприятия Первушинных были одними из лидеров местной пищевой промышленности, производя ежегодно около ста тысяч ведёр различных водок, наливок, настоек, пива¹⁵. Напитки эти пользовались спросом не только на территории Вологодской губернии, но и в обеих российских столицах, а в 1910 г. вологодская водка получила золотую медаль на Всероссийской выставке сельскохозяйственных и кустарных промыслов. В период 1920–1950 гг. пивоваренный завод существовал под именем «Северный олень», в современную эпоху известная вологжанам фирма «Вагрон»¹⁶.

Бутылка из зелёного стекла цилиндрической формы (рис. 9: 3), с туловом, плавно переходящим в горло с рельефной надписью на боку: герб с царским орлом и надписью: «ТРЕХГОРНОЕ ПИВОВАР. ТОВАР. МОСКВА ...ДЕЛУ ПРОМ.» и вензелем из букв Г, З принадлежала Трёхгорному пивоваренному товариществу в Москве. Предприятие начало работу 01.06.1876 года. 17.01.1916 года утверждены изменения, и оно получило новое название «Тригор»¹⁷.

Бутылка светло-синего прозрачного стекла имеет цилиндрическое тулово, сужающееся в верхней части с выделенным переходом в неширокое цилиндрическое горлышко (рис. 9: 4). Венчик оформлен валиком по внешнему краю. Дно вогнутое. Надпись на бутылке — «Е. Ф. ФОНЪ МИНИХЪ. МОСКВА». Заведение фон Миних Екатерины упоминается в 1896 г. по адресу Валовая улица, собственный дом¹⁸. Екатерина Фоми-

¹⁵ В Вологде в конце 1880-х гг. существовал ещё один пивоваренный завод — «Новая Богемия» семьи Воденко. Иван Осипович Воденко — русское имя австро-венгерского подданного, чешского пивовара Иоганна Франца Иосифа Вадженка, который приехал из Богемии работать в Архангельск на только что построенный пивоваренный завод купца Альберта Суркова. По торговым делам он часто бывал в Кириллове, где познакомился с Любовью Ивановной Григорьевой, дочерью коллежского ассессора, и они обвенчались в 1881 г. К концу 1880-х гг. семья переезжает из Архангельска в Вологду. Бутылки с клеймом «Новой Богемии» найдены в раскопах на территории Вологды.

¹⁶ Львов М. Династия Первушинных — гордость русского купечества // Красный Север. 2002. 18–24 сент. С. 6.

¹⁷ Попков С. А. Каталог старинных бутылок для пива, кваса, фруктовых и минеральных вод. 7-е изд., доп. и испр. Ростов-на-Дону, 2014. С. 270. URL: https://vk.com/doc-12950719_319238742.

¹⁸ Там же. С. 259.

Рис. 10. Вологда, ул. Лермонтова, 4.
Посуда бытового назначения для водки и вина. Стекло

нична Миних упоминается в поминальных списках Александро-Невской лавры за 1914 г. (Никольское кладбище).

Посуда для вина и водки представлена различными бутылками из-под ликёра «Бенедиктин» (рис. 10: 1, 2). Компания «Бенедиктин» открыта в 1876 г.¹⁹ Все бутылки из тёмно-зелёного стекла, тулово цилиндрической формы, слегка расширяющееся кверху, с чётко выраженными плечиками, переходящими в высокое узкое горло. Венчик прямой, с округлым валиком ниже края. Донышко, вогнутое внутрь. Первая бутылка имеет надпись: «BENEDICTINE» и металлическое кольцо с надписью: «VERITABLE-BENEDICTINE». У второй на плечиках рельефное, в форме подковы, украшение с одной стороны и рельефная надпись с другой: «BENEDICTINE». У третьей бутылки на плечиках рельефное украшение в форме подковы с одной стороны и рельефная надпись: «BENEDICTINE +».

Бутылка белого прозрачного стекла конусообразной формы. Нижняя часть — рельефная. Донышко вогнутое. По бокам бутылки видны швы. Например, бутылки такой формы выпускало товарищество «Н. Л. Шустовъ съ сыновьями». По боку бутылки снизу вверх имеется рельефная надпись: «ТОРГОВЫЙ ДОМЪ И. А. СМІРНОВА СЫНОВЬЯ ВЪ МОСКВЪ» (рис. 10: 3). Смирновы — предприниматели в области производства винно-водочных изделий. Происходили из крепостных крестьян деревни Каурово Мышкинского уезда Ярославской губернии. Здесь и в соседнем Кашинском уезде Тверской губернии в начале XIX в. распространилось «здабривание» кизлярских и ренсковых (виноградных) вин. Занимались им и сыновья крепостного крестьянина Алексея (Алек-

¹⁹ Ликёр «Бенедиктин». URL: <https://nalivali.ru/alkogolnye-napitki-mira/liker/liker-po-markam/liker-benediktin-domashnih-uslovijah-recept.html>

сия) Иванова (1769–1843). В 1827 г. Яков, Арсений и Иван Алексеевы начали самостоятельное дело. В 1836 г. на вырученные от виноторговли Алексеевы выкупились из крепостного состояния, тогда же получили разрешение носить фамилию Смирновы. Главой семейного дела стал И. А. Смирнов. С 1837 г. он управлял делами, в 1841 г. причислен к московскому купечеству 3-й гильдии. Приказчиками И. А. Смирнов взял брата Венедикта (с 1842 г.) и племянников: с 1842 г. — Якова Арсеньевича Смирнова (1826–1904), с 1846 г. — Петра Арсеньевича Смирнова (1831–1898), с 1847 г. — Николая Григорьевича Смирнова (1866–?). В 1844 г. И. А. Смирнов перешёл в 1-ю гильдию московского купечества, с 1854 г. — потомственный почётный гражданин. Его сын Сергей Иванович (1846–1904) вместе с братом Александром Ивановичем (1831) в 1874 г. учредили Торговый дом «И. А. Смирнова сыновья»²⁰. Завод действовал до апреля 1918 г.

Бутылка такой же формы имеет надпись «Т-во ПЕТРА СМИРНОВА ВЪ МОСКВѢ и 4 герба, 1877, 1882, 1886, 1896» (рис. 10: 4). Смирнов Пётр Арсеньевич начал свою деятельность «в услужении» в винных погребах своего дяди Ивана Алексеевича. Купец третьей гильдии Пётр Арсеньевич унаследовал водочный завод от своего отца Арсения Алексеевича после 1877 г. В 90-е гг. XIX столетия фирма Смирнова представляет мощное предприятие по производству и торговле напитков. Завод выпускал в день напитков до 150 000 посуды (разных величин), а в год их было 45 000 000. Чтобы обеспечить такую огромную потребность в стеклянной посуде, фирма имела 7 законтракованных стеклянных заводов, поставлявших до 7 000 000 штук посуды каждый. Первый государственный герб Смирновы получили в 1877 г., в 1882 г. на Всероссийской выставке в Москве — второй государственный герб. В 1886 г. присвоено звание Поставщика Двора Его Императорского Величества и третий государственный герб. В 1896 г. на Всероссийской художественно-промышленной выставке-ярмарке в Нижнем Новгороде получили четвёртый государственный герб. В 1894 г. было учреждено «Товарищество водочного завода, складов вина, спирта и русских и иностранных вин П. А. Смирнова в Москве». Введение винной монополии в 1894 г. нанесло сокрушительный удар по водочным компаниям. Ёмкость производства товарищества П. А. Смирнова уменьшилась почти в пятнадцать раз. Пётр Арсеньевич не смог это перенести и скончался 29 ноября 1898 г. от паралича сердца, оставив после себя пятнадцатимиллионное состояние — одно из крупнейших в России. После кончины главы фирмы наследники разделили между собой доставшееся им недвижимое имущество. Созданное Петром Арсеньевичем товарищество было ликвидировано, вместо него братья Пётр, Николай и Владимир

²⁰ Попков С. А. Каталог старинных бутылок для алкогольной продукции. Ростов-на-Дону, 2015. С. 48. URL: https://vk.com/doc-12950719_485581893

основали торговый дом братьев Смирновых, к которому перешли все права бывшего товарищества²¹.

Посуда для еды представлена банкой из белого прозрачного стекла в форме бочонка, у которого горловина с валикообразным бортиком (рис. 11: 1). На тулове у основания и под горловиной по три поперечных валикообразных ободка. Донце круглое, слегка вогнутое с закраинами. На тулове надпись: «MOUTARDEOFDIJONNIKOLASPREISS». Банка из-под дижонской горчицы, традиционной для Франции, которую выпускала фабрика Николаса Прейса на Большой Дмитровке, дом Вострякова²². В 1844 г. организована фирма «Прейсь и Леберь». Горчица стала популярной с 1856 г., когда был изменён рецепт приготовления.

Банка из белого прозрачного стекла, квадратная, с закруглёнными углами, под винтовую крышку (рис. 11: 2). Дно плоское с круглой выемкой. Две стороны имеют надписи. На одной — клеймо треугольной формы с изображением коровы и надписью внизу: «ГЛАВМЯСО» и надпись: «НАРКОМ ПИЩЕПРОМ СССР», на противоположной — «ЛЕНИНГРАДСКИЙ МЯСНОЙ КОМБИНАТ ИМ. С. М. КИРОВА». Такие банки выпускал стекольный завод «Торковичи» в Ленинградской области, открытый в 1870 г. А. М. Варшавским²³. Мясной комбинат использовал такие банки под сухое мясо в 1921–1940 гг.

Бутылки из-под уксусной, мятной эссенций, белые из прозрачного стекла, с туловом треугольного сечения, трёхгранные, широкие грани прямые рельефные (рис. 11: 3, 4). Рёбра срезаны, на рёбрах нанесены рельефные деления с шагом 0,5 см. Плечики округлые. Переход к горлу резкий. Горло высокое, круглого сечения, с шарообразным утолщением в нижней части и кольцеобразным в устьевой части. Донце плоское по краям, с треугольным углублением в центральной ча-

Рис. 11. Вологда, ул. Лермонтова, 4.
Посуда для еды. Стекло

²¹ Там же. С. 57.

²² Попков С. А. Каталог старинных бутылок, флаконов, банок и ёмкостей пищевого назначения. 1-е изд. Ростов-на-Дону, 2014. С. 38. URL: https://vk.com/doc-12950719_313395873

²³ Интернет-ресурс. URL: <https://www.ozon.ru/context/detail/id/140623653/>

сти. На дне рельеф знака. У второй бутылки на одной из широких граней пять горизонтальных (мерных) полос. В верхней части каждой из граней дугообразно расположено по 8 выпуклых точек. От них через плечики к горлу тянутся вертикальные полоски. Есть носик для слива.

33 бутылки и флакона не имеют никаких надписей или клейма в виде цифр на донце. Их трудно атрибутировать. Эффект похожести даже «клейменного» стекла может быть ошибочным. Такая посуда могла использоваться как аптечная и парфюмерная, так и как бытовая. В целом в коллекции преобладает посуда конца XIX — начала XX в. За исключением пивной посуды вологодского производства преобладают привозные московские изделия.

Таким образом, изучение позднейших городских напластований при производстве охранных археологических работ позволяет получить интересные коллекции вещей, характеризующие материальную культуру и повседневность губернского города в этот период.

Список литературы и источников

1. Адаменко, О. Н. Археологические исследования крепостного рва г. Вологды в 2015–2016 гг. / О. Н. Адаменко // Историки. Поколения. Взгляды: материалы Всероссийской научной конференции (Вологда, 19–21 октября 2017 г.). — Вологда, 2018. — С. 70–77.
2. Адаменко, О. Н. Краткий научно-технический отчёт о проведённых археологических исследованиях (наблюдениях) на земельном участке по адресу г. Вологда, ул. Лермонтова, 4 / О. Н. Адаменко // Архив АУК ВО «Вологда-реставрация». Отдел учёта. — Вологда, 2017.
3. Львов, М. Династия Первушиных — гордость русского купечества / М. Львов // Красный Север. — 2002. — 18–24 сент. — С. 6.
4. Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII в.: в 3 т. / Сост.-отв. ред. И. В. Пугач. — Т. 2.: Переписная книга Вологды 1711–1712 годов. — М.: Кругъ, 2008. — 412 с.
5. Попков, С. А. Каталог старинных бутылок, флаконов, банок и ёмкостей пищевого назначения / С. А. Попков. — Текст: электронный. — 1-е изд. — Ростов-на-Дону, 2014. — С. 38. — URL: https://vk.com/doc-12950719_313395873
6. Фалин, Н. В. Вологодская крепость в XVII веке / Н. В. Фалин // Север. — 1924. — № 1(5). — С. 30–32.
7. Фехнер, М. В. Вологда / М. В. Фехнер. — М.: Госстройиздат, 1958. — 215 с.

А. Апыквист

Хельсинки

Кустерь

Одну из привлекательнейших поселений летописной земли мери, деревню *Кустерь*, в пределах современного Ростовского района Ярославской области, впервые я посетила в 1992 г. Небольшая деревня Кустерь запомнилась тишиной и ухоженностью, веяло стариной от всего её облика, богатства культурного и разнообразия языкового наследия её жителей (рис. 1). Её долгую историю подтверждает археология: на месте деревни существовало мерянское (рис. 2), а затем древнерусское поселение, неподалёку сохранились курганы¹.

Кустя, Кустерь...

Археологом графом А. С. Уваровым ойконим в форме *Кустеря* отнесён к числу селений с мерянскими названиями, не имеющими славянского корня и поражающими совершенно чуждыми звуками². Ростовский историк и краевед А. А. Титов объясняет происхождение ойконима, ссылаясь на слова Хлебниковской рукописи, согласно которой название деревни *Кустерь* произошло от того, что в древности на этом месте жила некая вдова *Костяниха*, имевшая двух дочерей, одну из которых, неродную, звали *Кустя*³. Знаменитый деятель в области истории С. К. Кузнецов выводит наименование речки [sic! — А. А.] *Кустерь* от марийского *күштыр*, *кóштыр* «на ветру, подветренный», но именно такой вывод словарными материа-

¹ Леонтьев А. Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4. М., 1996. С. 67; Археологическая карта России: Ярославская область. М., 2005. С. 214–216, 331.

² Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872. С. 10–11.

³ Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии: Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда. М., 1885. С. 344.

Рис. 1. Вид на деревню Кустерь, Рост. р-н, Яр. обл., 1993 г.

лами не подтверждается⁴. Топонимист А. К. Матвеев выводит ойконим *Кустерь* от антропонима *Кустерь*⁵. Действительно, крестьянин под этой фамилией или прозвищем упоминается в городе Ростове в документе 1500 г.⁶ Однако без малейшего сомнения понятно, что крестьянин того времени был прозван по названию своей малой родины, подростовской деревни *Кустерь*, а не наоборот⁷.

Примеров образования антропонима, прежде всего фамилии, от топонима имеется масса, в том числе в финно-угорском, а в некоторой мере и в славяно-русском ономастиконе. Одним из примеров служит исследование Т. В. Бахваловой о памятниках письменности Белозерского края XVI–XVII вв., показывающее, что в именовании крестьян, составляющих основную массу населения, часто присутствуют указания на их место рождения, место жительства. Антропонимы образованы от названий местных сёл, деревень, пустошей, от названия города, где родился, жил или откуда

⁴ Кузнецов С. К. Русская историческая география: Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте в 1907–1908 гг. С. К. Кузнецовым. Вып. I (меря, мещера, мурома, весь). М., 1910. С. 62. Ср., однако, морд. (эрзя) *кошт* «воздух; ветерок и пр.», см. *Rédei, K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band I–II. Budapest, 1986–1991. Band I. С. 114. Ср. также обсуждение топонима *Ихмарь* (ниже).

В выписках из отдельных планов Ростовской земли также указывается речка *Кустерь*, ручей *Кустерь*. Архив Государственного музея-заповедника «Ростовский Кремль». Ф. 76. Оп. 1. Ех. 6, 12. Ростов Великий.

⁵ Матвеев А. К. Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 35.

⁶ Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 174.

⁷ Ahlqvist A. Ancient Lakes in the Former Finno-Ugrian Territories of Central Russia: An Experimental Onomastic-Palaeogeographical Study // Slavica Helsingiensia 27. The Slavicization of the Russian North: Mechanisms and Chronology. Helsinki, 2006. С. 19.

прибыл тот или иной человек. Основой для образования антропонимов могли быть и собственно гидронимы. Согласно Т. В. Бахваловой, большая распространённость подобных именовании объясняется, очевидно, преимуществом данной модели наименования перед другими⁸.

Исторический антропоним *Кустерь* с непронизводной ойконимической основой косвенно указывает на субстратное начало и самого антропонима. Можно допустить, что в чисто русскоязычной среде антропоним был бы образован по правилам русского языка, т. е. человек носил бы не фамилию или прозвище *Кустерь*, а нечто вроде *Кустерьский. К примеру, в прибалтийско-финской топонимии случаев о подобном образовании фамилий имеются тысячи. При этом надо, однако, помнить, что простому народу фамилии требовались и давались лишь тогда, когда человек по той или иной причине отлучался из своей деревни.

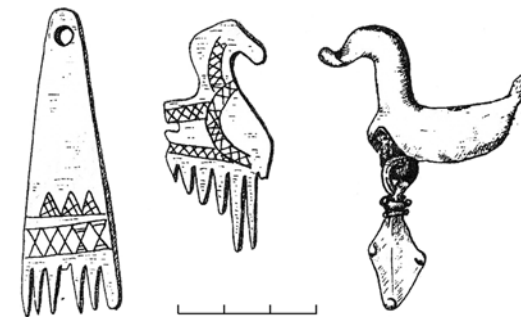

Рис. 2. Находки на мерянском селище Кустерь (по: Леонтьев, 1996. Рис. 18).

Часовня, Мирский котопец, Цхтарь, Ужбои и прочая микропонимия Кустери

В самом центре деревни Кустерь, напротив Шиханова дома, находится курган с комплексом двух камней под старинным названием *Часовня*, представляющем аналогию с *Мирскими камнями* целого ряда деревень *ростовской округи*. Во время крестного хода здесь обходили каждый дом, а молебен служили на кургане. После 1931–1933 гг., когда крестные ходы уже были запрещены, без священника к этим камням не ходили — даже в случае большой беды. В старину холм Часовня служил местом сбора. Раньше на кургане стояло дерево, на которое был повешен некий железный предмет. Ночной сторож деревни, стучая молотом по железу, выбивал полные часы после десяти вечера до утра⁹.

⁸ Бахвалова Т. В. Топонимы в составе наименований жителей Белозерья XVI–XVII веков // Топонимия Северо-Запада СССР и проблемы её изучения в высшей и средней школе: тезисы докладов и сообщений. Череповец, 1982. С. 4–5.

⁹ Альквист А. Камни-чашечники летописной земли мери // Археология: история и перспективы: Шестая межрегиональная конференция: сборник статей / под ред.

У жителей деревни бытовали отрывочные легендарно-сказочные рассказы о прошлом этого места: о зарытом золоте (иногда с уточнением: или седло, или крест)¹⁰, о некогда состоявшемся бое с «поляками» или «прибалтами» (!?), поэтому в кургане захоронены кости врагов, о несостоявшейся попытке построить здесь церковь. Согласно последней легенде, заготовленные для строительства брёвна в одну ночь укатились на соседний неблизкий холм, в село Боровицы: мол де Бог запрещает строить храм на костях врагов. Это пример распространённого в устном народном творчестве сюжета: в центральной России удалось зафиксировать десятки легенд о перенесении в ночное время брёвен для строительства церкви в другое место. Речь идёт о распространённом сюжете назначения правильного места строительства церкви сверхъестественными силами, бытующем во преданиях многих народов, в том числе финских.

Действительно, деревня Кустерь относилась к приходу села Боровицы. Согласно А. А. Титову, местная церковь во имя св. Игнатия Богоносца и св. Параскевы Пятницы построена в 1806 г., а до этого здесь были две деревянные церкви, первая из которых была основана в 1698 г.¹¹ Несмотря на то, что попытка определить время возникновения легенды крайне рискованна, можно заметить, что эти сравнительно поздние даты дают исторически совсем недалёкую перспективу, временную ориентировку на возникновение кустерьской легенды о перенесении места строительства церкви.

Под деревней Кустерь расположен источник, называемый *Мирский колодец* (рис. 3). Жители всей деревни ходили на этот колодец, который был сделан, а также отремонтирован миром. Говорили: «Иду на *Мирский*». Здесь была традиция привязывать ленточки на ольховые веточки. В центре России до наших дней широко бытует обычай привязывать тряпочки и ленточки на деревьях или кустах возле святых родников. В случае кустерьского обычая совершенно неслучайным кажется то, что речь идёт именно об ольхе — ведь в финно-угорской мифологии это дерево с красной древесиной изначально связывалось с кровью. Ольху считали деревом с магической силой, используемым при разных волшебствах¹².

Колодец имеет связь с ручейком, речкой *Парáха*, которая, в свою очередь, является притоком реки *Кучебиж*. Помимо ряда вариантов чисто орфографического характера, река Кучебиж упомянута и просто

Рис. 3. Мирский колодец, под д. Кустерь, Рост. р-н, Яр. обл., 1993 г.

как *Большая река*. В источнике 1629–1631 гг. на рч. *Кучебежи* / *Кучебеже* упоминается как д. Кустерь, так и с. Зверинец и сц. Перевесы, Ростовского уезда¹³. Название подкустерьского ручейка впервые записано мною от информантки 1906 г. р., согласно которой его «так называли старики». Её муж говорил весной: «У, *Парáха* зашумела!». На основе сравнительного материала изначальная субстратная основа микрогидронима более, чем вероятна. Впоследствии на облик названия ручейка, однако, неизбежно имела влияние русская антропонимия, один из вариантов производных женского имени *Праскóвья*, *Параскóвья*, а именно *Парáха*¹⁴.

С учётом имеющейся информации о холме Часовня с камнями, с деревом, а также о Мирском колодце можно судить, что кустерьская деревенская святыня выполняет, на самом деле, все условия комплекса святой рощи: согласно фольклористу, академику А.-Л. Сийкале, её знаками в северной полосе Европы считались именно камень, дерево и родник¹⁵.

Деревня Кустерь входит в ряд значительного числа исторических селений с местом *Паны* или вариантами данного наименования. При Кустери ещё А. С. Уваров отмечал многочисленную группу курганов (всего 213), называемых местными жителями «панями». Часть «панов» находилась в самой деревне, а другая — за оврагом, при речке *Ижмарь*, на возвышен-

А. Е. Леонтьева. Ярославль, 2014. С. 27, 30–31; *Ahlqvist A. Aikakirjojen Merjanmaankup pikiwetjaniidennykytilanne // Muinaistutkija*, 2012, 2. С. 15–16; *Ahlqvist A. Kivi keskellä kylää: Aikakirjojen Merjan maan kyläkivet jatkotutkimuksen valossa // Muinaistutkija*, 2013, 4. С. 18–19, 44.

¹⁰ В данной округе легенда о золотом седле записана мною также в дд. Ивакино и Согило, а в целом соответствующий сюжет удалось зафиксировать и в ряде других мест.

¹¹ *Титов А. А. Ростовский уезд...* С. 346–347.

¹² См.: *Pulkkinen R. & Lindfors S. Suomalaisen kansanuskon sanakirja*. Helsinki, 2016. С. 181.

¹³ *Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века*. М.-СПб., 2009. С. 248, 255, 267.

¹⁴ См., напр., *Петровский Н. А. Словарь русских личных имён*. 5-е изд., доп. М., 1996. С. 231–232.

¹⁵ *Sii kala A.-L. Itämerensuomalaisten mytologia / SKST, 1388 / Tiede*. Helsinki, 2013. С. 85.

Рис. 4. Деревня Кустерь с видом на гору Ихмарь, Рост. р-н, Яр. обл., 1993 г.

ности, называемой *Светом*, между двумя речками *Ихмарь* и *Россыня*¹⁶. Эти курганные насыпи X–XII вв. на возвышенности *Свет* и в деревне были исследованы П. С. Савельевым в 1854 г.¹⁷

Историческая топонимическая информация потребует отчасти уточнения. Несмотря на многочисленные опросы, местному населению наименование *Россыня*, кажется, (уже) не известно. Наименование же возвышенности *Свет* исправлено современными археологами в используемую местным населением форму *Святые* или *Святё [Свитё]*, под которым указывается на холм, пригорок с лесом, с «могилками». Из д. Кустерь сюда ведёт *Свитёвская доро́га*.

На всю округу известна возвышенность, гора с лесом *Ихмарь* (*Ихмар*, *Ихмара*, *Ихмарь*), именуемая иначе также *Бёлкино*, или просто *Кустерский лес*, упомянутый единожды как *Па́шинский лес* (рис. 4). Речь идёт именно о горе, что видно и по вариантам названия *Ихмарска гора́*, *Ихмарина́ гора́*: «Он кругом, в любую сторону горой стоит, этот *Ихмарь*, с любой стороны всё будет казаться гора». Из леса Ихмарь протекает поток, называемый *Ихмарьский пото́к* (*Ихмарский пото́к*, *Ихмарской пото́к*), впадающий в р. Кучебиж, в котором вода только весной. Здесь, на краю *Ихмаря*, имеется местечко, носящее название *Панóво* (< *Паны).

По праздникам, в особенности в Троицу, на Ихмарь ходили гулять из окружающих селений, таких как: Кустерь, Зверинец, Козарка, Пашино,

¹⁶ *Титов А. А.* Ростовский уезд... С. 344. У А. С. Уварова *Ихмарь* упомянута и как речка, и как возвышенность. См.: *Уваров А. С.* Указ. соч. С. 31.

¹⁷ Археологическая карта России: Ярославская область... М., 2005. С. 215, 331.

Жоглово, Ломы, Алевайцыно. Рассказывается, что гулянье устраивали в престольные праздники на болоте, именуемым *Ихмарское болото*, расположенном на горе Ихмарь (см. ниже). Здесь был и луг, говорили: «Пойдёмте на *Ихмарь* гулять!».

В наименовании этой значительной возвышенности непременно должна была произойти некая контаминация ещё на финно-угорской почве. Однозначным кажется принадлежность топонима к оронимической модели на *-мерь*, *-мар(ь)*, *-мара* и пр. «гора, горка, холм», бытующем как в данном регионе, так и шире¹⁸. Вместе с тем нельзя отвергнуть возможность связи топонима с древним пантеоном, с вариантом наименования древнефинского небесного божества, бога ветра, мифического кузнеца *Imarinen*. С учётом перехода *-с-* на *-х-* в орониме можно видеть соответствие форм вроде *Ismaro*, *Ismero*, *Osmero* и пр., под которыми в ижорском фольклоре указывается на кузнеца¹⁹. Однако эта этимологическая связь должна быть второстепенной.

Наличие перечисленных фонетических вариантов позволяет искать изначальную аналогию для оронима *Ихмарь* в ряде известных географических наименований, в первую очередь в историческом топониме Поволжья, *Ошмара* — гряда на Волге, Ярославская губерния²⁰. Топоним *Ошмара* логично включить в ряд многочисленных «белых гор», известных как в субстратной, так и русской топонимии региона и далеко за его пределами, которую, судя по своему широкому распространению, следует признать древней. В топооснове субстратного наименования выделяется соответствие прилагательной основы со значением «белый» финно-волжских языков, а именно мар. *ósh(o)*, морд. (Э) *ашо*²¹.

¹⁸ См.: *Альквист А.* Локсимерь // Археология: история и перспективы: Восьмая межрегиональная конференция: сборник статей / под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль, 2018. С. 10–15.

¹⁹ См., напр.: *Krohn K.* Suomensuvun uskonnot: I. Suomalaisten runojen uskonto / SKST 137. Helsinki, 1914. С. 307–308.

²⁰ См., напр.: *Рагозин В.* Волга: Атлас. Том I. От истока до Оки. СПб., 1880. С. 353; *Wörterbuch der russischen Gewässernamen / Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Institut (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin*, Band 22. Berlin–Wiesbaden, 1961–1973. Band III. С. 559. Ср. также обсуждение топонима Ошмара: *Семёнов Т.* К вопросу о родстве и связи мери с черемисами // Труды VII археологического съезда в Ярославле. 1887. Том II. М., 1891. С. 240; *Кузнецов С. К.* Русская историческая география... С. 52; *Vasmer M.* Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen // *Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde*. Band I. Berlin, 1971 [1935]. С. 390; *Russisches Geographisches Namenbuch*. Band I. Wiesbaden, 1964. С. 202.

²¹ Здесь не учитываются другие возможные языковые компоненты, в то или иное время имевшие влияние на формирование топонимов *Ихмарь* или *Ошмара* с параллелями. С точки зрения русского диалектного лексикона можно отметить наличие пермского омонима *ошмара* «род палицы или большого кистеня для обороны в дороге, кий». См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том II. М., 1989. С. 779.

Аналогичная модель многочисленно выступает, в том числе, в Финляндии, в таких названиях возвышенностей, как *Valkeavuori*, *-mäki*, *Valkiavuori*, *-mäki* и пр. (фин. *valkea*, *valkia* «белый, светлый; огонь», *mäki*, *vuori* «гора, холм»). Не исключается, что соответствие этой прибалтийско-финской лексемы фигурирует, в свою очередь, в наименовании одного из подкустерьских потоков, а именно *Волгой поток* (*Волгий поток*). Семантически близким является упомянутый выше ороним *Свет*, *Святъё* и пр. Вдобавок к этому за русским названием угадывается славянская основа *свят(ой)*.

Из архивных данных известно о пустоши *Ихмар*, Ростовский уезд [1629–1631 гг.]²². В соседнем селе Зверинец мною записано сведение о том, что «была деревня *Ихмарка*», что «*Ихмарки* — это деревня недалеко от села Зверинец». Информанту название было известным от предков. Однако лес этот же информант именуется *Ихмарь*²³.

В связи со сведением о существовании деревни Ихмарка можно обратить внимание на результаты археологических исследований: на месте деревни Кустерь или около неё, на берегах рч. Кучебыш, обнаружены три селища, относящиеся к X–XIII вв., а одно из них существовало также в XIV–XVII вв. В пределах соседней деревни Казарка, на берегу той же речки Кучебыш обнаружено мерянское селище VII–X вв.²⁴

С учётом имеющейся информации не удивляет наличие под д. Кустерь места с названием *Ужбол* (*Ужбола*, *Ужболо*, *Ужбалло*) — местечко, низменность, луговина с «чернозёмом», размером 5–6 га, используемое как пашня, покос и пастбище. Уже в 1993 г. жители д. Кустерь считали, что это название [активно] не используется в течение лет пятидесяти. Посещение Кустери в 2012 г. показало, что микротопоним фактически исчез даже из пассивной памяти коренных местных жителей. Правда, ещё одна уроженка Кустери 1940 г. р. смогла локализовать Ужбол к местности в сторону д. Казарка.

Микротопоним относится в ряд ойконимической модели на *бол(V)*, *-бал(V)*. Параллельный топоним *Ужбол* встречается в Мещере: речь идёт о наименовании болота, реки²⁵, но потребуется уточнение о характере

²² Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае... С. 250.

²³ По рассказам местных старожилов, в довоенное время в конце Ихмарского потока жили в шалашах пожилые нищие люди, собирая летом ягоды и грибы в лесу и продавая их. Этим людей называли *ихмаряне*. Говорили: «за грибами, к *ихмарянам*». Среди жителей была некая *Вера Ихмарянка*, жившая здесь ещё в 1920-е гг. Летом она жила одна в землянке, так как не хотела жить в деревне. Ahlqvist A. Ihmaf ja Kuhmaf // Festschrift für Raija Bartens zum 25.10.1993. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 215. Helsinki, 1993. С. 1–19.

²⁴ См.: Археологическая карта России: Ярославская область. М., 2005. С. 212, 214–216, 331, с упомянутой там литературой.

²⁵ См.: Леонтьев А. Е. Археология мери... С. 28; Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. (Список рек и озёр). М., 1976. С. 129.

местности. Подкустерьский *Ужбол* указывает на наличие в данной местности некогда ещё одного селения под этим наименованием. На основе схематического рисунка местности, нарисованного со слов уроженцев д. Кустерь в 1993 г., А. Е. Леонтьев рассматривает вышеописанный Ужбол не как известное мерянское селище у д. Козарка, а другое место²⁶. Возможно, речь идёт ещё об одном селище в данном микрорегионе. Судя по форме микротопонима, не исключается наличие селища также на месте кустерьского покоса *Чаркуловский покос*, конкретное расположение которого осталось неизвестным.

«Кустерь, казённая деревня при р. Каси»

Именно таким определением начинает А. А. Титов описание Кустери. Указание местоположения деревни ошибочно: река, левый приток р. Сары, течёт не менее чем в 3 км от деревни. Однако её название обнаруживает вероятную этимологическую связь с ойконимом Кустерь.

Местное имя речки *Кость* (дат. *no Kósti*, предл. *в Каси́*), или *Кось* (дат. *no Kosí*, твор. *за Косью*). В некоторой мере парадигмы склонения форм *Кось* и *Кость* варьируются. Согласно жителям с. Алеваицыно, расположенного в верховьях реки, здесь чаще употребляется форма *Кость*. В литературе встречается упомянутый вариант названия *Каси́*²⁷. Уроженцем исчезнувшей д. Спасское (1926 г. р.) река упоминалась и в форме *Косья*.

Согласно картографическим данным, Кось протекает мимо населённых пунктов Ломы, Алеваицыно, Алешково, Селище, Молоди, Матвеевское с Никольским, Голешево с Няньковым, Маргасово и Деревни. Различаются мнения жителей о том, где именно река Кость берёт начало: либо из-под горы, из ключа, у бывшей д. Спасское, либо около д. Ломы, в торфяном болоте *Гра́шнево*. В д. Маргасово считается, что Кость берёт начало из-под д. *Коскино*. На самом же деле началом реки можно рассматривать водораздельный участок между дд. Ломы и Коскино (см. ниже). Несмотря на это, у старшего поколения имеется представление о том, что река вытекает из болота где-то в области д. Кустерь и с. Зверинец.

В плане археологии из селений по р. Кось выявлены селища у сёл Алеваицыно XI–XIII вв., Алешково XI–XIII и XIV–XVII вв., а также по притоку р. Кось, по ручью *Иренька* (*Иринка*, *Иринка*), в с. Деревни XI–XIII вв.²⁸

²⁶ Леонтьев А. Е. Письменное сообщение, 22.3.2020 г. Ср. план селища у д. Козарка; Леонтьев А. Е. Археология мери... С. 38–39.

²⁷ Титов А. А. Ростовский уезд... С. 344, 616; Wörterbuch der russischen Gewässernamen... Band II. С. 479; ср. 286–287.

²⁸ См.: Комаров К. И. Археологическая карта России: Ярославская область... С. 205, 211.

Рис. 5. Река Кось (или Кость) с одним из её многочисленных перекатов по названию Каменный брод, под д. Маргасово, Рост. р-н, Яр. обл., 2012 г.

От других местных проточных вод река Кость выделяется одной особенностью, а именно некой порожи́стостью, наличием перекатов, небольших водопадов, на месте которых «вода бьёт, круто бьёт». По всему течению мелкой, «горной» речки имеются десятки «крутых мест», перекатов: за каждой бочажинной следует перекат со спуском с полметра. Перекаты, кручи эти называются словом *бой* («бои были по камням») или *струя́*. В детстве уроженца исчезнувшей д. Спасское (1926 г. р.) мальчики занимали себе свои струи для рыбной ловли: «Это моя струя. Я поставлю тут хвастушу» или «У Чёрной Гли́нницы (также Чёрногли́нница) моя струя». Весной вода в реке «гремит по камням», «за километр слышно, как шумит». В летнее время р. Кось местами пересыхает, в перекатах вода уходит под камни. Один из этих бродов под д. Маргасово называется *Ка́менный брод*, где вода течёт по камушкам (рис. 5). В округе были и другие подобные потоки, как *Ре́учий поток*, в д. Левина гора, являющийся сухим оврагом, но с сильным водопадьем.

Пороги или перекаты в реках центра России — достаточно редкое явление. Поэтому с достаточной уверенностью можно полагать, что реки с перекатами выделялись особым названием ещё в языке древних жителей местности, как это прослеживается в нашем случае.

Название реки *Кось*, *Кость* представляет с собой эллиптическую форму, речь идёт о чистой топооснове. Как обсуждаемый потамоним, так и ряд других географических названий Центральной и Северной России, находят соответствие в финно-пермской основе **koške*

Рис. 6. Уроженка д. Коскино Елизавета Александровна Жукова (1899 г. р.), Бор. р-н, Яр. обл., 1993 г.

«водопад, порог», прежде всего с её коми-соответствиями *кось*, *коськ*, *косьт* «(речной) порог, перекат; мель, отмель, суша» и возведёнными от него прилагательными *коська*, *коस्ता* и пр. «порожистый, с перекатами». Подходящим образом характер речки описывается значением диалектного варианта ландшафтного термина коми языка, а именно *kušk* «перекат, место в реке с быстрым течением с мелкой галькой»²⁹.

Обсуждаемую основу принято связывать с уральской основой **kuška* (**koška*) «сухой; сохнуть», представленной, в том числе, в языке коми в виде *кос* «сухой, засушливый; мелкий [о реке]; мелководье; мель, отмель, суша». Предполагаемая этимологическая связь, однако, уже не воспринимается «из-за семантических причин», и, прежде всего, из-за того, что в саамском языке эти две лексемы чётко отделены³⁰.

Однако по имеющимся материалам с понятием порожи́стости тесно фигурирует соответствие прилагательного вроде коми *кос* «сухой; мелкий (о реке, воде) и т. д.». В особенности это наблюдается в случае топонимов *Кось*, *Кость* и *Кустерь*, связь основ которых фонетически приемлема. Подобное

²⁹ См.: Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch... Band I. С. 674; Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. С. 135; Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. С. 166–167.

³⁰ См.: Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми... С. 134–135; Сравнительный словарь коми... С. 165–166. Ср. Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch... Band I. С. 223–224, Band II. С. 670, 674; Suomen sanojen alkuperä: Etymologiinen sanakirja. 1 / SKST, 556 & KKTJ, 62. Helsinki, 1992. С. 409.

соотношение наблюдается в названной уральской основе *kuška (*koška) «сухой; сохнуть»: считается, что марийский и пермские языки указывают на гласный *o, а саамский, как, возможно, и мордовский — на *u.

Река Кость/Кось берёт начало вблизи дер. *Коскино*, Борисоглебский район, Ярославская область (рис. 6)³¹. В данной связи, возможно, имеется в виду болото с названием *Коскино болото* или *Вьюшино болото*, под деревней. Фонетическим вариантом ойконима зафиксировано *Кошкино*. Подобное варьирование сибиллянта наблюдается, в том числе, в коми топонимии, в названии деревни *Кошки* или *Кось*, расположенной на порожистом участке р. Вымь. Ойконим связывается с языка коми *кось*, *коськ* «[речной] порог, пережат». Официальная форма *Кошки* считается результатом приспособления коми апеллятива *коськ* к русскому языку³². Несмотря на близость ойконима *Коскино* именно к пермским данным, здесь следует учесть волжско-финское слово вроде морд. *коське* «сухой, высохший», мар. *кошке*- «сохнуть, высыхать и т. д.» либо прибалтийско-финское слово вроде фин. *koski* «порог, водопад», кар. *koski*, *koški* id., вепс. *košk* id. и даже восточные саамские формы *košk*, *koške* и пр. «сухой, высохший и др.»³³.

В пользу изначальной этимологической связи топонимов *Кось*, *Кость* и *Кустерь* свидетельствуют определённые полевые доказательства. Ключевым моментом для определения этимологии ойконима является наличие в окрестностях д. Кустерь микролимнонима, который следует рассматривать как русскую кальку субстратного топонима. Речь идёт об озере и болоте под названием *Сухое*, *Сухое болото* или *Сухое озеро*, расположенном в середине кустерского леса Ихмарь. Название *Сухое болото* используется именно кустерскими: «один и тот же участок воды жители разных деревень называют по-разному: жители д. Жоглово — *Красный пруд*, а жители д. *Кустерь* — *Сухое болото*»³⁴. Упоминается также вариант *Кустерско болото* или бывший пруд, теперешнее болото *Кустерско* (также *Новосельско*). Об одном и том же объекте мною зафиксированы

³¹ Судя по микротопонимии, местность у Коскина обжита давно: к деревне относится, например, лес под названием *Городище*.

³² См., напр.: *Афанасьев А. П.* Топонимия Республики Коми: Словарь-справочник. Сыктывкар, 1996. С. 80.

³³ См. *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch... Band I. С. 223–224; *Suomen sanojen alkuperä...* 1. С. 409.

³⁴ Не исключено, что на одну и ту же местность указывается некоторыми из следующих микротопонимов округа, а именно *Сухово* — лес, с. Алевайцино; *Сухово* — 1) болото, 2) перелесок, д. Сорокино; *Сухой луг* — луг, д. Сорокино, *Сухой луг* — луг, с. Матвеевское; *Сухой лужок* — лужок, д. Дубник, Рост. р-н, Яр. обл.

В Ростовском районе фигурируют и другие микротопонимы с данной основой, вроде: *Сухая гора* — местность, гора и поле, с. Любилки; *Сухой нос* — [?], ближе к с. Угодичи. К с. Филимоново относятся как лес, так и *Сухая гора*, луг *Сухой лужок*, покос *Сухая Пухра*, у оз. Неро: «Там было сухо, а вокруг вода». Здесь же покос *Сырая Пухра*.

и названия *Горелое болото* и *Выгарное болото*, что явно указывает на факт более позднего выгорания болота (см. ниже). На подробных картах данное небольшое водное пространство указывается как оз. *Красное*.

Население близлежащих деревень определённо относят Сухое болото именно к деревне Кустерь, жителями которой оно использовалось в качестве водопоя для скотины; там стояло стадо деревни. Именно сюда, на самый пригорок Ихмаря, к болотцу, ходили гулять. Народом Сухое болото считается большим, но мелким. В с. Шурскол место описывается: «Звали *Сухое болото*, а оно сырое».

Озеро *Сухое болото* описывается лимнологами. Речь идёт о небольшом водоёме, маленьком лесном озёрке, расположенном к западу от оз. Неро. В литературе ближайшими к Сухому болоту населёнными пунктам отмечаются д. Кустерь [в источнике опечатка: *Кустень — А. А.] и с. Шурскол. В 1960-е годы площадь водного зеркала Сухого болота не превышала 4,5 га, а типичные глубины в средней части озера были 60–70 см. В маловодные годы и в годы со средним количеством осадков этот водоём бывает бессточным. После многоснежных зим, весной, избыток воды стекает по ложбине в реку Кучебешь, а через неё в озеро Неро. Определено, что озеро в современном виде образовалось приблизительно сто лет назад в результате выгорания участка торфяного болота³⁵.

Конкретно утверждается, что «из Сухого болота с одной стороны идёт лесом поточина, впадает в Кость, а с другой стороны этот же овраг идёт к деревне Кустерь». Данный сухой овраг или сухая поточина впадает в *Кустерский (Кустерской) поток* и далее в речку Кучебиж. Вода в ней бывает только весной. Крайне важен факт, что поле в сторону Сухого болота сразу за деревней Кустерь, за протекающей мимо неё речки Кучебиж, называется *У Сухого*.

В целом система потоков, вытекающих с Ихмаря, сложная: помимо названных Ихмарского и Кустерского потоков, именуется *Завальский поток*, из которого идёт упомянутый выше Волгой (Волгий) поток, и *Зовицкий поток*. При этом *Зовица*, *Зовицкая гора* — это гора с лесом и поле, а *Завалы* — кустарник. Имеется также поток *Старуха*, к которому скот ставили на полдни. Согласно информанту из д. Дубник, от Сухого болота идёт *Глинистый поток*. Далее упоминается рч. *Берьсенка*. Свообразным является название поля к *Ихмару* [sic! — А. А.], *Мясной ряд*. Лесок *Копань*, в свою очередь, явился скотным кладбищем. Недалеко от д. Кустерь имеется *Песчана гора*, в которой находится кладбище.

³⁵ *Фортуатов М. А., Московский Б. Д.* Озёра Ярославской области: Кадастровое описание и краткие лимнологические характеристики // Озёра Ярославской области и перспективы их хозяйственного использования / отв. ред. В. Л. Рохмистров. Ярославль, 1970. С. 67–68, 92–93.

На основе сведений о болоте *Сухое озеро* и его однозначной связи с деревней Кустерь следует первое рассматривать как переводное название, кальку первоначального субстратного лимнонима *Кустерь* (**Костерь?*), в случае которого топооснова воспроизведена, как следует думать, одним из вариантов лимнонимического суффикса субстратного происхождения в виде *-ерь*³⁶.

На близкой территории в бассейнах озёр Неро и Плещеево известен ряд микропонимов с этой же основой, вроде *Кóсти* (*Кóстье болóто*) — болото, сенокос, «в сторону Вексиц», с. Воржа, Ростовский район, Ярославская область³⁷. Интересен микропоним пос. Купанское Переславский район, Ярославская обл. *Кóстинец* — болотинка, пос. Купанское, являющаяся, видимо, «сухой», поскольку в ней растёт клюква, а по краям — черника, земляника. Особое внимание следует обратить на наименование исчезнувшей деревни, урочища *Костенька*, Переславский район, Ярославская область. У бывшей д. Костенька расположено болото, называемое *Сухое болóто*. В данном случае речь должна идти не менее чем о полукальке. Недалеко же от д. Костенька, в с. Новое, упоминается луг под названием *Сухие Кулиги*.

Русская аналогия, название озера или болота *Сухое* нередко встречается в топонимии³⁸. В исследуемом регионе зафиксированы такие гелонимы, как *Сухое болóто*, д. Поповское, Переславский район, Ярославская область, *Сухое болóто*, пос. Рязанцево, Переславский район, Ярославская область, *Сухое болóто*, с. Колягино, Ильинский район, Ивановская область, *Сухое болóто*, Пошехонский район, Ярославская область, где имеется также *Мокрое болóто*. К с. Капцево, Ильинско-Хованский район, Ивановская область, относится [луг?] *Сухой* или *Сухой наволоок*.

Параллели гидронимам *Кось*, *Кость* и *Кустерь*, а также прочим топонимам с данной основой найдутся как в центральных, так и северных регионах России. В данной связи особо интересуют модель «сухое озеро» топонимических систем определённых финно-угорских языков. Аналогичным следует считаться лимноним Республики Коми, а именно озеро *Кóсты*, переводимое как «сухое озеро» от языка коми *кос* «сухой» и *ты* «озеро»³⁹. Один и тот же корень должен иметь лимноним вроде *Костозеро* и пр. Белозерья — тем более, что в одной местности располагается озеро *Б. Сухое*⁴⁰.

³⁶ См.: *Ahlqvist A. Ancient Lakes...* С. 18–19.

³⁷ Уже по своей форме этот гелоним навряд ли можно связать с русским апеллятивом *кость*. Характеристика болота, а именно «в этом болоте были одни кочки», совпадает с понятием его «сухости».

³⁸ См., напр.: *Wörterbuch der russischen Gewässernamen...* Band IV. С. 465.

³⁹ *Афанасьев А. П.* Топонимия Республики Коми... С. 79.

⁴⁰ См. *Wörterbuch der russischen Gewässernamen...* Band II. С. 476; Вологодская область: Топографическая карта. Масштаб 1: 200 000. [М., 1998.] С. 42–43.

В качестве гипотезы А. В. Кузнецов сопоставляет лимнонимы Вологодской области *Куст-озеро* (*Куштозеро*), *Кушт-озеро* (*Кушто-озеро, по-вепсски *Kuššedjävrv*) и *Кошт-озеро* с названием реки *Коштуга* с вепс. *kuššen* «еловый лес». Однако с точки зрения обсуждаемой проблематики интересует сведение, приведённое автором относительно одного из этих озёр: «*Кушт-озеро* относится к типу периодически исчезающих водоёмов. В северо-восточном «углу» озера находится одна крупная поглощающая воронка [...], глубиной 12 метров, и несколько десятков мелких воронок»⁴¹. В данном случае выделяется ещё одна причина, по которой водоём можно было называть «сухим». Топонимист А. И. Попов соответственно видит в названиях *Кошкозеро* или *Сухозеро* на Кольском полуострове «двойное имя, переводное», объясняя основу первого из саамского *кошк* «сухой»⁴².

Аналогичная топонимическая модель имеет достаточно широкое распространение. На основе материалов финской топонимии можно заметить, что озёр под названием *Kuivajärvi* («сухое озеро») имеются десятки, притом часть из них являются ойконимами, чаще наименованиями имений⁴³. Лимнонимическая модель «сухое озеро» относится в число 40 наиболее распространённых озёрных наименований Финляндии⁴⁴. Известнейшей является деревня *Kuivajärvi* на одноимённом озере, входящая в число финских деревень Беломорской Карелии (в них собрана основная масса народной поэзии, на основе которой составлена эпос «Калевала»).

Параллельным топониму *Кустерь* следует рассматривать название озера *Кусторка* Запада Нижегородской области, в котором в качестве детерминанта *-орка* некоторыми исследователями отчётливо выделяется мордовский формант *эрке* «озеро»⁴⁵. На этот же водоём указывается как на реку *Кусторка*, *Кустерка* и озеро *Кустрока* с одноимённым истоком. В том же участке протекает река *Сухменка*, притоком которой *Кустерка* и считается. Упоминается также река *Кустерка* вблизи р. Нерль [Клязьминская], Юрьевский уезд, Владимирская губерния⁴⁶. Согласно

⁴¹ *Кузнецов А. В.* Названия вологодских озёр. Словарь лимнонимов финно-угорского происхождения. Вологда, 1995. С. 39–40.

⁴² *Попов А. И.* Топонимика Белозерского края // УЗ ЛГУ, № 105. Серия востоковедческих наук, вып. 2. Л., 1948. С. 227.

⁴³ См.: *Karttapaikka. Maanmittauslaitos.* URL: <https://asiointi.maanmittauslaitos.fi/karttapaikka>.

⁴⁴ См. *Kiviniemi E. Perustietoa paikannimestä / SKST 516.* Helsinki, 1990. С. 184–185.

⁴⁵ См.: *Попов А. И.* К вопросу о мордовской топонимике // Советское финноугроведение. Том II. Филологические доклады конференции по вопросам Финно-угорской филологии в Ленинграде в 1947 г. Саранск, 1948. С. 221; *Морохин Н. В.* Нижегородский топонимический словарь. Нижний Новгород, 1997. С. 121; *Ahlqvist A. Ancient Lakes...* С. 18–19.

⁴⁶ *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки... С. 195; *Wörterbuch der russischen Gewässernamen...* Band II. С. 636.

общим сведениям, озеро Кусторка Нижегородской области — большое для своей местности, но мелководное с глубиной от 0,5 до 1 м, при этом в летнее время оно сильно зарастает. По всей видимости, параллельным является топоним *Кустерское* Рязанской губернии⁴⁷.

Соответствующий озёрный суффикс в виде *-арка* угадывается в наименовании деревни, расположенной по соседству с д. Кустерь, а именно *Козарка* (*Казарка*), стоящая на той же речке, сохранившей, согласно А. А. Титову, финское наименование *Кучебож*⁴⁸. Топооснову ойконима следует ещё раз сравнивать с данными пермских языков, прежде всего коми *коз* «ель; еловый», хотя близко подходит, в том числе, мордовское соответствие лексемы *куз* или марийское *кож*⁴⁹. Некой поддержкой этимологии топоосновы можно рассматривать как наименование местного поля и пастбища *Козья гора*, около д. Кустерь, так и *Гусицкий лес*: «Скотину пасли по *Гусицкому лесу*». В с. Зверинец упоминалось название *Кусьевский лес*, под которым, возможно, понималась часть леса Ихмарь. Прилагательная основа микропонима следует сравнивать с прибалтийскими соответствиями лексемы, а именно фин., кар. *kuusi* «ель; еловый». Даже наличие в исследуемой местности, ближе к д. Новосёлка, болота под названием *Корбо болото* (*Коробово болото*), в котором был крупный лес, косвенно указывает на подходящие природные обстоятельства, существование здесь некогда глухого елового леса, растущего на низком сыром месте. Географический термин находит соответствия в прибалтийско-финских языковых формах: ср. фин. *korpi* «глухой, часто сырой лес, ельник; лесное болото и пр.», кар. *korpi* «глухой лес, обычно ельник», вепс. *korb* «глухой, густой лес, глушь; сырая низина» и др.⁵⁰

Топографическая ситуация местности у предысторических селений возле дд. Кустерь и Козарка характеризуется склонами коренного озёрного берега⁵¹. Таким образом озёрность не только относительно Козарки, но и Кустери находит поддержку даже ближе, чем на *Ихмаре* с Сухим озером, подтверждающим в любом случае основу номинации ойконима, былого лимнонима.

Один из информантов, уроженец д. Кустерь, утверждал, что раньше география места была совершенно другая: «здесь было больше воды, чем суши». В небольшой мере в исследуемой окружности до сих пор располагаются озёра. Таким образом, в 2,5 км от озера Сухое болото имеется маленькое озеро *Глёбовское*. Оно окружено болотом, называемым

⁴⁷ См.: Кузнецов С. К. Русская историческая география... С. 62.

⁴⁸ Титов А. А. Ростовский уезд... С. 345, 618.

⁴⁹ См., напр.: Suomen sanojen alkuperä... 1. С. 460.

⁵⁰ См. Suomen sanojen alkuperä... 1. С. 405; Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008. С. 27.

⁵¹ Леонтьев А. Е. Археология мери... С. 38–39.

*Озерко*⁵². Соответственно к д. Пашино относится лес под названием *Подозёрк*. Следует напомнить, что на сравнительно малоозёрной территории даже совершенно небольшие водоёмы природного происхождения рассматриваются озёрами, озерками. Известно, что, например, в мордовском языке и о совсем незначительных водоёмах, даже о прудах, родниках, используется слово со значением «озеро»⁵³.

Ближайшим к д. Кустерь местом с указанной семантикой является упомянутое выше наименование поля *У Сухого*, которое изначально вполне могло указывать на наличие озера природного характера непосредственно возле самой деревни. Однако для получения свидетельств потребовались бы конкретные палеогеографические исследования. По имеющимся сведениям, известна лишь связь *Сухого озера* с протекающим за *Ихмарем* рекой *Кось*, *Кость*, с одной стороны, и деревней *Кустерь*, с другой, формирующих одно топонимическое целое, сохранившееся от древних жителей местности вплоть до русского населения наших времён.

* * *

На наших глазах происходят кардинальные изменения. За прошедшие десятилетия состав населения Кустери в корне изменился, как и повсюду в небольших деревнях региона. Информанты первых лет моей полевой работы ушли на тот свет, а современным людям известна лишь незначительная часть из всего объёма устной традиции, включая микропонимии, которая была в быту или твёрдо в памяти местных жителей ещё в начале 1990-х гг. Относительно д. Кустерь печальным явилось то, что в конце концов автор оказался источником информации, передающим нечто из вековой традиции интересующимся дачникам с местными корнями.

К примеру, микрогидроним *Параха* оказался уже неизвестным среди уроженцев Кустери. Зато нашлось прозвище, используемое относительно кустерских школьников: «*Пара́ха дёрьгаловска* [идёт!]». Обнаружились и новые, симпатичные решения: согласно уроженке д. Кустерь 1940 г. р., в данной местности жило племя *ми́рки*. На основе информации не наследственной, а услышанной от «геологов», было решено, что Мирский колодец под д. Кустерь выкопан именно этими же «мирками»⁵⁴.

Список источников и литературы

1. Альквист, А. Камни-чашечники летописной земли мери / А. Альквист // Археология : история и перспективы : Шестая межрегиональная конференция : сборник статей / под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль, 2014. — С. 25–42.

⁵² Фортунатов М. А., Московский Б. Д. Озёра Ярославской области... С. 93.

⁵³ См., напр.: Ahlqvist A. Ancient Lakes... С. 17.

⁵⁴ Ahlqvist A. Kivi keskellä kylää... С. 18.

2. *Альквист, А.* Локсимерь / А. Альквист // Археология : история и перспективы : Восьмая межрегиональная конференция : сборник статей / под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль, 2018. — С. 10–27.
3. Археологическая карта России : Ярославская область / под ред. А. В. Кашкина. — М. : Институт археологии РАН, 2005. — 408 с.
4. *Афанасьев, А. П.* Топонимия Республики Коми : Словарь-справочник / А. П. Афанасьев. — Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1996. — 2052 с.
5. *Бахвалова, Т. В.* Топонимы в составе наименований жителей Белозерья XVI–XVII веков / Т. В. Бахвалова // Топонимия Северо-Запада СССР и проблемы её изучения в высшей и средней школе (Тезисы докладов и сообщений.). — Череповец, 1982.
6. *Веселовский, С. Б.* Ономастикон : Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский. — М. : Наука, 1974. — 382 с.
7. Вологодская область : Топографическая карта. Масштаб 1: 200 000. — М., 1998.
8. *Даль, В.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. — Том II. — М. : Русский язык, 1989. 807 с.
9. *Жилина, Т. И.* Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Т. И. Жилина. — Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1961. — 490 с.
10. *Кузнецов, А. В.* Названия вологодских озёр. Словарь лимнонимов финно-угорского происхождения / А. В. Кузнецов. — Вологда : Ардвисура, 1995. — 92 с.
11. *Кузнецов, С. К.* Русская историческая география : Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте в 1907–1908 г. С. К. Кузнецовым / С. К. Кузнецов. — Вып. I (мера, мешера, мурома, весь). — М. : Моск. археол. ин-т, 1910. — 197 с.
12. *Леонтьев, А. Е.* Археология мери : К предыстории Северо-Восточной Руси / А. Е. Леонтьев. — М. : Геоэко, 1996. — 360 с.
13. *Лыткин, В. И.* Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. — Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1999. — 430 с.
14. *Матвеев, А. К.* Мерянская проблема и лингвистическое картографирование / А. К. Матвеев // Вопросы языкознания. — 2001. — № 5. — С. 32–59.
15. *Морохин, Н. В.* Нижегородский топонимический словарь / Н. В. Морохин. — Нижний Новгород : КиТиздат, 1997. — 215 с.
16. *Муллонен, И. И.* Топонимия Заонежья : Словарь с историко-культурными комментариями / И. И. Муллонен. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2008. — 240 с.
17. *Петровский, Н. А.* Словарь русских личных имён / Н. А. Петровский. — М. : Русские словари, 1996. — 477 с.
18. *Попов, А. И.* К вопросу о мордовской топонимике / А. И. Попов // Советское финно-угроведение. — Т. 2. Филологические доклады. — Саранск : Мордовское книжное издательство, 1948. — С. 203–230.
19. *Попов, А. И.* Топонимика Белозерского края / А. И. Попов // Советское финноугроведение. — Л., 1948. — С. 164–174.
20. *Рагозин, В. И.* Волга : Атлас / В. Рагозин. — Том I. От истока до Оки. — СПб., 1880. 25 с.
21. *Семенов, Т. К.* К вопросу о родстве и связи мери с черемисами / Т. Семенов // Труды VII археологического съезда в Ярославле. 1887. — Том II. — М., 1891. — 32 с.
22. *Смолицкая, Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. (Список рек и озёр) / Г. П. Смолицкая. — М. : Наука, 1976. — 403 с.
23. *Стрельников, С. В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века / С. В. Стрельников. — М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2009. — 358 с.
24. *Титов, А. А.* Ростовский уезд Ярославской губернии : Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда / А. А. Титов. — М. : Книга по требованию, 2011. — 659 с.
25. *Уваров, А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам / А. С. Уваров. — М. : Синод. тип., 1872. — 217 с.
26. *Фортунатов, М. А.* Озёра Ярославской области : Кадастровое описание и краткие лимнологические характеристики / М. А. Фортунатов, Б. Д. Московский // Озёра Ярославской области и перспективы их хозяйственного использования : сборник статей. — Ярославль : Яросл. гос. пед. ин-т, 1970. — С. 106–160.
27. *Ahlqvist, A.* Aikakirjojen Merjan maan kuppikivet ja niiden nykytilanne / A. Ahlqvist // Muinaistutkija. — 2012. — № 2.
28. *Ahlqvist, A.* Ancient Lakes in the Former Finno-Ugrian Territories of Central Russia : An Experimental Onomastic-Palaeogeographical Study / A. Ahlqvist // Slavica Helsingiensia 27. The Slavicization of the Russian North: Mechanisms and Chronology. — Helsinki, 2006.
29. *Ahlqvist, A.* Ihmaf ja Kuhmaf / A. Ahlqvist // Festschrift für Raija Bartens zum 25.10.1993. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 215. — Helsinki, 1993.
30. *Ahlqvist, A.* Kivi keskellä kylää: Aikakirjojen Merjan maan kyläkivet jatkotutkimuksen valossa / A. Ahlqvist // Muinaistutkija. — 2013. — № 4.
31. Karttapaikka. Maanmittauslaitos. — URL: <https://asiointi.maanmittauslaitos.fi/karttapaikka>.
32. *Kiviniemi, E.* Perustietoa paikannimistä / E. Kiviniemi / SKST 516. — Helsinki, 1990.
33. *Krohn, K.* Suomensuvun uskonnot : I. Suomalaisten runojen uskonto / K. Krohn / SKST 137. — Helsinki, 1914.
34. *Pulkkinen, R.* Suomalaisen kansanuskon sanakirja / R. Pulkkinen, S. Lindfors. — Helsinki, 2016.
35. *Rédei, K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch / K. Rédei. — Band I–II. — Budapest, 1986–1991.
36. Russisches Geographisches Namenbuch. — Band I. — Wiesbaden, 1964.
37. *Siikala, A.-L.* Itämerensuomalaisten mytologia / A.-L. Siikala / SKST, 1388 / Tiede. — Helsinki, 2013.
38. Suomen sanojen alkuperä : Etymologinen sanakirja. 1 / SKST, 556 & KKTJ, 62. — Helsinki, 1992.
39. *Vasmer, M.* Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen / M. Vasmer // Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. — Band I. — Berlin, 1971 [1935].
40. Wörterbuch der russischen Gewässernamen / Veröffentlichungen der Abteilung für slawische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin, Band 22. — Berlin–Wiesbaden, 1961–1973.

В. И. Вишневецкий

Сергиев Посад

Курганный могильник у д. Вёськово на Плещеевом озере (раскопки 1988 г.)

Раскопки курганного могильника у с. Вёськово Переславского района Ярославской области проводились в 1988–1990 гг. Волго-Окской экспедицией ИА АН СССР в связи со строительством нового здания института программных систем АН СССР (в 1988 г. – В. И. Вишневецким, в 1989–1990 гг. – П. Г. Аграфоновым)¹. Комплекс памятников (селище позднего бронзового – раннего железного века, курган X–XI вв.² и распаханный могильник XI–XII вв. расположены в 200 м к ССВ от церкви с. Вёськово, на мысу коренного берега Плещеева озера (рис. 1). Мыс находится на правом берегу р. Вёсковки, на высоте 15 м от уровня реки и на высоте 25 м от уровня озера. Курганы были насыпаны на культурном слое селища, обнаруженном К. И. Комаровым в 1987 году, слой его средней мощностью 0,2–0,4 м вместе с насыпями был перепахан. Внешних признаков могильник не имел. К. И. Комаров посчитал, что раскопками 1988–1990 гг. был докопан курган № 1224 и «вскрыты остатки труположений и трупосожжений из курганов, разрушенных распашкой до раскопок 1853 года»³. Однако в составленной им сводке работ П. С. Савельева

¹ Вишневецкий В. И. Отчёт о раскопках селища раннего железного века, кургана IX–X вв., грунтового могильника X–XI вв. у с. Вёськово Переславского района Ярославской области в 1988 году. Архив ИА РАН, Р-1, № 13936 – 39 л., 13937 – 32 л.; Аграфонов П. Г. Отчёт о раскопках у с. Вёськово Ярославской области в 1989 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 14218 – 31 л.; № 14219 – 23 л.; Аграфонов П. Г. Отчёт о раскопках могильника XI – начала XII вв. у села Вёськово Переславского района Ярославской области 1990 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 15572 – 27 л.; № 15573 – 21 л.

² Леонтьев А. Е., Вишневецкий В. И. Последний курган из группы у с. Вёськово на Плещеевом озере // Восточная Европа в средневековье. М., 2004. С. 193–199.

³ Комаров К. И. К истории населения побережья Плещеева озера в X–XIII вв. // Сообщения Ростовского музея. Вып. VIII. Ярославль, 1995. С. 139.

1853 года указано, что «перед с. Вёськово, у моста через реку Вёску» было раскопано 44 насыпи с труположениями, одна – со смешанным обрядом⁴, 18 содержали инвентарь⁵. Таким образом, весьма вероятно, что в 1988–1990 гг. были раскопаны остатки курганного могильника 2, разрушенного раскопками П. С. Савельева и последующей распашкой, когда, кроме зафиксированных погребений, были найдены и вещи из уничтоженных могил.

Обряд погребений. В 1988 году была зафиксирована 21 могила с 23 погребениями; у 9 погребений пол определить невозможно, женских – 9, мужских – 5 (рис. 1; табл. 1). Погребения совершались по обряду труположения в ямах (только в могиле 7, кроме погребения в гробу, сверху были зафиксированы кремнированные кости, угли, причём довольно крупные, а также обожжённый железный нож и оплавленная бусина жёлтого стекла). В кв. Е-12 найден развал гончарного горшка, частично ошлакованного (рис. 5: 3). Глубина ям в материке не превышает 0,4 м (табл. 1). Костяки практически отсутствуют, только в погр. 5 сохранилось 3 зуба, в погр. 9 часть предплечья (благодаря надетому бронзовому браслету) и в погр. 14 – часть височной кости и несколько зубов, а также часть косы с оплетающей её берестяной лентой.

Ориентировка: С-Ю – у трёх погребений (3, 7, 9), СЗ-ЮВ – у двух (7, 16), З-В – у 12 (4, 6, 10, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21), СВ-ЮВ – у 6 (1, 2, 3, 5, 8, 11) (табл. 1). В двух случаях зафиксированы парные захоронения, рядом друг с другом, возможно – синхронные (погр. 17 и 18 – мужское и женское, 20 и 21 – безынвентарные). Во всех курганных могильниках есть небольшое количество парных (а иногда тройных) захоронений, чаще всего синхронных⁶. Отмечены случаи перекрытия одной могилы другой (3 и 4, 7а и 7б, 19а и 19) (рис. 1). Так, погр. 3 было ориентировано почти перпендикулярно погр. 4, частично прорезало изножие его ямы и, вероятно, было произведено значительно позже.

В заполнении ям 19 погребений встречаются примеси углей, причём в трёх из них (4, 11, 17) на дне могилы лежали крупные обугленные плахи, которые могут быть расценены как пережитки обряда трупосожжения, что отмечается в могилах других курганных некрополей⁷ (табл. 1).

⁴ Там же. С. 138, табл. 1, курганный могильник № 2.

⁵ Там же. С. 153, табл. 2; С. 154–155, табл. 3.

⁶ Там же. С. 151; Комаров К. И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы: сборник участников Великой Отечественной войны. Тула: Гриф и Ко, 2002. С. 142; Недошвина Н. Г. Древнерусский могильник Каблуково в Подмоскowie // Археология Подмоскowie. Вып. 3. М.: Ин-т археологии РАН, 2007. С. 126.

⁷ Куза А. В., Никитин А. Л. Славянский могильник в пос. Купанское близ Переславля-Залеского // КСИА. Вып. 104. 1965. С. 119–120; Недошвина Н. Г. Курганный могильник у дер. Маклаково // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 210–215.

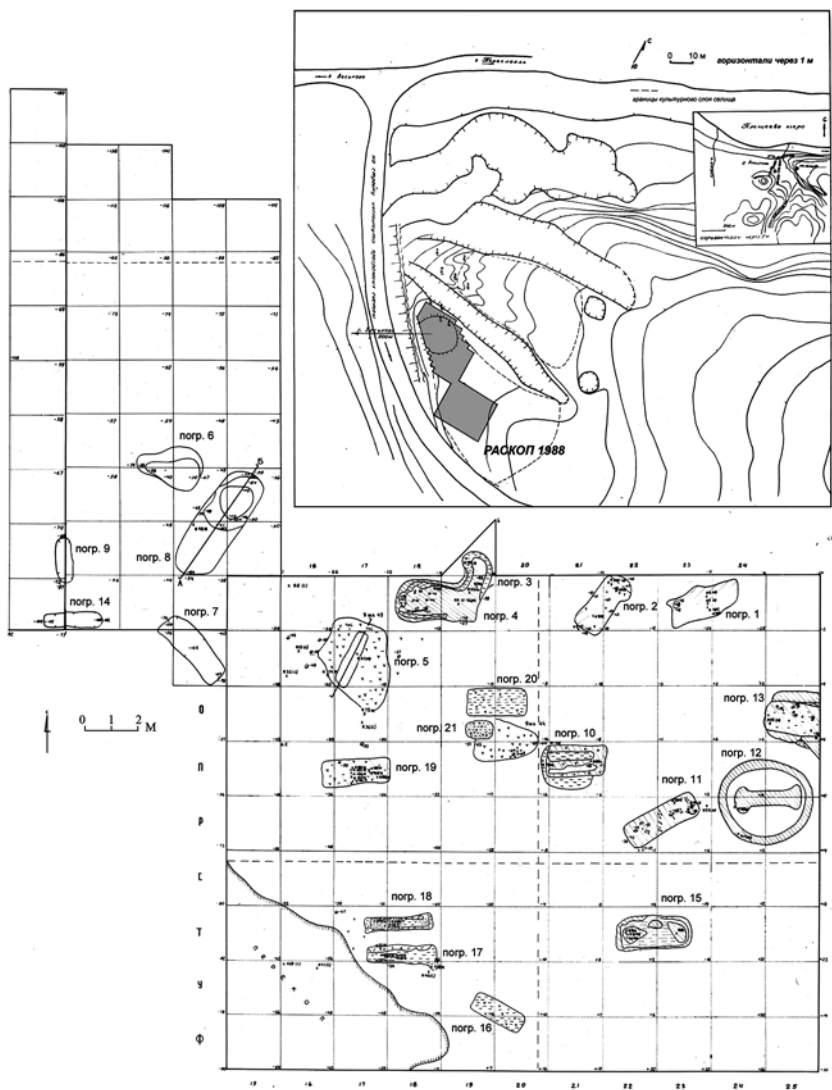

Рис. 1. Курганный могильник у с. Вёськово. Ситуационный план. План раскопа 1988 года с планами могил

Вероятно, в погребениях присутствовали деревянные гробы — от них сохранялись прослойки древесного тлена на дне могильных ям и железные гвозди (рис. 3: 22–24) и костыли с загнутыми верхушками. В погребениях 2 и 10 — два железных костыля с загнутыми концами, найдены в противо-

положных концах могил, то есть предположительно крепили крышку в изголовье и в изножье гроба. В погребении 76 шесть длинных костылей с крюками на концах, стоявших в слое вертикально. Они крепили крышку гроба по углам и посередине длинных сторон прямоугольного гроба. Там же в области головы и груди было прослежено большое пятно древесного тлена (25 x 55 см), лежащее почти на самом дне ямы.

В бассейне Плещеева озера находки гвоздей были отмечены в 2 курганах на горе Гремяч во время раскопок П. С. Савельева — в кургане 832 найдено 6 гвоздей, в кургане 1052 — 3⁸, в могильнике в пос. Купанское — 4⁹. В курганном могильнике у д. Горки на Волге «почти во всех могилах обнаружены железные скобы или гвозди, которые скрепляли гробовища»¹⁰, по 2 гвоздя находили в курганах Прошевского и Введенского могильников¹¹.

В погр. 14 по дну был отмечен прямоугольный слой древесного тлена (1,7 x 0,35 м) — вероятно, следы деревянной колоды.

Погр. 12 представляло собой вытянутой формы яму, имеющую расширения овальной формы на обоих концах, в заполнении — уголки, костей и вещей не найдено. Яму опоясывала канавка овальной формы, размером 2,9 x 3,7 м, шириной 20 см и глубиной в материке 6–10 см (рис. 1). Было высказано предположение, что канавка могла быть остатком ограды¹². В раскопках остатков ряда курганных некрополей были выявлены остатки ровиков и кольцевых канавок схожих размеров, причём некоторые из могил внутри них не содержали погребений¹³.

⁸ Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Труды I Археологического съезда. Т. I. М., 1871. С. 691.

⁹ Куза А. В., Никитин А. Л. Славянский могильник в пос. Купанское близ Переславля-Залесского... С. 120.

¹⁰ Праздников В. В. Курганный могильник близ д. Горки на Волге // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 7. Иваново, 1992. С. 11.

¹¹ Затеваева Г. Н., Праздников В. В. Курганный могильник близ д. Прошево на Волге // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 4. Иваново, 1990. С. 4–7; Станкевич И. Л., Праздников В. В. Курганный могильник близ с. Введенское на Волге // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 3. Иваново, 1990. С. 5–7.

¹² Аграфов П. Г. Могильник XI–XII веков у села Вёськово Переславского района Ярославской области // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: материалы 2 региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». Нижний Новгород, 1991. Вып. 1. С. 337.

¹³ Куза А. В., Никитин А. Л. Славянский могильник в пос. Купанское близ Переславля-Залесского... С. 119. Рис. 44; Юшко А. А. Покровские и Стрелковые курганы // СА. 1972. № 1. С. 186–190; Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Бескурганные ингумации в могильнике Шекшова: новые материалы к изучению древнерусского погребального обряда XI в. // Археология Владимирско-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 6. М., 2016. С. 194–195.

Инвентарь погребений. Только 9 захоронений из 23 — безынвентарные (табл. 2).

Подвески. Конёк смоленского типа — с загнутым вверх хвостом и ушами в виде колечек и с циркульным орнаментом, обвязанный хорошо сохранившейся шерстяной нитью. Через круглое отверстие в передней ноге конька было продето два тонких бронзовых колечка, на которых крепились два крупных бронзовых бубенчика, а через отверстие в задней ноге продето бронзовое колечко с одним крупным бронзовым бубенчиком. Найден в области пояса в погр. 14 (рис. 2: 1). Подвески-коньки встречаются вместе с другими амулетами: ложками и бубенчиками (Владимирские курганы, Плешково-1¹⁴, Каблуковский могильник¹⁵ и др.), и исключительно в женских погребениях. Находки коньков у таза — редкие¹⁶, и вряд ли они относятся к финно-угорской традиции¹⁷. В. В. Седов считал, что распространение коньков в основном на землях смоленских и полоцких кривичей является признаком балтского субстрата¹⁸. По Е. А. Рябину, центром распространения коньков была не только Смоленщина, но и Латвия. Датировка — XI — начало XII вв.¹⁹

Бубенчики. Бронзовые, грушевидные с крестообразной прорезью, нижняя часть покрыта линейной насечкой (дата — X–XII вв.) встречены в погр. 9, 14 и 19а (в том числе на подвеске-коньке) (рис. 2: 2–4). Подобные найдены в могильниках «Усадьба Ботик» на горе Гремяч (курган 972)²⁰, Грачки (погр. 1 кургана 1 (1960))²¹, Плешково-1²².

Височные кольца. Две пары перстнеобразных колец, с завязанными концами из тонкой проволоки, вероятно, из сплава на основе олова, очень плохой сохранности, были найдены в области головы в погр. 7б (рис. 2: 5–8).

Бусы. Относительно немногочисленны. Богатые ожерелья (не менее 20–30 бусин) отмечены в трёх погребениях, бедные ожерелья — в пяти. При этом в погр. № 18 две бусины находились в области пояса, а одна —

Рис. 2. Куранный могильник у с. Вёськово. 1988.

Украшения: 1 — подвеска-конёк, 2–4 — бубенчики, 5–8 — височные кольца, 9 — бусы, 10 — гривна, 11 — бусы серебростеклянные, 12, 14 — бусы золотостеклянные, 13 — бусы сердоликовые, 15, 21 — бусы горного хрусталя, 17 — бусы цветного стекла рифлёные, 18–19 — бусы тёмного глухого стекла, 20–37 — бусины, 38–40 — перстни, 41–43 — браслеты; 1–2 — № 14; 3–4, 40, 44 — № 9; 5 — 19а; 6–11, 39, 41, 43 — № 7б; 12–14 — № 3; 15–20 — № 14; 21–23 — № 15; 24–26 — № 18; 27–28 — № 19а; 29 — № 7а; 30 — № 9; 31–38 — находки из распаханного слоя; 40 — № 6. 1–9, 11, 38, 40, 41, 43, 44 — бронза, 10, 12–13, 15, 17–21, 23–37, 39 — стекло, 14 — сердолик, 16, 22 — горный хрусталь, 42 — серебро

¹⁴ Комаров К. И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково... С. 180, рис. 3: 10.

¹⁵ Недошивина Н. Г. Древнерусский могильник Каблуково в Подмоскowie... С. 133.

¹⁶ Спицын А. А. Владимирские курганы. ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 103.

¹⁷ Аграфонов П. Г. Могильник XI–XII веков у села Вёськово Переславского района Ярославской области... С. 338.

¹⁸ Седов В. В. Амулеты-коньки из древнерусских курганов // Славяне и Русь. М., 1968. С. 151–157.

¹⁹ Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. САИ Е1-60. Л.: Наука, 1981. С. 28–30.

²⁰ Комаров К. И. К истории населения побережья Плещеева озера .... С. 145, рис. 4: 24.

²¹ Комаров К. И. Курганый могильник «Грачки» у д. Киучер // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Погребальные памятники. М., 1988. С. 82, рис. 1: 13.

²² Комаров К. И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково... С. 180, рис. 3: 10; С. 180, рис. 4: 3, 8, 12, 17; С. 186, рис. 9: 20–24.

в области черепа. В богатых ожерельях чаще встречаются стеклянные бусы с золотой и серебряной прокладкой. В погр. 3 найдено 12 золотостеклянных (рис. 2: 12), 12 серебростеклянных (рис. 2: 11) и 2 сердоликовые бусы (рис. 2: 13). Среди золотостеклянных: 7 бочонковидных, 4 цилиндрических, 1 цилиндрическая с кружковым орнаментом, среди серебростеклянных — 7 цилиндрических, 5 бочонковидных. В погр. 76 в кольце гривны сохранилась цепочка бус: 16 серебростеклянных цилиндрических, 11 бус тёмно-зелёного стекла цилиндрической формы, рифлёные квадратной сеткой, одна бусина серебростеклянная рубчатая. Они были нанизаны в определённом порядке: по две серебростеклянных бусины через рифлёную тёмно-зелёную, в середине помещалась серебростеклянная рифлёная бусина (рис. 2: 9), серебряная монетка-брактеат (не сохранилась) и перстень тёмного стекла (рис. 2: 39).

В погр. 14 — 4 цилиндрические серебростеклянные бусы, 6 золотостеклянных (цилиндрические — 6, биконическая крупная — 1) (рис. 2: 14), бусы цилиндрические глухого стекла, рифлёные квадратной сеткой — 7 (рис. 2: 17), мелкие (бисерные) бусы тёмного глухого стекла (диаметр 4 мм) — 41 экз. и 2 фрагмента (рис. 2: 18), мелкие (бисерные) бусы глухого стекла коричневого цвета (диаметр — 5 мм) — 16 экз. (рис. 2: 19), одна бусина горного хрусталя уплощённой каплевидной формы (рис. 2: 15). Датировка входивших в ожерелье бус определяется в широких пределах XI–XII вв.²³

В погр. 15 найдены три бусины: две стеклянных — одинарная «лимонка» и шестигранная красного глухого стекла с сине-белыми глазками, и округлая горного хрусталя (рис. 2: 20–22), датируемых X — первой половиной XI в.²⁴

В погр. 18 найдены три бусины: призматическая из глухого стекла красно-коричневого (печёночного) цвета, хорошо датированная X — началом XI в.²⁵, рубчатая синего прозрачного стекла, круглая плоская коричневого глухого стекла (рис. 2: 23–25).

В погр. 19а найдены бусины уплощённой каплевидной формы синего прозрачного стекла и тройная «лимонка» (рис. 2: 26–27), датируемые X–XI вв.

В распаханном слое найдены: две бусины призматические синего прозрачного стекла с бело-ромбическими вставками, распространён-

ные по всей северо-западной Руси (рис. 2: 30–31)²⁶ и в единичных экземплярах встречающиеся в окрестных могильниках (у с. Вёськово²⁷, Грачки²⁸, Плешково-1 (по одной бусине в трёх курганах)²⁹, датируются XI в.; шарообразная уплощённая красного глухого стекла с сине-бело-красными глазками (кв. Д-23) (рис. 2: 32), «лимонка» одинарная (рис. 2: 33), бочонковидная синего глухого стекла (кв. Ф-23) (рис. 2: 34), тройчатая «лимонка» (рис. 2: 27), дынеобразная рубчатая тёмно-синего прозрачного стекла (кв. Т-23) (рис. 2: 36), бронзовая кольцевидная (кв. У-20) (рис. 2: 37).

Перстни. Фрагмент узкопластинчатого перстня найден в погр. 9 (рис. 2: 39), фрагмент узкопластинчатого орнаментированного перстня — в погр. 76 (рис. 2: 40) (дата — X–XIII вв.)³⁰, там же найден единственный перстень тёмного глухого стекла, пятиугольного сечения (погр. № 76) (рис. 2: 38). К примеру, в могильнике Плешково-1 найден только один перстень из синего стекла (курган 52)³¹.

Браслеты. Круглодротовый, незамкнутый с заострёнными концами (X–XV вв.)³² найден в погр. 76 в области пояса (рис. 2: 42). С суживающимися завязанными концами четырёхгранный в сечении, характерный для слоёв X–XI вв., найден в погр. 6 (рис. 2: 41). Узкопластинчатый, орнаментированный двумя рядами кружков был надет на сохранившуюся кость правого предплечья в погр. 9 (рис. 2: 43).

Поясной набор. Предметы поясного набора — пряжки и кольца-разделители были в инвентаре 6 погребений. Классические лировидные пряжки, оканчивающиеся «лилиевидным» завершением, орнаментированным насечками, встречены в погр. 17 (рис. 3: 3, 5), в погр. 1 — две круглые пряжки (рис. 3: 1, 2), в погр. 6 — овальная литая, соединённая с прямоугольной обоймой (рис. 2: 6). Классические лировидные встречаются в слоях 1 четверти XI — 70-90-х гг. XII в.³³, круглые, по мнению К. И. Комарова, более ранние, датируются первой половиной XI в.³⁴ В погр. 6, 19б найдено по два кольца-разделителя (рис. 3: 7–8, 11–12), в погр. 3 и 9 — по одному (рис. 3: 10).

²⁶ Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни... С. 170–171.

²⁷ Комаров К. И. К истории населения побережья Плещеева озера .... С. 154–155.

²⁸ Комаров К. И. Курганный могильник «Грачки» у д. Киучер... С. 74.

²⁹ Комаров К. И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково... С. 148.

³⁰ Там же. С. 183. Рис. 6–9; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 126, рис. 47: 18.

³¹ Комаров К. И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково... С. 156.

³² Седова М. В. Указ. соч. С. 94, рис. 34(1).

³³ Там же. С. 144.

³⁴ Комаров К. И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково... С. 159.

Рис. 3. Курганный могильник у с. Вёсково. 1988.

Поясной набор, гвозди, ножи, наконечники стрел, предметы быта:

- 1–6 – пряжки, 6–12 – разделительные кольца, 13 – кресало, 14–21 – ножи, 22–24 – гвозди, 25–26 – наконечники стрел, 27 – пряслице; 1–2, 12, 13 – № 1; 3, 5, 19 – № 17; 4 – № 196; 6–8, 22 – № 6; 9, 18 – № 3, 10 – № 9; 11–12 – № 196; 14 – № 7а; 15, 24 – № 76; 17, 26 – № 14; 20 – № 13; 21 – № 8; 24, 25 – находки из распаханного слоя.
1–6, 9 – бронза, 7–8, 10–26 – железо, 27 – розовый шифер

Предметы быта. Кресало калачевидное с язычком найдено области пояса в погр. 1 (рис. 3: 13) – датируется X–XI вв.³⁵, в Новгороде – X – второй половиной XII в.³⁶ Ножи встречены в 10 погребениях

³⁵ Ступан Ю. С. Железные кресала из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 3. М.-СПб., 2011. С. 194.

³⁶ Комаров К. И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково... С. 161.

(5 мужских и 5 женских), большая часть плохой сохранности, некоторые со сточенными лезвиями (рис. 3: 14–21), 8 ножей и фрагментов найдены вне могильных ям. Пряслице шиферное биконическое найдено в области пояса в погр. 76 (рис. 3: 27).

В распаханном слое на территории могильника найдены вещи, которые, вероятно, можно отнести к перепаханым захоронениям: ножи черешковые, наконечник стрелы лавролистный, с тонким плоским черешком без упора (рис. 3: 26), типа 63 (по А. Ф. Медведеву)³⁷, широко распространённый в северной полосе Европейской России (Плешково-1³⁸, Бутриха³⁹, Тимерёво⁴⁰); фрагмент наконечника стрелы с треугольным телом и ромбическим сечением (рис. 2: 25), тип которого не может быть точно определён. Возможно, это типы 82 (Xв.)⁴¹, 96 или 97 (XI–XII вв.)⁴².

Керамика. Керамические сосуды обнаружены в 8 погребениях: 7, 15, 17, 19а, 19б – лепные (рис. 4), в 3, 8, 14 – гончарные (рис. 5: 1, 2, 4). В 5 могилах горшки стояли в ногах (№ 3, 14, 15, 17, 19) и только в погр. 76 фрагменты сосуда были найдены в изголовье. В погребениях № 3 (слева), № 14, № 17 (справа) сосуды стояли в изножье могилы в нише-ступеньке (подобная ниша отмечена в могильнике Плешково-1, курган 48)⁴³. Погребения 3, 14 – женские, погр. 17 – мужское.

Лепные сосуды, с примесью крупного песка и дресвы, с хрупким черепком, иногда плохого обжига, с бугристой трещиноватой поверхностью. Три горшка – банковидные, со слабо выраженными плечиками, низким прямым или слабо отогнутым венчиком и коническим слабовыпуклым туловом (рис. 4: 1–3), горшок с тонким невысоким, чуть отогнутым венчиком, с шарообразным туловом, резко сужающимся ко дну (рис. 4: 5) и горшок с выраженным плечом и туловом, резко сужающимся ко дну, орнаментированный по плечу зигзагом, выполненным из неправильных ямок (рис. 5: 4) (подобные есть в могильниках Плешково-1⁴⁴ и Грачки⁴⁵). Сосуд относится к группе I по классификации Л. И. Смирновой – сосуд со склоненным внутрь венчиком, сильно выпуклыми плечиками и туло-

³⁷ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие VIII–XIV вв. (Лук, стрелы, самострел). САИ. Вып. ЕИ-36. М.: Изд-во АН СССР, 1966. С. 74.

³⁸ Комаров К. И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково... С. 187, рис. 10: 4, 5.

³⁹ Комаров К. И. Курганный могильник «Бутриха» у д. Киучер // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 1. Иваново, 1989. С. 36, рис. 2: 3.

⁴⁰ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 225, рис. 28 (10).

⁴¹ Киртичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1985, табл. 138-16, 16.

⁴² Там же. Табл. 139-10, 11.

⁴³ Комаров К. И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково... С. 165.

⁴⁴ Комаров К. И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково... Рис. 11: 1, 2, 5, 9.

⁴⁵ Комаров К. И. Курганный могильник «Грачки»... С. 89, рис. 8, 4, курган 1 погр. 2 (1960).

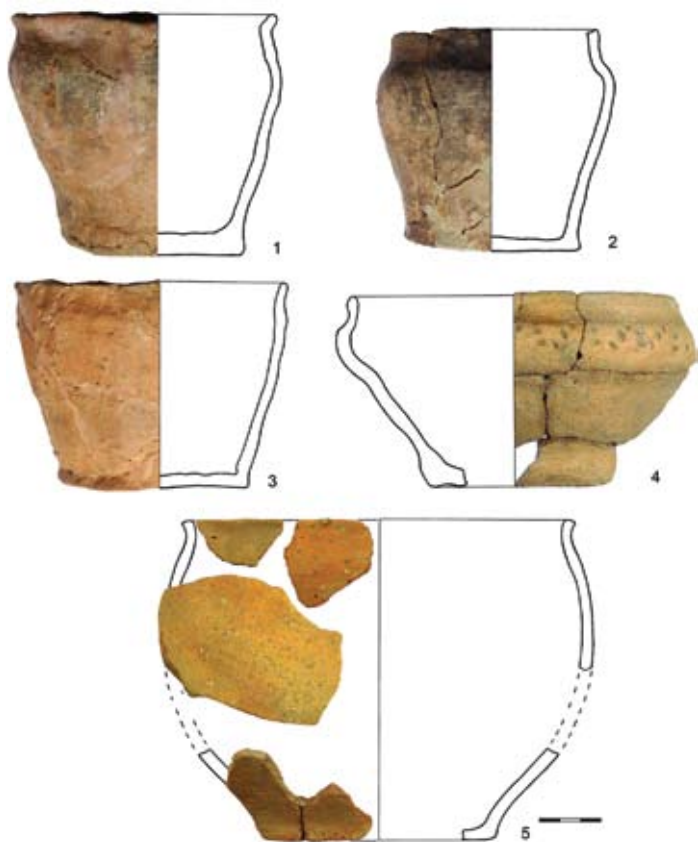

Рис. 4. Курганный могильник у с. Вёськово. 1988.
Лепные сосуды. 1 – № 17, 2 – № 15, 3 – № 19б, 4 – № 19а, 5 – № 7б

вом, сужающимся ко дну⁴⁶, принадлежит к формам, связанным с финским миром. Такой тип отмечен в муромских могильниках: Безводнинском⁴⁷ (рис. 5: 1, 2) и Нижневерейском⁴⁸.

Гончарные сосуды — горшки (диаметр больше высоты) из керамики с примесью дресвы и крупного песка. «Появление погребений с гончарной

⁴⁶ Смирнова Л. И. Лепная керамика Тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции // СА. 1987. № 2. С. 92, рис. 1: 4; С. 97, рис. 5, 2, С. 98.

⁴⁷ Краснов Ю. А. Безводнинский могильник. К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1980. Рис. 59: 1, 2.

⁴⁸ Уткин А. В., Черников В. Ф. Муромский могильник близ с. Нижняя Веря на Нижней Оке // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 7. Иваново, 1992. С. 22, рис. 6, погребение № 3.

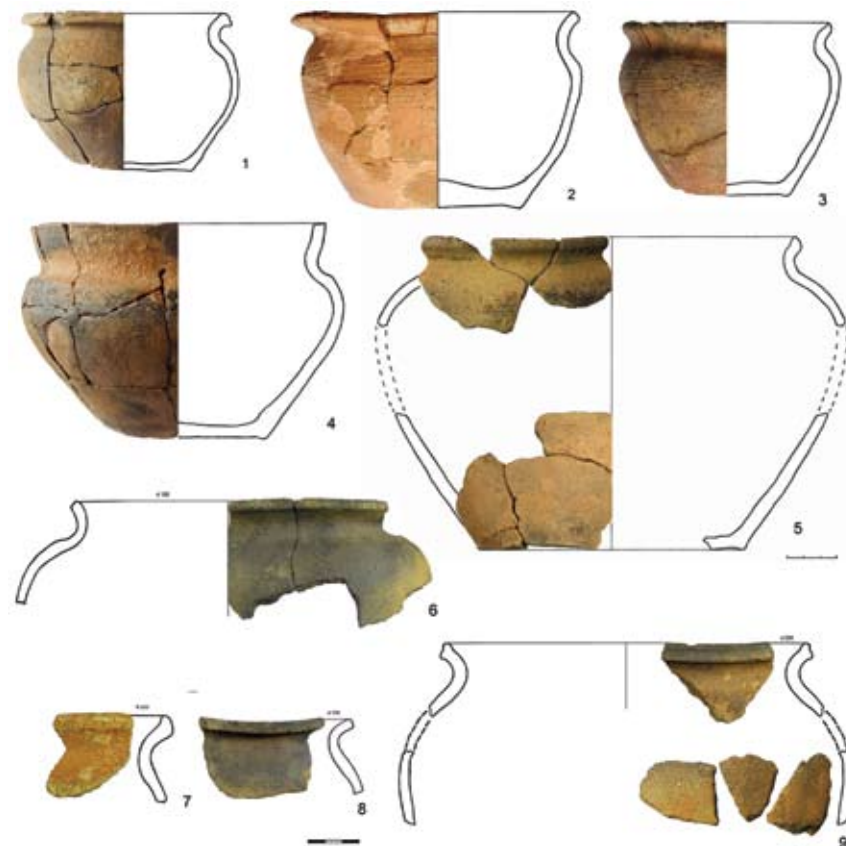

Рис. 5. Курганный могильник у с. Вёськово. 1988.
Гончарные сосуды. 1 – № 3, 2 – № 8, 4 – № 14, 3, 5–9 – находки из распаханного слоя

керамикой датируется концом XI — начала XII вв., что подтверждается находками монет⁴⁹. Целые формы из погребений небольшого размера:

1) шарообразной формы с низкой отогнутой наружу шейкой, плавно переходящей в плечики (горшки «эсовидного профиля») (рис. 5: 1) (анalogии — Лысая Гора, группа 1 по Кадиевой⁵⁰, Плешково-1⁵¹);

2) сосуд с шарообразным туловом, сужающийся ко дну, венчиком, горизонтальными расчёсами по внешней поверхности тулова, на внешней

⁴⁹ Комаров К. И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково... С. 166.

⁵⁰ Кадиева Е. К. Круговая керамика из курганов Ярославского Поволжья X–XII вв. и её использование в погребальном обряде // Сообщения Ростовского музея. Выпуск X. Ростов, 2000. С. 261; рис. 2: 2.

⁵¹ Комаров К. И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково... С. 189, рис. 12, 2.

стороне днища — рельефное клеймо «крест в круге» (рис. 5: 2) (анalogии — Оленино⁵², Плешково-1⁵³);

3) приземистый сосуд, с широким туловом, резко сужающимся ко дну, и высокой прямой, отогнутой наружу шейкой (рис. 5: 4) (анalogии — Оленино, группа 3 по Кадиевой⁵⁴).

В культурном слое фиксируются развалы сосудов, а также отдельные фрагменты керамики. Некоторые из них, вероятно, происходят из распавшихся погребений, равно как и другой погребальный инвентарь: ножи, стрелы, бусы и пр. Другие, возможно, использовались «при совершении поминального обрядового пира по умершему (стравы), в процессе которого вокруг покойного или в насыпи курганов разбивались и рассыпались все части круговых сосудов»⁵⁵. Развалы сосудов встречены в кв. Ж-11, Е-11, Е-12 (рис. 5: 3, 5–9). Иногда встречаются отдельные фрагменты: в заполнении погр. 13 (кв. О-25) и в кв. С-25 — фрагменты гончарного сосуда с расчёсами. Как уже было указано Е. К. Кадиевой, во фрагментированном виде на территории курганных могильников, в отличие от находок в могилах, встречаются горшки средних и больших размеров⁵⁶.

Выводы. Население, оставившее могильник, неоднородно в этническом отношении, с явным преобладанием славянского этнического компонента. Более половины могил имеет ориентировку З-В. Проволочные височные кольца и конёк-подвеска могут быть отнесены к кривичам. Финский компонент незначителен — меридиональная ориентировка только у 3 могил. Принадлежащей к финно-угорской культуре среди инвентаря Вельсковского могильника, помимо некоторых лепных сосудов, может быть признана бутылкообразная подвеска с привесками-лапками из раскопок 1989–1990 гг.⁵⁷ Близкие ей вещи есть в инвентаре рязанско-окских (Борки⁵⁸) и муромских (Мальшевский⁵⁹) могильников. Датировка могильника — XI — начало XII в.

Места раскопок курганных могильников на Плещеевом озере, проведённых в середине XIX века, перспективны для археологических исследований сплошной площадью.

⁵² Кадиева Е. К. Круговая керамика из курганов Ярославского Поволжья X–XII вв. и её использование в погребальном обряде... С. 261, рис. 2: 5.

⁵³ Комаров К. И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково... С. 189, рис. 12: 5, 15.

⁵⁴ Кадиева Е. К. Круговая керамика из курганов Ярославского Поволжья X–XII вв. и её использование в погребальном обряде... С. 261; рис. 2.

⁵⁵ Там же. С. 263.

⁵⁶ Там же. С. 263; Комаров К. И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково... С. 166.

⁵⁷ Аграфонов П. Г. Могильник XI–XII веков у села Вельсково Переславского района Ярославской области... С. 339.

⁵⁸ Археология СССР: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 287. Табл. XXXIX, 9.

⁵⁹ Там же. С. 287. Табл. XXXIV, 7.

Курганный могильник у с. Вельсково.
Данные о погребениях и обряде захоронения

№ погребения	Длина могилы (м)	Ширина могилы (м)	Глубина в материке (м)	Ориентировка погребения	Пол погребённого	Угли	Древесный тлен	Гвозди
1	2,5	0,9	0,05–0,07	ССВ-ЮЮЗ	М			
2	2,5	0,95	0,15–0,25	СВ-ЮЗ	?*	+		+
3	2,3	0,75	0,35–0,4	ССВ-ЮЮЗ	Ж			
4	2,3	1,3	0,35–0,4	З-В	?	+		
5	2,1	0,8		ССВ-ЮЮЗ	?	+	+	
6	2,6	1,3	0,25	З-В	М	+		+
7а				СЗ-ЮВ	Ж	+		
7б	3	1,1	0,45–0,5	СЗ-ЮВ	Ж	+	+	+
8	2,4	0,9		ССВ-ЮЮЗ	?	+		+
9	1,7	0,6	0,03–4	С-Ю	Ж	+		
10	2,7	1,7	0,15	З-В	?	+		+
11	2,8	1,15	0,1–0,2	ССВ-ЮЮЗ	?	+		
12	2,5	0,6	0,16–0,2	З-В	?	+		
13	2,0	0,8	0,4	З-В	?	+		
14	1,95	0,5	0,07	З-В	Ж		+	
15	2,75	1,15	0,25	З-В	Ж	+		
16	2	0,8	0,3	ЗСЗ-ВЮВ	?	+		
17	2,6	0,5–0,6	0,10–0,15	З-В	М	+		
18	2,8	0,4–0,6	0,1	З-В	Ж		+	
19а	2,9	1,3	0,2	З-В	Ж	+		
19б	2,9	1,3	0,2	З-В	М	+		
20	2,35	0,9	0,40–42	З-В	?	+		
21	1,2	0,5	0,15	З-В	?	+		

* № № 2, 4, 5, 8, 10, 11, 12, 13, 16, 20, 21 (10 погребений) — определение пола невозможно.

Список источников и литературы

1. *Аграфонов, П. Г.* Могильник XI–XII веков у села Вёськово Переславского района Ярославской области / П. Г. Аграфонов // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья : материалы 2 региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». — Вып. 1. — Нижний Новгород, 1991. — С. 332–337.
2. *Аграфонов, П. Г.* Отчёт о раскопках у с. Вёськово Ярославской области в 1989 г. / П. Г. Аграфонов // Архив ИА РАН, Р-1, № 14218, № 14219.
3. *Аграфонов, П. Г.* Отчёт о раскопках могильника XI — начала XII вв. у села Вёськово Переславского района Ярославской области 1990 г. / П. Г. Аграфонов // Архив ИА РАН, Р-1, № 15572, № 15573.
4. Археология СССР: Финно-угры и балты в эпоху средневековья / отв. ред. В. В. Седов. — М.: Наука, 1987. — 509 с.
5. *Вишневский, В. И.* Отчёт о раскопках селища раннего железного века, кургана IX–X вв., грунтового могильника X–XI вв. у с. Вёськово Переславского района Ярославской области в 1988 году / В. И. Вишневский // Архив ИА РАН, Р-1, № 13936, № 13937.
6. *Дубов, И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья / И. В. Дубов. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. — 248 с.
7. *Затеваева, Г. Н.* Курганный могильник близ д. Прошево на Волге / Г. Н. Затеваева, В. В. Праздников // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. — Вып. 4. — Иваново, 1990. — С. 4–7.
8. *Кадиева, Е. К.* Круговая керамика из курганов Ярославского Поволжья X–XII вв. и её использование в погребальном обряде / Е. К. Кадиева // Сообщения Ростовского музея. — Выпуск X. — Ростов, 2000. — С. 257–268.
9. *Кирпичников, А. Н.* Вооружение / А. Н. Кирпичников, А. Ф. Медведев // Древняя Русь. Город, замок, село. — М.: Наука, 1985. — С. 298–363.
10. *Комаров, К. И.* К истории населения побережья Плещеева озера в X–XIII вв. / К. И. Комаров // Сообщения Ростовского музея. — Вып. VIII. — Ярославль: ФГИ «Содействие», 1995. — С. 137–172.
11. *Комаров, К. И.* Курганный могильник «Грачки» у д. Киучер / К. И. Комаров // Археологические памятники Европейской части РСФСР : Погребальные памятники. — М., 1988. — С. 72–90.
12. *Комаров, К. И.* Курганный могильник «Бутриха» у д. Киучер / К. И. Комаров // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. — Вып. 1. — Иваново, 1989. — С. 33–39.
13. *Комаров, К. И.* Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области / К. И. Комаров // Археологический статьи и материалы : сборник участников Великой Отечественной войны. — Тула : Гриф и Ко, 2002. — С. 141–189.
14. *Краснов, Ю. А.* Безводнинский могильник. К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья / Ю. А. Краснов. — М.: Наука, 1980. — 224 с.
15. *Куза, А. В.* Славянский могильник в пос. Купанское близ Переславля-Залесского / А. В. Куза, А. Л. Никитин // КСИА. — 1965. — Вып. 104. — С. 117–120.
16. *Леонтьев, А. Е.* Последний курган из группы у с. Вёськово на Плещеевом озере / А. Е. Леонтьев, В. И. Вишневский // Восточная Европа в средневековье. — М.: Наука, 2004. — С. 193–199.
17. *Макаров, Н. А.* Бескурганные ингумации в могильнике Шекшово : новые материалы к изучению древнерусского погребального обряда XI в. / Н. А. Макаров, И. Е. Зайцева // Археология Владимиро-Суздальской земли : материалы научного семинара. — Вып. 6. — М., 2016. — С. 186–200.
18. *Медведев, А. Ф.* Ручное метательное оружие : Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. — М.: Наука, 1966. — 184 с.
19. *Недошивина, Н. Г.* Древнерусский могильник Каблуково в Подмоскowie / Н. Г. Недошивина // Археология Подмоскowie. — Вып. 3. — М.: Ин-т археологии РАН, 2007. — С. 124–144.
20. *Недошивина, Н. Г.* Курганный могильник у дер. Маклаково / Н. Г. Недошивина // Археология Рязанской земли. — М.: Наука, 1974. — С. 210–215.
21. *Праздников, В. В.* Курганный могильник близ д. Горки на Волге / В. В. Праздников // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. — Вып. 7. — Иваново, 1992. — С. 10–13.
22. *Рябинин, Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / Е. А. Рябинин // Археология СССР : Свод археологических источников. — Вып. E1-60. — Л.: Наука, 1981. — С. 5–98.
23. *Седов, В. В.* Амулеты-коньки из древнерусских курганов / В. В. Седов // Славяне и Русь. — М., 1968. — С. 151–157.
24. *Седова, М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) / М. В. Седова. — М.: Наука, 1981. — 196 с.
25. *Смирнова, Л. И.* Лепная керамика Тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции / Л. И. Смирнова // Советская археология. — 1987. — № 2. — С. 90–102.
26. *Спицын, А. А.* Владимирские курганы / А. А. Спицын // Известия Императорской Археологической Комиссии. — Т. 15. — СПб., 1905. — С. 84–172.
27. *Станкевич, И. Л.* Курганный могильник близ с. Введенское на Волге / И. Л. Станкевич, В. В. Праздников // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. — Вып. 3. — Иваново, 1990. — С. 5–7.
28. *Ступан, Ю. С.* Железные кресала из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Ю. С. Ступан // Археология Владимиро-Суздальской земли : материалы научного семинара : сборник. — Вып. 3. — М.: Ин-т археологии РАН, 2011. — С. 193–199.
29. *Уваров, А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам : Исслед. гр. А. С. Уварова / А. С. Уваров. — М.: Синод. тип., 1872. — 217 с.
30. *Уткин, А. В.* Муромский могильник близ с. Нижняя Верея на Нижней Оке / А. В. Уткин, В. Ф. Черников // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. — Вып. 7. — Иваново, 1992. — С. 13–28.
31. *Фехнер, М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни / М. В. Фехнер // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. — Вып. 33. — М.: Советская Россия, 1959. — С. 149–224.
32. *Юшко, А. А.* Покровские и Стрелковые курганы / А. А. Юшко // Советская археология. — 1972. — № 1. — С. 186–190.

О. Н. Глазунова, Б. Е. Янишевский

Москва

Печные муравленные изразцы Переславля-Залесского. Декор одной из печей¹

Изразцы Переславля-Залесского редко попадали в поле зрения исследователей. В известном альбоме С. А. Маслиха опубликованы всего два муравленных архитектурных изразца (№№ 85, 86). В последнее время появилось несколько статей, посвящённых небольшим археологическим коллекциям² и изразцам в декоре архитектурных памятников города³. Однако исчерпывающими эти публикации вряд ли можно назвать. В нашем распоряжении оказался весьма интересный комплекс печных изразцов, полученный при раскопках Б. Е. Янишевского в 2017 г. Исследования проводились с внутренней стороны северо-восточной четверти городского вала (по адресу Горсоветовский переулок, д. 1). В 2016 г. на этом месте без наблюдения специалистов была вырыта яма, в которой были найдены изразцы, которые, к счастью, удалось собрать. При работах 2017 г. раскоп был заложен так, чтобы он примыкал к участку, нарушенному в 2016 г. В результате раскопок стало ясно, что изразцы относятся к разрушенной постройке с большим подвалом, состоявшим из двух помещений. Котлован подвала заполнился уже после обрушения его стен. В нижней части заполнения не было найдено ни одного изразца. Можно констатировать,

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Археологические и антропологические источники и верификация гипотез: методические аспекты фундаментального знания и полевых исследований» (№ НИОКТР АААА-А18-118011790092-5).

² Шербаков В. В. Изразцы Переславля-Залесского (по материалам раскопок 2004 г.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории. Тверь, 2010. Вып. 6. С. 201–213; Белецкий Д. В. Производство печной керамики в конце XVII века в Переяславле-Залесском // Зубовские чтения. Вып. 4. М.: Гос. историко-архитект. и худож. музей-заповедник «Александровская слобода», 2008. С. 179–183.

³ Шадуц Е. К. К истории реставрации изразцового декора Переславской часовни «Крест» // Архитектурная керамика мира. 2020. № 4. С. 141–143.

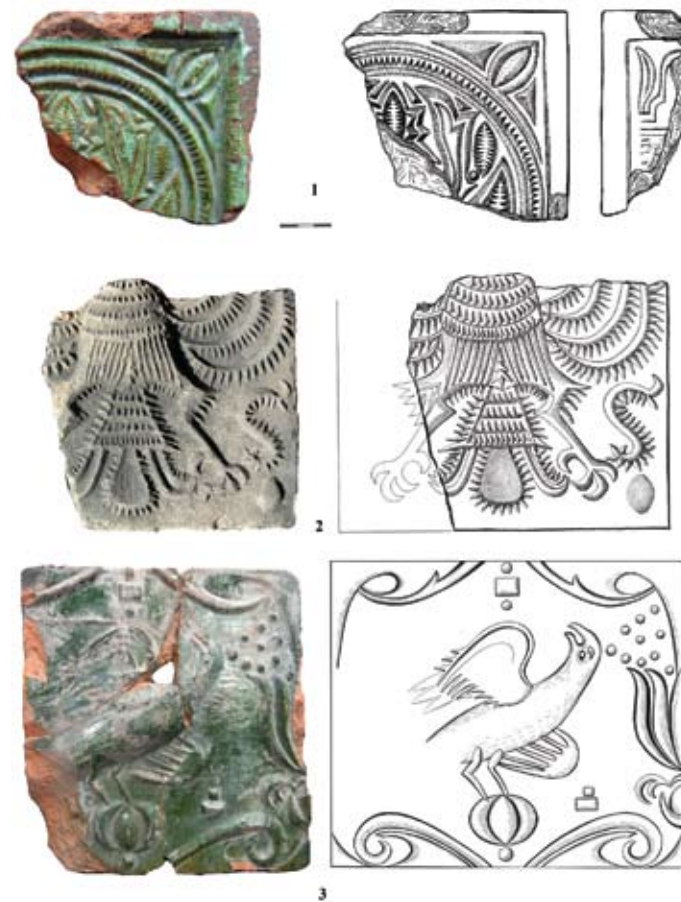

Рис. 1. 1 — муравленный широкорамочный изразец с растительным орнаментом (фото Б. Е. Янишевский, рис. С. В. Борзова); 2 — рельефный изразец с изображением орла (фото Б. Е. Янишевский, рис. С. В. Борзова); 3 — муравленный ковровый изразец с птицей-оглядышем (фото О. Н. Глазунова, рисунок-реконструкция изначального изображения С. В. Борзова)

что после гибели помещения и разрушения печи изразцы некоторое время были разбросаны по территории и лишь потом попали в подвал. Возможно, именно этим объясняется то, что, помимо ясно выделяющегося комплекса одной печи, в подвал попало несколько обломков, явно не имеющих к ней прямого отношения.

Среди них фрагмент углового муравленного узкорамочного изразца с растительным узором в тройной круглой рамке (рис. 1: 1). Изразец

выполнен в московских традициях с характерным заполнением пустого пространства как снаружи, так и внутри рисунка своеобразными специфическими элементами, получившими в литературе название «ёжиков». Фрагменты подобных изразцов, правда, без поливы были найдены, к примеру, при раскопках зданий Приказов в Московском Кремле в 2020 г. Найдена ещё пара обломков рамочных изразцов без поливы с растительным и геометрическим узором также явно московского производства, имеющих прямые аналоги среди московских серий.

Вторым изразцом, «выпадающим» из комплекса, можно назвать фрагмент рельефного безрамочного изразца без поливы с изображением орла (рис. 1: 2). Изображение выполнено в архаичной манере контурно с помощью «штрихов» и мелких треугольных деталей. Аналогов изображению не имеется.

Третий изразец — ковровый муравленый размером 20,5 x 19,0 см с изображением птицы-оглядыша, стоящей на шаре в обрамлении половинок вазонов с цветами (рис. 1: 3). Рисунок как бы «сдвинут», центр «ушёл» на 1,5 см влево, левой половинки вазона на изразце вообще не уместилось. Мы можем только предполагать её наличие, исходя из аналогичных изображений птиц в обрамлении из половинок вазонов, которые были довольно широко распространены в России во второй половине XVII — начале XVIII в. Проще говоря, изначально рисунок на матрице предназначался для более широкой квадратной лицевой пластины. С этим изразцом вопрос спорный. Нельзя полностью исключать его из печного комплекта, к которому он подходил бы и по размерам, и по очертаниям коврового элемента на правой нижней части. Однако он выполнен в совершенно иной манере. Возможно, действительно был изготовлен для данной печи. Просто была использована не вполне подходящая для этого матрица. Может быть, даже это произошло при починке печного декора, когда размер был уже задан остальными лицевыми изразцами зеркала, а матрицу использовали ту, которая в данный момент оказалась под рукой.

Перейдём, собственно, к печному комплекту. Это была печь, облицованная муравлеными ковровыми изразцами размером 20,5–21,0 x 19,0 см с высокой (10,0 см) отступающей округлой румпой. Лицевая пластина изготовлена методом ленточного налёпа. Муравление выполнялось по ангобу. Причём, как это часто бывало, на боковых частях сэкономили и облицовывали их изразцами с таким же рисунком, но без поливы. Этот приём широко использовался, о чём говорят многочисленные свидетельства археологически найденных печных комплектов из разных регионов России. Такой метод был использован, в частности, при декорировании печей второй половины XVII в. в Городце Нижегородской области, в Новодевичьем монастыре в Москве и в ряде других мест.

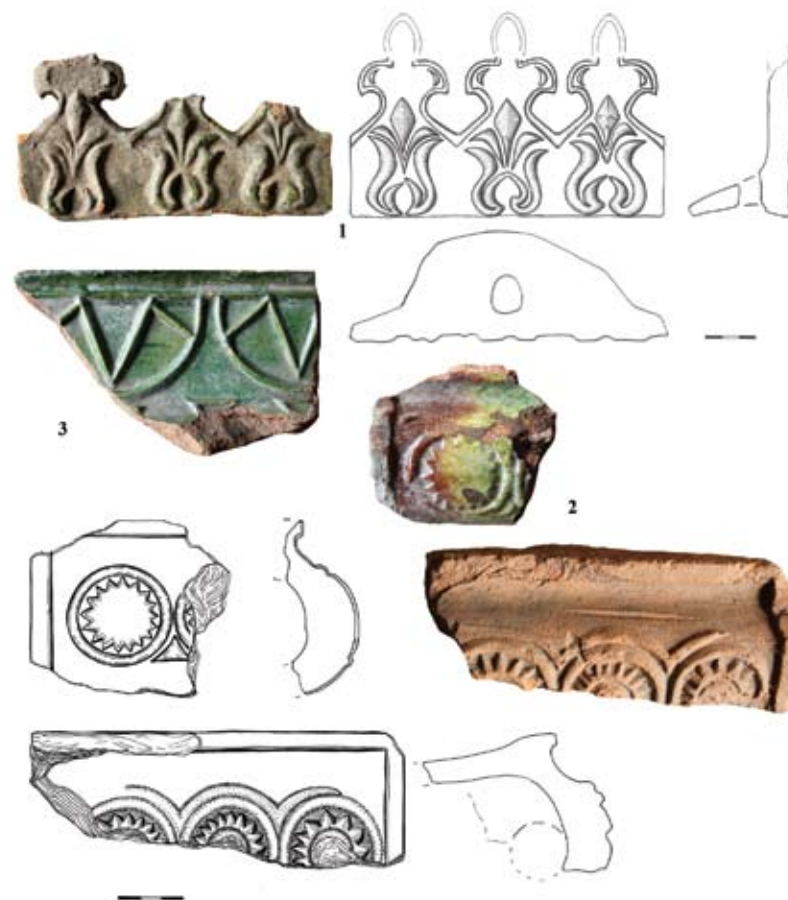

Рис. 2. 1 — муравленый городок (фото Б. Е. Янишевский, рис. С. В. Борзова); 2 — муравленый обратный карниз (фото Б. Е. Янишевский); 3 — муравленый карниз и рельефный карниз без поливы (фото Б. Е. Янишевский, рис. С. В. Борзова)

Печь стояла на обычных для своего времени круглых ножках. Обломков подзоров среди найденных изразцов не оказалось.

Городок этой печи выглядит невысоким ровным «заборчиком» длиной около 20,0 см. В нижней цельной его части расположены три стилизованных изображения цветков тюльпана, выполненных контурным рисунком. Выше городок разделяется на три фигурно вырезанных трилистника по одному прямо над каждым тюльпаном. Этот мотив тюльпанообразного цветка повторяет мотив одного из лицевых изразцов (рис. 2: 1).

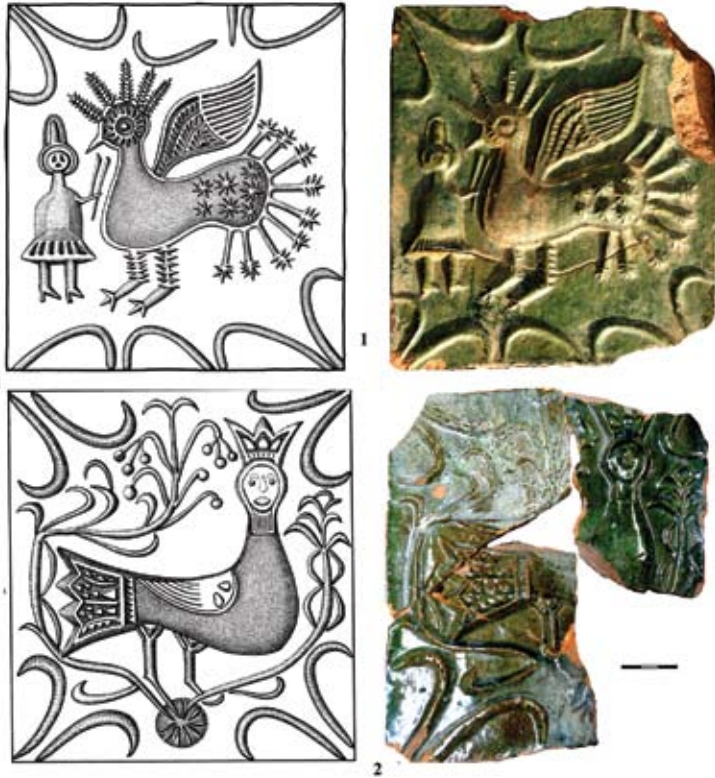

Рис. 3. 1 — муравлений лицевой ковровой изразец с изображением Могул (Нагай) птицы (рис. С. В. Борзова, фото Б. Е. Янишевский);
2 — муравлений лицевой ковровой изразец с изображением птицы Сирина (рисунок-реконструкция С. В. Борзова, фото С. В. Борзова)

На каблучковых карнизах применено изображение трёх зубчатых кругов в круглых же рамках (рис. 2: 2). Карнизы имеются и муравленные, и без поливы. Зубчатые эти колёсики (может быть, солнышки) так же, как и тюльпанообразный мотив городка, повторены с одного из лицевых изразцов. Нельзя не отметить объединяющий приём повтора отдельных характерных элементов лицевых изразцов на конструктивных деталях печи, что явно свидетельствует в пользу единовременного изготовления всего комплекта.

Были и обратные карнизы, относящиеся к короне печи. Геометрический полуциркульный орнамент на них вторит узору из окружностей на одном из лицевых изразцов (рис. 2: 3).

Лицевых изразцов несколько.

Самым любопытным является изразец с изображением огромной птицы и стоящего напротив, едва достающего ей до клюва человека (рис. 3: 1). Птица выглядит весьма странно. У неё необычно длинное для птицы, просто звериное, туловище с также по-звериному (а не по-птичьи) выгнутыми лапами. Голова, хвост и задняя часть туловища птицы покрыты шипастыми перьями-стрелами. Человек в высоком головном уборе, кафтане и сапогах с каблуками держит в руках предмет, напоминающий уздечку или аркан, который он собирается накинуть на шею птицы. По низу и верху лицевой пластины расположены ковровые элементы в виде контурных лепестков.

Изразец с таким же рисунком был зафиксирован в 1990-е гг. реставратором Валерием Алексеевичем Шабаршиным⁴ на галерее Фёдоровского монастыря, выстроенной в XIX в. в формах XVII в. и украшенной подлинными печными изразцами XVII в., происходящими, судя по описанию, из специально для этого разобранных печей Александровой слободы⁵. В альбоме С. А. Маслиха изразец с подобным сюжетом также из галереи Фёдоровского монастыря выглядит совершенно по-иному⁶. Это не ковровый, а широкорамочный изразец с зеркальным, по сравнению с вышеописанными, изображением и с массой мелких отличий в рисунке. Но главное отличие в облике человека. На изразце из альбома С. А. Маслиха ясно видно, что это воин в шлеме и защитном доспехе. Именно так изображали воинов на московских изразцах. Сергей Александрович и отнёс данный экземпляр к московскому производству. Более того, в фондах Музея Москвы имеется муравлений изразец с похожим на переславский сюжетом (оф. 33289/14). Для нас это очень интересный факт, указывающий на изменение рисунка изображения при создании новой матрицы, и вероятное становление собственного производства на местах. Сюжет-то повторили с оригинального московского изразца, но сделали его уже ковровым по новой моде. И явно применяли иные инструменты и методы при вырезании матрицы.

В комплекте имеется ещё один сюжет с птицей. Это птица-сирин в короне, сидящая на тонких изогнутых ветках (рис. 3: 2). По углам лицевой пластины те же ковровые элементы в виде контурных лепестков, что и на первом изразце. Изразец с этим сюжетом был также зафиксирован А. В. Шабаршиным на галерее Фёдоровского собора. В московских сериях

⁴ Выражаю глубокую благодарность старшему научному сотруднику Переславль-Залесского государственного историко-художественного музея-заповедника (ПЗГИ-АХМЗ) Елене Константиновне Шадунц, любезно предоставившей фотоматериалы В. А. Шабардина.

⁵ Подробнее об этом можно прочитать в статье: Шадунц Е. К. К истории реставрации изразцового декора Переславской часовни «Крест»...

⁶ Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: Изобразительное искусство, 1983. Ил. № 85.

Рис. 4. 1, 2 — парные муравленные лицевые ковровые изразцы (для установки вперемежку) с букетом гвоздик в сложной рамке-картуше (фото Б. Е. Янишевский, рис. С. В. Борзова)

птица-сирин изображалась совершенно по-иному. Пожалуй, единственный отдалённо похожий образ можно найти на печных изразцах Свяжска⁷.

Третий и четвёртый — парные ковровые изразцы, которые в зеркале ставятся вперемежку (рис. 4: 1, 2). Рисунок зеркала состоит из ниспадающих сложно вырезанных, переходящих друг в друга рамок-картушей, по форме напоминающих звенья кованой решётки. В центре одного картуша — букет из центрального тюльпана и двух гвоздик по бокам в стилизованной вазе. В центре второго — четырёхчастный цветок с каплеобразными лепестками. Такая форма картуша была широко распространена в рисунке

⁷ Борзова С. В., Глазунова О. Н., Елкина И. И. Сквозь века и культуры: реконструкция изразцовой печи XVII в. из Свяжска // Археология и художественное видение: исторические контексты. М., 2019. С. 335–343.

печных изразцов Северной Европы и России в XVII в.⁸ Нередко в центре картушей располагалась именно ваза с цветами. Известно много вариантов данного рисунка (см., например, один из изразцов Никольской церкви села Урюпина⁹). Однако наиболее интересен изразец из Александровой слободы, приведённый в альбоме С. А. Маслиха под № 83¹⁰. Он незначительно отличается в деталях от найденного в раскопках, но ваза и цветы в ней вполне узнаваемы.

Заполнение второго картуша несколько иное. Четырёхчастный цветок состоит тут из элементов в виде контурных лепестков, таких же, как на изразцах с птицами, и отличающихся от каплеобразных лепестков изразцов, собранных при раскопках. То есть для нашей печи больше подошли бы изразцы из Александровой слободы. А вот изразец, зафиксированный на галерее Фёдоровского собора, от изразца из раскопок отличается лишь одной деталью (небольшим элементом) — зубчатым колёсиком и, по всей видимости, несколько большим размером. Кстати, и изразец из печей келий Александровой слободы также несколько другого размера. Он квадратный размерами 22,0 x 22,0 см. А изразцы из Переславля несколько вытянутые, размерами 20,5–21,0 x 19,0 см. Отметим также наличие фрагментов без поливы.

Композиция на пятом и шестом изразцах позволяет располагать их как один под другим, так и в перебежку (рис. 5: 1, 2). Рисунок состоит из вписанных друг в друга окружностей и мелких элементов в виде зубчатых колёсиков и ромбиков на одном изразце и зубчатых колёсиков и двойных стрелок — на втором. На пятом изразце сочетаются 4 полукруга по каждой из сторон и 4 четверти круга на каждом углу. На шестом изразце один целый круг, в который с двух сторон вписано по половинке. Имеются как муравленные экземпляры, так и экземпляры без поливы. Оба рисунка известны по печам Успенского монастыря Александровой слободы. Пятый изразец можно видеть в альбоме С. А. Маслиха за 1976 г.¹¹ Шестой встретился только в публикациях Н. Н. Соболева и А. И. Иванова¹². Муравленные экземпляры такого же рисунка, как на пятом изразце, на-

⁸ Кондратьева Е. В., Паничева Л. Г. Русские изразцы с ковровым орнаментом // Памятники культуры. Новые открытия. 1986. Л., 1987. С. 369–384.

⁹ Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: Изобразительное искусство, 1983. Ил. с № 78; Хворостова Е. Л., Шейченко Е. Н. Рельефные поливные одноцветные (муравленные) фасадные изразцы XVII в. // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2010. С. 195, 196, табл. 11, 12.

¹⁰ Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: Изобразительное искусство, 1983. Ил. № 83.

¹¹ Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: Изобразительное искусство, 1976. Ил. № 89.

¹² Соболев Н. Н. Русский орнамент. М., 1945. Рис. 91 (верхний правый); Иванов А. И. Забытое производство. Очерки промышленности Владимирского края. Владимир, 1930. С. 19, рис. 12.

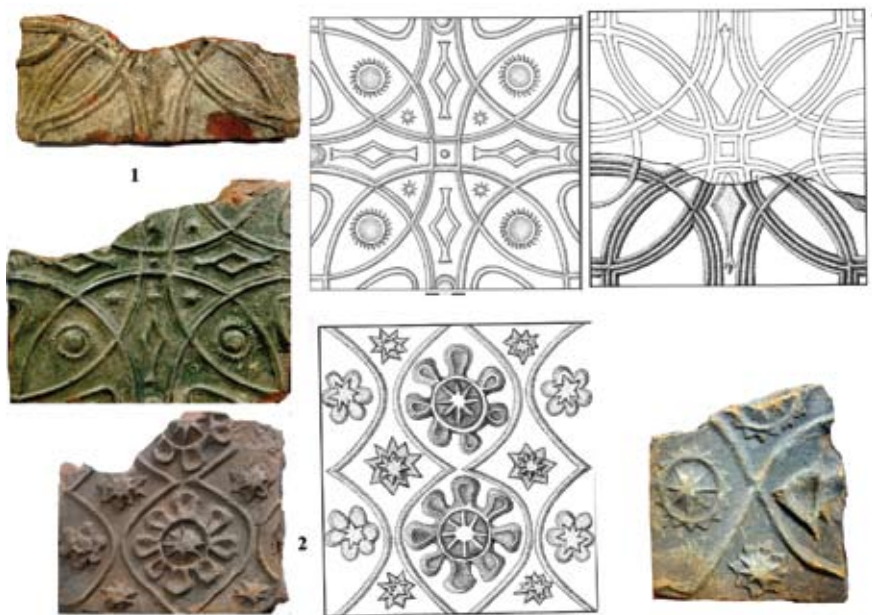

Рис. 5. Муравленные и рельефные без поливы лицевые изразцы с геометрическим орнаментом. 1 — первая композиция; 2 — вторая композиция (фото О. Н. Глазунова, рисунки-реконструкции С. В. Борзова)

ходят при археологических раскопках в Переславле довольно часто. А вот экземпляры без поливы известны пока только по раскопкам Б. Е. Янишевского. Причём, что чрезвычайно интересно, рельеф на фрагментах без поливы совершенно иной, при общей схожести рисунка и размера. Рисунок выполнен в трёхгубтовой технике, что выделяет его из общей массы изразцов с подобным рисунком.

Подобные композиции из вписанных друг в друга окружностей известны скорее среди изразцов Западной Европы. В русском изразцовом искусстве это, пожалуй, единственный известный пример. Приведём здесь аналогичный изразец из Чехии¹³ и плитки пола с подобным орнаментом из Англии¹⁴. Известный исследователь изразцов Светлана Измайловна Баранова считает данный узор на изразце «следами контакта

русских мастеров с носителями западноевропейской (английской?) орнаментальной традиции»¹⁵.

Таким образом, как мы можем видеть, в постройке стояла муравленая печь на круглых ножках, которую можно датировать 80–90-ми гг. XVII в. В зеркале печи были использованы как минимум шесть вариантов ковровых муравленных изразцов, то есть три пары: 2 — со сказочными птицами, 2 — с букетами цветов в ниспадающих картушах и 2 — рисунком из вписанных друг в друга окружностей. Трудно сказать, как именно они сочетались. По фотоматериалам И. Ф. Барщевского (№ 745) нам известна муравленая печь Троицкой церкви бывшего села Подолец Юрьевского уезда¹⁶. Судя по фотографии и описанию, в зеркале печи сочетались группы разных изразцов. Снизу и сверху по одному ряду одинакового рисунка и далее 3 группы изразцов разных рисунков по 2 ряда каждый. Не исключено, что и переславская печь была скомпонована по такому же принципу. Ясно, что печь была двухъярусной. Корону печи составляли обратный карниз и фигурный городок. Судя по использованию в конструктивных деталях элементов рисунка лицевых изразцов, это был единовременно изготовленный комплект.

Большая часть изразцов имеет прямые, хотя и не точные, аналоги рисунка среди печей Александровой слободы. Как минимум 4 типа подобных изразцов были использованы в качестве архитектурных в декоре галереи Фёдоровского монастыря. Впрочем, как уже было сказано, для украшения галереи скорее всего как раз и были разобраны печи Александровой слободы. Однако сделано это было уже в XIX в.

Что же касается печи, стоявшей в раскопанной постройке, то происхождение её изразцового убранства нам неизвестно. Возможно, её изразцы были изготовлены в Александровой слободе, о чём может свидетельствовать схожесть рисунков. К тому же изразцы с циркульным орнаментом нигде более в России, кроме Александровой слободы и Переславля, не известны. Однако не стоит забывать, что и в Переславле в конце XVII в., по письменным источникам, известен, по крайней мере, один мастер-изразечник, гончар Андрюшка Корнилов. В книге прихода и расхода монастырских денег Троице-Данилова монастыря за 1687–1688 гг. есть записи, как минимум, о трёх сделанных им в это время муравленных изразцовых печах, а в 1688–1689 гг. — о покупке у него муравленных изразцов для починки печей¹⁷. Так что возможность местного происхождения изразцов тоже не исключена.

¹³ Krasa, která hřeje. Vyberovy kataloge gotických a renesancních kachlí Moravy a Slezska. Uherské Hradiště, 2008. P. 150, № 486, P. 157, № 493, 494.

¹⁴ Баранова С. И. Русский изразец. Записки музейного смотрителя. М.: МГОМЗ, 2011. С. 190.

¹⁵ Там же. С. 189.

¹⁶ Иванов А. И. Указ соч. С. 22, рис. 18.

¹⁷ Белецкий Д. В. Производство печной керамики в конце XVII века в Переяславле-Залесском... С. 181.

В. А. Зейфер

Москва

Археологические исследования в Переславле-Залесском в 2016–2017 гг.¹

Список литературы

1. Баранова, С. И. Русский изразец. Записки музейного смотрителя / С. И. Баранова. — М. : Изд-во Московского гос. объединённого музея-заповедника, 2011. — 429 с.
2. Белецкий, Д. В. Производство печной керамики в конце XVII века в Переяславле-Залесском / Д. В. Белецкий // Зубовские чтения. — Вып. 4. — М. : Гос. историко-архитект. и худож. музей-заповедник «Александровская слобода», 2008. — С. 179–183.
3. Борзова, С. В. Сквозь века и культуры : реконструкция изразцовой печи XVII в. из Свяжска / С. В. Борзова, О. Н. Глазунова, И. И. Елкина // Археология и художественное видение : исторические контексты. — М. : Российский гос. гуманитарный ун-т, 2019. — С. 335–343.
4. Иванов, А. И. Забытое производство. Очерки промышленности Владимирского края / А. И. Иванов. — Владимир, 1930. — 60 с.
5. Кондратьева, Е. В. Русские изразцы с ковровым орнаментом / Е. В. Кондратьева, Л. Г. Паничева // Памятники культуры. Новые открытия. 1986. — Л. : Наука. Ленинг. отделение, 1987. — С. 369–384.
6. Маслих, С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков / С. А. Маслих. — М. : Изобразительное искусство, 1983. — 270 с.
7. Соболев, Н. Н. Русский орнамент / Н. Н. Соболев. — М., 1945. — 174 с.
8. Хворостова, Е. Л. Рельефные поливные одноцветные (муравленые) фасадные изразцы XVII в. / Е. Л. Хворостова, Е. Н. Шейченко // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Тверь : Старый город, 2010. — Вып. 6. — С. 195–196.
9. Шадунц, Е. К. К истории реставрации изразцового декора Переславской часовни «Крест» / Е. К. Шадунц // Архитектурная керамика мира. — 2020. — № 4. — С. 141–143.
10. Щербаков, В. В. Изразцы Переславля-Залесского (по материалам раскопок 2004 г.) / В. В. Щербаков // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории. — Тверь, 2010. — Вып. 6. — С. 201–213.
11. Krasa, ktera hřeje. Vyberovy kataloge gotických a renesančních kachlí Moravy a Slezska. Uherske Hradiste, 2008.

В течение 2016–2017 гг. экспедицией Института археологии РАН на нескольких участках в границах объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой г. Переславля-Залесского, XII–XVII вв.» были проведены спасательные археологические работы. Общая площадь исследований составила 554,75 м².

В 2016 г. исследования проводились в южной, западной и северо-западной части исторического посада (рис. 1: 1–5, 7–8), а также в северной и центральной частях Переславского кремля (рис. 1: 6, 12).

К юго-западу от валов Переславской крепости в границах участка прокладки трассы водопровода (ул. Кардовского, 14) (рис. 1: 1) была заложена траншея протяжённостью 14 м и шириной 1 м. Мощность культурного слоя составила 1,5–1,6 м. Под слоем строительного мусора и отсыпки дорожного полотна залегал сохранившийся культурный слой, представленный тёмно-серой супесью с включениями древесного угля. От нижнего яруса сохранившегося культурного слоя зафиксированы впущенные в материк четыре небольшие хозяйственно-бытового назначения и одна столбовая ямка. Среди находок — железный нож и фрагмент стеклянного гладкого браслета фиолетового цвета (рис. 2: 1, 2). По керамическому материалу, среди которого преобладает красноглиняная керамика с примесью песка в формовочной массе, слой датируется второй половиной XV–XVI в.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Археологические и антропологические источники и верификация гипотез: методические аспекты фундаментального знания и полевых исследований» (№ НИОКТР АААА-А18-118011790092-5).

Рис. 1. Участки проведения археологических исследований на территории исторического посада г. Переславля-Залесского в 2016–2017 гг. Цифрами на плане обозначены: 1 – ул. Кардовского, 14; 2 – ул. Гагарина, 2; 3 – ул. Гагарина, 4; 4 – ул. Левая Набережная, 5; 5 – ул. Новоплеещевская, 31; 6 – ул. Валовое кольцо, 39; 7, 7А – ул. Трубежная, 12; 8 – пер. 4-й Плеещевский, 2А; 9 – ул. Валовое Кольцо, 20; 10 – ул. Проездная-Советская, 14А; 11 – ул. Свободы, 18; 12 – ул. Комитетская, 10А

Следующий объект исследования располагался в 124 м к юго-западу от вала Переславского кремля. На участке прокладки трассы водопровода (ул. Гагарина, 2) (рис. 1: 2) был заложен один шурф 2 x 2 м и три траншеи протяжённостью 3 м, 4 м и 1,7 м при ширине 0,7 м. Мощность культурного слоя на исследованной территории составила 1,0–1,2 м. В его основании был обнаружен культурный слой начального периода существования города².

Вверху находились переотложенные напластования XVIII – первой половины XX в., отсыпки дорожного полотна и тёмно-серой супеси

² Зейфер В. А. Отчёт об археологических исследованиях на территории объекта культурного наследия «Культурный слой города Переславля-Залесского, XII–XVII вв.» по адресу Ярославская обл., Переславль-Залесский, ул. Кардовского, 14, ул. Гагарина, 2 в 2016 г. // Архив ИА РАН.

Рис. 2. Переславль-Залесский, траншея на ул. Кардовского, 14. Индивидуальные находки: 1 – нож железный; 2 – фрагмент стеклянного браслета

со строительным мусором. С этим грунтом связаны находки разновременной керамики, изделия из керамики и чёрного металла, монеты 30–50-х гг. XX в., а также монета номиналом 2 пфеннига (Германия, 1878 г., Вильгельм I (1871–1888), монетный двор: Карлсруэ, Баден).

Нижний сохранившийся культурный слой мощностью 0,20–0,35 м был зафиксирован в двух траншеях и шурфе и представлен тёмно-серой супесью с включением мелкой известковой крошки. В нём среди массового материала присутствуют исключительно обломки керамики второй половины XIII – первой половины XV в., а также один обломок стенки сосуда светло-коричневого цвета с содержанием мелкого песка в тесте. По морфологическим признакам фрагмент керамической посуды относится к болгарской керамике золотоордынского периода конца XIV – начала XV в.³ С этим горизонтом связаны находки литой шаровидной пуговицы с ушком цветного металла и обломка костяной копоушки (рис. 3).

Рис. 3. Переславль-Залесский, шурф на ул. Гагарина, 2. Индивидуальные находки: 1 – пуговица-гирька, медь; 2 – фрагмент копоушки, кость

³ Кокорина Н. А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв. (К проблеме преемственности болгарской и татаро-булгарской культур). Казань, 2002. С. 181–182.

Результаты, подтверждающие наличие сохранного культурного слоя XIII–XIV вв., были получены при производстве разведок на ул. Гагарина, 4 и ул. Левая Набережная, 5 (рис. 1: 3–4). На участке планируемого строительства хозяйственной постройки (ул. Гагарина, 4) был заложен шурф 2 x 2 м. Культурный слой в границах шурфа мощностью 0,72–0,8 м – тёмно-серая супесь с включениями кирпичной крошки, древесного угля и колотого камня (уровень современного огорода), а также мешаная с жёлтым песком тёмно-серая супесь. Нижний предматериковый слой толщиной 0,10–0,12 м содержал красноглиняную керамику XIII–XIV вв. с большим количеством мелкой дресвы в формовочной массе. По структуре песчаного материка, сохранившего рельеф со следами от корней растительности, и отсутствию следов распашки можно предположить наличие здесь в XIII–XIV вв. луговой растительности, участка, не занятого усадебной застройкой, но непосредственно с ней граничащего.

Шурф 2 x 2 м, заложенный на участке огорода, планируемого под строительство жилого дома (ул. Левая Набережная, 5), располагался в 60 м к югу от левого берега р. Трубеж. Мощность сформировавшегося культурного слоя – 0,76–0,82 м. Основная его часть, верхний горизонт, представляет собой однородную тёмно-серую супесь, содержащую переложный керамический материал XV–XIX вв. Плодородная почва, вероятно, была завезена для поднятия общего уровня участка и его выравнивания. Чрезвычайно насыщенный грунтовыми водами нижний горизонт – серая супесь с включениями древесного угля и костями животных имел мощность 0,2–0,3 м и содержал обломки красноглиняной посуды XIII–XIV вв. с большим количеством как крупной, так и мелкой дресвы в формовочной массе. Среди массового материала встречено несколько стенок, декорированных однорядной волной, а также плотным и разреженным линейным орнаментом. Здесь был найден железный нож, шило, обломок навершия каплевидной формы из кости со сквозным поперечным отверстием (рис. 4).

В шурфе 2 x 2 м, заложенном по ул. Новоплещеевской, 31 (рис. 1: 5), антропогенный слой мощностью до 0,72 м. Появление грунтовой воды в шурфе отмечено на глубине 0,4 м от уровня дневной поверхности. Зафиксированы многочисленные прослойки отсыпки заболоченного участка речным песком, глиной, бытовым мусором XIX–XX вв. В предматериковом слое заиленного суглинка коричневых оттенков найдено несколько фрагментов красноглиняного гладкого горшка. Начало освоения исследованного участка можно отнести ко времени не ранее XVII в.⁴

⁴ Зейфер В. А. Отчёт об археологических разведках на территории объекта культурного наследия «Культурный слой города Переславля-Залесского, XII–XVII вв.» по адресу Ярославская обл., Переславль-Залесский, ул. Гагарина, 4, ул. Левая Набережная д. 5, и ул. Новоплещеевская, 31 в 2016 г. // Архив ИА РАН.

На участке проектируемых инженерных коммуникаций к двухэтажному дому конца XIX – начала XX в. (ул. Валовое Кольцо, 39) (рис. 1: 6) на придомовой территории был заложен шурф 1,5 x 1,5 м и траншея протяжённостью 5 м и шириной 0,5 м. Мощность культурного слоя на исследуемой территории составила 1,1 м. На глубине 0,3 м

от уровня дневной поверхности в шурфе и траншее под слоем тёмно-серой супеси со строительным мусором расчищена булыжная вымостка, предварительно датированная концом XVIII–XIX вв. Булыжное мощение внутри дворового пространства было зафиксировано ранее при охранных археологических исследованиях в Ростове Великом⁵. В нижнем стратиграфическом горизонте -3 мощностью до 0,2 м, представленном светло-коричневой супесью, встречен керамический материал XIII–XIV вв. и единичные обломки керамических сосудов XII–XIII вв.

Интересные результаты получены в результате археологических раскопок, предваряющих строительство инженерных коммуникаций на земельном участке по адресу: ул. Трубежная, 12 (рис. 1: 7–7А)⁶. На участке были заложены четыре шурфа с размерами 1,5 x 1,5 м и 2 x 2 м и две траншеи протяжённостью 10 м и 5 м при ширине 0,8 м. Мощность культурного слоя, представленного серой и тёмно-серой супесью с включениями строительного мусора, глины, древесного тлена, угля и золы на разных горизонтах, а также тёмно-коричневой и бурой (супесью) с тленом составила 1,10–1,20 м.

⁵ Самойлович Н. Г., Кашкин А. В., Орлов В. Н. Охранные археологические исследования в Ростове Великом в 2014 г. // Археология: история и перспективы: Седьмая межрегиональная конференция: сб. статей. Ярославль, 2016. С. 121.

⁶ Зейфер В. А. Отчёт о проведении спасательных, охранных научно-исследовательских работ в границах объектов культурного наследия «Городской вал XII в.» и «Культурный слой города Переславля-Залесского, XII–XVII вв.» при хозяйственном освоении земельных участков по адресу Ярославская обл., Переславль-Залесский, ул. Валовое кольцо, 39, ул. Трубежная, д. 12, пер. 4-й Плещеевский, 2А в 2016 г. // Архив ИА РАН.

Рис. 4. Переславль-Залесский, шурф на ул. Гагарина, 4. Индивидуальные находки: 1 – нож железный; 2 – шило; 3 – навершия костяного фрагмента

Рис. 5. Переславль-Залесский, ул. Трубежная, 12. Шурф 1 горизонт 3. Индивидуальные находки: 1 — ножа железного фрагмент; 2 — ключ типа В; 3–4 — обломки браслетов стеклянных

В шурфах № 1 и № 2 (1,5 x 1,5 м) выявлены четыре стратиграфических горизонта. Нижний горизонт 4, представленный бурой супесью с древесным углем и тленом, был зафиксирован под стерильной песчаной прослойкой мощностью 0,18–0,20 м. Горизонт 3, предшествующий стерильной песчаной прослойке, по керамическому материалу датируется XIII–XIV вв. Нижний ярус этого горизонта маркируется прослойкой древесного угля толщиной 0,02–0,03 м.

В коллекции индивидуальных находок из горизонта 3 шурфов 1–2 присутствуют фрагменты стеклянных браслетов (рис. 5: 3, 4), (рис. 6: 7–10), венчик стеклянного сосуда из прозрачного жёлтого стекла (рис. 6: 6), ножи железные целые и фрагментированные (рис. 5: 1), (рис. 6: 1–4), подкова обувная (рис. 6: 5), ключ типа В (по Колчину)⁷ (рис. 5: 2), полная форма крышки красноглиняной с большим содержанием мелкой дресвы в тесте (рис. 6: 11).

Слой бурой супеси горизонта 4 с древесным углем и тленом насыщен мелкими обломками костей животных, фрагментами лепной и ранне-круговой керамики X–XII вв. Перекрывающая горизонт песчаная прослойка имеет слоистую структуру, характерную для песчаных наносов рек в половодье. Вероятно, в период XI–XII вв. в результате мощного половодья мелкие кости животных и обломки керамики водным потоком могло смыть с места поселения, находящегося неподалёку от участка исследования. Ближайшим известным археологическим памятником, расположенным в 200 м к северо-востоку от места закладки шурфов, является неолитическая стоянка Песочница⁸. Мощность и характер залегания культурного слоя памятника неизвестны. Возможно, памятник является многослойным, догородским поселением, дневная поверхность которого подверглась воздействию мощного наводнения в XI–XII вв.

Шурф № 1а (2,0 x 2,0 м), заложенный на пересечении ул. Трубежная и пер. Казаковский, выявил три стратиграфических горизонта, самый ранний

Рис. 6. Переславль-Залесский, ул. Трубежная, 12. Шурф 2 горизонт 3. Индивидуальные находки: 1–4 — ножи железные; 5 — подкова обувная; 6 — венчик стеклянного сосуда из прозрачного жёлтого стекла; 7–10 — обломки браслетов стеклянных; 11 — крышка красноглиняная

из которых содержал керамический материал XVI–XVII вв. На отметке -1,10 м от уровня дневной поверхности было зафиксировано погребение мужчины 30–40 лет. Скелет сохранился не полностью, кости повреждены в результате поздних перекопов. Отдельно обнаружены кости, принадлежавшие другим индивидам. Обнаруженное погребение и разрозненные костные останки позволяют локализовать средневековое кладбище, существовавшее на городском посаде к западу от Рождественских ворот городской крепости. Вопрос его храмовой принадлежности не ясен.

В траншеях № 1 и № 2 Нижний горизонт содержал массовый материал XIII–XIV вв. Всего при раскопках зафиксировано шестнадцать объектов, большая часть из которых — ямы хозяйственно-бытового назначения. Ряд ям содержал керамический материал XIII–XIV вв.

В коллекции индивидуальных находок — монеты советского периода и XVIII–XIX вв. Найдены изделия из чёрного металла, биконические шиферные пряслица, изделия из керамики, кости, обломки стеклянных браслетов.

⁷ Колчин Б. А. Хронология Новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 162.

⁸ Археологическая карта России: Ярославская область / под ред. А. В. Кашкина. М., 2005. С. 154.

Следующий объект исследования располагался в 400 м к северо-западу от кольца валов Переславского кремля. На участке проектируемой трассы водопровода (пер. 4-й Плещеевский, 2А) (рис. 1: 8) был заложен один шурф 2 x 2 м и траншея протяжённостью 6 м при ширине 0,8 м. Мощность культурного слоя на исследованной территории составила 0,6 м.

Верхний горизонт сложился во второй половине XX века в результате прокладки коммуникаций и отсыпки заболоченного земельного участка, являющегося прибрежной частью Плещеева озера. Нижний горизонт — тёмно-серая супесь с включениями древесного угля и тлена по керамическому материалу датируется XV–XVII вв.

Археологические исследования (раскопки) предваряли строительство офисного здания по адресу ул. Комитетская, 10А (рис. 1: 12). Здесь был заложен раскоп площадью 333,25 м². Мощность культурного слоя составила 1,1–1,4 м. Были зафиксированы остатки культурных напластований XII–XIV вв. Открыты сооружения, преимущественно погреба жилых и хозяйственных построек, являющиеся остатками усадебной застройки XIII–XIV вв. В погребе одного из сооружений обнаружено санитарное захоронение второй половины XIII — начала XIV в.⁹

В 2017 г. спасательные археологические раскопки произведены на земельном участке, расположенном по адресу: ул. Валовое Кольцо, 20 (рис. 1: 9). Общая площадь исследования составила 100 кв. м. Раскоп, располагавшийся у пересечения ул. Валовое Кольцо и пер. Красноармейский в 25 м к северо-востоку от подошвы крепостного вала, был разбит на месте проведения годом ранее археологической разведки, выявившей остатки культурного слоя XII–XIV вв.¹⁰

Мощность культурного слоя в раскопе составила 0,70–0,95 м. Культурные напластования, сформировавшиеся на исследуемой территории, включают два горизонта. Горизонт 1 — тёмно-серая супесь с включением на разных глубинах кирпичной крошки, битого кирпича, глины и строительного мусора мощностью до 0,60 м. В горизонте, отложившемся в результате бытования жилого дома XIX в. и последующем его демонтаже и выравнивании поверхности, встречен переотложенный массовый материал, относящийся к XII–XX вв.

Горизонт 2, представленный тёмно-серой супесью с включениями песка, древесного угля и золы мощностью 0,14–0,36 м, был выявлен

⁹ К вопросу об усадебной застройке Переславля-Залесского (Переяславля) в XIII–XIV вв. (по материалам исследований 2016 года) / Зейфер В. А. [и др.] // Археология Подмосковья. Вып. 15. М., 2019. С. 132–149.

¹⁰ Зейфер В. А. Отчёт об археологической разведке на территории объекта культурного наследия «Городской вал XII в.» и «Культурный слой города Переславля-Залесского, XII–XVII вв.» по адресу Ярославская обл., Переславль-Залесский, ул. Валовое кольцо, 20 в 2016 г. // Архив ИА РАН.

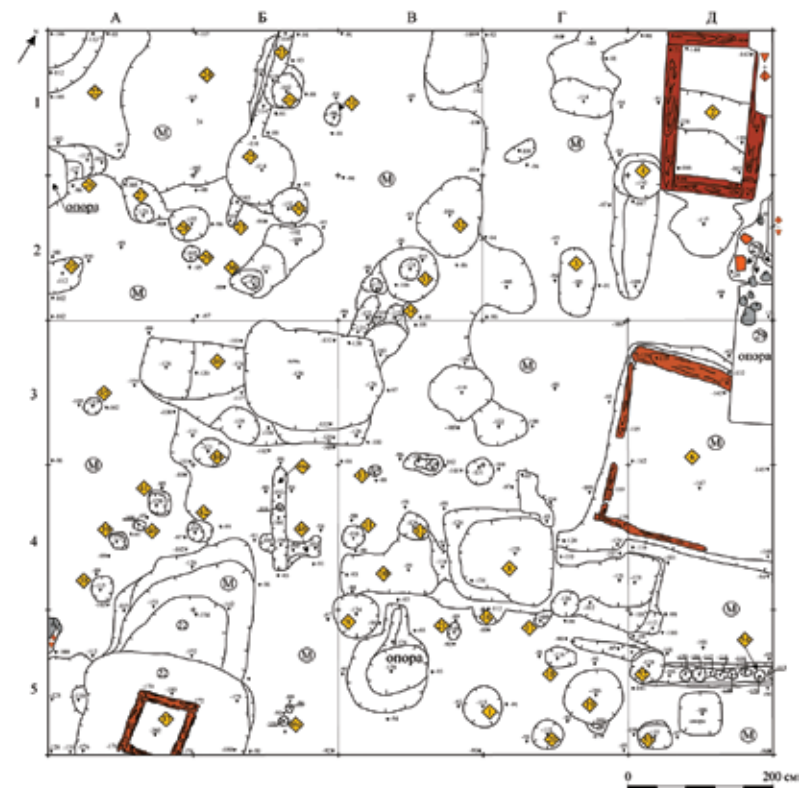

Рис. 7. Переславль-Залесский, раскоп на ул. Валовое кольцо, 20. План материка с выбранными объектами (цифрой в жёлтом ромбе обозначены номера археологических объектов)

преимущественно у южной границы раскопа, менее всего повреждённой при строительстве дома в XIX в. В горизонте встречен массовый материал XIII–XIV вв. С ним также связаны шиферные пряслица, изделия из стекла: бусы и браслеты XII–XIV вв.; изделия из керамики: фрагмент плитки-светильника XIV–XV вв.; обломок (венчик) красноглиняной поливной посуды XIII–XIV вв.; фрагмент золотоордынской кашинной керамики с подглазурной полихромной росписью середины — второй половины XIV в.; изделия из кости: двусторонний гребень XIV–XV вв. и костяной предмет со следами обработки. Кроме того, найдены предметы из чёрного металла и камня: ткацкий грузик XII–XIII вв.; пряжка ременная, ножи и кресало XIV–XV вв.

При зачистке материка выявлено пятьдесят три заглубленных в материк объекта (рис. 7). Объект № 6, расположенный у восточной границы

раскопа, ориентированный по оси ЮВ–СЗ, имел в плане подпрямоугольную форму (2,1 x 2,7 м) и являлся остатками погребя. В котловане зафиксированы три венца деревянного сруба стен из брёвен толщиной 0,12–0,14 м. На дне сруба были расчищены истлевшие доски (полки) шириной 0,22–0,24 м, располагавшиеся по периметру конструкции строго параллельно стенам. Датировка погребя по керамическому материалу – вторая половина XIV – XV в.

Объект № 37 – колодец, расчищен в юго-западном углу раскопа. Южная сторона его котлована (2,3 x 1,4 м), впущенного в материк на 1,12 м, выходила за границу участка раскопа. На дне зафиксировано два сохранившихся венца колодезного сруба (0,8 x 0,8 м). По керамическому материалу датируется кон. XIX – нач. XX в. Остальные объекты представляли собой ямы хозяйственного назначения и столбовые ямки.

В южной части раскопа на гл. 0,62–0,74 м от уровня дневной поверхности был зафиксирован слой серой супеси и серой супеси с включениями песка (пахотный горизонт) мощностью от 10 см до 18 см. Керамического материала в слое обнаружено не было. Верхняя граница пахотного горизонта маркировалась прослойкой древесного угля и обуглившегося зерна (предположительно ржи и овса) толщиной до 4 см. В этом уровне были найдены обломок стеклянного браслета и мелкие фрагменты стенок красноглиняной керамической посуды с крупной дресвой, что даёт основание датировать слой XIII–XIV вв.

Пахотный горизонт подстилал слой тёмно-серой супеси с включениями угля толщиной до 2 см (погребенный дерн). Время возникновения и период существования пашни на территории, прилегающей к крепостному валу XII в., пока остаётся открытым¹¹.

На следующем участке исследования, расположенном по адресу: ул. Проездная-Советская, 14А (рис. 1: 10), перед проведением реставрационных работ и газификации участка было заложено две траншеи длиной 9 м и 12 м при ширине 1 м, а также шурф 2,1 x 1,0 м у северо-восточной стены храма св. Сергия Радонежского, постройки 1900 г. Культурный слой в траншеях и шурфе оказался полностью разрушен в результате строительства храма в 1900 г. и соседних жилых домов, а также прокладки коммуникаций во второй половине XX в. Мощность культурного слоя в границах шурфа и траншей достигала 1,60–2,20 м.

Собранный массовый материал содержал керамические обломки XII–XX вв. Подошва кирпичного фундамента храма зафиксирована

на глубине 2,10 м от уровня дневной поверхности, ниже в песчаный материк был заглублен бутовый фундамент из обломков красного кирпича на цементном растворе. Мощность бутового фундамента и наличие или отсутствие ниже уровня материка валунной забутовки установить не удалось из-за сильного притока грунтовых вод.

Объект, завершавший археологические исследования 2017 г., располагался в северо-восточной части охранной зоны (рис. 1: 11). На участке проектируемой сети канализации был заложён шурф 2,5 x 2,5 м и траншея 12,0 x 1,0 м. Верхний горизонт шурфа и траншеи турбирован в результате строительства д. 18 по ул. Свободы. Частично сохранившийся нижний горизонт, датируемый по керамическому материалу XV–XVII вв., мощностью до 0,7 м был зафиксирован в шурфе¹².

Таким образом, спасательными археологическими раскопками, проведёнными на территории исторического посада Переславля-Залесского, а также в северной и центральной частях Переславского кремля, была уточнена информация о мощности и сохранности культурного слоя Переславля.

Ранний период освоения городских участков в районе современных ул. Кардовского и ул. Гагарина можно отнести ко второй пол. XIII – первой половине XV в. Земельный участок на ул. Левая Набережная, д. 5 начинает осваиваться не ранее XIII–XIV вв. Земельные участки, расположенные по адресам: ул. Новоплещеевская, 31, пер. 4-й Плещеевский, 2а, вероятно, до XVII–XVIII вв. представляли собой заболоченную озерную пойму и не имели усадебной застройки. В первой половине XX в. с началом застройки на исследованной территории проводят мелиорацию. Участки в частном порядке засыпают привозным грунтом и выравнивают.

Получена информация об архитектурных особенностях кирпичного фундамента церкви св. Сергия Радонежского. В границах крепостных валов Переславского кремля обнаружен пахотный горизонт с остатками сгоревших зёрен, датирующийся XIII–XIV вв., что даёт нам основание предположить о существовании на территории кремля участков пашни в усадебном хозяйстве.

Список источников и литературы

1. Археологическая карта России : Ярославская область / под ред. А. В. Кашкина. – М. : Институт археологии РАН, 2004. – 408 с.
2. *Зейфер, В. А.* Отчёт о проведении спасательных, охранных научно-исследовательских работ в границах объектов культурного наследия «Городской

¹¹ *Зейфер В. А.* Отчёт о проведении спасательных, охранных научно-исследовательских работ в границах объектов культурного наследия «Городской вал XII в.» и «Культурный слой города Переславля-Залесского, XII–XVII вв.» при хозяйственном освоении земельных участков по адресу Ярославская обл., Переславль-Залесский, ул. Валовое кольцо, 20, ул. Проездная-Советская, д. 14В в 2017 г. // Архив ИА РАН.

¹² *Зейфер В. А.* Отчёт о проведении спасательных, охранных научно-исследовательских работ в границах объектов культурного наследия «Культурный слой города Переславля-Залесского, XII–XVII вв.» при хозяйственном освоении земельного участка по адресу Ярославская обл., Переславль-Залесский, ул. Свободы, д. 18 в 2017 г. // Архив ИА РАН.

С. С. Зозуля

Москва

Раскопки на селище Петровского археологического комплекса в 1963 году

- вал XII в.» и «Культурный слой города Переславля-Залесского, XII–XVII вв.» при хозяйственном освоении земельных участков по адресу Ярославская обл., Переславль-Залесский, ул. Валовое кольцо, 39, ул. Трубежная, д. 12, пер. 4-й Плещеевский, 2А в 2016 г. / В. А. Зейфер // Архив ИА РАН.
3. *Зейфер, В. А.* Отчёт о проведении спасательных, охранных научно-исследовательских работ в границах объектов культурного наследия «Городской вал XII в.» и «Культурный слой города Переславля-Залесского, XII–XVII вв.» при хозяйственном освоении земельных участков по адресу Ярославская обл., Переславль-Залесский, ул. Валовое кольцо, 20, ул. Проездная-Советская, д. 14В в 2017 г. / В. А. Зейфер // Архив ИА РАН.
  4. *Зейфер, В. А.* Отчёт о проведении спасательных, охранных научно-исследовательских работ в границах объектов культурного наследия «Культурный слой города Переславля-Залесского, XII–XVII вв.» при хозяйственном освоении земельного участка по адресу Ярославская обл., Переславль-Залесский, ул. Свободы, д. 18 в 2017 г. / В. А. Зейфер // Архив ИА РАН.
  5. *Зейфер, В. А.* Отчёт об археологических исследованиях на территории объекта культурного наследия «Культурный слой города Переславля-Залесского, XII–XVII вв.» по адресу Ярославская обл., Переславль-Залесский, ул. Кардовского, 14, ул. Гагарина, 2 в 2016 г. / В. А. Зейфер // Архив ИА РАН.
  6. *Зейфер, В. А.* Отчёт об археологических разведках на территории объекта культурного наследия «Культурный слой города Переславля-Залесского, XII–XVII вв.» по адресу Ярославская обл., Переславль-Залесский, ул. Гагарина, 4, ул. Левая Набережная у д. 5, и ул. Новоплещеевская, 31 в 2016 г. / В. А. Зейфер // Архив ИА РАН.
  7. *Зейфер, В. А.* Отчёт об археологической разведке на территории объекта культурного наследия «Городской вал XII в.» и «Культурный слой города Переславля-Залесского, XII–XVII вв.» по адресу Ярославская обл., Переславль-Залесский, ул. Валовое кольцо, 20 в 2016 г. / В. А. Зейфер // Архив ИА РАН.
  8. К вопросу об усадебной застройке Переславля-Залесского (Переяславля) в XIII–XIV вв. (по материалам исследований 2016 года) / В. А. Зейфер [и др.] // Археология Подмосковья. — Вып. 15. — М.: Институт археологии РАН, 2019. — С. 132–149.
  9. *Кокорина, Н. А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI — начала XV вв. (К проблеме преемственности болгарской и татаро-булгарской культур) / Н. А. Кокорина. — Казань: б/и, 2002. — 383 с.
  10. *Колчин, Б. А.* Хронология Новгородских древностей / Б. А. Колчин // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / под ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. — М.: Наука, 1982. — С. 156–178.
  11. *Самойлович, Н. Г.* Охранные археологические исследования в Ростове Великом в 2014 г. / Н. Г. Самойлович, А. В. Кашкин, В. Н. Орлов // Археология: история и перспективы: Седьмая межрегиональная конференция: сб. статей / под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль, 2016. — С. 113–123.

Комплекс археологических памятников у деревни Петровское Ярославской области и района располагается на обоих берегах реки Шатёрки (левого притока реки Великая, правого притока реки Волга). Погребальные древности представлены двумя курганными могильниками на западном берегу Шатёрки и так называемой «сопковидной насыпью» на восточном (рис. 1)¹. Обобщающая информация о некрополе 1 содержится в известной коллективной монографии 1963 года², курганный могильник 2 никогда не исследовался. Значительно меньше внимания привлекла поселенческая составляющая ансамбля памятников.

Первое упоминание о поселениях появляется в 1963 году. Авторы раскопок некрополя указали на существование двух синхронных кладбищу селищ, расположенных на обоих берегах реки Шатёрки. О каких-либо работах на территории поселения ничего не сказано³. Нет никаких упоминаний о раскопках селищ и в отчётах М. В. Фехнер за 1962 и 1963 годы⁴. Указания на шурфовку, проведённую параллельно исследованиям могильника, можно встретить в работах И. В. Дубова⁵ (рис. 2). В полевом

¹ Археологическая карта России. Ярославская область / под ред. А. В. Кашкина. М., 2005. С. 92–94; *Захаров С. Д.* О так называемой «сопковидной насыпи» у деревни Петровское // Археология: история и перспективы: Седьмая межрегиональная конференция / под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль, 2016. С. 54–63.

² Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / под ред. А. П. Смирнова. М., 1963.

³ Там же. С. 20.

⁴ *Фехнер М. В.* Отчёт о раскопках близ д. Петровское Ярославской области. 1962 г. Архив ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 2539; *Фехнер М. В.* Отчёт о раскопках курганной группы близ д. Петровское Ярославской области и района в 1963 г. Архив ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 2729.

⁵ *Дубов И. В.* Города, величием сияющие. Л., 1985. С. 85.

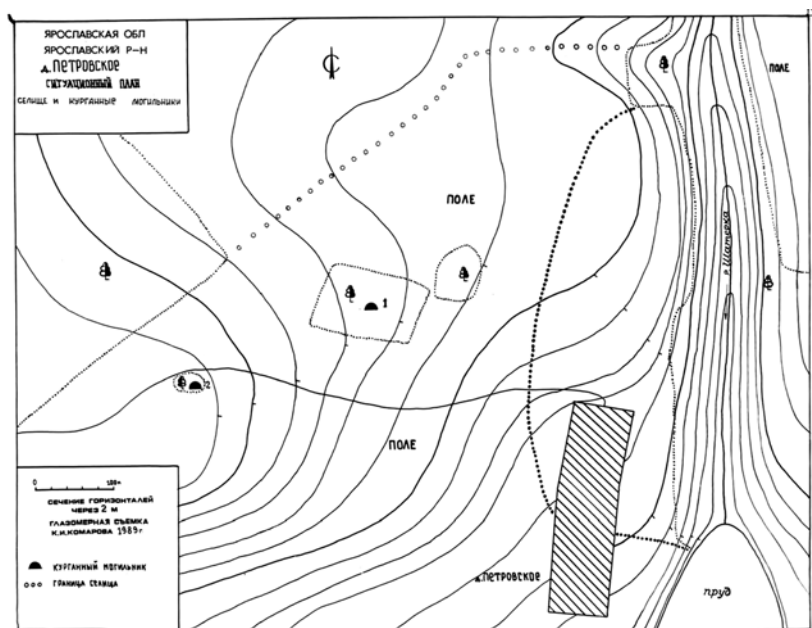

Рис. 1. Петровский археологический комплекс. Глазомерная съёмка К. А. Комарова 1989 года. Отдел археологических сводов и карт ИА РАН

отчёте за 1973 год И. В. Дубов указывает на хранившийся в фондах Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника план шурфовки селища у Петровского некрополя, которая была проведена сотрудниками Государственного исторического музея в 1963 году. Никаких сведений об этих раскопках И. В. Дубову найти не удалось⁶.

Аналогичный план, существующий в двух перебеленных, подготовленных для помещения в отчёт или публикацию копиях, хранится в личном фонде М. В. Фехнер в Научно-ведомственном архиве Исторического музея (рис. 3). Фактом, подтверждающим проведение работ в 1963 году, является коллекция находок в фонде отдела археологических памятников Исторического музея, происходящая из раскопа 1 и шурфа 4 на селище у деревни Петровское⁷. Каких-либо дополнительных материалов (фотографий, чертежей, дневников), касающихся этих работ, к настоящему времени обнаружить не удалось.

На плане указан раскоп размерами 6 x 6 метров и 17 шурфов площадью по 4 метра². В коллекции присутствуют находки, происходящие

⁶ Дубов И. В. Отчёт о работах Ярославского отряда кафедры археологии истфака ЛГУ в 1973 г. Архив ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 5031. Л. 1.

⁷ ГИМ 98313 Оп. «В». 1955 / 134–152.

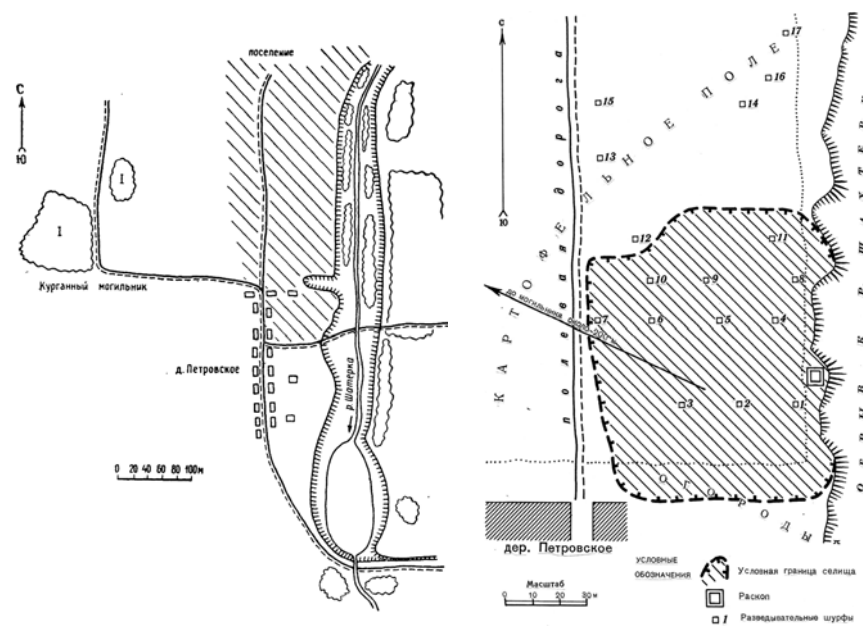

Рис. 2. План археологического комплекса у д. Петровское (по: Дубов, 1985. Рис. 6)

Рис. 3. План селища у д. Петровское с указанием раскопа и шурфов 1963 года. НВА ГИМ

из квадратов 1, 3–4 и 6–9 раскопа 1, что косвенно указывает на верное понимание размеров исследованного участка. Предметы происходят из слоя «дерновой» и слоя 2. Вероятно, толщина 1 слоя должна быть близка 20 сантиметрам. Следовательно, при работах на раскопе была зафиксирована мощность слоя, близкая 40 сантиметрам.

В описи присутствуют только находки из шурфа 4. Были ли остальные, отмеченные на плане 1963 года шурфы? Вероятнее всего, да. Аргументы — косвенные. Шурфы 12–17, расположенные за пределами распространения слоя поселения, действительно могли не содержать никаких находок. Удивительным образом нет никаких данных об обнаруженных предметах в линии шурфов 1–3, наиболее перспективном участке из отмеченных на плане. С другой стороны, исследования последних лет демонстрируют очень небольшую насыщенность находками селища у д. Петровское⁸.

Коллекция находок из раскопа 1/1963 невыразительна (рис. 4). Всего присутствует 14 номеров коллекционной описи. Большинство

⁸ Работы на территории Тимеревского и Петровского археологических комплексов / С. Д. Захаров [и др.] // Археологические открытия. 2015 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2017.

Рис. 4. Находки из раскопа 1 на селище у д. Петровское 1963 года. Номера соответствуют коллекционной описи Исторического музея. 134 – пряслице пиррофиллитового сланца, 135 – лезвие ножа, 136 – фрагмент обмазки, 137 – костыль, 138 – гвоздь, 139 – пластина, 140 – гвоздь (?), 146 – крица, 147 – фрагмент обмазки, 148 – фрагменты шлака, 149 – фрагмент оселка, 150 – черенок ножа, 151 – стенки лепных сосудов, 152 – фрагменты шлака; 134, 149 – камень, 135, 137–140, 146, 150 – железо, 136, 146–147, 151 – глина, 148, 152 – шлак

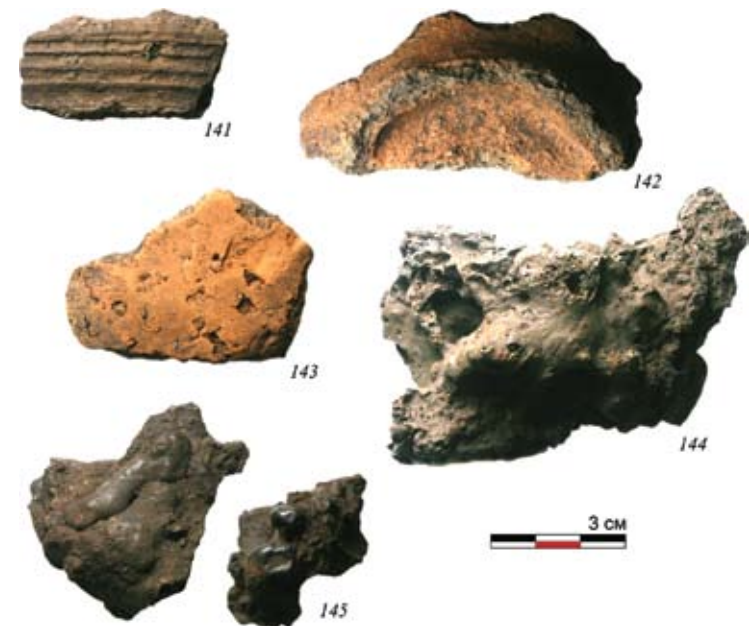

Рис. 5. Находки из шурфа 4 на селище у д. Петровское 1963 года. Номера соответствуют коллекционной описи Исторического музея. 141 – орнаментированная стенка кругового сосуда, 142 – фрагмент донца с поддоном кругового сосуда, 143 – стенка лепного сосуда, 144–145 – фрагменты шлака; 141–143 – глина, 144–145 – шлак

предметов не имеет узкой датировки, вероятно, большинство находок относятся к древнерусскому периоду. Среди предметов, обнаруженных в шурфе 4/1963 (рис. 5), – фрагменты лепной и круговой посуды. Последняя, в целом, не характерна для захоронений могильника 1 Петровского комплекса памятников и может быть датирована более поздним временем.

Обращает на себя внимание наличие значительного количества отходов металлургического производства в виде крупных фрагментов шлаков и криц. Обильный подъёмный материал, среди которого особенно выделены многочисленные остатки литейного производства (тигли, шлаки, крицы, оплавленная керамика, стекло и т. д.), отмечен при разведках И. В. Дубова в 1972 году⁹. Насыщенность культурного слоя шлаками и крицей подтвердилась по результатам шурфовки 1973 года¹⁰. Куски

⁹ Дубов И. В. Работы Ярославского отряда // Археологические открытия. 1972 год. М.: Наука, 1973. С. 63.

¹⁰ Дубов И. В. Отчёт о работах Ярославского отряда кафедры археологии истфака ЛГУ в 1973 г. Архив ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 5031. Л. 9–10.

крицы, шлака, тиглей присутствуют среди находок из шурфа 1 в раскопках В. Н. Седых 1985 года¹¹. В 2015 году на территории поселения заложено 8 шурфов общей площадью 20 метров². В результате промывки вынутого грунта была собрана коллекция массового материала, включающая без малого 23 килограмма шлака¹². Для некоторых участков поселения количество отходов металлообработки представляется аномальным. В шурфе 4/2015 площадью 1 метр² при мощности слоя до 0,4 метра было обнаружено 4,27 килограмма шлака¹³.

Исходя из имеющихся материалов, селище у деревни Петровское не прекращает своего существования одновременно с завершением функционирования могильника 1. По всей вероятности, зафиксированные по всей площади поселения значительные следы металлургического производства не связаны с древнерусским периодом его функционирования.

Обратившись к данным Археологической карты России, можно получить данные о том, что только в 1985 году на селище у деревни Петровское был заложён шурф¹⁴. К настоящему моменту можно говорить о 166 метрах² исследованной площади на территории поселения на правом берегу реки Шатёрки¹⁵.

Вполне уместным является вопрос о том, почему результаты исследований поселенческой части Петровского археологического комплекса в 1963 году так и не попали в отчётную документацию и впоследствии не были опубликованы. Основной причиной кажется широко известная монография 1963 года, в которой подведены итоги изучения курганных древностей могильников Большое Тимерево, Михайловское и Петровское. За 5 полевых сезонов 1959–1963 годов было раскопано 432 насыпи¹⁶. Именно интенсивные полевые работы и подготовка к печати их результатов в фантастически краткий срок представляются причиной, по которой данные о работах на селище в Петровском в 1963 году оказались отложены «на потом», которое, впрочем, не наступило.

Список источников и литературы

1. Археологическая карта России : Ярославская область / под ред. А. В. Кашкина. — М. : Институт археологии РАН, 2005. — 408 с.
2. Дубов, И. В. Города, величием сияющие / И. В. Дубов. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. — 182 с.
3. Дубов, И. В. Отчёт о работах Ярославского отряда кафедры археологии истфака ЛГУ в 1973 г. / И. В. Дубов // Архив ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 5031.
4. Дубов, И. В. Работы Ярославского отряда / И. В. Дубов // Археологические открытия. 1972 год. — М. : Наука, 1973. — С. 73.
5. Захаров, С. Д. О так называемой «сопковидной насыпи» у деревни Петровское / С. Д. Захаров // Археология : история и перспективы : Седьмая межрегиональная конференция / под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль, 2016. — С. 52–54.
6. Работы на территории Тимеревского и Петровского археологических комплексов / С. Д. Захаров [и др.] // Археологические открытия. 2015 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. — М. : Институт археологии РАН, 2017. — С. 123–126.
7. Седых, В. Н. О работах Ярославского археологического отряда в 1985 году / В. Н. Седых // Архив ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 11141.
8. Фехнер, М. В. Отчёт о раскопках близ д. Петровское Ярославской области. 1962 г. / М. В. Фехнер // Архив ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 2539.
9. Фехнер, М. В. Отчёт о раскопках курганной группы близ д. Петровское Ярославской области и района в 1963 г. / М. В. Фехнер // Архив ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 2729.
10. Ярославское Поволжье X–XI вв. : По материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / под ред. А. П. Смирнова. — М. : Советская Россия, 1963. — 144 с.

¹¹ Седых В. Н. О работах Ярославского археологического отряда в 1985 году. Архив ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 11141. Л. 9.

¹² Работы на территории Тимеревского и Петровского археологических комплексов... С. 125.

¹³ Или 6,038 литра по объёму. Считать тысячи мелких фрагментов не представляется продуктивным подходом.

¹⁴ Комаров К. И. Указ. соч. С. 92.

¹⁵ 1963 год — 104 м², 1973 год — 38 м², 1985 год — 4 м², 2015 год — 20 м².

¹⁶ Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / под ред. А. П. Смирнова. М., 1963.

К. А. Зубов

Устюжна

Город Устюжна в свете новых археологических открытий

Устюжна — один из древних городов на Русском Севере. По археологическому материалу, найденному на территории древнерусского городища, расположенного в устье реки Ижины, возникновение города относят ко второй половине XI века, по упоминанию в грамоте Ростово-Суздальского князя Романа к 1252 году. В XVI–XVII веках город становится крупнейшим центром чёрной металлургии на Русском Севере.

Устюжна в археологическом плане изучена слабо, хотя внимание к её древнейшей истории проявляли многие учёные. Так, А. В. Никитин писал: «Интерес к городу Устюжна может быть оправдан не только изучением формирования железоделательного производства на Руси, но и исследованием процессов возникновения города и городских поселений Севера»¹. Он же отмечал важность археологических исследований: «История города полна значительных пробелов, восполнить которые может археология. Эти материалы могут установить не только дату возникновения города, но и определить, хотя бы в общих чертах, облик материальной культуры и этнические условия, в которых начала развиваться жизнь в этом отдалённом районе нашей страны»².

До 2000-х гг. на территории Устюжны был известен один памятник археологии — Устюженское городище (рис. 1: 1). Его исследовали шурфами Е. А. Поливин (предположительно в 1860), В. И. Равдоникас (1929), К. А. Раевский (1954–1955). Они датировали его возникновение XIII–XIV вв. Планомерные раскопки на городище провёл А. В. Никитин в 1963 году, он датировал его XI–XII веками³.

¹ УКМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 21. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

³ Никитин А. В. Городище в г. Устюжне // КСИИМК. М., 1967. Вып. 110. С. 114–119.

Территорию Устюжны, за пределами городища, исследовали К. А. Раевский⁴ (1954–1955), Б. М. Яковцевский⁵ (1957), Е. Л. Хворостова (1990–1991). Ими в черте города зафиксирован культурный слой XIV–XVIII вв., места выплавки железа, фрагмент рва острога 1609 года.

Исследователи Устюжны отмечали парадокс: наличие древнерусского городища, несомненно, домонгольского периода, и отсутствие слоёв XI–XIV веков на территории города. Так, Е. Л. Хворостова, заканчивая отчёт о раскопках в Устюжне в 1991 году, писала: «...весьма странным кажется отсутствие ранних напластований (особенно, если учесть, что освоение мыса между Мологой и Ижиной относится к домонгольскому времени). Парадокс этот до настоящего времени не ясен»⁶.

Берег реки Ворожи. Мыс в устье реки Ворожи⁷ упоминается в сотных грамотах 1567 и 1597 годов, переписной ландратской книге Устюжны Железопольской 1713 года и именуется Могилицами, улица, проходившая по нему, называлась Могилицкой⁸. Возможно, мыс получил своё название по располагавшемуся поблизости кладбищу или средневековому могильнику. Мыс исследовался в 1955 году экспедицией Артиллерийского исторического музея, здесь было выявлено место выплавки и обработки железа⁹. Е. Л. Хворостова на мысу в 1990–1991 годах заложила шурфы № 1 и № 14. По находкам она датировала культурные слои XVII–XVIII веками¹⁰. Исследователем по итогам первого шурфа (культурный слой 0,16 м) было выдвинуто предположение, что древний культурный слой мог быть смыт по склону к реке.

С 2008 года в устьевой части долины реки Ворожи К. А. Зубов проводил сбор подъёмного материала (рис. 1: 5). Находки: неорнаментированные и орнаментированные венчики сосудов XII–XV вв., черепки чернолощёной и поливной керамики XVII–XVIII вв. (рис. 2). В 2009 году автором статьи в огороде дома № 18 был заложен шурф 1 м x 1 м (рис. 1: 3).

⁴ Максименков Г. А., Хлопин Г. Н. Археологические разведки в Устюженском и прилегающих районах // СА. 1958. № 4. С. 187–194.

⁵ Яковцевский Борис Модестович (1901–1977) — директор Устюженского краеведческого музея с 1928 по 1959 гг., за время работы собрал более 14 тысяч экспонатов. Вёл большую работу в области истории, этнографии, археологии, биологии, геологии и природоведения.

⁶ УКМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 54. Л. 58.

⁷ Современная ул. Правая набережная реки Мологи, дд. 17–24.

⁸ Васильев Ю. С., Воскобойникова Н. П. Сотная из книг И. И. Плещеева и Григория Зубатово Никитина сына Беспятого на посад Устюжны Железопольской // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 151; Баландин Н. И., Червяков В. П. Переписная ландратская книга Устюжны Железопольской 1713 г. // Аграрная история Европейского Севера. Вологда, 1970. С. 223.

⁹ Максименков Г. А., Хлопин Г. Н. Археологические разведки в Устюженском и прилегающих районах... С. 192, рис. 3.

¹⁰ УКМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 52. Л. 22–25.

Рис. 1. Участки древнего культурного слоя г. Устюжны на плане 1778 года (фрагмент):
 1 — Устюженское городище; 2 — культурный слой в районе дд. 5–7 по ул. Правая набережная реки Мологи; 3 — культурный слой в районе дд. 18–21 по ул. Правая набережная реки Мологи; 4 — культурный слой в районе д. 3 по ул. Красных зорь; 5 — места сборов керамического материала в устье реки Ворожи; 6 — распространение культурного слоя в урочище Подсосенье; 7 — культурный слой у вала Устюженского острога 1632 года; 8 — остатки рва Устюженского острога 1609–1614 гг.

Мощность культурного слоя составила 0,8 метра, он представлен чёрной и серой супесью, насыщен колотыми очажными камнями, костями животных и керамикой¹¹. Фрагменты керамики принадлежат различным типам сосудов XIV–XIX веков. Исходя из находок в сборах, можно сказать, что мыс мог быть заселён уже в XII веке.

В 2018 году автором статьи проведено археологическое обследование побережья реки Ворожи и прилегающей к ней территории. Целью этого исследования являлось выявление и изучение культурных слоёв в долине этой реки. Исходя из расположения древних улиц Устюжны, отмеченных на плане города 1778 года, можно сказать, что вдоль реки Ворожи шла постройка жилых и хозяйственных зданий с XII в. по XIX в. (рис. 1). Проведённое исследование береговой части реки Ворожи позволило выявить характерную для всех древнерусских городов закономерность: чем ближе к устью реки Ворожи — тем мощнее и насыщеннее артефактами культурный слой, и наоборот: чем дальше от устья реки — тем меньше культурный слой и материалы более современные, то есть заселение берегов реки Ворожи шло постепенно, его «расцвет» пришёлся на XVI–XVII вв., когда была сформирована структура городской застройки.

Ещё одним интересным местом, в непосредственной близости к рекам Вороже и Мологе, является участок по ул. Красных зорь, дом

3^{1 2}

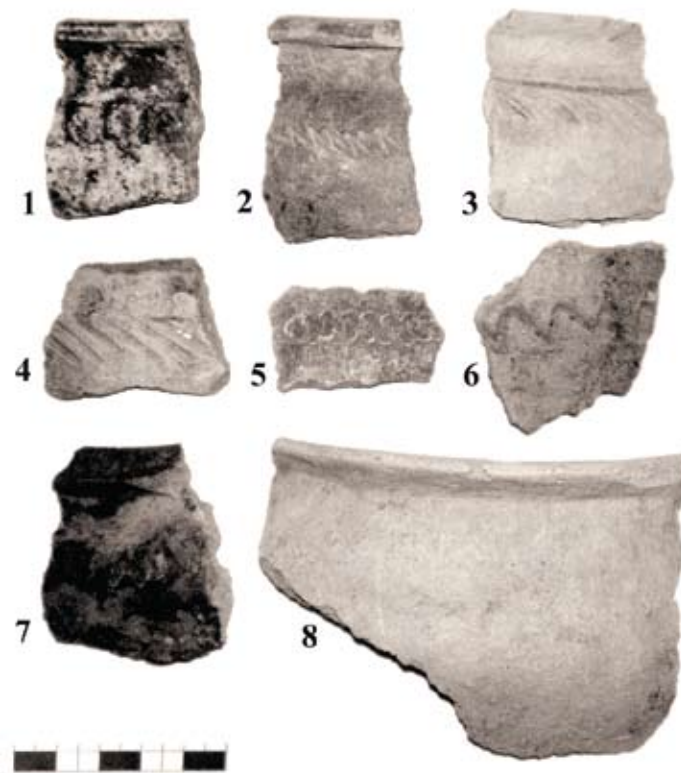

Рис. 2. Керамический материал с мыса и береговой части в устье реки Ворожи:
 1–7 — венчики круговых орнаментированных сосудов;
 8 — венчик кругового неорнаментированного сосуда. 1–8 — глина

(рис. 1: 4). На этом участке были собраны материалы, относящиеся к XVI–XIX векам: обломок «брунчалки», глиняное пряслице, обломок ножа, керамика с многорядным линейным орнаментом, колотый кремль (рис. 3). Эти находки подтверждают наличие ранних культурных слоёв на мысу между реками Мологой и Ворожей.

Устюженский острог 1609 года. Из исторических источников известно о двух крепостях, построенных в Устюжне в 1609 и 1632 годах. Первый острог начал строиться во время польско-литовского нашествия в феврале 1609 года, закончилось его строительство в 1612 году. К 1631 году первая крепость обветшала и начала разрушаться. В 1632–1633 годах устюжане

¹¹ УКМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 71.

¹² Выражаю благодарность В. А. Рыбакову за возможность провести обследование участка.

Рис. 3. Подъёмный материал с участка по адресу: ул. Красных зорь, д. 3: 1 — пряслице; 2 — брунчалка; 3 — обломок ножа. 1 — глина, 2 — кость, 3 — железо

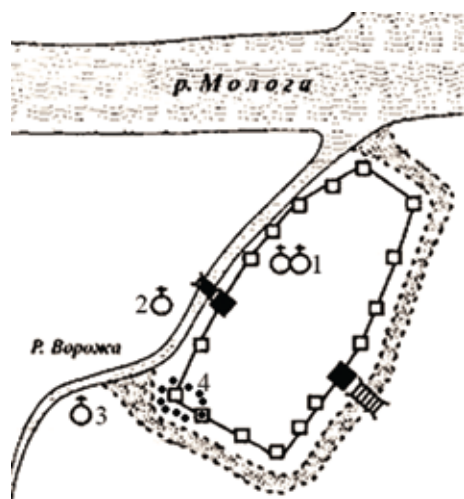

Рис. 4. План острога 1632 года (по И. В. Пугачу с дополнениями): 1 — Собор Рождества Богоматери; 2 — церковь Воскресения Христова; 3 — церковь Благовещения Богоматери; 4 — месторасположение сохранившегося вала острога 1632 года

строят вторую крепость¹³ — меньшего размера, и располагалась она только на правом берегу реки Ворожи. Остались ли какие-либо следы валов и рвов от первого и второго острогов на территории города? Уточнение этого вопроса позволит более точно выяснить расположение этих острогов. Расположение остатков рва первого острога на левом берегу реки Ворожи зафиксировано на подтвержденном плане Устюжны 1778 года (рис. 1: 8). У Е. А. Поливина находим свидетельство о сохранившихся в XIX веке валах: «...и до ныне подле неё [Благовещенской церкви — К. З.] уцелел вал, идущий с одной стороны прямо от неё к Дмитриевской церкви, а с другой прямо же на Собор, а от него

¹³ Подробнее об этом см.: Пугач И. В. Устюжна Железопольская в XVI–XVII веках // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 2002. Вып. 5. С. 39–44.

Рис. 5. Фрагмент вала острога 1632 года. Фото 2007 г.

вверх по берегу реки Мологи опять до Дмитриевской церкви»¹⁴. Г. Н. Максименко и И. Н. Хлопин пишут про остатки острога: «При осмотре Устюжны в разных местах города были обнаружены следы первого острога. Остатки стен и башен видны по берегу реки Мологи, остатки рва — у церкви Благовещения и вдоль современной улицы Розы Люксембург»¹⁵. Следы первого острога и свидетельства письменных источников позволили исследователям восстановить его планировку¹⁶. В 1990–1991 годах выявить запылившие рвы острога пыталась Е. Л. Хворостова. В отчёте 1990 года было отмечено, что «даже в настоящее время на отдельных участках, не затронутых поздними перепланировками, на месте рва прослеживаются слабые западины. Такое западение заметно и на выбранном нами участке [шурф 2 (4 м x 1 м) к югу от Благовещенской церкви — К. З.]»¹⁷. Найденный в шурфе керамический материал относился к XVII–XVIII вв., однако отдельные фрагменты керамики могут быть отнесены и к концу XV века.

¹⁴ Полин Е. А. Монастыри и церкви в Устюжне-Железопольской. Устюжна: Тип. Самойлова, б/г. С. 19.

¹⁵ Максименков Г. А., Хлопин И. Н. Археологические разведки в Устюжне и в прилегающих районах... С. 191.

¹⁶ Там же. С. 192, рис. 3.

¹⁷ Хворостова Е. Л. Отчёт об археологических исследованиях в г. Устюжне Вологодской области в 1990 г. М., 1991. С. 10 // УКМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 52.

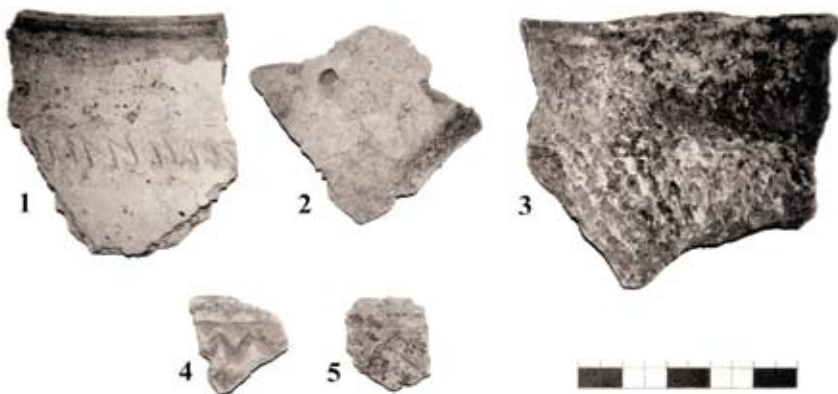

Рис. 6. Керамический материал из культурного слоя в районе дд. 5–7 по ул. Правая набережная реки Мологи: 1, 4, 5 – круговая орнаментированная керамика; 2 – стенка лепного сосуда; 3 – венчик лепного сосуда раннего железного века. 1–5 – глина

На месте предполагаемого рва Елена Леонидовна заложила шурф № 17, но его следы не обнаружили¹⁸.

Второй острог. Местоположение второго острога можно найти на чертеже в «Острожном деле»¹⁹. В дальнейшем его воспроизвёл И. В. Пугач в своей работе «Устюжна Железопольская в XVI–XVII вв.»²⁰. При обследовании долины реки Ворожи на территории детского сада «Сосенка» автор статьи обнаружил валообразную насыпь (рис. 5). Вполне вероятно, что это сохранившийся фрагмент вала Устюженского острога 1632 года, так как его расположение совпадает с планом острога, приведённым у И. В. Пугача²¹ (рис. 1: 7, 4: 4). Керамический материал, найденный в зачистке, заложенной рядом с валом, датируется XIII–XIX вв. Таким образом, на территории Устюжны частично и на небольшой территории сохранились участок рва первого острога и вал второго острога.

Правый берег реки Мологи. Холм рядом с бывшей Дмитриевской церковью. У современных домов 5–7 по ул. Правая набережная реки Мологи с XVI века по 1926 год стояла церковь Великомученика Дмитрия Солунского (рис. 1: 2). Берег Мологи в этом месте высокий — около 10 метров над уровнем воды. В 1991 г. у дома № 14 Е. Л. Хворостовой был заложен шурф

¹⁸ Хворостова Е. Л. Отчёт об археологических исследованиях в г. Устюжне Вологодской области в 1991 году. Том 1. Пояснительная записка. Индивидуальные и массовые находки. Графическая документация. М., 1992. С. 31–34 // УКМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 54.

¹⁹ РГАДА. Ф. 141. Д. 73. Л. 179–185.

²⁰ Пугач И. В. Устюжна Железопольская в XVI–XVII веках... С. 40, рис. 3.

²¹ Там же.

№ 11, но древние слои не были обнаружены²². В августе 2007 года житель Устюжны Алексей Домничев на дороге, проходящей по холму, нашёл сетчатую керамику раннего железного века и передал её в Устюженский краеведческий музей. Осенью того же года А. Н. Башенькиным на краю холма на берегу Мологи была

сделана зачистка. В ней найдены фрагменты лепной сетчатой керамики раннего железного века, лепная неорнаментированная керамика конца I тысячелетия н. э., фрагменты круговой керамики с линейно-волнистым орнаментом XI–XII веков и фрагмент венчика с волнообразным орнаментом XIV века (рис. 6). На глубине одного метра от поверхности в зачистке было зафиксировано погребение, по-видимому, относящееся к приходскому кладбищу. После этого работы в зачистке были прекращены, полная мощность культурного слоя не определена. Вероятнее всего на этом холме находились городище раннего железного века, территория города XI–XV веков и кладбище позднесредневекового и нового времени вблизи церкви Дмитрия Солунского. Следует отметить, что сетчатая керамика в культурном слое на территории города Устюжны была найдена впервые. Однако это не исключительная, а закономерная находка: в окрестностях города известно не менее трёх поселений раннего железного века²³, а выше города по берегам Мологи известен не один десяток поселений, в том числе несколько городищ²⁴.

Правый берег реки Ижины. Урочище Подсосенье. И. Ф. Токмаков писал: «Два с половиной века назад, занимая нынешнее пространство,

Рис. 7. Подъёмный материал с территории селища Подсосенье I: 1 – орнаментированный венчик кругового сосуда; 2 – венчик кругового сосуда, 3 – ложновитое кольцо; 4 – нож. 1, 2 – глина, 3 – медный сплав, 4 – железо

²² Хворостова Е. Л. Отчёт об археологических исследованиях в г. Устюжне Вологодской области в 1991 году... С. 13–17.

²³ Поселения и городище у д. Игумново (Игумново I–IV), Цыганская поляна.

²⁴ Их исследованием занимались А. Н. Башенькин и М. Г. Васенина.

Устюжна сверх того уходила ещё на две версты вверх по Ижине и на полторы вверх по Мологе, так что представляла собой в то время фигуру продолговатого треугольника или ижицы»²⁵. И. В. Пугач приводит близкие данные: «В середине XVI века Устюжна Железопольская занимала всю нынешнюю территорию по обоим берегам Мологи. Более того, часть городских дворов располагались в районе городища и вверх от него, по Мологе и Ижине»²⁶. Подтвердить вышесказанное помогли исследования территории урочища Подсосенье (рис. 1: 6). На правом коренном берегу реки Ижины автором статьи обнаружены две стоянки каменного века, эпохи раннего металла и пять средневековых селищ. Расположение средневековых селищ между собой небольшое — 100–200 метров. Находки на селищах (рис. 7) позволяют их датировать XIV–XVII вв. и указывают на расположение здесь построек древней Устюжны, «запустевшей» после морового поветрия 1569 года. Небольшие расстояния между поселениями указывают на свободную застройку средневековой Устюжны. И. В. Пугач на основе сотных 1567 и 1597 гг. пишет: «Каких-либо элементов организации жилой застройки Заижинской стороны — улиц, переулков, концов — не наблюдается. Видимо она была свободной, усадебной»²⁷. По такому же принципу была построена средневековая Вологда, о чём писал А. В. Никитин²⁸. В конце XVI века у ручья Глиняник была построена деревня Подсосенье²⁹, просуществовала она до 1609 года и была сожжена польско-литовским отрядом Микулая Косаковского.

Полученные в ходе археологического обследования Устюжны данные позволили по-новому взглянуть на древнюю историю города.

Территория в устье реки Ижины начала заселяться во второй половине XI века, рядом с уже существовавшим селищем на современной улице Правая набережная реки Мологи у дд. 5–7. Необходимость сооружения городища объясняется нахождением его на границе Новгородской и Ростово-Суздальской земель. Возможно, оно было возведено по распоряжению ростово-суздальских князей для укрепления своих северных рубежей: устюженское городище является самым крайним северо-восточным укрепленным поселением среди домонгольских поселений. Вторично оно использовалось в XVII веке как дозорная крепость, для этого были подсыпаны валы, выстроены тарасы и стены из дерева.

²⁵ Историко-статистическое и археологическое описание города Устюжны с уездом Новгородской губернии / сост. И. Ф. Токмаков. М., 1897. С. 3.

²⁶ Пугач И. В. Устюжна Железопольская в XVI–XVII веках... С. 58.

²⁷ Там же. С. 21.

²⁸ Никитин А. В. Древняя Вологда по археологическим данным // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961. С. 19.

²⁹ Подробнее об истории деревни см.: Зубов К. А. Урочище Подсосенье: история и современность // Устюжна: краеведческий альманах. Вып. 8. Вологда: ВГПУ, 2014. С. 423–435.

Наличие культурного слоя в урочище Подсосенье доказывает нахождение средневековой городской территории вверх по реке Ижине, о чём писалось в сотных 1567 и 1597 годов.

Ранее считалось, что от острога 1632 года каких-либо следов не осталось, но в результате обследования долины реки Ворожи был выявлен участок сохранившегося вала.

Особо интересным фактом представляется нахождение на мысу в устье реки Ворожи древнерусской керамики XII–XIII веков. По-видимому, именно здесь и располагаются те самые культурные напластования домонгольского времени, о которых писала Е. Л. Хворостова. Можно предположить, по меньшей мере, два варианта возникновения Устюжны. Первый, традиционный, высказанный ещё А. В. Никитиным и Е. Л. Хворостовой: городище в устье Ижины является первоначальным поселением, а позднее город «вышел» за его пределы. Второй вариант: слияние в город двух–трёх, а, может быть, и более одновременных поселений, расположенных на правом берегу Мологи.

Список источников и литературы

1. Баландин, Н. И. Переписная ландратская книга Устюжны Железопольской 1713 г. / Н. И. Баландин, В. П. Червяков // Аграрная история Европейского Севера. — Вологда, б. м., 1970. — С. 196–252.
2. Васильев, Ю. С. Сотная из книг И. И. Плещеева и Григория Зубатово Никитина сына Беспятого на посад Устюжны Железо-польской / Ю. С. Васильев, Н. П. Воскобойникова // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). — Вологда, б. м., 1981. — С. 136–177.
3. Зубов, К. А. Урочище Подсосенье : история и современность / К. А. Зубов // Устюжна : краеведческий альманах. — Вып. 8. — Вологда : ВГПУ, 2014. — С. 423–435.
4. Историко-статистическое и археологическое описание города Устюжны с уездом Новгородской губернии / сост. И. Ф. Токмаков. — М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1897. — 144 с.
5. Максименков, Г. А. Археологические разведки в Устюженском и прилегающих районах / Г. А. Максименков, Г. Н. Хлопин // Советская археология. — 1958. — № 4. — С. 187–194.
6. Никитин, А. В. Городище в г. Устюжне / А. В. Никитин // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. — Вып. 110. — М., 1967. — С. 114–119.
7. Никитин, А. В. Древняя Вологда по археологическим данным / А. В. Никитин // Сборник по археологии Вологодской области. — Вологда, б. м., 1961. — С. 6–24.
8. Поливин, Е. А. Монастыри и церкви в Устюжне-Железопольской / Е. А. Поливин. — Устюжна : Тип. Самойлова, б/г. — 37 с.

С. К. Кадиева, А. В. Энговатова

Ярославль, Москва

Чернолощённые кувшины Ярославля и Троице-Сергиева монастыря XVI–XVIII вв.

(Опыт сравнительной характеристики)¹

За последние 15 лет в результате масштабных спасательных раскопок, проведённых экспедицией ИА РАН под руководством А. В. Энговатовой на территории Троице-Сергиевой лавры (раскопано более 1,5 тыс. кв. м) и исторического центра Ярославля (раскопано более 7 тыс. кв. м), был получен очень представительный керамический материал, относящийся к эпохе XVI–XVIII вв.² Для сравнения коллекции из детинца Ярославля была взята большая коллекция керамической посуды того же времени, собранная в ходе раскопок на посаде Ярославля³.

В данной публикации речь пойдёт о наиболее распространённой категории чернолощённой керамики — кувшинах. Для Центральной России были разработаны две классификации такого вида посуды: работа Р.Л. Розенфельдта,

¹ Работа выполнена в рамках темы НИР «Хронологические индикаторы культурного слоя средневекового города (Торжок и Ярославль)» (НИОКТР ААА-А20-120070990064-2).

² Энговатова А. В. Отчёт об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2008 г. // Архив ИА РАН № 30438-30446. М., 2009; Энговатова А. В. Отчёт об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2009 г. // Архив ИА РАН № 30435-30437. М., 2010; Энговатова А. В. Отчёт о выполнении спасательных археологических полевых работ на территории объекта культурного наследия федерального значения «Исторический культурный слой на землях Троице-Сергиевой Лавры». М., 2020.

³ Праздников В. В. Отчёт об археологических исследованиях в г. Ярославле и на поселении Введенское в Некрасовском районе Ярославской области в 1999 г. // Департамент культуры и туризма Ярославской области, научный архив (далее — ДКиТ НА). № 528; Праздников В. В. Отчёт об охранных археологических работах в г. Ярославле на ул. Кедрова и на поселении Введенское в Некрасовском районе в 2000 г. // ДКиТ НА. № 553; Праздников В. В. Отчёт об археологических раскопках на участках застройки по ул. Кирова, д. 8/10, в г. Ярославле в 2012 г. // Архив ДКиТ НА. Без ф/н.

опубликованная в конце 1960-х гг. и описывающая московские кувшины⁴, которая на сегодняшний день в силу неточности данных уже не может считаться эталонной, и классификация А. А. Полуляха, посвящённая кувшинам Гжели (Раменский р-н Московской обл.)⁵. Несмотря на качественное описание технологии изготовления отдельных видов сосудов, автору часто приходилось «домысливать» морфологию кувшинов из-за крайне скудного материала — лишь нескольких десятков фрагментов сосудов.

Среди керамических материалов, происходящих из Ярославля и Троице-Сергиевой лавры, выделен довольно большой набор чернолощённых кувшинов, как целых форм, так и условно целых, которые дают возможность надёжно определить типы сосудов. В результате нами получены представительные достоверные материалы целой серии сосудов. Особенно интересно то, что удалось вычленить типы, отличные от уже выделенных в литературе⁶. Это даёт возможность дополнить типологию чернолощённых сосудов, устоявшуюся в литературе, поэтому эта тема нам показалась достойной для публикации.

При описании кувшинов из Ярославля и Троице-Сергиева монастыря в первую очередь анализировалось их применение: выделены группы столовой и хозяйственной керамики. Внутри групп разделение происходило по морфологии с учётом эволюции форм, где это было возможно. Такая система не претендует на законченность, а, наоборот, с учётом вновь обнаруженных и реконструируемых сосудов должна будет дополняться и изменяться (таблица 1). Надеемся, что предложенные нами типы могут быть дополнены по материалам раскопок других памятников.

Таблица 1

Соотношение типов кувшинов в разных классификациях

Энговатова, Кадиева	Розенфельдт	Полулях
Столовые 1.1	Тип 4	Тип 1
1.2	-«-«-	Тип 2
1.3; 1.4	-«-«-	-«-«-
2	Тип 4 (малых размеров)	-----
3	Тип 5	Тип 3
4.1; 4.2	-----	-----
Хозяйственные	-----	-----

⁴ Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Е1-39. 1968. С. 30–32, табл. 9, 10.

⁵ Полулях А. В. Археологические исследования в селе Гжель: белоглиняная расписная, чернолощённая и поливная керамика // Археология Подмосковья. Вып. 14. М.: ИА РАН, 2018. С. 457–462.

⁶ Подробнее см.: Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство...; Полулях А. В. Археологические исследования в селе Гжель...

Для исследования было отобрано 12 кувшинов полного профиля, 66 верхних частей (фрагменты с фиксированным переходом в плечико), 23 придонные части, 14 ручек.

Вся исследованная керамика изготовлена из красножгущихся глин. В тесте у ранней керамики (до начала XVII в.) прослеживаются вкрапления мелкого песка, у более поздней видимых примесей не выявлено. Керамика раннего времени похожа на московскую.

В основном, как для ранней, так и для поздней керамики проводился полный восстановительный обжиг, т. е. посуда изготавливалась в условиях ограничения доступа кислорода в течение продолжительного времени (цвет излома черепка серый). Однако примерно для 15 % посуды, в том числе и для нескольких кувшинов полного профиля, был проведён неполный восстановительный обжиг, вероятно, из-за частичного доступа кислорода или недостаточного времени восстановительного процесса. В результате цвет излома получился терракотовым.

Исследованная керамика имеет, как правило, интенсивный чёрный цвет поверхности, что, помимо осаждения углерода на поверхности, вероятно, связано с использованием сильноожезнённых глин или покрытием поверхности сосуда перед обжигом ангобом с высокой долей окиси железа и высокими температурами во время восстановительного обжига. Поздняя керамика более светлая, вероятно, за счёт использования менее ожезнённых глин или отказа от ангобирования и снижения температуры при восстановительном обжиге.

В целом, после восстановительного обжига посуда приобретала такие свойства, как повышенная прочность, низкая пористость и морозостойкость, но при этом увеличивалась усадка и хрупкость изделий. Жидкости в таких сосудах дольше не портились⁷.

Необходимо сделать важное пояснение — выбор упомянутого временного отрезка (XVI–XVIII вв.) продиктован, в первую очередь, субъективными обстоятельствами. Известно, что чернолощёная керамика в больших количествах бытовала и в XIX в., и в начале XX в., однако до недавнего времени слои этого периода не входили в сферу интересов исследователей-археологов. В результате мы вынуждены довольствоваться неполными и не совсем корректными статистическими данными, практически не учитывающими керамику XIX — начала XX в.

Группа столовых кувшинов

1. Кувшины средних размеров (d горла = 8–14 см) с раструбовидным горлом со сливом, сферическим или сфероконическим туловом, с дугообразной ручкой, идущей от верхней части шейки до начала тулова (6 сосудов полного профиля, 38 верхних частей, 23 придонные части).

⁷ Цетлин Ю. Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. С. 38–39.

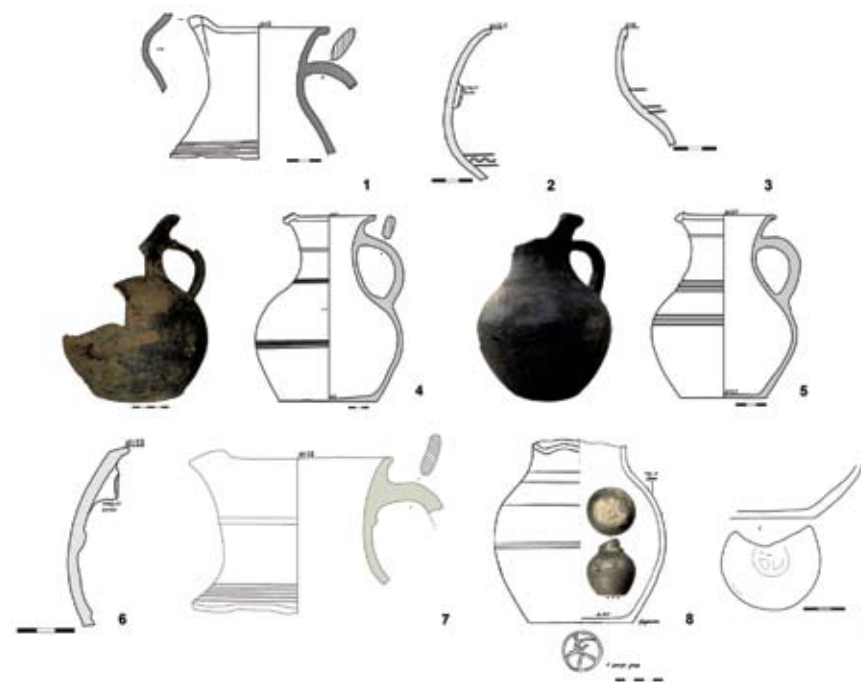

Рис. 1. Столовые кувшины вида 1.1, 1.2.

1–3, 6, 9 — Троице-Сергиева лавра; 1, 3 — раскоп 13, объект 142; 2 — раскоп 13, объект 178; 6 — раскоп 13, до -670; 9 — раскоп 6, до -760. 4, 5, 7, 8 — Ярославль: 4, 5, 7 — раскоп «Волжская набережная, д. 1»-08, сооружение 130; 8 — раскоп «Волжская набережная, д. 1»-09, яма 290

Такие кувшины можно назвать классическими, поскольку они являлись наиболее распространённой формой в Центральной России, начиная с середины XVI в. Наиболее ранние кувшины такого вида появляются в Троице-Сергиевом монастыре примерно во второй половине XVI в. и имеют прямые аналогии с московскими (тип 4 по Розенфельдту)⁸. Данные сосуды использовались в основном для подачи на стол и разлива различных напитков, ассортимент которых был огромен: в описи Троице-Сергиева монастыря за 1641 год упоминаются, помимо кваса, пива, вина, питьевой мёд — малиновый, черёмуховый, смородиновый, воды вишнёвые, яблочные, брусничные⁹. Вместимость таких кувшинов

⁸ Розенфельдт П. Л. Московское керамическое производство... С. 31, табл. 9.

⁹ НИОР РГБ. Ф. 173 I. Д. 578. Л. 483 об., Л. 484 об.

составляла 3,5–4,5 л, что соответствовало трети или четверти ведра¹⁰. Имея в распоряжении довольно значительную коллекцию кувшинов данного облика, попытаемся проследить их эволюцию от второй половины XVI в. до второй половины XVIII в.

1.1. Кувшины середины – второй половины XVI века (12 фрагментов верхних частей, 6 придонных частей) (рис. 1: 1–3). Обнаружены в Троице-Сергиевой лавре в раскопе 3 (объект 76Б (вторая половина XVI в.)), раскопах 13 (объекты 178 (середина – вторая половина XVI в.), 237 (конец XVI в.), 142 (рубеж XVI–XVII вв.), в раскопе 18 (объект 336 (конец XVI в.)). Сосуды имеют невысокое горло (d горла = 8–13 см). Высота шейки составляет от 4 до 6 см. Венчик загнут наружу и приглажен, образуя выраженный валик. Ручки в сечении овальные (2,1 на 1,2 см; 2,2 на 1,0 см) или веретенообразные (2,9 на 1,2 см; 3,8 на 1,5 см). Донца диаметром от 7 до 13 см сформованы на ручном гончарном круге.

На некоторых фрагментах прослежен линейный или линейно-волнистый орнамент, нанесённый поверхностно и почти невидимый из-за последующего лощения. На одном фрагменте по плечикам идёт рифлёный линейный орнамент из трёх полос (рис. 1: 3).

По внешней поверхности сосудов, включая донце, идёт сплошное лощение. Также залощены ручки и внутренняя часть венчика (на 1–2,5 см вглубь).

Сосудов полного профиля не сохранилось, но по направлению плечиков можно предположить, что тулово у них было сфероконическим.

1.2. Кувшины XVII века (2 сосуда полного профиля, 16 верхних частей, 11 придонных частей) (рис. 1: 4–9). Обнаружены в Троице-Сергиевой лавре в раскопе 15 (объект 188 (конец XVII в.)), в раскопах 6, 13, 15, 18 (пласты XVII века), в Ярославле в раскопе «Волжская набережная, д. 1» в 2008 г. (конструкция 130 (вторая половина XVII в.)) (в том числе и два сосуда полного профиля), в 2009 г. (яма 290 (XVII век)), в 2017 г. (объект 64, погребение 178 (конец XVII в.)).

Форма сосудов и оформление венчика по сравнению с предыдущим периодом не меняется. Выявлены следующие черты, характерные для кувшинов этого периода:

- наличие горизонтального чётко выраженного валика толщиной 0,3–0,5 см, проходящего по середине или по верхней трети высоты шейки;

¹⁰ Ведро – русская мера объёма, равная 12,3 л. Постоянно упоминается, например, в описи Троице-Сергиева монастыря за 1641 год: «... судов медяных и оловяных: три яндывы медяных по ведру, ... четыре кумгана мерою больши ведра, пять кумганов по ведру, ...два горшка медяных, один два ведра, другой в полтора ведра, ...котлик медяной ведра в три» (НИОР РГБ. Ф. 173 I. Д. 578. Л. 485 об., Л. 486).

- как правило, более светлый цвет поверхности: такая керамика уже не ангобируется перед обжигом;
- кувшины продолжают изготавливаться на ручном гончарном круге. Есть донца с закраинами, но без подсыпки, диаметр варьируется от 7 до 15 см. К этому времени относятся две придонные части кувшинов (без верхних частей), на донцах которых фиксируются клейма. Одна придонная часть, явно принадлежавшая кувшину описываемого типа, найдена в Ярославле на раскопе «Волжская набережная, д. 1» в 2009 году, в хозяйственной яме 290, датирующейся XVII веком¹¹. В центре донца диаметром 11 см расположен плохо просматриваемый оттиск в виде колеса (?) диаметром 4,3 см. Донце с закраиной, с лощением по краям (рис. 1: 8). Вторая придонная часть с оттиском на донце была обнаружена на территории Троице-Сергиевой лавры в 2019 году в раскопе 6, в слое (до -760), датируемом XVII веком. Клеймо – крест в круге диаметром 2,5 см – расположено в центре донца диаметром 7 см. Донце с закраиной, без подсыпки (рис. 1: 9);
- сосуды в основном орнаментируются линейным узором: два (реже один) ряда линий, сгруппированные по три или четыре, проходят по плечикам (редко по шейке) и по середине тулова;
- лощение выполнено не так тщательно. Оно сохраняется на внутренней стороне венчиков и частично на ручках (овальные в сечении (2,8–3,2 см на 1,0–1,4 см), отмечена одна веретенообразная (2,7 на 1,3 см), а также на всей поверхности сосудов. Придонная часть и донца с внешней стороны залощены небрежно.

Кувшины полного профиля имеют следующие размеры: d венчика – 13,5 см, d горла (шейки) – 9 см, d максимального расширения тулова – 20–21 см, d донца – 11,5–15 см. Высота общая – 26–27 см. Высота шейки – 9 см. У одного сосуда тулово сферическое, у другого – сфероконическое (рис. 1: 4, 5).

1.3. Кувшины первой половины XVIII века (2 сосуда полного профиля, 11 фрагментов верхних частей, 5 придонных частей) (рис. 2: 1–4).

Обнаружены в Троице-Сергиевой лавре в раскопе 15 (объект 14 (начало XVIII в.)), зоне наблюдений 13 (траншея (первая половина XVIII в.)), в раскопе 30 (объект 582) (первая половина XVIII в.) (в том числе один сосуд полного профиля), в Ярославле в раскопе «Волжская набережная, д. 1» в 2008 г. (конструкция 34 (первая половина XVIII в.) (в том числе один сосуд полного профиля)), в 2017 г. (объект 64, погребение 178 (первая половина XVIII в.)), в Ярославле на территории посада в раскопах

¹¹ *Энгватова А. В.* Отчёт об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2009 г. ... Т. 1. С. 146.

2000 г., 2012 г., (первая половина XVIII в.), в раскопе «Успенский» 2006 г. (конструкция 66 (XVIII в.)).

В первой половине XVIII в. продолжают бытовать сосуды с раструбо-видным горлом, на котором фиксируется горизонтальный валик. Оформление венчика также остаётся прежним. Продолжает использоваться ручной гончарный круг. Основные изменения происходят в оформлении внешней части кувшинов:

- плечики и верхняя часть тулова сосудов украшаются чётко выраженным рифлёным линейным орнаментом: глубоко прочерченные линии, сгруппированные по 4–8 рядов, свидетельствуют о наличии специальных штампов, которыми гончар мог украшать сосуды;
- сплошное, небрежно выполненное лощение фиксируется по верху и внутренней части венчика и на нижней части горла (от валика) до середины тулова. Зона от верха горловины до валика или вообще не залощена или на ней фиксируются пролощённые вертикальные зигзагообразные или волнистые линии. Такие же линии могут идти по нижней части сосуда. Ручки овальные в сечении (2,5–3,7 см на 1,4–1,8 см), не залощены.

Кувшины полного профиля имеют следующие размеры: d венчика — 11,5–13 см, d горла (шейки) — 9–10 см, d максимального расширения тулова — 19–21 см, d донца — 10,5–12,5 см. Высота общая — 26,5–28 см. Высота шейки — 9 см. Тулово — сфероконическое (рис. 2: 1, 2).

1.4. Кувшины второй половины XVIII века (2 сосуда полного профиля, 3 фрагмента верхних частей) (рис. 2: 5, 6). Выявлены в Ярославле в 1999 г. (хозяйственная яма на территории истфака ЯрГУ (середина — вторая половина XVIII в.) (в том числе один кувшин полного профиля)), в раскопе «Волжская набережная, д. 1» в 2008 г. (конструкция 89 (вторая половина XVIII в.) (в том числе и один кувшин полного профиля)). На верхней части горла так же, как и в более раннее время, фиксируется горизонтальный валик. Однако внешний облик кувшинов несколько меняется: удлиняется шейка, подчёркивается место перехода горла в плечики. Целиком сохранившиеся кувшины изготовлены уже на ножном гончарном круге: на внешней стороне донца есть следы среза ножом, на одном из сосудов на внутренней поверхности стенок прослежено рифление вытягивания. Орнаментация скудная — отмечены один–два ряда линий, сгруппированных по две–три, прочерченные палочкой или ножом. Сплошное лощение прослеживается по венчику и от нижней части горла (от валика) до середины тулова. Ручки овальные (2,8 на 1,1 см) или плоские (2,5 на 0,8 см) в сечении не залощены.

Размеры у сосудов полного профиля следующие: d венчика — 12,5–14 см, d горла (шейки) — 9 см, d максимального расширения

Рис. 2. Столовые кувшины вида 1.3, 1.4.

- 1 — Троице-Сергиева лавра, раскоп 30, объект 582.
 2–6 — Ярославль: 2 — раскоп «Волжская набережная, д. 1»-08, сооружение 34;
 3 — раскоп на ул. Кедрова, 2012 г.; 4 — раскоп на ул. Кедрова, 2000 г.;
 5 — «Волжская набережная, д. 1»-08, сооружение 89;
 6 — раскоп во дворе ЯрГУ, 1999 г.

тулова — 20–22 см, d донца — 12,2–13,8 см. Высота общая — 27–32 см. Высота шейки — 10–11 см. Кувшины имеют сфероконическое тулово (рис. 2: 5, 6).

Таким образом, кувшины модификации 1, являясь оптимальной формой столовой посуды, бытовали довольно длительный период — со второй половины XVI в. до конца XVIII в.

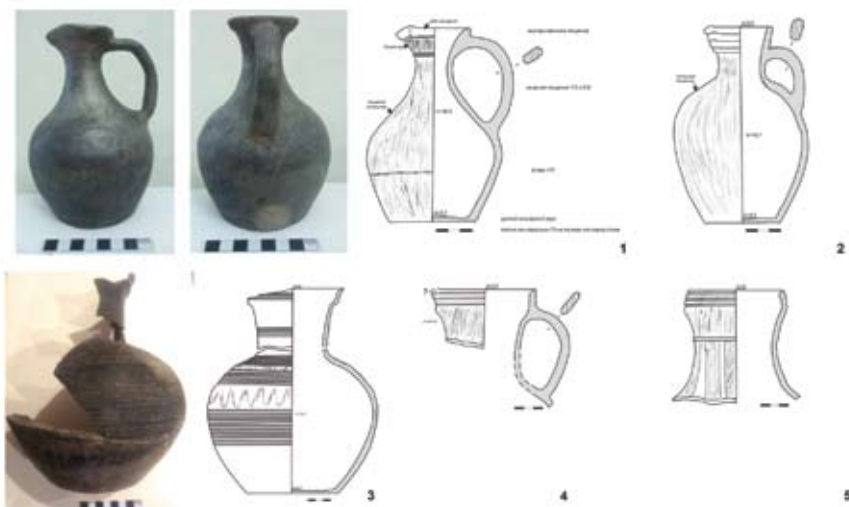

Рис. 3. Столовые кувшины вида 2, 3.

1, 2 — Ярославль: 1 — раскоп на ул. Кедрова, 2012 г.; 2 — раскоп на ул. Кедрова, 2000 г.;
3–5 — Троице-Сергиева лавра: 3 — раскоп 13, объект 166; 4 — раскоп 15, - 630-650;
5 — раскоп 18, - 570-590

2. Кувшины миниатюрных размеров с невысоким раструбовидным горлом со сливом со сфероконическим или сферическим туловом (2 кувшина полного профиля) (рис. 3: 1, 2). Обнаружены в Ярославле при раскопе посада на ул. Кедрова в 2000 г. и 2012 г. в слоях конца XVII в.

Данные кувшинчики очень напоминают кубышки — более распространённую категорию чернолощёной посуды, поэтому фрагменты от миниатюрных сосудиков аналогичной профилировки, но без выраженных признаков принадлежности к кувшинам (горлышко со сливом), не были учтены. Края венчиков отогнуты наружу, образуя один или несколько выраженных валиков. Ручки дугообразные, овальной формы (1,5–1,7 см на 0,8–1,0 см). Крепятся к верхней части шейки и плечу. Сосуды изготовлены на ручном гончарном круге. Лощение проходит от верхней части горла до нижней трети сосудиков, также фиксируется на ручках. Донце не залощено.

Размеры кувшинчиков следующие: d венчика — 5–5,5 см, d горла (шейки) — 3,3–3,5 см, d максимального расширения тулова — 10,5–11 см, d донца — 6,5–7,1 см. Высота общая — 16,2–16,7 см. Высота шейки — 4,5–5,5 см.

Вместимость таких сосудов очень мала — 0,3–0,4 л, следовательно, их неудобно было использовать для напитков. Вероятно, в них хранили

растительное масло, уксус. Иногда в таких сосудах, наряду с кубышками, прятали денежные клады. Примером может служить миниатюрный кувшин раннего времени (первая половина XVI в.), хранящийся в отделе нумизматики ГИМ, найденный в Москве и содержащий монеты Василия III¹².

3. Кувшины средних размеров с уплощённо-сферическим туловом и высоким подцилиндрическим горлом, расширяющимся на конце (6 верхних частей, 1 придонная часть). Части данных кувшинов найдены в Троице-Сергиевой лавре в раскопе 13 (объект 166 (первая половина XVII в.)), в раскопах 15, 18 (слои конца XVII в.) (рис. 3: 3–5). Диаметр горла таких сосудов составляет 10–13 см, высота горла — 9–10 см. По верху горловины проходят два–три валика, образованные горизонтальным рядом глубоко проведённых линий. Иногда от одного до трёх валиков опоясывают середину шейки. Край венчика загнут внутрь и хорошо заглажен. Ручки дугообразные, в сечении овальные (2,5 на 1,0 см) или плоские (2,8 на 0,8 см).

К сожалению, не удалось реконструировать кувшины полного профиля. Однако сохранились фрагменты придонной части и горло кувшина из объекта 166 (раскоп 13), которые позволили представить внешний вид таких сосудов. Кувшин из этого комплекса, вероятно, является наиболее ранним из всей собранной коллекции таких сосудов¹³. Размеры его следующие: d венчика — 13 см, d максимального расширения тулова — 22 см, d донца — 11,5 см. Предполагаемая общая высота — 26–27 см, высота горла — 9 см. На верхней части горловины, а также в нижней части шейки прослеживается по 3 валика (рис. 3: 3). Непонятно, был ли у таких сосудов слив, поскольку ни одной верхней части полностью не сохранилось. По горлу, включая валики, и по всей поверхности сосуда, за исключением внешней части донца, идёт сплошное лощение. От плечика до нижней части тулова идут, перемежаясь, прочерченные ряды из шести–двенадцати линий, отделённые друг от друга волнами. Линии проведены хоть и глубоко (рифлёный орнамент), но небрежно, что исключает вариант шаблона. Видимо, была использована палочка с тупым концом или какой-то подобный инструмент. Донце сформовано на круге ручного типа.

Остальные верхние части, относящиеся к более позднему времени (концу XVII — первой половине XVIII в.), также залощены, но не так тщательно. Иногда на верхней части горла фиксируется пролощенный волнистый орнамент. Ручки не имеют лощения. Вместимость частично

¹² Коваль В. Ю. Московская чернолощёная посуда // Археология Подмосковья. Вып. 15. М.: ИА РАН, 2019. С. 396–397.

¹³ Энгватова А. В. Отчёт о выполнении спасательных археологических полевых работ на территории объекта культурного наследия федерального значения «Исторический культурный слой на землях Троице-Сергиевой Лавры»... Т. 3. С. 531.

Рис. 4. Столовые кувшины вида 4.1, 4.2.
1–4 – Ярославль: 1, 2 – раскоп на ул. Кедрова, 2000 г.;
4 – «Волжская набережная, д. 1»-08,
сооружение 89

4. Кринковидные кувшины малых и средних размеров с высоким цилиндрическим горлом, со сфероконическим или цилиндрическим туловом (3 сосуда полного профиля, 4 фрагмента верхних частей). Вероятно, в первую очередь использовались для молока, наряду с кринками, но

¹⁴ Полулях А. А. Археологические исследования в селе Гжель... С. 460–461. Рис. 5: 4, 9.

¹⁵ Самошин С. И., Черкасов В. В. Кладовая керамика Коломны и Коломенского района XV–XVIII вв. (из фондов Коломенского краеведческого музея) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь, 2010. С. 273, рис. 3.

сохранившегося сосуда составляет примерно 4,5 литра. Принимая во внимание богатую орнаментацию кувшинов, можно предположить, что их использовали как парадный вариант столовой посуды для розлива напитков.

Сосуды такой конфигурации, вероятно, можно считать прототипами кувшинов, появляющихся в Москве в середине XVIII в. Последние изготовлены на ножном гончарном круге и богато украшены по всей поверхности валиками и расписным лощёным орнаментом. Такие сосуды, помимо Москвы, были найдены в Гжели (тип 3)¹⁴, на поселении Лупаново (Дмитровский р-н), в Коломне¹⁵ в слоях второй половины – конца XVIII в. Интересно, что в аналогичном сосуде из Коломны был обнаружен денежный клад.

могли употребляться для розлива пива, кваса, воды. Обнаружены в слоях конца XVII – XVIII в.

4.1. Кувшины конца XVII в. На сегодняшний день обнаружен всего один кувшин такого облика, однако, он настолько нетипичен, что его решено описать как отдельную модификацию (рис. 4: 1). Сосуд найден в Ярославле при раскопе посада на ул. Кедрова в 2000 г., в слоях конца XVII в. Край венчика загнут внутрь и хорошо приглажен. Горло без слива. Тулово сфероконическое. Ручка скруглённая, овальная в сечении (1,5 см на 0,7 см), прикреплена только к горлу. Сосуд выполнен на ручном гончарном круге. На верхней части горла кувшина прочерчены два ряда рифлёных линий и между ними проведена волна. Несколько линий проходят по горлышку и по середине тулова сосуда.

Сплошное лощение отмечено от нижней части горла до середины тулова. Частичное лощение прослежено на ручке. В верхней части горла фиксируется лощение вертикальными полосами, в нижней части тулова – зигзагами.

Кувшин имеет следующие размеры: d венчика – 10 см, d горла (шейки) – 7,5 см, d максимального расширения тулова – 12,5 см, d донца – 8,3 см. Высота общая – 24 см. Высота шейки – 11 см. Тулово сфероконическое.

Вместимость сосуда составляет примерно 1,5 л (восьмая часть ведра).

4.2. Кувшины XVIII в. Сосуды малых и средних размеров, с высоким, чуть расширяющимся к низу горлом со сливом. Тулово сфероконическое или эллипсоидное (2 кувшина полного профиля, 4 фрагмента верхних частей) (рис. 4: 2–4). Обнаружены в Ярославле на раскопе «Волжская набережная, д. 1» в 2008 г. (сооружение 89 (XVIII в.)), в раскопе «Рублёный» в 2008 г. (сооружение 27, верхние напластования) (XVIII в.), в раскопах посада на ул. Кедрова в 2000 г. (в том числе оба кувшина полного профиля). На верхней части горла кувшинов расположено, как правило, несколько валиков (реже один), образованных с помощью специального штампа. Венчик загнут наружу и приглажен. Ручки дугообразные, овальной формы (1,6–3,0 см на 1,0–1,8 см), крепятся к верхней части шейки и плечу. Сосуды изготовлены на ручном гончарном круге. По горлу и тулову может проходить орнамент из 2–4 горизонтальных линий, выполненных небрежно. Лощение проходит в нижней части горла (от валика) до середины тулова. На сосуде средних размеров отмечен узор лощёной волной на верхней части шейки.

Кувшины, сохранившиеся целиком, имеют следующие размеры: d венчика – 8–11 см, d горла (шейки) – 8,5–9,5 см, d максимального расширения тулова – 11,5–16 см, d донца – 9–10 см. Высота общая – 21,5–28 см. Высота шейки – 7,5–10 см (рис. 4: 1, 2).

Вместимость сосудов составляет от 1,4 л (восьмая часть ведра) до 3,5 л (четвёртая часть ведра).

Группа хозяйственных¹⁶ кувшинов

В данную группу включены широкогорлые кувшины больших размеров с раструбовидным горлом со сливом и сфероконическим туловом (1 сосуд полного профиля, 14 верхних частей) (рис. 5: 1–4).

Части таких обнаружены на раскопе «Волжская набережная, д. 1» в 2007–2008 гг., в том числе в заполнении сооружений 89 (XVIII в.) и 130 (рубеж XVII–XVIII вв.). Сосуд полного профиля и несколько верхних частей кувшинов, впоследствии реконструируемых до 4 сосудов от половины до двух третей высоты, извлечены при разборке хозяйственных ям XVIII в. во дворе исторического факультета ЯрГУ в 1999 г. Ещё 3 крупных фрагмента верхних частей найдены при раскопках во дворе пожарной части на Красной площади в 2017 г. в слоях первой половины XVIII вв. Таким образом, данные кувшины бытовали в XVIII в.

У всех сосудов венчики отогнуты, их черновой край завёрнут наружу и хорошо приглажен к поверхности. В верхней трети шейки у сосудов прослеживается хорошо заметный валик. Верх горловины и тулово соединены дугообразными ручками, овальными в сечении. Размеры ручек — 2,5–3 см на 1,0–1,5 см. Донце у сосуда полного профиля сформовано на ножном гончарном круге. Подсыпки не выявлено, отмечены следы среза с подставки нитью, середина наружной поверхности залощена.

На всех фрагментах и на целом сосуде отмечен прорезной линейный орнамент, группированный по 3–4 полосы. В основном узор проходит по зоне максимального расширения тулова, но иногда и по плечикам. Прочерчен он небрежно, эффекта рифления не создаётся.

Сплошное лощение идёт, как правило, от нижней части шейки (от валика) до середины тулова. У двух верхних частей, найденных во дворе пожарной части на Красной площади (2017 г.), верх шейки декорирован лощёными волнами. Также залощена и внутренняя часть венчика. В придонной части у кувшина полного профиля прослежена небрежная пролощёная размашистая волна высотой 8–9 см.

Размеры сосудов следующие: d венчика — 16–22 см, d горла (шейки) — 14–19 см, d максимального расширения тулова — 21–29 см, d донца — 13–17 см. Высота общая — 24–30 см. Высота шейки — 6–9 см.

Для чего могли использоваться такие сосуды? Вместимость их, 6,5–7,5 л (примерно половина ведра), а также широкая горловина приводят к мысли, что их могли употреблять для отстаивания жидкостей, на-

¹⁶ Этот термин, введённый нами для описания данной группы сосудов, на данный момент носит условно-собирательный характер. Впоследствии, по мере накопления материала и увеличения степени репрезентативности выборки кувшинов нетипичного облика и размеров, данная группа, вероятно, будет разбита на несколько различных групп с модификациями. Представляется интересным, что именно к одной из таких групп могут быть отнесены так называемые «ночные вазы».

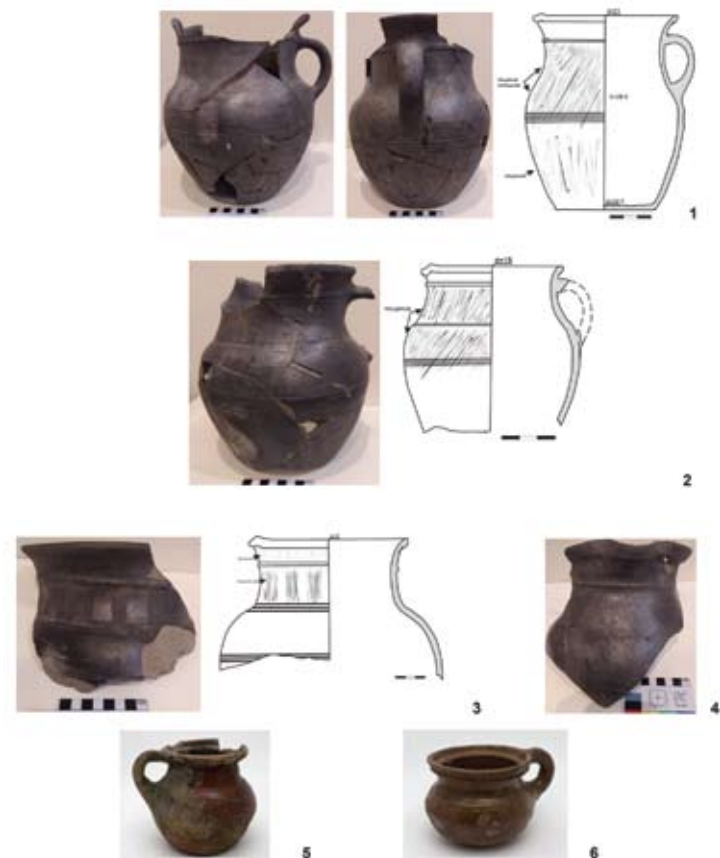

Рис. 5. Хозяйственные кувшины.

1–4 — Ярославль: 1, 2 — раскоп во дворе ЯрГУ, 1999 г.;
3, 4 — раскоп на Красной площади, 2017 г.; 5, 6 — «ночные вазы»
(Западная Европа, XVIII в.)

пример, воды. Воду из колодца, которую, кстати, часто носили огромными кувшинами с узким горлом (12–13 л — одно ведро), могли переливать для удобства использования в такую тару. Как раз из одного огромного кувшина можно было наполнить два описываемых сосуда. Правда, водоносных кувшинов, фрагменты и целые формы которых обнаружены на дне колодцев в Москве, ни в Ярославле, ни в Троице-Сергиевом монастыре найдено пока не было. Хотя на вероятность их бытования указывает один фрагмент стенки от большого кувшина, обнаруженный в 2017 г. в Ярославле.

Нельзя исключать и возможность использования такой посуды, например, для гигиенических целей. Интересно, что в Западной Европе в это время сосуды похожих пропорций и размеров, в том числе и чернолощёные, использовались в качестве «ночных ваз» (рис. 5: 5, 6).

Однако это пока лишь версии, для подтверждения или опровержения которых необходимо пополнение коллекции сосудов данного облика.

Итак, в результате исследования наиболее многочисленной категории чернолощёной посуды — кувшинов — удалось установить следующее:

- Чернолощёные кувшины в северо-восточном регионе Центральной России появляются примерно во второй половине XVI в. Наиболее ранние их образцы выявлены только в Троице-Сергиевом монастыре (модификация 1.1) и очень похожи на московские сосуды того же времени. Наибольшее распространение чернолощёные кувшины получили в монастыре в XVII в. По технологическим и морфологическим характеристикам они продолжали напоминать московскую посуду (модификации 1.2; 1.3; 3). Значительный процент данного вида посуды в монастыре обусловлен, вероятно, спецификой исследованной территории: все раскопы располагались или на территории «поварни», или вблизи неё.

В Ярославле производство чернолощёной керамики, соответственно, и изготовление чернолощёных кувшинов начинается позднее, ближе к середине XVII в., что связано с начавшимся расцветом города (с конца XVI в. стала действовать торговая трасса от Москвы к новому порту Архангельску и дальше через Белое море в Европу, которая проходила через Ярославль). Первые образцы ярославских кувшинов (модификации 1.2; 1.3; 2) также напоминали московские, однако, начиная с конца XVII века, в Ярославле появляются новые их виды, не имеющие аналогий ни в столице, ни в её округе (хозяйственные кувшины, столовые кувшины модификаций 4.1; 4.2). Эта картина продолжает наблюдаться и в XVIII в.

Таким образом, и в процветающем Троице-Сергиевом монастыре, и в богатом торговом Ярославле чернолощёные кувшины занимали почётное место среди всей остальной керамической посуды. Однако, если в монастыре они бытовали примерно в то же время, что и в столице, то в отдалённом Ярославле развитие поздней чернолощёной керамики пошло по своим законам. Вероятно, это было характерно и для других городов Северо-Востока, не относящихся к ближнему Подмосковию — Ростова, Владимира, Костромы. Надеемся, что в этом помогут разобраться исследования керамики позднего периода этих памятников.

Список источников и литературы

1. *Золотов, Ю. М.* Чернолощённый кувшин XVII в. с надписью / Ю. М. Золотов // СА. — 1959. — № 1. — С. 284–286.
2. *Коваль, В. Ю.* Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля. Малосерийные группы / В. Ю. Коваль // Археология Подмосковья. — Вып. 14. — М.: ИА РАН, 2018. — С. 414–441.
3. *Коваль, В. Ю.* Керамика Переяславля Рязанского XVII–XVIII вв. / В. Ю. Коваль // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. — Вып. 1. — Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2011. — С. 87–122.
4. *Коваль, В. Ю.* Московская чернолощёная посуда / В. Ю. Коваль // Археология Подмосковья. — Вып. 15. — М.: ИА РАН, 2019. — С. 383–400.
5. *Новоселова, Т. Н.* Керамические кумганы XVI века из Троице-Сергиева монастыря / Т. Н. Новоселова // Археология Подмосковья. — Вып. 10. — М.: ИА РАН, 2014. — С. 419–425.
6. *Полулях, А. В.* Археологические исследования в селе Гжель: белоглиняная расписная, чернолощёная и поливная керамика / А. В. Полулях // Археология Подмосковья. — Вып. 14. — М.: ИА РАН, 2018. — С. 451–468.
7. *Праздников, В. В.* Отчёт об археологических исследованиях в г. Ярославле и на поселении Введенское в Некрасовском районе Ярославской области в 1999 г. / В. В. Праздников // Департамент культуры и туризма Ярославской области, научный архив. № 528.
8. *Праздников, В. В.* Отчёт об археологических раскопках на участках застройки по ул. Кирова, д. 8/10. в г. Ярославле в 2012 г. / В. В. Праздников // Департамент культуры и туризма Ярославской области, научный архив. Без ф/н.
9. *Праздников, В. В.* Отчёт об охранных археологических работах в г. Ярославле на ул. Кедрова и на поселении Введенское в Некрасовском районе в 2000 г. / В. В. Праздников // Департамент культуры и туризма Ярославской области, научный архив. № 553.
10. *Розенфельдт, Р. Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. / Р. Л. Розенфельдт // САИ. — Е1-39. 1968. — 100 с.
11. *Самошин, С. И.* Кладовая керамика Коломны и Коломенского района XV–XVIII вв. (из фондов Коломенского краеведческого музея) / С. И. Самошин, В. В. Черкасов // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Вып. 6. — Тверь, 2010. — С. 269–278.
12. *Цетлин, Ю. Б.* Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода / Ю. Б. Цетлин. — М.: ИА РАН, 2017. — 346 с.
13. *Энговатова, А. В.* Отчёт об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2008 г. / А. В. Энговатова // Архив ИА РАН № 30438-30446. — М., 2009.
14. *Энговатова, А. В.* Отчёт об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2009 г. / А. В. Энговатова // Архив ИА РАН № 30435-30437. — М., 2010.
15. *Энговатова, А. В.* Отчёт о выполнении спасательных археологических полевых работ на территории объекта культурного наследия федерального значения «Исторический культурный слой на землях Троице-Сергиевой Лавры» / А. В. Энговатова. — М., 2020.

А. В. Кашкин

Москва

Сравнительная характеристика памятников дьяковской культуры. Географический аспект¹

В данной статье рассматривается ряд географических аспектов при размещении на местности памятников дьяковской культуры. Площадь её территории в бассейнах Волги и Оки составляет около 168 000 кв. км. На этом пространстве к настоящему времени известно около 590 дьяковских поселений: городищ и селищ. По географическому положению и степени освоенности в ареале дьяковской культуры выделяются три значительных региона: Верхнее Поволжье, Поочье и Москворечье. Мои предыдущие работы были посвящены именно этим регионам². Теперь настал черёд сравнить памятники этих регионов между собой и тем самым зафиксировать их схожие черты и локальные особенности.

Источниковой базой для данной работы, как и прежде, послужили выпуски «Археологической карты России» (далее — АКР) по Владимирской, Ивановской, Калужской, Костромской, Московской, Тульской, Ярославской областям³. Тем самым мы ещё раз смогли представить уникальные возможности данного издания для самых различных научных задач. В ряде

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Археологические и антропологические источники и верификация гипотез: методические аспекты фундаментального знания и полевых исследований» (№ НИОКТР АААА-А18-118011790092-5).

² Кашкин А. В. Дьяковская культура в Поочье. Географический аспект // Оки связующая нить. Археология Среднего Поочья: сборник материалов IX и X региональной научно-практической конференции. Ступино, 2017. С. 95–101, 1918. С. 44–50, 1919. С. 33–41.

³ Археологическая карта России. 1994, 1995, 1996, 1997, 1999, 2000, 2002, 2003, 2006, 2007, 2010, 2012.

случаев (для Москворечья) данные серии АКР были дополнены данными из монографий Н. А. Кренке⁴.

В данной работе проанализированы характеристики 591 памятника (221 городище, 370 селищ)⁵, расположенных в Верхнем Поволжье, в Поочье и в Москворечье на территории 7 указанных выше регионов РФ.

Под Верхним Поволжьем мы понимаем территорию Верхнего течения р. Волги с притоками от Ржевского р-на Тверской области до границы с Нижегородской областью. Протяжённость русла на этом участке около 680 км. Здесь (на основном русле и на притоках) расположены 284 памятника археологии дьяковской культуры: 115 городищ и 169 селищ. Крайний верхний по течению пункт на основном русле — городище Матюково (Зубцовский р-н, Тверская обл.), крайний нижний — селище Трубинка (Красносельский р-н, Костромская обл.). Остальные памятники расположены на левых притоках Волги в пределах Костромской области.

Под Москворечьем мы понимаем всё течение р. Москвы с притоками от истока в Можайском р-не до устья в г. Коломне Московской области. Протяжённость русла на этом участке около 350 км. На этой территории (на основном русле и на притоках) расположены 240 памятников: 87 городищ и 153 селища. Крайний верхний по течению пункт на основном русле — городище Тушков городок (Можайский городской округ, Московская обл.), крайний нижний — городище 1 в Коломне (Коломенский городской округ, Московская обл.).

Под Поочьем мы понимаем территорию течения р. Оки с притоками от Алексинского р-на Тульской области до Коломенского городского округа Московской обл. Протяжённость русла на этом участке около 180 км. Здесь (на основном русле и на притоках) расположены 67 памятников дьяковской культуры: 19 городищ и 48 селищ. Крайний верхний по течению пункт на основном русле — селище Алекино (Тарусский р-н, Калужская обл.), крайний нижний — селище Городец (Коломенский городской округ, Московская обл.). Далее все памятники дьяковской культуры Окского бассейна отходят довольно далеко от основного русла и располагаются на притоках в Ивановской и Владимирской областях. Таких памятников 69: 21 городище, 10 селищ. Расстояние от последнего памятника в Московской области до последнего юго-восточного памятника Окского бассейна (городище у д. Городищи на р. Клязьма во Владимирской области) — 260 км по прямой или около 500 км по руслу Оки.

⁴ Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М., 2011; Кренке Н. А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья. М.; Смоленск, 2019.

⁵ Здесь и далее количество памятников и их характеристики в основном приводятся по материалам серии АКР по вышеназванным областям с добавлениями и некоторыми корректировками. Количество обнаруженных объектов в настоящее время может быть больше.

В дальнейшем мы будем сравнивать памятники дьяковской культуры этих трёх географических регионов по основным параметрам, а именно: по расположению на реках (по порядкам), по ландшафтному устройству, по высотным отметкам, по площадям.

Поселения на реках и озёрах

Обратим внимание, что все три сравниваемых бассейна имеют иерархический характер, т. е. р. Ока является притоком Волги (второй порядок), а р. Москва — притоком Оки (третий порядок). Однако в данной работе мы применим нашу рабочую гипотезу о равновеликости всех трёх основных рек на исследуемых участках, а также представим себе, что дьяковское население воспринимало каждую из этих рек как главную.

Для начала приведём список рек по каждому из регионов.

Реки Верхней Волги (по порядкам):

1. Волга (96)⁶;
2. Вазуза, Волкота, Держа, Дубна, Кострома, Которосль, Медведица, Молога, Нерль Волжская, Сунжа, Сутка, Стежира, Тверца, Тьма, Тьмака, Умость, Унжа, Шоша, Щербиха (85);
3. Андоба, Вёкса, Волчина, Городенка, Корега, Кубрь, Кусца, Лама, Лахость, Меза, Осень, Остречина, Осуга, Сить, Устье, Шача, Шегра, Шостка (38);
4. Б. Сестра, Бродиха, М. Сестра, Могоча, Ноля, Повесть, Тифина (18);
5. Тошма, Уйवेशь (2).

Реки Поочья:

2. Ока (48);
3. Упа, Угра, Вырка, Протва, Нара, Скнига, Лопасня, Мутёнка, Осётр, Озёрна, Гусь, Тёша, Клязьма (46);
4. Исьма, Ича, Лужа, Репенка, Руть, Стародомка, Аночинка, Осётрик, Велинка, Исконна, Людовна, Отра, Самынка, Силявка, Колпь, Воря, Колокша, Нерль, Рпень, Уводь, Уча (28);
5. Турва, Городянка, Нищенка, М. Истра, Таличка, Суховка, Конопелька, Туровка, Осенка, Горетовка, Каменка (11);
6. Молодильня, ручьи (2).

Реки Москворечья:

3. Москва (112);
4. Банька, Барышиха, Вязёмка, Истра, Коломенка, Колочь, Лусянка, Пахра, Разводня, Руза, Северка, Серебрянка, Сетунь, Сходня, Химка, Яуза (84);

⁶ Первая цифра означает порядок реки, цифры в скобках — количество памятников.

5. Битца, Горетовка, Городянка, Десна, Моча, Нищенка, Озерна, Раменка, Рожайка, Суховка, Таличка, Язвенка (39);
6. Лубянка, Молодильня, Незнайка, Петрица, ручьи (5).

Сравнение регионов по этим показателям (по порядкам) дали следующую картину:

Верхневолжье	Поочье	Москворечье
1 — 96		
2 — 85	2 — 48	
3 — 38	3 — 46	3 — 112
4 — 18	4 — 28	4 — 84
5 — 2	5 — 11	5 — 39
6 — 0	6 — 2	6 — 5
Оз. — 45	Оз. — 2	Оз. — 1

Представленные показатели дают довольно разнообразную картину. Однако наивысшие показатели свидетельствуют, что большинство поселений в своём размещении тяготеют к крупным (главным, основным) рекам. Сравнительно малый показатель количества памятников для всей Верхней Волги при огромной протяжённости участка объясняется зарегулированностью течения, что привело к затоплению и размыванию (вплоть до полного исчезновения) памятников.

И ещё одно своеобразие Верхневолжья — это значительное количество памятников, расположенных на озёрных террасах (оз. Чеполшевское в Тверской обл. — 4, оз. Плещеево в Ярославской обл. — 5, оз. Галичское в Костромской обл. — 4). Объяснение этому простое — именно в этом регионе значительное количество озёр — от Тверской до Костромской областей.

Поселения и ландшафт

Попробуем проследить теперь некоторые особенности расположения памятников в различных географических условиях (на различных элементах ландшафта). Перед нами предстаёт следующая картина:

Ландшафт	Верх. Волга	Поочье	Москворечье
Коренной берег	63	30	75
2-я терраса	9	10	9
1-я терраса	98	10	10
Дюна, пойма	13	11	5
Останец, морена	13	2	0
Неизвестно	88	98	130

Однако террасы коренного берега у разных рек бывают разной высоты, равно как и определение террасирования берегов рек может оказаться не вполне корректным. В этой связи нами был предусмотрен подсчёт высотных отметок всех дьяковских поселений от уровня реки⁷, который представил нам следующую картину:

Высота рельефа	Верх. Волга	Поочье	Москворечье
От 1 до 5 м	105	30	10
От 6 до 10 м	61	10	22
От 11 до 15 м	33	10	37
От 16 до 20 м	11	11	15
Более 20 м	25	2	27
Неизвестно	49	98	130

Анализируя данную ситуацию, можно сказать, что памятники дьяковской культуры достаточно равномерно распределены по всем элементам рельефа. Значительное количество памятников Верхнего Поволжья, расположенных на низких элементах рельефа (первая терраса), означает лишь то, что в связи с подъёмом воды в Волге изменился и рельеф (то, что было 2-й террасой предстало ныне как 1-я).

Площадь памятников

Поселения с дьяковскими материалами очень разнообразны и по своим размерам⁸. Однако в большинстве случаев мы имеем дело с многослойными памятниками, содержащими также материалы от эпохи неолита до нового времени. Для анализа из всего массива памятников были отобраны памятники с материалами только дьяковской культуры, на которых отсутствуют находки каких-либо иных культур. Кроме того, из подсчётов были исключены частично разрушенные (размытые) памятники. Всего же анализировались площади 83 объектов (53 городища и 30 селищ). Их площадь в суммарном виде это выглядит так:

Площадь памятников	Волга	Ока	Москва
Малая (до 0,5 га)	97 (гор. 58, сел. 32)	29 (гор. 17, сел. 12)	44 (гор. 33, сел. 11)
Средняя (до 1 га)	12 (гор. 7, сел. 14)	5 (гор. 1, сел. 4)	1 (гор. 1, сел. 0)
Большая (более 1 га)	5 (гор. 1, сел. 4)	3 (гор. 1, сел. 2)	1 (гор. 0, сел. 1)
Неизвестно	48	11	16

⁷ В случаях, если поселение расположено на склоне, то высотные отметки определены нами по средней высоте.

⁸ Размеры селищ чаще всего определены по рельефным особенностям и по распространению подъёмного материала.

Размеры дьяковских поселений очень разнятся по площади. Для **Верхнего Поволжья** самое малое городище Чёрная Заводь на р. Чёрной (Ярославская обл.) имело площадь 0,07 га. Самое малое селище Никулино 1 на р. Волге (Ивановская обл.) имеет площадь 0,06 га. Самое большое городище Мусино на р. Лама (Московская обл.) имеет площадь 5 га. Самое большое селище Глухово на р. Сунже (Ивановская обл.) имеет площадь 7 га. Но на всём пространстве исследуемого региона преобладают малые поселения: городища площадью 0,2–0,25 га, селища — 0,3–0,4 га.

Для **Поочья** самое малое городище Митино на р. Ока (Тульская обл.) имеет площадь 0,03 га. Самое малое селище Дубровицы 2 на р. Десне (Московская обл.) имеет площадь 0,04 га. Самое большое городище Уляхино на р. Гусь (Владимирская обл.) имеет площадь 1,7 га. Самое большое селище Кривское 2 на р. Потве (Калужская обл.) имеет площадь 1,7 га. Но на всём пространстве исследуемого региона преобладают малые поселения: городища площадью 0,2–0,25 га, селища — 0,3–0,4 га.

Для **Москворечья** самое малое Темшинское городище на р. Озерне имеет площадь 0,09 га. Самое малое селище Красное на р. Пахре имеет площадь 0,07 га. Самое большое городище Рязань на р. Москве имеет площадь 0,7 га. Самое большое селище Нижнее Сляднево на р. Озерне имеет площадь 1,12 га. Но на всём пространстве исследуемого региона преобладают малые поселения: городища площадью 0,12–0,35 га, селища — 0,09–0,3 га.

Проанализировав ситуацию с памятниками археологии дьяковской культуры во всех трёх регионах её распространения (Верхнее Поволжье, Поочье, Москворечье), можно сделать ряд выводов:

1. По всем исследованным параметрам памятники во всех регионах представляют определённое единство. Во всяком случае, по тем параметрам, которые были рассмотрены.
2. Расположение памятников на реках достаточно схоже — они тяготеют к крупным рекам, главным для каждого региона.
3. Памятники распределены по всем элементам рельефа. Однако преобладают террасы коренных берегов рек, хотя и разной высоты.
4. Площади дьяковских поселений весьма невелики. Большинство из них имеют сравнительно небольшую площадь: 0,2–0,25 га — для городищ и 0,3–0,4 га — для селищ.

Продолжение разведочных работ позволит увеличить источниковую базу, более детально представить поселенческую структуру, но общие тенденции принципов расселения уже и сейчас представляются вполне реальными.

Список литературы

1. Археологическая карта России : Владимирская область / под ред. Ю. А. Краснова. — М. : Институт археологии РАН, 1995. — 379 с.
2. Археологическая карта России : Ивановская область / под ред. Ю. А. Краснова. — М. : Институт археологии РАН, 1993. — 224 с.
3. Археологическая карта России : Калужская область / под ред. Ю. А. Краснова. — М. : Авто, 1992. — 160 с.
4. Археологическая карта России : Костромская область / под ред. Ю. А. Краснова. — М. : Институт археологии РАН, 1999. — 396 с.
5. Археологическая карта России : Московская область / под ред. Ю. А. Краснова. — В 4 ч. — М. : Институт археологии РАН, 1994–1997. — Ч. 1. — 320 с. — Ч. 2. — 240 с. — Ч. 3. — 272 с. — Ч. 4. — 351 с.
6. Археологическая карта России : Тверская область / под ред. А. В. Кашкина. — М. : Институт археологии РАН. В 2-х ч. 2003, 2007.
7. Археологическая карта России : Тульская область / под ред. Ю. А. Краснова. — М. : Институт археологии РАН, 1999. — Часть 1. — 304 с.
8. Археологическая карта России : Тульская область / под ред. А. В. Кашкина. — М. : Институт археологии РАН, 2002. — Часть 2. — 262 с.
9. Археологическая карта России : Ярославская область / под ред. А. В. Кашкина. — М. : Институт археологии РАН, 2005. — 409 с.
10. Кашкин, А. В. Дьяковская культура в Верхнем Поволжье. Географический аспект / А. В. Кашкин // Археология : история и перспективы : Восьмая межрегиональная конференция : сборник статей / под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль : Академия 76, 2018. — С. 44–50.
11. Кашкин, А. В. Дьяковская культура в Москворечье. Географический аспект / А. В. Кашкин // Сборник материалов XII региональной научно-практической конференции «Оки связующая нить...». — Зарайск, 2019. [в печати].
12. Кренке, Н. А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья / Н. А. Кренке. — М. ; Смоленск : Свиток, 2019. — 392 с.
13. Кренке, Н. А. Дьяково городище : культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. / Н. А. Кренке. — М. : Институт археологии РАН, 2011. — 546 с.

А. В. Кудряшов

Вологда

Памятники VI–IX вв. бассейна Шексны и Белого озера: результаты поисков и перспективы изучения

Район Белозерья, включающий в себя бассейн р. Шексны и Белого озера, в последние десятилетия активно изучался. Экспедиции столичных и местных, вологодских археологов с 70-х гг. XX в. обследовали значительную часть территории региона¹. В результате были открыты сотни памятников археологии разных эпох, из которых значительная часть относится к средневековью. По результатам разведок и раскопок удалось реконструировать многие историко-культурные процессы, происходившие на территории региона и всего Русского Севера в X–XIII вв. и в более позднее время.

В ходе проведения разведывательных работ экспедиций Н. А. Макарова, А. Н. Башенькина, С. Д. Захарова, А. В. Кудряшова удалось также открыть большое количество объектов, относящихся к раннему железному веку. А. Н. Башенькин исследовал раскопками ряд памятников этого времени в бассейне Шексны: поселение Дом охотника на р. Большой Юг, поселение и могильник у д. Пугино, городище Никольское XV, могильник Никольское XVII на р. Суде, поселение и могильник Усть-Колоденка на р. Колпи. Ещё больше памятников железного века было раскопано исследователем на сопредельной территории — в бассейне р. Мологи. В результате этих работ удалось подробно изучить погребальную обряд-

¹ Неизученными остались пространства, скрывшиеся от глаз исследователей на месте образования крупных искусственных водоёмов — Рыбинского водохранилища, затопившего юго-восточную часть Молого-Шекснинской низменности в нижнем течении этих рек, и Шекснинского водохранилища, существенно, в свою очередь, разрушившего берега реки Шексны и Белого озера.

ность населения этого времени в регионе, особенности его хозяйства, домостроительные и фортификационные традиции и многое другое.

Исторический период между железным веком и временем массового освоения региона в X–XI вв. оказался слабо изученным, так как археологических памятников этого времени было известно совсем немного. Проблему выявления особенностей культуры населения, предшествующего веку белозерской — народа, населявшего земли по Шексне и вокруг Белого озера, исследователи пытались решать ещё в 70–80-е гг. XX в. Авторы скрупулёзно рассматривали все известные на то время древности и археологические объекты, которые могли быть источниками для изучения населения, живущего в I тыс. н. э., а также и в более ранние времена². После продолжительных поисков памятников раннего средневековья в верхнем течении р. Шексны и на Белом озере, исследователи пришли к выводу, что данный регион в раннем средневековье был очень слабо заселён³.

Задачами этого небольшого исследования является освещение истории поисков и изучения памятников раннего средневековья в регионе, проходивших в конце XX в. и в первые десятилетия XXI в., попытка рассмотреть динамику освоения р. Шексны и Белого озера населением в VI–IX вв., оценка перспектив поиска и изучения памятников этого времени в бассейне Шексны и Белого озера в будущем. Рассматриваемый в работе исторический промежуток времени составляет несколько веков, и поэтому для лучшего понимания динамики освоения региона в разные его этапы, изучения историко-культурных процессов, происходивших в те времена, есть необходимость поделить его на три периода: 1) конец V — начало VII в.; 2) VII–VIII вв.; 3) IX в.

Археологическими источниками для изучения 1-го периода раннего средневековья в регионе являются известные памятники археологии — селища и могильники, а также вещевые находки и массовые материалы этого времени, найденные в регионе. Основная часть этих памятников была исследована широкими раскопками. Среди них — комплекс Пугино на р. Суде, состоявший из поселения и могильника; поселения Дом охотника, Гоша 5 на р. Большой Юг, Древнее Белоозеро, поселение Усть-Сойда на р. Шоле, поселение Луковец, располагавшееся на Шексне, вблизи устья р. Суды (рис. 1: 4, 6, 21, 22, 23, 25, 26). Эти памятники подвергались

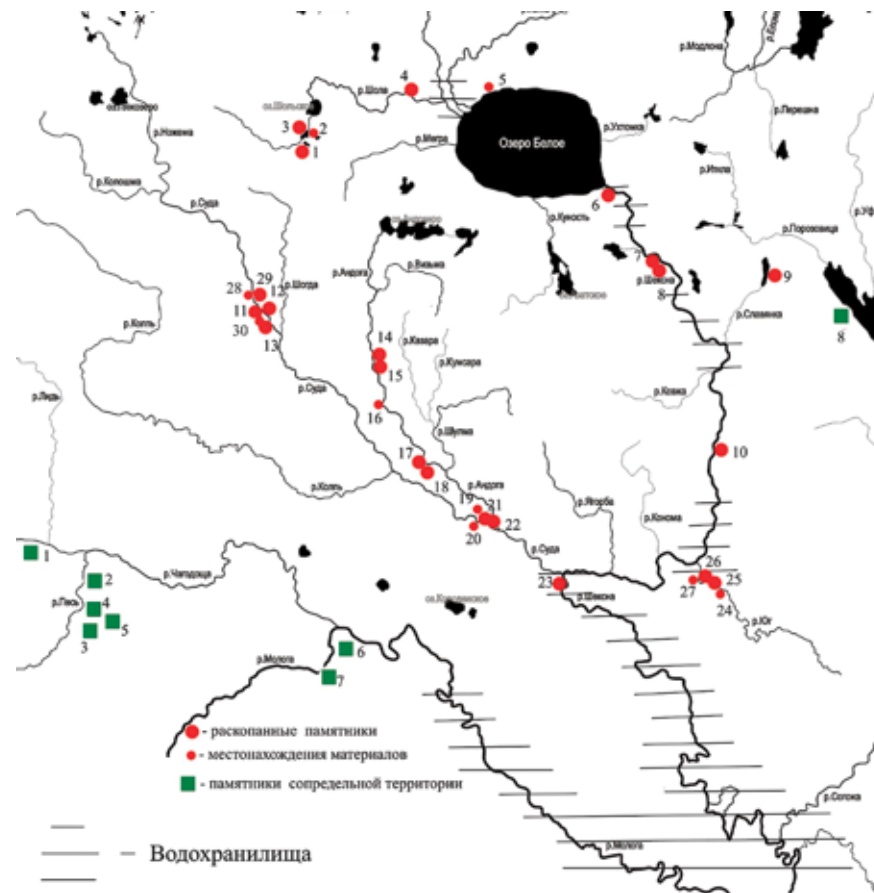

Рис. 1. Карта региона и сопредельных территорий с памятниками V–IX вв.

- Памятники бассейна Шексны и Белого озера: 1 — пос. Быкозеро I; 2 — пос. Войлахта V; 3 — пос. Войлахта XXVII; 4 — пос. и мог. Усть-Сойда; 5 — ст. Водоба II; 6 — Белоозеро; 7 — пос. Крутик; 8 — мог. Кладовка I; 9 — мог. Усть-Ситское VI; 10 — пос. Горка 2; 11 — мог. Никольское XI; 12 — мог. Никольское XIII; 13 — мог. Никольское XVI; 14 — пос. Стулолохта; 15 — мог. Стулолохта; 16 — пос. Глухое 1; 17 — пос. Чёрный ручей 2; 18 — мог. Чёрный ручей 4; 19 — местонахождение д. Кадуй; 20 — мог. Заозерье 2; 21 — пос. Пугино; 22 — мог. Пугино; 23 — пос. Луковец; 24 — пос. Гоша 1; 25 — пос. Гоша 5; 26 — пос. Дом охотника; 27 — пос. Шуцгоря; 28 — пос. Никольское I; 29 — пос. Никольское V; 30 — пос. Никольское XX.
- Памятники сопредельных территорий: 1 — мог. Варшавский Шлюз I; 2 — мог. Хутор Любахин I; 3 — мог. Усть-Белая I; 4 — пос. Усть-Белая V; 5 — мог. Усть-Белая IV; 6 — мог. Куреваниха III; 7 — мог. Крутец-Избоищи; 8 — пос. Минуно I

² Голубева Л. А. К проблеме этногенеза веги // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 142–147; Макаров Н. А. О некоторых комплексах середины — 3 четверти I тысячелетия н. э. в Юго-Восточном Прионежье и на р. Сухоне // КСИА. Вып. 183. М.: Наука, 1986. С. 23–32; Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси (Славяно-русские древности). Вып. 3 (под ред. И. В. Дубова, И. Я. Фроянова). СПб.: Изд. СПб. ун-та, 1995. С. 3–29.

³ Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 107.

раскопкам в разное время и изучались разными исследователями. Они были многослойными, на некоторых из них материалы интересующего нас периода обнаружены в ходе раскопок основного слоя или собраны на поверхности памятника, как на Луковце. Поселение и могильник Пугино существовали от рубежа эр до XI в., Усть-Сойда сохранила разновременные отложения от неолита до X в.; культурный слой поселения Дом охотника содержит материалы от начала I тыс. до н. э. до второй половины I тыс. н. э. Имеется также ряд поселений, не подвергавшихся раскопкам. Исследователи, их открывшие, относят эти памятники к раннему средневековью. Среди них: поселения Никольское I, Никольское V, Никольское XX на р. Суде и некоторые другие (рис. 1: 28, 29, 30).

Во время исследования автором в 2013–2014 гг. многослойного памятника Усть-Сойда на Шоле (рис. 1: 4), в северной его части был обнаружен могильник, получивший название Северный. Информация о данном могильнике, как и о некоторых других памятниках, о которых пойдёт речь в данной статье, уже известна по публикациям⁴. Напомним, что могильник представлял собой скопление кальцинированных костей, принадлежавших человеку и животным, имевшее вид пятна округлой формы площадью около 30 кв. м. Единственным уцелевшим объектом на могильнике оказалась овальная в плане яма размерами 2,2 x 1,2 м, с уплощённым дном, глубиной в материке до 0,15 м. В северной и центральной частях ямы наблюдалось скопление кальцинированных костей общей массой около 60 гр. По углю из ямы была получена дата 1600 ± 100 л. н. (LE-10994). Среди рассыпанных на поверхности костей были обнаружены фрагменты гладкостенной лепной керамики, железные и бронзовые предметы, большая часть которых оплавлена. Среди находок — железные вток от копья, втульчатый наконечник стрелы, бронзовый наконечник ремня из согнутой пополам пластины, скрепленной заклёпкой, наконечник ремня из бронзы с овальным краем и прямоугольными уступами, фрагменты бронзовых изделий, две стеклянные бусы. Некоторые предметы имели аналогии на ранних памятниках неволинской культуры⁵. По инвентарю и радиоуглеродной дате могильник может быть отнесён к V–VI вв., т. е. рубежу раннего железного века и средневековья. На поселении, расположенном рядом с могильником, обнаружены некоторые материалы, относящиеся

⁴ Кудряшов А. В. Исследование поселения Усть-Сойда в Западном Белозерье // Археология: история и перспективы: Седьмая межрегиональная конференция: сборник статей / под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль, 2016. С. 93–106; Кудряшов А. В. Средневековые памятники бассейна Шолы и Шольского озера: первые результаты исследований // Археология Севера. Выпуск 7. Материалы археологических чтений памяти С. Т. Еремеева 25–26 февраля 2016 г. Череповец, 2018. С. 57–66.

⁵ Голдина Р. Д., Водолого Н. В. Могильники Неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1990. Таб. XXXIII; 13, 22, 23; LXV, 40–44.

к этому времени: фрагмент лезвия от узколезвийного топора, возможно, кельга, железная пряжка трапециевидной формы, гладкостенная керамика, среди которой есть фрагменты сосуда — чашки с закруглённым дном. В могильнике Пугино на нижней Суде также имеются многочисленные вещи, датируемые V–VI вв.: конические подвески с треугольными прорезами, наконечники стрел, предметы поясной гарнитуры, стеклянные бусы. Материалы этого времени обнаружены также на других памятниках региона, которые подверглись раскопкам. Так, на многослойном поселении Дом охотника, раскопанном А. Н. Башенькиным, найдены гладкостенная и грубая лепная керамика второй половины I тыс. н. э., а также бронзовый спиральный перстень в три с половиной оборота, датируемый VI–VII вв.⁶ На поселении Гоша 5, расположенном чуть выше по течению р. Большой Юг от Дома охотника в слое, датируемом в основном XI–XIII вв., в 2017 г. экспедицией под руководством автора обнаружена раннесредневековая гладкостенная лепная керамика, а также бронзовый наконечник ремня с пазом и отверстием для крепления ремня и выделенной головкой, имеющий аналогии на позднедьяковских городищах, а также на финно-угорских могильниках VI–VII вв. (рис. 2: 8)⁷. Известны находки вещей этого времени также на Древнем Белоозере, где обнаружены бронзовая фибула с прилитыми усиками, бронзовая беспетельчатая коническая подвеска с треугольными отверстиями, датированные V–VII вв. Л. А. Голубева упоминает также о находке в раскопах меровингского наконечника стрелы (конец V — середина VIII вв.)⁸.

В 2015 г. в шурфе на поселении Войлахта XXVII на озере Левинском, входящем в состав Шольской озеро-речной системы (рис. 1: 3), была обнаружена фибула-сюльгама полуовального сечения с ребристым орнаментом, близкая к изделиям VI–VII вв., обнаруженным в Безводнинском могильнике (рис. 2: 4)⁹.

Ещё одна оригинальная находка этого времени была сделана на поселении Луковец на Средней Шексне. Здесь была обнаружена серебряная цепь подчетырёхугольного сечения, выполненная из перевитых колец. Цепь состояла из трёх фрагментов общей длиной 22,5 см (рис. 2: 5). Время бытования этих типов украшений продолжительно — от античной эпохи до эпохи викингов. Подобные цепи обнаружены в Ташкинском, Георгиевском кладах, в Подчеремском кладе на Северном Урале, в Агафоновском

⁶ Башенькин А. Н. Отчёт археологической экспедиции Череповецкого музея о работах в Вологодской области в 1982 году // Архив ИА РАН Р-1. С. 30–40.

⁷ Розенфельд И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука, 1982. С. 106–108; рис. 24, 13, 18; 25, 22–24.

⁸ Розенфельд И. Г. Указ. соч. С. 76; Голубева Л. А. Вещь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука, 1973. С. 142, рис. 12, 14; 44, 12.

⁹ Краснов Ю. А. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. Рис. 32, 4, 15, 17.

Рис. 2. Вещевой инвентарь памятников бассейна Шексны и Белого озера V–IX вв.

1 – подвеска-птичка; 2, 10 – браслеты; 3 – портупейный крюк; 4 – сьюльгама; 5 – цепь фибулы; 6, 7 – бусы; 8 – наконечник ремня; 9 – накладка на ремень.

1 – местонах. д. Кадуи; 2, 3, 5–7 – пос. Луковец;

4 – пос. Войлахта XXVII; 8–пос. Гоша 5; 9, 10 – мог. Ступолохта.

1, 2, 4, 8–10 – сплавы цветных металлов; 3 – железо; 5 – серебро; 6, 7 – стекло

могильнике, Поломском могильнике на р. Чепце. Цепь, изготовленная из золота, найдена в Новинковском могильнике, располагавшемся вблизи г. Уфы. Изделия, близкие к луковецкой находке, изготавливались в мастерских византийского круга во второй половине VI – начале VII в.¹⁰ Рубежом эпох раннего железа – раннего средневековья датировал А. Н. Башенькин могильник с кремацией Заозерье II, расположенный на правом берегу р. Суды, напротив Пугино (рис. 1: 20). Этим же временем он датировал лепную керамику поселения Войлахта V на р. Великой, связывающей Левинское озеро с Шольским (рис. 1: 2).

Следующий период эпохи раннего средневековья представлен в регионе значительными по размерам поселением Чёрный ручей 2 и могильником Чёрный ручей 4 на р. Андоге. Сюда же можно отнести поселение и могильник Ступолохта, расположенные выше по течению р. Андоги комплекса «Чёрный ручей» (рис. 1: 14, 15, 16, 17, 18). Материалы VII–VIII вв. имеются также на известном комплексе «Пугино» на нижней Суде и кое-где ещё. Основная часть памятников этого времени оказалась на Андоге, левом притоке р. Суды, которая, в свою очередь, является шексинским притоком. Большинство материалов VII–VIII вв. связано с комплексом Чёрный ручей. Здесь исследованы остатки построек различного вида, отопительные сооружения, хозяйственные ямы, остатки производственных комплексов. На поселении обнаружено место сожжений умерших. На поселении и в могильнике найдены также сотни вещевых находок и тысячи фрагментов керамики. Могильник, содержащий погребения по обряду сожжения, был обнесён со стороны поселения изгородью, от которой сохранились столбовые ямы. Кремации, содержавшие в большинстве случаев вещевой инвентарь, помещались в неглубокие овальные и круглые в плане ямы диаметром от 0,4 до 0,6 м, глубиной до 0,4–0,5 м, а также в ямы больших размеров. Описание поселения и могильника было дано в нескольких публикациях, поэтому не рассматривается подробно в данной статье¹¹.

¹⁰ Голдина Р. Д. О датировке Бартымского комплекса памятников в Приуралье // Древнее Прикамье эпохи железа: хронологическая атрибуция (VI в. до н. э. – XV в. н. э.). Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2012. С. 379–391.

¹¹ Кудряшов А. В. Поселение Чёрный ручей 2 на р. Андоге (Некоторые итоги исследования в 2003–2006 гг.) // Археология: история и перспективы: Третья межрегиональная конференция: сборник статей. Ярославль, 2007. С. 114–123; Кудряшов А. В. Неволинские древности в бассейне р. Шексны // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III. М.: ИА РАН, 2008. С. 140–142; Кудряшов А. В. Памятники IX – начала XI вв. в бассейне р. Шексны и Белого озера: возможности для реконструкции историко-культурных процессов в регионе // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: сборник материалов международной научной конференции. Вологда-Кириллов-Белозерск 6–8 июня 2012 г. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 48–61; Кудряшов А. В. Белозерская весь: современный взгляд // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. Институт археологии РАН; Отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М., Вологда: Древности Севера, 2014.

На поселении выявлены остатки построек полуземляночного типа, а также остатки наземных построек с подпольными ямами. Коллекции находок, обнаруженных на поселении, в «погребальном комплексе», в могильнике Чёрный ручей 4, содержали большое количество украшений, изготовленных из бронзы, стекла, даже железа и кости. Кроме многочисленных металлических деталей неволинских поясов: Ж-образных накладок, накладок с приострѣнным краем, полуовальных накладок, накладок-тройчаток, квадратных с прорезью, круглых и арочных накладок с орнаментированными вставками и других, а также пряжек, наконечников ремней, обнаружены бронзовые браслеты, подвески и их детали, бляшки и многие другие изделия. В восточной части поселения, на берегу Андоги исследованы остатки металлургического и кузнечного комплексов. Найдены многочисленные ямы, заполненные железными шлаками, обнаружены в большом количестве шлаки на поверхности, рядом с ямами, найдены обломки воздуходувных трубок, обрубки железа, заготовки из него.

Остатки поселения и полуразрушенный могильник VII–IX вв. были обнаружены при раскопках курганов X — первой половины XI в. в среднем течении Андоги, на правом её берегу в урочище Коера. Среди находок имеются изделия из бронзы: браслеты из массивного дрота, один с гранчатыми концами и кружковым орнаментом, пластинчатый браслет с отогнутыми концами, очень крупные грушевидные бубенчики и бутылковидные подвески, литой перстень с овальным щитком, бусы, распространѣнные в VI–VIII вв., и другие вещи¹² (рис. 2: 9, 10). Многие из них имеют аналогии среди ломоватовских и неволинских древностей VII–IX вв. Погребения разрушенного при сооружении курганов и норами животных могильника этого времени помещались в неглубокие ямы и на поверхности его погребальной площадки. В восточной части кургана 1 под насыпью на обгоревшем дощатом настиле вместе с кальцинированными костями лежало около десятка крупных бубенчиков и бутылковидных подвесок. Уголь из двух таких погребений был датирован VII–VIII вв. Между курганами в раскопе была исследована постройка — полуземлянка подпрямоугольной формы в плане размерами 4 x 5,5 м, глубиной до 0,45 м с развалом очага из крупных камней внутри.

Материалы VII–VIII вв. обнаружены А. Н. Башенькиным в могильнике Пугино, где среди находок имеются фрагменты височных колец, шумящих подвесок, бронзовые спиральки, бусы и др. вещи¹³. Присутствие материалов

¹² Кудряшов А. В. Исследование могильника Ступолохта 2 // Археология: история и перспективы: Пятая межрегиональная конференция: сборник статей / под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль, Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2012. С. 93–106; Кудряшов А. В. Белозерская весь: современный взгляд...

¹³ Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э... С. 3–29.

VIII в. на берегу Белого озера подтвердила находка бронзовой «рыбки». Это изделие было обнаружено во время раскопок И. К. Цветковой на поселении Водоба II (рис. 1: 5). А. Н. Башенькин и М. В. Васенина после исследования данной находки выяснили, что «рыбка» была частью бронзовой бляхи VIII в., изготовленной в стиле «пермского звериного стиля»¹⁴. На р. Суде в 3 км от Пугина на левом берегу ручья Кадуя, на поле, вблизи д. Кадуй, была случайно обнаружена бронзовая подвеска, изображающая сокола-сапсана (рис. 1: 19; рис. 2: 1). Подвеска аналогична изделию, обнаруженному во II Аверинском могильнике при раскопках Р. Д. Голдиной, которое датируется VIII в. Подобная находка также обнаружена при исследованиях Е. А. Рябининым могильника Попово на р. Унже¹⁵.

Памятники IX века также известны на территории региона. В это время продолжают существовать поселения и могильники на р. Андоге в комплексе Чёрный ручей и Ступолохта, Пугино на р. Суде, Усть-Сойда на р. Шоле. К числу их следует также отнести поселение Крутик и могильник Кладовку I на р. Шексне, которые исследовались Л. А. Голубевой, С. Д. Захаровым и С. В. Меснянкиной (рис. 1: 7, 8)¹⁶. Памятники, датированные IX веком, были обнаружены также в среднем течении р. Суды вблизи д. Никольское — могильники Никольское XI, Никольское XIII, Никольское XVI (рис. 1: 22, 23, 24). Материалы этого времени известны также в бассейне Шексны и Белого озера. С IX века, очевидно, существовало поселение Быксозеро 1, раскопанное автором в 2015 г. на одноимѣнном озере Шольской озѣрно-речной системы (рис. 1: 1). Материалы VIII–IX вв. также обнаружены автором в 2018 году при раскопках поселения Горка 2 на средней Шексне (рис. 1: 10). Предметы, датируемые не позднее IX в., были найдены на Луковце среди подъѣмного материала — браслет дротовый с утолщѣнными концами, бусы, датируемые VIII–IX вв., пряжка, колчаный крюк, близкие к изделиям ломоватовской культуры (рис. 2: 2, 3, 5–7)¹⁷. Кремация по-прежнему доминирует в погребальном обряде местного населения. Получает распространение способ помещения

¹⁴ Башенькин А. Н., Васенина М. Г. Зооморфные украшения Молого-Шекснинского междуречья раннего железного века // Культура Русского Севера: сборник научных трудов. Вологда, 1994. С. 24–25.

¹⁵ Наследие народов Прикамья. Древности Прикамья из собраний Удмуртского государственного университета / Р. Д. Голдина [и др.]. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2007. С. 148, рис. 2, 2; Рябинин Е. А. Могильник и селище у дер. Попово на р. Унже // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. М., 1989. С. 146.

¹⁶ Голубева Л. А., Кочуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск: Карельский научный центр АН СССР, 1991; Захаров С. Д., Меснянкина С. В. К оценке историко-культурной ситуации в Центральном Белозерье на рубеже тысячелетий // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2012. № 2 (67). С. 213–239.

¹⁷ Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985. Табл. IV (5); VII (1–3, 17); XXX (5).

остатков сожжённых кальцинированных костей человека и животных в неглубокие ямы прямо под дерном, практически на поверхности. Эти способы захоронения остатков кремаций в IX в. прослеживаются на многих известных погребальных памятниках региона и на сопредельной территории, на могильнике Кладовка 1, принадлежавшем поселению Крутик. Подобный способ помещения кремаций в грунтовые ямки сохранялся в это время на могильнике Пугино и Южном могильнике Усть-Сойды. В последнем отмечено также помещение их в большие ямы — котлованы подпрямоугольной формы, подобные сооружениям на Чёрном ручье 4. Особенностью погребального комплекса IX–X вв. на Шоле было то, что погребальная площадка Южного могильника была отделена от поселения полукруглым ровиком, глубиной до 1 м¹⁸. Способ захоронения кремированных остатков в округлых и овальных ямах наблюдается в грунтовом могильнике Никольское XIII на р. Суде, а также в ранних погребениях могильников Минино II и Владышнево на Кубенском озере¹⁹.

Что касается домостроительных традиций населения этого времени в регионе, то следует отметить, что основным видом построек остаются наземные срубные постройки, иногда с подпольными ямами, а также слегка углублённые в землю полуземлянки.

Подводя итоги небольшого исследования, касающегося раннесредневековой истории региона Шексны и Белого озера, мы можем на сегодня сделать следующие выводы:

1. Памятников конца V — начала VII в. в регионе обнаружено сравнительно немного, размещаются они разрозненно по региону. Поселения и могильники, как правило, имели небольшие размеры, исключение составляет Пугино. В начале этого периода в регионе продолжает проживать в основном население, близкое населению позднедьяковской культуры, распространённой преимущественно в Волго-Окском междуречье. При этом оно сохраняет традиции предшественников в хозяйственном укладе, домостроении, в деталях женского костюма (Пугино, Белоозеро, Дом охотника, Гоша 5). В то же самое время начинается проникновение в регион населения Среднего Поволжья и Прикамья. На памятниках региона и на сопредельных территориях появляются вещевые находки, керамика, характерные для культуры этого населения. Речь идёт о поясной гарнитуре — наконечниках ремней, пряжках, украшениях и оружии (Усть-Сойда, Войлахта XXVII). Население это появляется и на сопредельных

¹⁸ Кудряшов А. В. Могильник конца I тыс. н. э. комплекса Усть-Сойда в Западном Белозерье // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе: сборник научных статей. В 3 т. / под ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 180–186.

¹⁹ Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / ред. Н. А. Макаров. Т. I: Поселения и могильники. М., 2007.

территориях — в бассейне Мологи и на Кубенском озере, о чём свидетельствует находка полой фигурки медведя, близкой к изделиям неволинской культуры, на поселении Минино 1 на Кубенском озере (рис. 1)²⁰. В то же время на поселении Луковец, расположенном в устье крупнейшего притока Шексны р. Суды, выпадает престижная находка — плетёная цепь серебряной гривны, изготовленная, вероятно, в то же время византийскими мастерами. Значительная часть находок этих изделий на территории лесной зоны Европейской России связана с Прикамьем и Приуральем. Не исключено, что данная вещь оказалась на Шексне через посредство восточных соседей, но велика вероятность и того, что изделие привезено на Шексню в качестве товара непосредственно из мест его изготовления. Это подтверждает существование Луковца как важного и крупного центра уже в то время. На соседней с шекснинским регионом, территории бассейна р. Мологи и Чагоды, по свидетельству А. Н. Башенькина, в это время исчезают памятники раннего железного века и появляются памятники культуры длинных курганов. Здесь раскапывались памятники V–VI вв. — курганы Усть-Белая 4, могильник Усть-Белая 1, поселение Усть-Белая 5 на р. Кобоже, Хутор Любахин 1 на р. Песи (рис. 1)²¹.

2. Памятники VII–VIII вв. известны на сегодня преимущественно в юго-западной части региона. В это время здесь продолжали существовать крупные поселения и могильники комплекса Пугино на р. Суде, появляются значительные по размерам комплексы, включавшие в себя поселения и могильники Чёрный ручей и Ступолохта на р. Андоге. По материалам этих исследованных памятников удалось проследить приток в регион населения, связанного своей культурой с культурами населения Прикамья — неволинской, ломоватовской, раннеболгарской и Поволжья — культурами древних мордвы, мери и других народов. Большое количество вещевых материалов, в том числе деталей костюма, украшений, культовых предметов, инструментов и приспособлений, предметов быта, а также керамики, обнаруженных на поселениях и в могильниках, различные исследованные сооружения позволяют характеризовать культуру населения того времени, заселившее регион. На сегодняшний день следует признать, что Центральное Белозерье в VII–VIII вв. выглядит пустовато. Памятники непосредственно на берегах Белого озера не известны, исключение

²⁰ Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. В 3 т. / ред. С. Д. Захарова. Т. II. М.: Наука, 2008. С. 138–139, рис. 125, 7.

²¹ Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э... С. 3–29; Башенькин А. Н., Васенина М. Г. Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кобоже. 20 лет исследований // Чагодощенская земля: история, культура, люди: материалы краеведческой конференции (п. Чагода, 9–10 января 2004 г.). Вологда: ОНМЦК и ПК, 2004. С. 19–54.

составляет единственный предмет рассматриваемого времени — «рыбка», найденная на Водобе II, на северном его берегу.

В то же время на соседних территориях к юго-западу от исследуемого региона, в бассейне Мологи известны большие и богатые по своей материальной культуре памятники, такие как: поселение Усть-Белая 5, сопковидная насыпь 8 в могильнике Усть-Белая 1 на р. Кобоже, сопковидная насыпь Куреваниха III, также курганный могильник Крутец-Избищи, в котором раскопаны 2 сопковидные насыпи, датирующиеся VIII–IX вв. (рис. 1)²².

IX век характеризуется заметным ростом населения в регионе, расширением географии его расселения — поселения и могильники существуют в это время не только на Шексне, но и на её притоках — на Суде, Андоге, а также на р. Шоле, впадающей в р. Ковжу, приток Белого озера. Начинается также проникновение нового населения вглубь территории. Продолжают существовать поселения и могильники на Андоге — у Чёрного ручья, в Ступолохте, появляется небольшое лесное поселение Глухое 1 (рис. 1: 16). На Суде продолжается существование комплекса Пугино, появляются поселения и могильники у д. Никольское (Никольское XI, XIII, XVI). На Шексне возникают поселения Крутик и могильник Кладовка 1. Вероятнее всего, заселён в это время Луковец, есть материалы этого времени на р. Большой Юг — поселение Шуш-Гора и другие. Вещевой инвентарь и керамика местных памятников IX века по-прежнему близки к вещевым и керамическим комплексам восточно-финского населения Поволжья и Прикамья. Распространяются части поясной гарнитуры — поясные накладки сердцевидной с гранями формы, арочной формы с орнаментированными вставками, ажурными поясными пряжками, наконечниками, получившими широкое распространение у населения ломоватовской культуры, у народов Поволжья. Здесь же были обнаружены массивные браслеты из дрота с утолщёнными концами, браслеты с гранчатыми концами с нанесённым на них кружковым орнаментом, коньковые подвески, изготовленные в наборной технике с лапками-привесками, аналогичные изделиям древней мордвы.

На сегодня очевидно, что Центральное Белозерье в эпоху раннего средневековья выглядит действительно слабо заселённым, основная часть памятников этого времени, за исключением немногих из них, располагается в южной части региона (рис. 1). В целом, сравнивая заселённость региона с другими, более южными территориями, которые осваивались людьми в VI–IX вв., следует признать, что освоённость, например, Прикамья и Среднего Поволжья была несоизмеримо выше по сравнению с Белозерьем. Русский Север, в том числе бассейн Шексны

²² Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье.... С. 27.

и Белого озера, по сравнению с этими населёнными регионами в это время выглядит действительно пустынным. Объективными причинами столь малого числа обнаруженных в регионе раннесредневековых памятников, конечно, могут быть разрушения, нанесённые берегам Шексны и её притоков водохранилища, которые основательно подтопили её нижнее и среднее течения.

Учитывая, что основная часть раннесредневековых материалов обнаружена в ходе раскопок поселений, следует ожидать, что большинство будущих открытий памятников этого времени произойдёт, очевидно, в ходе широких раскопочных работ на известных, но мало изученных раскопками средневековых поселениях региона. В результате небольших шурфовок этих памятников обнаружена чаще всего лепная керамика, датированная по аналогиям с известной белозерско-шекснинской лепной керамикой X–XI вв. На сегодняшний день уже понятно, что многие типы лепных сосудов, относимых к этому времени, были распространены и в более ранние времена — с VIII–IX вв. Несмотря на замедление темпов открытий и изучения памятников VI–IX вв., есть уверенность в том, что количество их со временем увеличится, источниковая база для изучения эпохи раннего средневековья существенно расширится, что будет способствовать более объективной реконструкции историко-культурных процессов, происходивших на Шексне и Белом озере во второй половине 1 тыс. н. э.

Список источников и литературы

1. Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / под ред. Н. А. Макарова. — Т. I: Поселения и могильники. — М.: Наука, 2007. — 374 с.
2. Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / под ред. С. Д. Захарова. — Т. II. — М.: Наука, 2008. — 365 с.
3. Башенькин, А. Н. Зооморфные украшения Молого-Шекснинского междуречья раннего железного века / А. Н. Башенькин, М. Г. Васенина // Культура Русского Севера: сборник научных трудов. — Вологда, 1994. — С. 24–25.
4. Башенькин, А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. / А. Н. Башенькин // Проблемы истории Северо-запада Руси (Славяно-русские древности). Вып. 3 / под ред. И. В. Дубова, И. Я. Фроянова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. — С. 3–29.
5. Башенькин, А. Н. Отчёт археологической экспедиции Череповецкого музея о работах в Вологодской области в 1982 году / А. Н. Башенькин // Архив ИА РАН Р-1. — С. 30–40.

6. *Башенькин, А. Н.* Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кобоже. 20 лет исследований / А. Н. Башенькин, М. Г. Васенина // Чагодощенская земля : история, культура, люди : материалы краеведческой конференции (п. Чагода, 9–10 января 2004 г.). — Вологда : Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2004. — С. 19–54.
7. *Голдина, Р. Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа / Р. Д. Голдина. — Ижевск : Изд-во Удмуртского ун-та, 2004. — С. 277–280.
8. *Голдина, Р. Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье / Р. Д. Голдина. — Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1985. — 280 с.
9. *Голдина, Р. Д.* Могильники Неволинской культуры в Приуралье / Р. Д. Голдина, Н. В. Водолага. — Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1990. — 176 с.
10. *Голдина, Р. Д.* О датировке Баргымского комплекса памятников в Приуралье / Р. Д. Голдина // Древнее Прикамье эпохи железа : хронологическая атрибуция (VI в. до н. э. — XV в. н. э.). — Ижевск : Изд-во Удмуртского ун-та, 2012. — С. 379–391.
11. *Голубева, Л. А.* Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.) / Л. А. Голубева, С. И. Кочкуркина. — Петрозаводск : Карельский научный центр АН СССР, 1991. — 198 с.
12. *Голубева, Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. / Л. А. Голубева. — М. : Наука, 1973. — 212 с.
13. *Голубева, Л. А.* К проблеме этногенеза веси / Л. А. Голубева // Материалы и исследования по археологии СССР. — № 176. — М., 1970. — С. 142–146.
14. *Захаров, С. Д.* К оценке историко-культурной ситуации в Центральном Белозерье на рубеже тысячелетий / С. Д. Захаров, С. В. Меснянкина // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2012. — № 2 (67). — С. 213–239.
15. *Краснов, Ю. А.* Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья) / Ю. А. Краснов. — М. : Наука, 1980. — 222 с.
16. *Кудряшов, А. В.* Белозерская весь : современный взгляд / А. В. Кудряшов // Русь в IX–XII веках : общество, государство, культура / отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. — М. ; Вологда : Древности Севера, 2014. — С. 299–311.
17. *Кудряшов, А. В.* Исследование могильника Ступолохта 2 / А. В. Кудряшов // Археология : история и перспективы : Пятая межрегиональная конференция : сборник статей / под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль ; Рыбинск : Рыбинский Дом печати, 2012. — С. 93–106.
18. *Кудряшов, А. В.* Исследование поселения Усть-Сойда в Западном Белозерье / А. В. Кудряшов // Археология : история и перспективы : Седьмая межрегиональная конференция : сборник статей / под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль, 2016. — 216 с.
19. *Кудряшов, А. В.* Могильник конца I тыс. н. э. комплекса Усть-Сойда в Западном Белозерье / А. В. Кудряшов // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе – сборник научных статей. — В 3 т. / под ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкина. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. — С. 180–186.
20. *Кудряшов, А. В.* Неволинские древности в бассейне р. Шексны / А. В. Кудряшов // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. — Т. III. — М. : ИА РАН, 2008. — С. 140–142.
21. *Кудряшов, А. В.* Памятники IX — начала XI вв. в бассейне р. Шексны и Белого озера : возможности для реконструкции историко-культурных процессов в регионе / А. В. Кудряшов // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства : сборник материалов международной научной конференции. — Вологда-Кириллов-Белозерск, 6–8 июня 2012 г. — Вологда : Древности Севера, 2012. — С. 48–65.
22. *Кудряшов, А. В.* Поселение Чёрный ручей 2 на р. Андоге (Некоторые итоги исследования в 2003–2006 гг. / А. В. Кудряшов // Археология : история и перспективы : Третья межрегиональная конференция : сборник статей / под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль : Ремдер, 2007. — С. 114–123.
23. *Кудряшов, А. В.* Средневековые памятники бассейна Шолы и Шольского озера : первые результаты исследований / А. В. Кудряшов // Археология Севера. Вып. 7. Материалы археологических чтений памяти С. Т. Еремеева, 25–26 февраля 2016 г. — Череповец, 2018. — С. 57–66.
24. *Макаров, Н. А.* О некоторых комплексах середины — 3 четверти I тысячелетия н. э. в Юго-Восточном Прионежье и на р. Сухоне / Н. А. Макаров // КСИА. Вып. 183. — М. : Наука, 1986. — С. 23–32.
25. *Макаров, Н. А.* Средневековое расселение на Белом озере / Н. А. Макаров, С. Д. Захаров, А. П. Бужилова. — М. : Языки русской культуры, 2001. — 496 с.
26. *Наследие народов Прикамья. Древности Прикамья из собраний Удмуртского государственного университета / Р. Д. Голдина [и др.].* — Ижевск : Изд-во Удмуртского ун-та, 2007. — 196 с.
27. *Розенфельд, И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. / И. Г. Розенфельд. — М. : Наука, 1982. — С. 106–108.
28. *Рябинин, Е. А.* Могильник и селище у дер. Попово на р. Унже / Е. А. Рябинин // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. — М. : Ин-т археологии РАН СССР, 1989. — С. 127–170.

И. П. Кукушкин, Н. С. Капнина

Вологда

Археологические исследования на Вологодском городище (ул. Буртазиных, 27)

Городище — укреплённая часть средневекового поселения г. Вологды. Его границы реконструированы по топографии местности, археологическим материалам¹. В 1995 и 2016 гг. Вологодским отрядом Северорусской археологической экспедиции под руководством И. П. Кукушкина был обследован участок, расположенный в северо-западной части городища, ограниченной руслом Хрулёва ручья. Обследовались площадка и склон берега ручья (рис. 1).

В 1995 г. на краю площадки у начала берегового склона было заложено два раскопа общей площадью 135 кв. м. Обнаружен производственный комплекс, связанный с металлообрабатывающим производством, который включал развал печи, орудия производства, готовые изделия и заготовки, отходы производства. Печь зафиксирована на уровне выхода материка в виде развала обожжённых камней и глины (рис. 2). Печь круглая в плане, диаметр 1,8 м, подпечная яма полусферической формы. Под развалом камней в ней зафиксированы прослойка прокалённого песка мощностью 20 см и слой супеси с золой мощностью 30 см. У края ямы отмечено подпрямоугольное заглубление размером в плане 0,8 x 0,4 м, глубиной 0,1 м. К орудиям производства относятся фрагменты и один целый миниатюрный тигли, железный предмет черпакообразной формы, зубило, точильные и шлифовальные бруски. В раскопах найдено более 200 металлических предметов. Значительная их часть очень плохой сохранности. Определимые находки составлены преимущественно предметами хозяйственно-бытового назначения (ножи, фрагменты замков, кудельная булавка, ушко

¹ Кукушкин И. П. Вологодское городище // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 36–46.

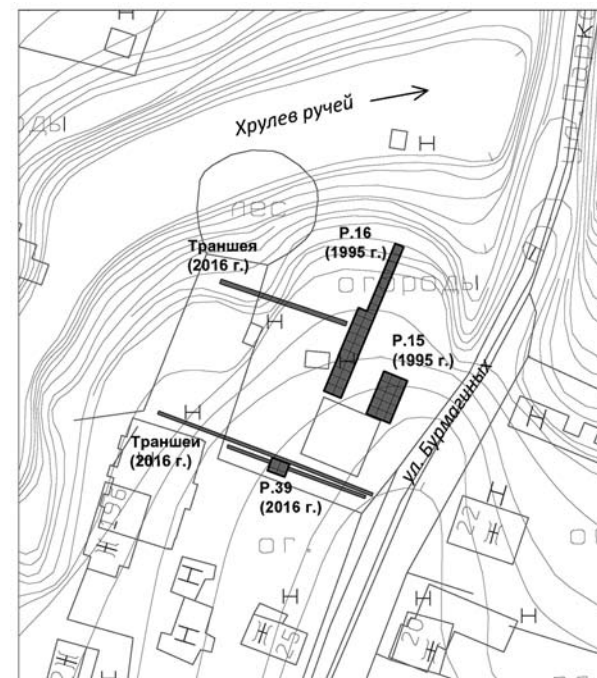

Рис. 1. План-схема исследованных участков

Рис. 2. Развал печи. Раскопки 1995 г.

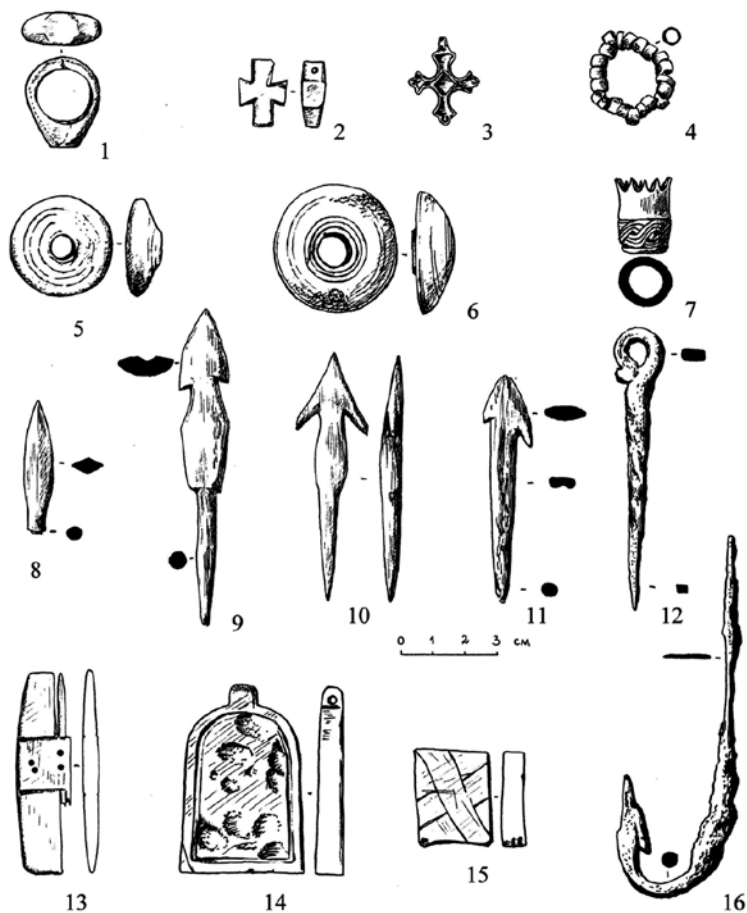

Рис. 3. Находки из раскопок 1995 г.:

- 1 – перстень; 2, 3 – нательные крестики; 4 – украшение; 5, 6 – пряслица; 7 – шахматная фигура; 8–11 – наконечники стрел; 12 – булавка; 13 – фрагмент гребня; 14, 15 – заготовки изделий; 16 – блесна.
1, 2 – янтарь; 3 – бронза; 4 – стекло; 5, 14, 15 – камень; 6–11 – кость; 12, 16 – железо. Рис. Н. Б. Васильевой

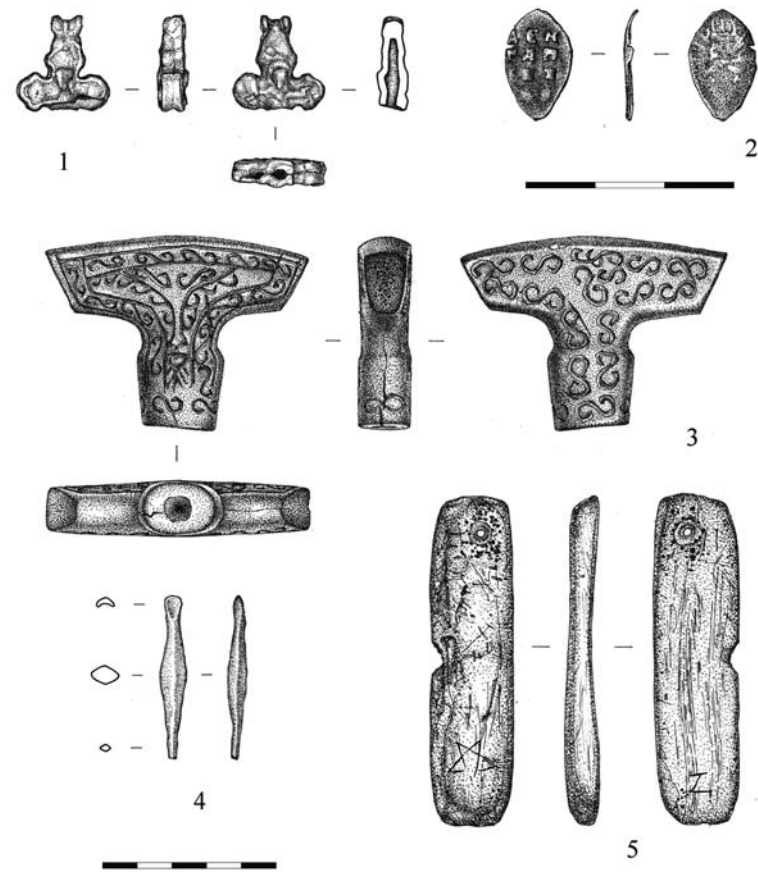

Рис. 4. Находки из раскопок 2016 г.:

- 1 – крест-энколпион; 2 – денга Псковская; 3 – навершие; 4 – копоушка; 5 – оселок. 1 – бронза; 2 – серебро; 3 – кость; 4 – цв. металл; 5 – камень.
Рис. И. О. Пензиной

котла, ледоходный шип, кольца различного диаметра, которые могли использоваться для различного рода фурнитуры). Представляется, что часть неопределимых предметов, многие из которых ошлакованы, составлена заготовками, бракованными изделиями, отходами производства. В районе печи также найдены крица (?), многочисленные металлические шлаки и выплески металла. В раскопах были обнаружены янтарные крестик, перстень, пронизки, бронзовый крестик с криновидными концами, 112 фрагментов стеклянных браслетов, стеклянная буса и пронизки, костяные шахматные фигуры, наконечники стрел, заготовки каменных иконки и крестика, другие изделия (рис. 3).

По находкам время освоения территории и существование металлообрабатывающего комплекса были отнесены к концу XIII – середине XIV в.

По исторической реконструкции Хрулёв ручей является границей Вологодского городища, очевидно, он служил крепостным рвом. Для поиска следов укреплений склон ручья дополнительно был прорезан траншеей.

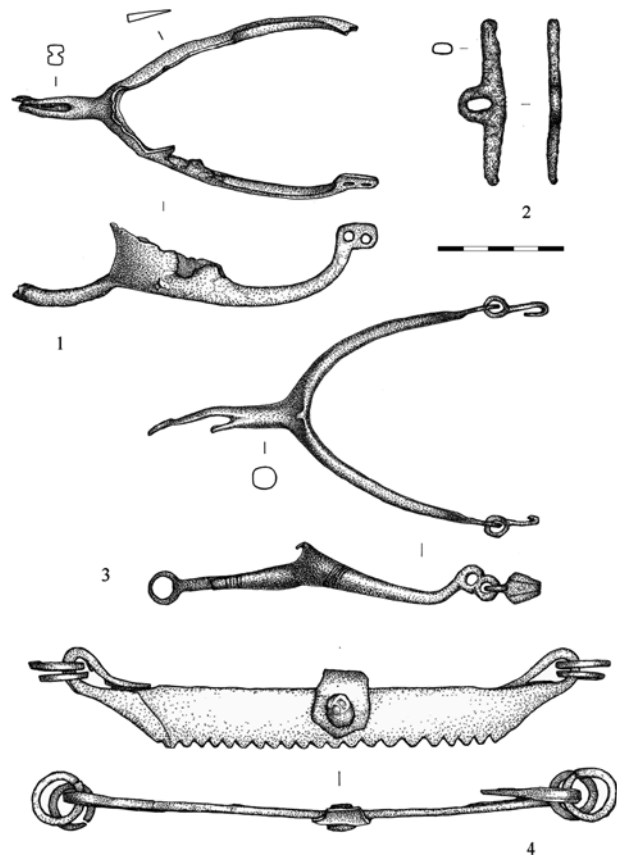

Рис. 5. Находки из раскопок 2016 г.:
1, 3 – шпоры; 2 – псалий; 4 – скребница. 1–4 – железо.
Рис. И. О. Пензиной

Но ни в раскопах, ни в траншее не было выявлено элементов, которые можно было бы однозначно интерпретировать как конструкции укреплений.

В 2016 г. на участке осуществлялись археологические работы при устройстве коммуникаций. В траншеях, прорезавших территорию с запада на восток (склон берега ручья и площадку), прослежено увеличение мощности культурного слоя и лучшая его сохранность по направлению к центру памятника. На береговом склоне каких-либо конструкций отмечено не было. На площадке выявлены следы средневековых построек, развалов печей.

На месте проектируемого колодца был заложен раскоп площадью 12 кв. м. (раскоп 39), находившийся примерно в 20 м к югу от раскопов 1995 г. На исследованном участке отмечен стратифицированный куль-

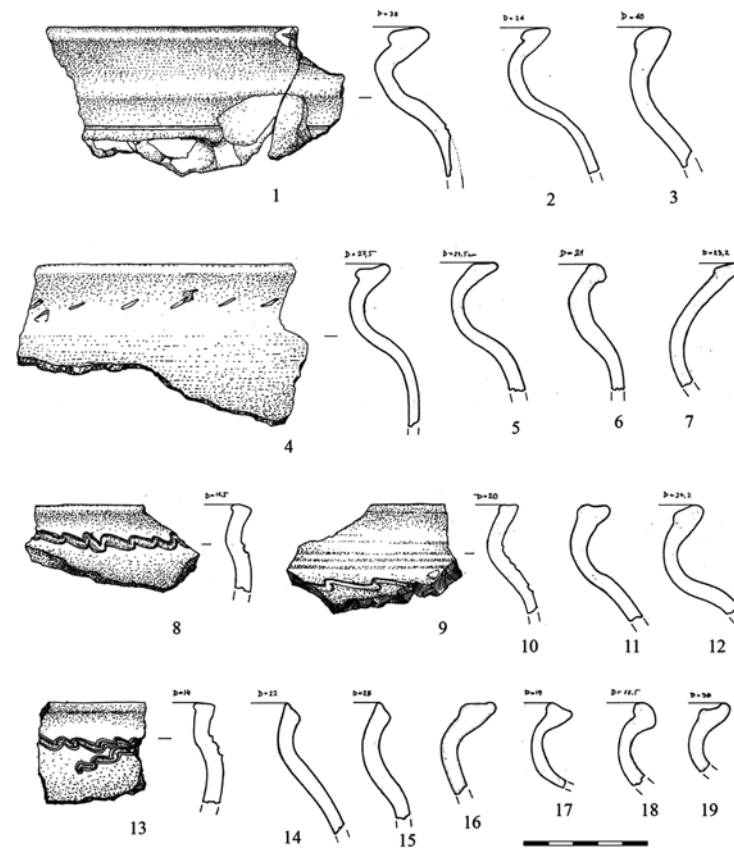

Рис. 6. 1–19 – керамика из раскопок 2016 г.
Рис. И. О. Пензиной

турный слой хорошей сохранности, хотя дерево фиксировалось только в виде полос на материке и невыразительных фрагментов тлена. В предматериковом слое и на материке были выявлены следы постройки и развал печи, скорее всего глинобитной.

При археологических исследованиях в раскопе и траншеях на площадке были найдены бронзовый крестик-энколпион с изображением Распятия; «набор всадника» (2 шпоры, псалий, скребница (рис. 5: 1–4), подкова, пряжка удила); серебряная монета «Деньга псковская» (рис. 4: 2); стеклянные браслеты; железные ножи, булавка для прялки, поясной крючок, копоушка (рис. 4: 4); костяные рукоять, игла, проколки, пуговица, костяшка от счетов; оселки (на одном из них на одной стороне прочерчена буква «N», на другой пятиконечная звезда (рис. 4: 5)), другие находки. Интерес вызывает найден-

ное на соседнем участке (раскоп 40) костяное навершие (рукоять шила?), украшенное геометрическим орнаментом и волотами (рис. 4: 3).

При раскопках было обнаружено значительное количество керамики. Выполнен анализ фрагментов из непо потревоженного предматерикового культурного слоя и ям раскопа 39 и примыкающей траншеи 1. Применялась методика статистической фиксации массового керамического материала В. Ю. Коваль². Рассмотрено 29 образцов керамики, у которых читался профиль венчика с переходом к тулову (рис. 6).

При анализе было установлено наличие 9 типов венчиков.

Тип 23/1 (27,6 %). Один из самых распространённых типов венчиков XIII–XV вв.

Тип 22/1Б (13,8 %). Датируется X–XI вв. (УТВ-12). Соответствует типу АП2, выделенному И. В. Болдиным и датируемому X–XIII вв.³

Тип 23/3 (13,8 %). Получил наиболее широкое распространение в XIV–XVI вв.

Тип 28/1Г (13,8 %). В основном бытовал в XIII в. (особенно широко — в первой половине столетия).

Тип 24/1Б (10,4 %). Датируется XIII–XIV вв.

Тип 23/4 (10,4 %). Датируется второй половиной XII–XIV в.

Тип 23/2Б (3,4 %). Датируется XII (частично и XIII в.)

Тип 18/1Б (3,4 %). Распространён в XIII–XIV вв.

Тип 22/2 (3,4 %). Датируется X–XIII вв. (?)

В целом описанный керамический комплекс можно датировать XIII–XIV вв., что не противоречит ранее сделанной датировке.

По материалам раскопок в северо-западной части Вологодского городища можно сделать следующие выводы:

По датировке находок представляется возможным говорить о раннем для Вологды времени освоения этой территории. Материалы раскопок на участке близки происходящим из раскопов, в которых обнаружены древнейшие археологические комплексы, датируемые XIII в. (раскопы 12, 26, 30⁴).

² Коваль В. Ю. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы: методические рекомендации // Археология Подмосквья. Вып. 10. М., 2014. С. 489–571.

³ Болдин И. В. Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н. э. Калуга, 2012. С. 43, 132.

⁴ Адаменко О. Н. Новые данные по ранней истории города Вологды (по материалам раскопок 2011 года) // Труды IV (XX) Всероссийского съезда в Казани. Т. 3. Казань, 2014. С. 208–210; Башенькин А. Н., Кукушкин И. П. Древняя Вологда // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 29–45; Кудряшов А. В. Предварительные результаты охранных археологических исследований в г. Вологде в 2009 г. (раскоп на ул. Воровского, 2) // История и археология Русского Севера. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 77–80.

Прорезка траншеями площадки и берегового склона Хрулёва ручья не выявила следов фортификационных сооружений. Однако стратиграфические наблюдения, свидетельствующие о вертикальных нивелировках на городище (они подтверждаются данными раскопов 14-2, 14-3 — раскопки И. П. Кукушкина 2015, 2016 гг.), а также особенность слоя на городище (малая мощность, плохая сохранность органики) и возможность устройства фортификационных сооружений, не оставляющих следов на материке (например, при использовании срубов), оставляют вопросы о наличии укреплений и их конструкции в этой части городища открытыми.

Выявление металлообрабатывающего комплекса свидетельствует о развитии ремесла в Вологде в начальный период существования города. Отметим размещение производства на берегу ручья, поблизости от воды и на расстоянии от жилых построек. Очевидно, это связано с требованиями пожарной безопасности.

Находки заготовок каменных иконки и крестика подтверждают наличие камнерезного дела в Вологде.

Обращает внимание значительное количество статусных находок на обследованном участке: янтарные перстень, крестик, пронизки, стеклянные украшения, бронзовые крестики, шахматные фигуры, набор всадника. Их наличие свидетельствует об обеспеченности и высоком социальном положении проживавших здесь горожан.

Список литературы

1. Адаменко, О. Н. Новые данные по ранней истории города Вологды (по материалам раскопок 2011 года) / О. Н. Адаменко // Труды IV (XX) Всероссийского съезда в Казани. — Т. 3. — Казань : Отечество, 2014. — С. 208–210.
2. Башенькин, А. Н. Древняя Вологда / А. Н. Башенькин, И. П. Кукушкин // Вологда : Историко-краеведческий альманах. — Вып. 1. — Вологда, 1994. — С. 29–45.
3. Болдин, И. В. Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н. э. / И. В. Болдин. — Калуга, 2012. — 171 с.
4. Коваль, В. Ю. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы : методические рекомендации / В. Ю. Коваль // Археология Подмосквья. — Вып. 10. — М. : Институт археологии РАН, 2014. — С. 489–571.
5. Кудряшов, А. В. Предварительные результаты охранных археологических исследований в г. Вологде в 2009 г. (раскоп на ул. Воровского, 2) / А. В. Кудряшов // История и археология Русского Севера. — Вологда : Древности Севера, 2012. — С. 77–80.
6. Кукушкин, И. П. Вологодское городище / И. П. Кукушкин // Вологда : Краеведческий альманах. — Вып. 2. — Вологда, 1997. — С. 36–46.

И. П. Кукушкин, Н. С. Капнина

Вологда

Исследования на посаде средневековой Вологды (ул. Ударников, 12)

Разделение территории Вологды на город и посады прослеживается по письменным источникам со второй половине XV в. В последних разработках по топографии города схематично реконструированы границы города-крепости XV – сер. XVI в. (Вологодского городища), направления развития посадов¹. Однако вопросы локализации границ посада, динамики изменения его территории, формирования планировки остаются слабо изученными. Поэтому каждый новый раскоп вызывает пристальный интерес.

В 2017–2018 гг. обследовался участок посада, примыкающий к городищу с запада, с напольной стороны, он находится в 250 м от реки Вологды, на перекрёстке улиц Ударников, Пролетарская, адресная привязка ул. Ударников, 12 (рис. 1).

Ранее обследовались смежные территории. Представляем краткий обзор материалов исследований участков, находящихся в радиусе 100 м.

В 1948 г. А. В. Никитиным на территории к юго-востоку от д. 10 по ул. Ударников исследован шурф площадью 16 кв. м, но он «не дал почти никаких находок». В 15 м к юго-западу от шурфа, северо-восточнее д. 11 по ул. Ударников исследован раскоп площадью 72 кв. м, в котором были выявлены две постройки, мостовая, частокол, датированные временем «не ранее XVI века». К 12 м к югу от вышеуказанного раскопа исследован ещё один площадью 24 кв. м. Были обнаружены сруб с настилом, датированные временем «не ранее XVI века», но этот раскоп не был доведён до материка².

¹ Кукушкин И. П. Вологодская крепость. Вологда, 2018. С. 15–25.

² Никитин А. В. Раскопки в Вологде в 1948 г. // КСИИМК. Вып. 52. М., 1953. С. 99–105.

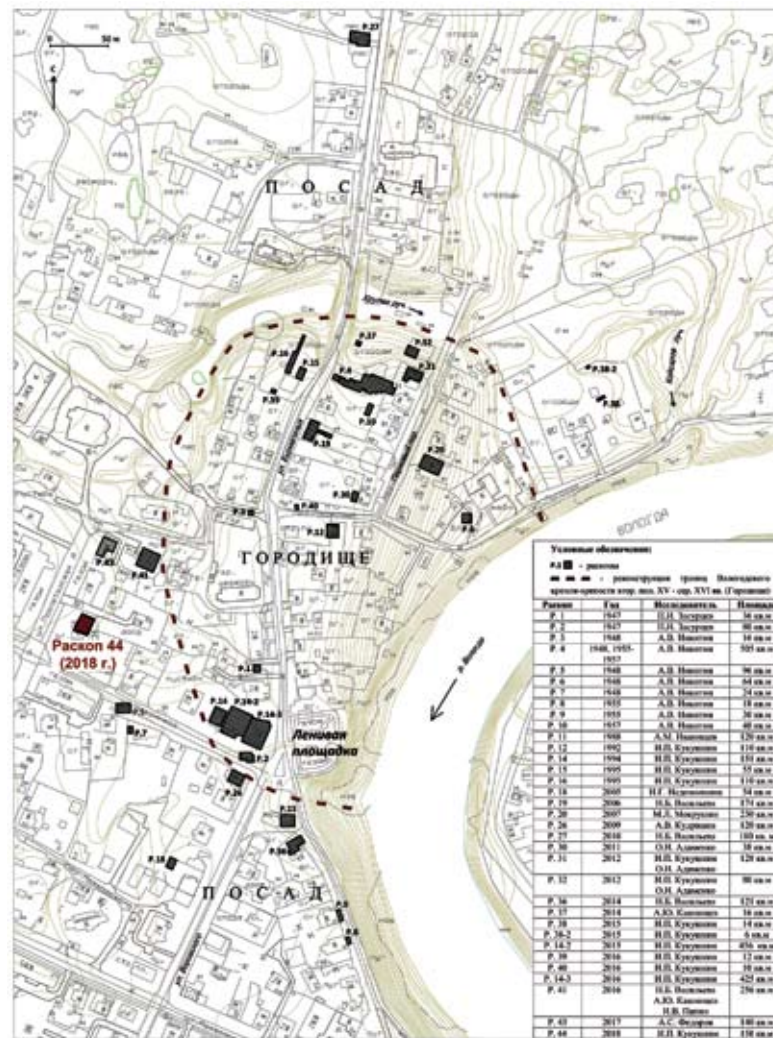

Рис. 1. План-схема Вологодского городища. Расположение раскопа 44

В 1975 г. А. В. Никитин одиннадцатью шурфами исследовал участок на ул. Ударников, д. 16. Был сделан вывод, что «материалы, полученные при разведочных работах на данном участке, не позволяют сделать вывод о существовании здесь застройки ранее XVII в.»³.

³ Никитин А. В. Отчёт о раскопках в Вологодской области за 1975 год, охранные раскопки в Вологде // ИА РАН, Р-1. № 5773. С. 41–42.

Рис. 2. Локализация раскопа 44 на первом регулярном плане г. Вологды, 1780 г. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168

В 1996 г. И. П. Кукушкиным на участке ул. Пролетарская, 1 в отвалах траншеи обнаружены средневековые нож, фрагмент стеклянного браслета, керамика⁴.

В 2008 г. И. Ф. Никитинским на участке ул. Ударников, 9 в разведочных шурфах зафиксирован культурный слой XV–XVI вв., найден фрагмент стеклянного перстня⁵.

В 2016 г. А. Ю. Кашицевым при археологических наблюдениях на участке по ул. Ударников, 13а, б обнаружены

материалы, датированные временем не ранее XV в.

В 2017 г. А. С. Фёдоровым на участке ул. Пролетарская, 1 проведены археологические раскопки и наблюдения на площади 280 кв. м. Был сделан вывод, что на этой территории не позднее XIV в. существовала городская застройка⁶.

В том же 2017 г. И. П. Кукушкиным на участке Ударников, 12 были выполнены археологические разведки, обнаружены фрагменты средневековых конструкций, находки. Работы показали, что мощность культурного слоя уменьшается с северо-востока на юго-запад (от городища в напольную сторону)⁷.

Таким образом, время освоения сравнительно небольшой территории посада к западу от городища оценивается исследователями периодом в три столетия — с XIV в. по XVII в.

⁴ Кукушкин И. П. Отчёт о НИР: Археологические исследования г. Вологды (1947–2010 гг.). № государственной регистрации: 01201153963, инв. № 02201155838. С. 18.

⁵ Там же. С. 26.

⁶ Фёдоров А. С. Новые исследования в охранной зоне Вологодского городища (г. Вологда, ул. Пролетарская, д. 1) // Историка. Поколения. Взгляды: материалы Всероссийского науч. конф. (Вологда, 19–21 октября 2017 г.). Вологда, 2018. С. 77–84.

⁷ Кукушкин И. П. Отчёт об археологических разведках в зоне охраны памятника археологии «Городище XII–XV вв. — место основания города Вологды» (участки: Ударников, 12; Пролетарская, 11) в 2017 г. // Архив ИА РАН.

Рис. 3. Раскоп 44. Разрез хозяйственной ямы

В 2018 г. участок Ударников, 12 был заложен раскоп площадью 180 кв. м. (раскоп № 44). На раннем плане города 1780 г., на этой территории застройки не обозначено (рис. 2).

Слой в раскопе можно охарактеризовать как сухой, со значительным количеством перекопов, нарушенного фундаментом дома XX века. Фрагменты сохранившихся в виде тлена деревянных сооружений были прослежены в предматериковой части культурного слоя. Выявлен настил, проходящий в направлении северо-восток — юго-запад, то есть перпендикулярно реконструируемой границе городища. Ширина настила небольшая — до 1,4 м, что типично для средневековых мостовых Вологды. К северу от настила открыты остатки срубной постройки, планировочно связанной с мостовой. У постройки удалось проследить размер северо-западной стороны — 3,5 м, остальные части были разрушены фундаментом XX в. В районе западного угла постройки зафиксирована хозяйственная яма. Яма овальная в плане, длина — 2,4 м, ширина — 1,2 м, заглублена в материк на глубину до 1,2 м, стенки покатые. В заполнении ямы — перемежающиеся прослойки, включающие серую глину, очажные камни, древесный тлен, угольки (рис. 3). По форме и заполнению она напоминает яму, обнаруженную внутри жилища второй половины XIII–XIV вв. на раскопе 12 в Парковом пер., 4 и интерпретированную как погреб⁸. В нашем

⁸ Башенькин А. Н., Кукушкин И. П. Древняя Вологда // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: ВГПИ, Русь, 1994. С. 29–45.

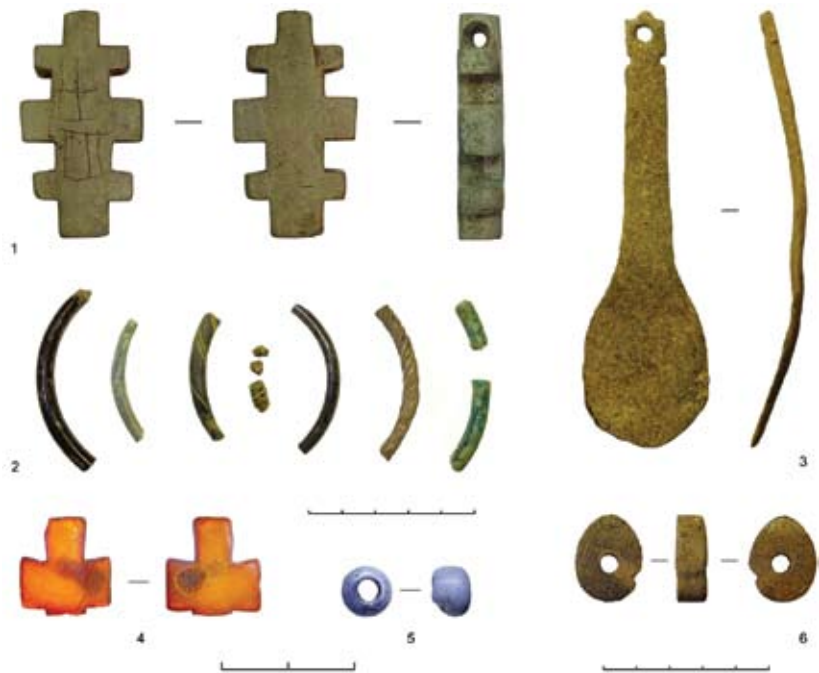

Рис. 4. Находки: 1 – крест; 2 – стеклянные браслеты; 3 – ложка; 4 – янтарный крестик; 5 – бусина; 6 – обойма для ножа. 1 – камень; 2, 5 – стекло; 3, 6 – кость; 4 – янтарь

случае из-за неудовлетворительной сохранности слоя однозначно определить взаимосвязь постройки и ямы пока не представляется возможным, но индивидуальные находки, керамика в яме и в слое постройки относятся к одному периоду или очень близки.

В ходе полевых работ найдено 76 индивидуальных находок, большое количество керамики, костей животных.

Из находок отметим:

- массивный каменный восьмиконечный нательный крест. На его обеих сторонах процарапаны знаки (рис. 4: 1);
- фрагмент четырёхконечного янтарного крестика (XIV–XV вв. по Б. А. Колчину) (рис. 4: 4), значительное количество стеклянных браслетов, пастовую бусину синего цвета (рис. 4: 5).

Находки из железа в своей массе очень плохой сохранности, что характерно для сухого средневекового слоя Вологды. Они доходят до нас в виде бесформенных окислов, в которых зачастую уже нет железа. Лучше сохраняются находки в ямах и в верхних более поздних слоях.

Рис. 5. Находки из железа: 1–3 – ножи; 4 – ключ

Отметим находку ключа типа В 1 по Б. А. Колчину, датируемого XIII – 1 пол. XV в.⁹ (рис. 5: 4).

Среди находок из кости – проколки, ложка с отверстием для пришивания (рис. 4: 3), обоймица (рис. 4: 6).

При раскопках было найдено значительное количество керамики (рис. 6, 7). Интерес представляют находки нескольких миниатюрных лепных сосудов (рис. 6: 4–6). Возможно, кроме особенностей своего функционального назначения при употреблении в быту (для хранения соли, приправ и т. п.), они могли использоваться как детские игрушки.

Выполнен анализ керамического материала из закрытого комплекса – хозяйственной ямы в западной части постройки. При этом применялась методика статистической фиксации массового керамического материала В. Ю. Коваль¹⁰. Рассмотрено 26 образцов керамики, у которых читался профиль венчика с переходом к тулову.

При анализе было установлено наличие 6 типов венчиков.

⁹ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 156–177.

¹⁰ Коваль В. Ю. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы: методические рекомендации // Археология Подмосковья. Вып. 10. М., 2014.

Рис. 6. Находки из глины и камня:
1 — глиняное изделие; 2, 3 — фрагменты тиглей; 4–6 — фрагменты лепных сосудов;
7 — изделие из камня. 1–6 — глина; 7 — камень

УТВ-7 (Класс 23-1) — 38,5 %. Один из самых распространённых типов венчиков XIII–XV вв. в разных районах Руси.

УТВ-6 — 27 %. Венчики, существовавшие во все хронологические периоды, но особенно широкое распространение получившие в XV–XVII вв.

УТВ-9 — 15,4 %. Венчики этого типа характерны для XIII–XIV вв.

УТВ-5 (Класс 23-3-Б) — 11,5 %. Венчики этого типа получили наиболее широкое распространение в XIV–XVI вв.

УТВ-5а — 3,8 %. Распространены во второй половине XII–XIV вв.

УТВ-8а — 3,8 %. Распространён в XII — начале XIII в.

Наиболее вероятное время сосуществования типов — XIV в.

Таким образом, хронология индивидуальных находок, керамики позволяют отнести время освоения территории под городскую застройку к XIV в.

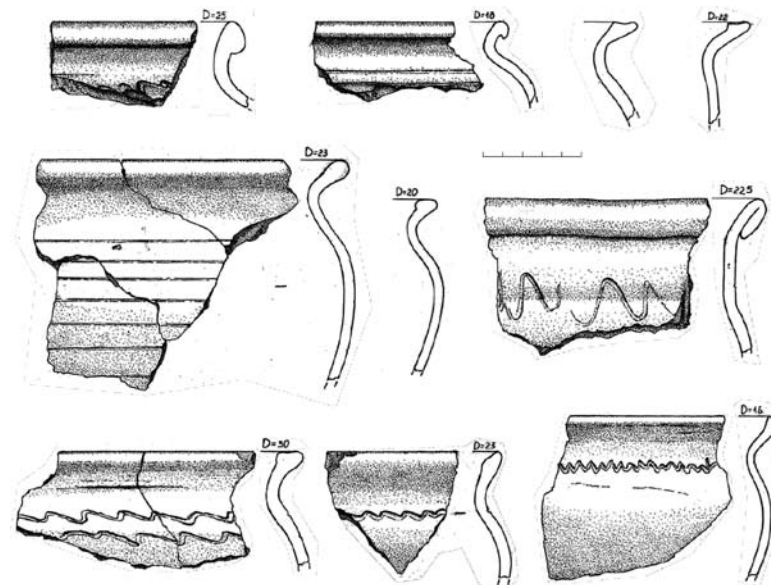

Рис. 7. Керамика. Раскоп 44, яма 9

Возвращаясь к вопросу исторической топографии части посада, расположенной к западу от городища, можно сделать некоторые выводы.

Культурный слой по своим характеристикам — наличию конструктивных элементов, насыщенности находками — дифференцирован. Очевидно, это связано с неравномерностью хозяйственного освоения и застройки, которая, в свою очередь, тяготела к улицам и переулкам. На эту особенность планировки древней Вологды обращал внимание ещё А. В. Никитин¹¹. Этим объясняется и разница датировок на близрасположенных участках. Можно предположить, что в эпоху средневековья границей посада на участке от бывш. Горнего Успенского монастыря до совр. ул. Маяковского являлся засыпанный в настоящее время ручей, проходивший примерно по линии чётной стороны совр. ул. Пролетарской. Этот ручей обозначен на планах города к. XVIII в. Свидетельством поздней застройки территории к западу от ручья служат разведочные работы А. В. Кашинцева, выполненные в 2018 г. на участках ул. Мохова, 42, 45, 48, Пролетарская, 22¹².

¹¹ Никитин А. В. Древняя Вологда // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда: Вологодское книжное издательство, 1961. С. 19.

¹² Кашинцев А. Ю. Отчёт о НИР «Археологическое обследование земельных участков в границах территории исторического поселения г. Вологда с целью определения наличия/отсутствия объектов археологического наследия». Вологда, 2018. Ч. 1. С. 144–147 // Архив АУК ВО «Вологда-реставрация». Б/н.

В настоящее время перед исследователями стоят задачи по дальнейшему сбору и анализу материалов по исторической топографии Вологды. На ближайшую перспективу в круг внимания следует включить вопросы определения границ города, его составляющих (кремль-крепость, посады, торг, коммуникации) на различных этапах развития города.

А. В. Максимов

Ярославль

Список источников и литературы

1. *Башенькин, А. Н.* Древняя Вологда / А. Н. Башенькин, И. П. Кукушкин // Вологда : историко-краеведческий альманах. — Вып. 1. — Вологда : ВГПИ ; Русь, 1994. — С. 29–45.
2. *Кашинцев, А. Ю.* Отчёт о НИР «Археологическое обследование земельных участков в границах территории исторического поселения г. Вологда с целью определения наличия/отсутствия объектов археологического наследия» / А. Ю. Кашинцев. — Вологда, 2018. — Ч. 1. — С. 144–147 // Архив АУК ВО «Вологдареставрация». Б/н.
3. *Коваль, В. Ю.* Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы : методические рекомендации / В. Ю. Коваль // Археология Подмосковья. — Вып. 10. — М. : Институт археологии РАН, 2014. — С. 489–571.
4. *Колчин, Б. А.* Хронология новгородских древностей / Б. А. Колчин // Новгородский сборник : 50 лет раскопок Новгорода / под общ. ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. — М. : Наука, 1982. — С. 156–177.
5. *Кукушкин, И. П.* Вологодская крепость / И. П. Кукушкин. — Вологда : Древности Севера, 2018. — 199 с.
6. *Кукушкин, И. П.* Отчёт о НИР: Археологические исследования г. Вологды (1947–2010 гг.) / И. П. Кукушкин. — № госрегистрации: 01201153963, инв. № 02201155838. — С. 18.
7. *Кукушкин, И. П.* Отчёт об археологических разведках в зоне охраны памятника археологии «Городище XII–XV вв. — место основания города Вологды» (участки: Ударников, 12; Пролетарская, 11) в 2017 г. / И. П. Кукушкин // Архив ИА РАН.
8. *Никитин, А. В.* Древняя Вологда / А. В. Никитин // Сборник по археологии Вологодской области. — Вологда : Вологодское книжное издательство, 1961. — С. 6–24.
9. *Никитин, А. В.* Отчёт о раскопках в Вологодской области за 1975 год, охранные раскопки в Вологде / А. В. Никитин // ИА РАН. Р-1. № 5773. С. 41–42.
10. *Никитин, А. В.* Раскопки в Вологде в 1948 г. / А. В. Никитин // КСИИМК. — Вып. 52. — М., 1953. — С. 99–105.
11. *Фёдоров, А. С.* Новые исследования в охранной зоне Вологодского городища (г. Вологда, ул. Пролетарская, д. 1) / А. С. Фёдоров // Историки. Поколения. Взгляды : материалы Всеросс. науч. конф. (Вологда, 19–21 октября 2017 г.). — Вологда : Вологодский гос. ун-т, 2018. — С. 77–84.

Монеты XIX — 1-й половины XX века из нумизматической коллекции ЯМЗ-18835

В 1958 г. в Ярославский музей-заповедник сдатчиком Шиловым были переданы небольшая коллекция монет и газета «Сталинское знамя» от 9 сентября 1943 г., получившие после регистрации инвентарный номер ЯМЗ-18835. Темой настоящего исследования стал материал этой коллекции, состоящей из 46 монет 12 государств, а в Приложении к статье приведён каталог и таблица изображений непосредственно рассмотренных в ней монет.

Коллекцию почти полностью составляли монеты стран Центральной и Южной Европы, отчеканенные в конце XIX — 1-й половине XX в., а единственным исключением являлась значительно более ранняя российская медная монета достоинством в 2 копейки Екатеринбургского монетного двора. От остальных монет она отличалась также и очень плохой сохранностью, что не позволило точно установить год её выпуска. Датировать 2-копеечник можно было лишь по монетному типу. В России такие монеты чеканились с 1810 по 1830 г. (Каталог, № 1).

Самую многочисленную группу в коллекции составляют монеты Венгрии — 13 экз. Монеты периода Австро-Венгерской монархии представлены тремя однотипными, но разными по достоинству и дате, экземплярами: никелевыми монетами в 10 и 20 филлеров 1894 г. и 1907 г. и бронзовой монетой в 2 филлера 1896 г. На лицевой стороне монет помещены корона святого Стефана и надпись по окружности MAGYAR KIRALYI VÁLTÓPENZ (Разменная монета Венгерского королевства); под изображением короны — дата выпуска. На оборотной стороне, в венке из двух пальмовых ветвей, перевязанных лентой, указаны номинал и место чеканки — буквы K. V., означающие «Körmöcbánya» — венгерское название города Кремница в Словакии (Каталог, №№ 2–4).

После распада Австро-Венгерской империи и короткого республиканского периода в Венгрии была формально восстановлена монархия, но престол остался вакантным, а регентом королевства в 1920 г. стал вице-адмирал Миклош Хорти. На лицевой стороне трёх типов представленных в коллекции разменных монет периода регентства, отчеканенных в бронзе, стали и цинке, мы видим уже знакомый символ Венгерской монархии — корону святого Стефана с наклоненным крестом, ниже — дату чеканки и надпись по окружности MAGYAR. KIRÁLYSÁG (Королевство Венгрия). Монета ещё одного типа — медно-никелевая достоинством в 20 филлеров 1926 г. — имеет более сложную изобразительную композицию: корона и дата помещены на фоне солнца с исходящими лучами. На оборотной стороне монет — номинал в виньетке и обозначение места выпуска, буквы ВР. — Будапешт (Каталог, №№ 5–8).

Второй по величине группой представлены в коллекции румынские монеты — 10 экз. Самой ранней из них является отчеканенная в Бухаресте в 1900 г. медная монета достоинством в 2 бани (Каталог, № 9). Её лицевая сторона имеет обращённый влево портрет Кароля I, подпись гравёра под ним — KULLRICH (Фридрих Вильгельм Кульрих) и надпись по окружности CAROL I REGE AL ROMANIEI (Кароль I, король Румынии). На оборотной стороне — большой герб королевства Румыния, название государства, дата и место чеканки. На ленте в гербе — девиз по латыни: NIHIL SINE DEO (Ничто без Бога). Ко времени Кароля I относится и медно-никелевая монета в 10 бани 1905 г., отчеканенная на заготовке с отверстием. На лицевой стороне её помещены корона и лента с надписью ROMANIA, на оборотной указаны достоинство и дата чеканки (Каталог, № 10). На заготовке с отверстием, но в алюминии, отчеканена и другая румынская монета — 25 бани 1921 г. (Каталог, № 11). На её лицевой стороне изображён орёл с крестом в клюве и с опущенными крыльями, под ним — название государства и дата чеканки; на оборотной — изображение королевской короны, обозначение достоинства и аббревиатура HF — знак частной швейцарской фирмы «Братья Угвенин» (Huguenin freres), чеканившей в городе Ле-Локль, кантон Невшатель, монеты по заказу правительств ряда стран. За рубежом чеканились и румынские медно-никелевые монеты 1924 г. достоинством в 1 и 2 леи (Каталог, №№ 12–13). В коллекции их пять — соответственно 4 и 1 экз. Монеты однотипны: на лицевой стороне — средний герб королевства Румыния, название государства и дата чеканки; на оборотной стороне, в центре — обозначение достоинства монеты, вверху — надпись BUN PENTRU, гарантирующая полноценность денежного знака, внизу — венки из колосьев. На двух монетах в 1 лею, под названием денежной единицы изображена молния — знак монетного двора французского города Пуасси; однотипные экземпляры без молнии имеют бельгийское происхождение, они отчеканены в Брюсселе.

В годы 2-й Мировой войны в денежном обращении Румынии появились монеты из цинка. В коллекции присутствуют две такие монеты 1942 г. достоинством в 5 и 20 лей. На их однотипных лицевых сторонах изображена королевская корона, под ней — дата чеканки. По окружности помещена надпись REGATUL ROMANIEI (Королевство Румыния), разделённая вверху и внизу оливковой и дубовой ветвями. На оборотных сторонах, в различных вариантах обрамления из колосьев указаны номиналы монет (Каталог, №№ 14–15).

Следующую по численности группу составляют в коллекции монеты Австрии — 8 экз. Их хронологический ряд начинают монеты последних лет Австро-Венгерской монархии: 2 геллера 1914 г. из бронзы и 20 геллеров 1916 и 1917 гг. из железа. Лицевые стороны монет с изображением австрийского герба, увенчанного короной двуглавого орла с мечом и державой в лапах, однотипны. Обратные их стороны различны: на монете в 2 геллера обозначение номинала помещено в картуше, под которым расположена оливковая ветвь, на монетах в 20 геллеров номинал отчеканен в венке из двух дубовых ветвей. В нижней части оборотных сторон указана дата чеканки (Каталог, №№ 16–17).

Монеты Австрийской республики представлены тремя номиналами, отчеканенными в бронзе, медно-никелевом сплаве и серебре. Оформление бронзовой монеты в 2 грошена 1936 г. достаточно простое: лицевую сторону занимают крест и состоящая из двух частей надпись по окружности с названием государства — STERREICH и датой чеканки; на оборотной стороне помещены обозначение номинала и название денежной единицы (Каталог, № 18). Три медно-никелевые монеты в 10 грошенов 1925 г. на лицевой стороне имеют обращённое вправо погрудное изображение женщины в тирольской шляпе на фоне Альп, под которым стоит подпись медальера H • ZITA (Генрих Цита); вокруг изображения — надпись REPUBLIK OESTERREICH. На оборотной стороне, в сплошном венке из эдельвейсов, указаны достоинство монеты и дата чеканки (Каталог, № 19). Единственной серебряной монетой в коллекции является австрийский шиллинг 1925 г. На лицевой стороне его отчеканены помещённый на фоне трёх ветвей геральдический щит Цислейтании (австрийских земель, входивших в состав Австро-Венгерской империи) и номинал EIN SCHILLING, на оборотной — изображение австрийского парламента и одной из бронзовых скульптур «Укротители коней» перед ним. В надписи вокруг изображения — сведения об эмитенте, медальере и годе выпуска монеты: Австрийская республика, медальер Генрих Цита, 1925 г. (Каталог, № 20). Обозначение места чеканки на монете отсутствует, но известно, что она была выпущена на Венском монетном дворе.

Монеты Германии представлены в коллекции четырьмя экземплярами. Все они берлинской чеканки и относятся ко времени Второго и Третьего

рейха. Монеты в 10 пфеннигов 1914 г. и 5 пфеннигов 1917 г., хотя и отчеканенные в разных металлах, в медно-никелевом сплаве и железе, однотипны по оборотной стороне с изображением увенчанного короной имперского орла, по сторонам хвоста которого симметрично расположены буквы А — знак Берлинского монетного двора. Лицевые стороны различаются расположением монетной легенды. На аверсе более ранней монеты почти вся легенда, за исключением обозначения номинала, отчеканена круговой надписью, состоящей из двух частей; на аверсе более поздней монеты название денежной единицы отчеканено горизонтальной строкой под обозначением номинала, а название государства, DEUTSCHES REICH, и дата чеканки монеты остались в надписи по окружности (Каталог, №№ 21–22).

Германские монеты периода Третьего рейха, 5 рейхспфеннигов 1938 г. и 10 рейхспфеннигов 1940 г., отчеканены также в разных металлах, в алюминевой бронзе и цинке, что ещё раз иллюстрирует достаточно распространённую тенденцию в чеканке разменных монет в годы 1-й и 2-й Мировых войн, когда в связи с военными потребностями в ряде стран были вынуждены отказаться от выпуска монет из латуни, бронзы, меди и никеля и перейти на цинк, сталь и железо. Лицевые стороны монет различаются по типам изображения орла на перевязанном лентой сплошном дубовом венке со свастики, а также по вариантам взаиморасположения названия государства и даты чеканки в надписи по окружности. Обратные стороны с обозначением достоинства и указанием места чеканки монет, помещённым между двух дубовых листьев, однотипны (Каталог, №№ 23–24).

Монеты Болгарии представлены в коллекции тремя экземплярами двух номиналов — 10 стотинок 1888 и 1913 гг. и 20 стотинок 1906 г. Все они отчеканены в медно-никелевом сплаве и однотипны по оборотной стороне с изображением венка из роз, оливковой ветви и колосьев, перевязанных лентой. Венки обрамляют 3-строчную надпись с указанием достоинства и даты чеканки монеты. На лицевой стороне всех монет отчеканены малый государственный герб и состоящая из двух частей надпись по окружности с названием государства — БЪЛГАРИЯ и национальным девизом — СЪЕДИНЕНИЕТО ПРАВИ СИЛАТА (Сила в единстве). Однако аверс 10 стотинок 1888 г. заметно отличается от однотипных друг другу лицевых сторон более поздних монет изображением короны, венчающей фигурный геральдический щит со львом, и взаиморасположением названия государства и девиза в круговой надписи (Каталог, №№ 25–26).

Двумя однотипными экземплярами достоинством в 10 и 50 грошей представлены в коллекции монеты Польши. Они отчеканены в никеле. На лицевой стороне монет изображён увенчанный короной орёл с распущенными крыльями; по сторонам орла — буквы WJ, инициалы медальера Войцеха Ястшембовского. Над орлом — дата: 1923, отделённая

двумя ромбами от надписи по окружности RZECZPOSPOLITA POLSKA (Польская республика). На оборотной стороне, в обрамлении сплошного венка из дубовых листьев и желудей, указан номинал монет. Следует отметить, что хотя первые монетные эмиссии республиканской Польши были выпущены в 1924 г., монеты из недрагоценных металлов имели более раннюю дату — «1923» (Каталог, № 27).

Единственная в коллекции монета Италии относится ко времени правления короля Виктора Эммануила III (1900–1946). Как известно, одним из серьёзных увлечений его величества была нумизматика, и, возможно, совсем не случайно в монетном деле Италии, не так давно объединённой под властью Савойской династии, период правления этого монарха отмечен большим разнообразием типов монет, прежде всего, разменных массового выпуска, причём в оформлении оборотных сторон широкое распространение получило использование изображений на основе сюжетов, заимствованных с античных монет. Присутствующая в коллекции бронзовая итальянская монета 1928 г. достоинством в 10 центезими (Каталог, № 28) на лицевой стороне имеет портрет короля влево, под которым помещена подпись А. МОТТИ (А. Мотти, главный медальер монетного двора в Риме), и надпись по окружности: VITTORIO EMANUELE III RE D'ITALIA (Виктор Эммануил III, король Италии). На оборотной стороне монеты — пчела, сидящая на цветке. Слева от изображения — обозначение места чеканки, буква R (Рим), справа указан номинал с сокращённым названием денежной единицы — С. 10 (10 centesimi), внизу — дата чеканки, и ниже — подпись R. BROZZI (медальер А. Броцци).

В составе коллекции также по одному экземпляру присутствуют монеты Сербии и Черногории, в оформлении которых весьма заметна тенденция подчеркнуть как историческое единство, так и политическую самостоятельность каждого из государств. В легенде на аверсах бронзовой монеты Сербии достоинством в 2 пара 1904 г. и никелевой монеты Черногории достоинством в 20 пара 1914 г. указаны сведения об эмитенте, номинале и годе чеканки, причём название государств — КРАЉЕВИНА СРБИЈА и КРАЉЕВИНА ЦРНА ГОРА — размещено в монетной легенде практически одинаково: по верхней части окружности. На анепиграфном реверсе обеих монет помещён увенчанный королевской короной двуглавый орёл, главный геральдический элемент на государственных гербах этих южнославянских королевств. Орлы на монетах отличаются друг от друга внешним видом и геральдическими атрибутами. На груди сербского орла находится закруглённый снизу щит, разделённый изображённым на нём крестом на четыре поля, в каждом из которых помещено по одному огниву, концами попарно развёрнутых к противоположным сторонам щита. Разделённый по горизонтали на два поля фигурный нагрудный щит его черногорского собрата имеет изображение обращён-

ного в правую геральдическую сторону льва, а в лапах черногорский орёл сжимает скипетр и державу. Различны и изображения королевской короны, венчающей орлов (Каталог, №№ 29–30). Следует отметить, что в XX в. монетная чеканка в Черногории продолжалась всего несколько лет, с 1906 г. по 1914 г., и хранящийся в Ярославском музее-заповеднике экземпляр черногорской монеты можно считать достаточно редким.

В конце 1918 г. в результате объединения южнославянских земель вокруг Сербии на Балканах появилось новое государство — Королевство сербов, хорватов и словенцев, получившее в 1929 г. другое название — Королевство Югославия. Правителем нового государства стал сербский монарх Пётр (Петар) I Карагеоргиевич (1918–1921).

Первая монетная серия Королевства сербов, хорватов и словенцев, состоящая из трёх однотипных по оформлению монет в 25, 10 и 5 пара и датированная 1920 г., была отчеканена в Австрии, на Венском монетном дворе. Старший из номиналов был выпущен в медно-никелевом сплаве, два других — в цинке. В рассматриваемой коллекции присутствует цинковая монета, из этой серии достоинством в 10 пара.

На анэпиграфном аверсе монеты отчеканен герб королевства. На мантии, увенчанной королевской короной, изображён увенчанный такой же короной закруглённый снизу щит с сербским двуглавым орлом, на груди которого помещён также закруглённый снизу щит с гербами Сербии, Хорватии и Словении. На реверсе, по сторонам обозначения номинала монеты, буквами кириллического и латинского алфавитов дважды написано название денежной единицы. Вверху, над обозначением номинала, изображены два скрещенные рога изобилия и крылатый кадуцей между ними, внизу указана дата чеканки (Каталог, № 31).

И в заключении обзора коллекции рассмотрим монету в 10 геллеров 1941 г., отчеканенную Протекторатом Богемии и Моравии — зависимым от Третьего рейха государственным образованием, существовавшим в 1939–1945 гг. на оккупированных территориях Богемии, Моравии и Чешской Силезии. После раздела Чехословакии в марте 1939 г. на Протекторат Богемии и Моравии и Словацкую республику выпуск монет для Протектората был налажен в городке Лиса-над-Лабем, на мебельной фабрике Рудольфа Вихра¹. В 1940–1944 гг. там чеканились цинковые монеты номиналом в 10, 20 и 50 геллеров и в 1 крону. Дизайн аверса всей серии монет был разработан медальером Ярославом Эдером. На аверсе изображён увенчанный короной лев на задних лапах и с раздвоенным хвостом, обращённый влево; под ним — дата чеканки. В круговой легенде на аверсе указан эмитент монет на двух языках: на немецком готической надписью

¹ Монеты Чехословакии: Протекторат Богемии и Моравии (1939–1945) [Электронный ресурс] / Livejournal. Записки Алхимика. URL: <https://metalchemist.livejournal.com/57449.html> (дата обращения: 11.11.2018).

по верхней полуокружности — BÖHMEN UND MÄHREN и на чешском по нижней полуокружности — ČECHY A MORAVA. Реверсы монет в 10, 20 и 50 геллеров по оформлению повторяют оборотные стороны соответствующих по номиналу монет Первой Чехословацкой республики, дизайн которых был разработан медальером Отакаром Шпаниелем. На реверсе экземпляра из коллекции отчеканено изображение Карлова моста в Праге через реку Влтаву. Ниже, на фоне волнистых линий, символизирующих поверхность реки, в линейном ободке, на гладком круге помещено обозначение номинала монеты (Каталог, № 32).

Структура коллекции позволяет предположить, что она сформировалась в первые послевоенные годы где-то близ границ бывшего СССР с Венгрией и Румынией. Составлялась она, вероятнее всего, путём случайных приобретений по одному или по несколько экземпляров, и в дальнейшем монеты просто хранились у владельца без какой-либо систематизации. Для нумизматики этот монетный комплекс интересен прежде всего тем, что может служить примером небольших нумизматических коллекций своей эпохи, большая часть которых со временем или бесследно растворилась в более крупных собраниях, или тихо и незаметно разошлась по рукам.

Приложение 1

Каталог монет

1. Россия. Александр I, 1801–1825 или Николай I, 1825–1855. 2 копейки. Медь. 1810–1830. ЕМ-... ЯМЗ-18835/46.
2. Венгрия. Франц Иосиф I, 1848–1916. 10 филлеров. Никель. 1894 КВ. м.д. Кремница. ЯМЗ-18835/11.
3. Венгрия. Франц Иосиф I, 1848–1916. 20 филлеров. Никель. 1907 КВ. м.д. Кремница. ЯМЗ-18835/1.
4. Венгрия. Франц Иосиф I, 1848–1916. 2 филлера. Бронза. 1896 КВ. м.д. Кремница. ЯМЗ-18835/43.
5. Венгрия. 1 филлер. Бронза. 1935 ВР. м.д. Будапешт. ЯМЗ-18835/29.
6. Венгрия. 20 филлеров. Сталь. 1941 ВР. м.д. Будапешт. ЯМЗ-18835/24.
7. Венгрия. 2 филлера. Цинк. 1944 ВР. м.д. Будапешт. ЯМЗ-18835/37.
8. Венгрия. 20 филлеров. Медь-никель. 1926 ВР. м.д. Будапешт. ЯМЗ-18835/12.
9. Румыния. Кароль I как король, 1881–1914. 2 бани. Медь. 1900 В. м.д. Бухарест. Гравёр Фридрих Вильгельм Кульрих. ЯМЗ-18835/25.

10. Румыния. Кароль I как король, 1881–1914. 10 бани. Медь-никель. 1905. ЯМЗ-18835/15.

11. Румыния. Фердинанд I, 1914–1927. 25 бани. Алюминий. 1921 НФ м.д. Ле-Локль, Невшатель, Швейцария, фирма «Братья Угвенин». ЯМЗ-18835/19.

12. Румыния. Фердинанд I, 1914–1927. 1 лея. Медь-никель. 1924 молния. м.д. Пуасси, Франция. ЯМЗ-18835/7.

13. Румыния. Фердинанд I, 1914–1927. 2 леи. Медь-никель. 1924. м.д. Брюссель, Бельгия. ЯМЗ-18835/13.

14. Румыния. Михай I (второе правление), 1940–1947. 5 лей. Цинк. 1942. ЯМЗ-18835/31.

15. Румыния. Михай I (второе правление), 1940–1947. 20 лей. Цинк. 1942. ЯМЗ-18835/45.

16. Австрия. Франц Иосиф I, 1848–1916. 2 геллера. Бронза. 1914. ЯМЗ-18835/26.

17. Австрия. Карл I. 1816–1918. 20 геллеров. Железо. 1917. ЯМЗ-18835/23.

18. Австрия. 2 грошена. Бронза. 1936. ЯМЗ-18835/32.

19. Австрия. 10 грошенов. Медь-никель. 1925. Медальер Генрих Цита. ЯМЗ-18835/4.

20. Австрия. 1 шиллинг. Серебро. 1925. Медальер Генрих Цита. ЯМЗ-18835/21.

21. Германия. Вильгельм II, 1888–1918. 10 пфеннигов. Медь-никель. 1914 А. м.д. Берлин. ЯМЗ-18835/9.

22. Германия. Вильгельм II, 1888–1918. 5 пфеннигов. Железо. 1917 А. м.д. Берлин. ЯМЗ-18835/36.

23. Германия. 5 рейхспфеннигов. Алюминий-бронза. 1938 А м.д. Берлин. ЯМЗ-18835/28.

24. Германия. 10 рейхспфеннигов. Цинк. 1940 А м.д. Берлин. ЯМЗ-18835/22.

25. Болгария. Фердинанд I как великий князь 1887–1908. 10 стотинки. Медь-никель. 1888. ЯМЗ-18835/2.

26. Болгария. Фердинанд I как царь 1908–1918. 10 стотинки. Медь-никель. 1913. ЯМЗ-18835/17.

27. Польша. 50 грошей. Никель. 1923 WJ. Медальер Войцех Ястшембовский. ЯМЗ-18835/14.

28. Италия. Виктор Эммануил III, 1900–1946. 10 чентезими. Бронза. 1928 R. м.д. Рим. Главный гравер монетного двора А. Мотти. Медальер Р. Броцци. ЯМЗ-18835/44.

29. Сербия. Петер I, 1903–1918. 2 пара. Бронза. 1904. ЯМЗ-18835/30.

30. Черногория. Николай I как король, 1910–1918. 20 пара. Никель. 1914. ЯМЗ-18835/3.

31. Югославия (королевство сербов, хорватов и словенцев). Петар I. 1918–1921. 10 пара. Цинк. 1920. м.д. Вена. ЯМЗ-18835/39.

32. Протекторат Богемия и Моравия. 10 геллеров. Цинк. 1941. м.д. Лиса-над-Лабем. Мебельная фабрика Рудольфа Вихра. Граверы Ярослав Эдер, Отакар Шпаниель. ЯМЗ-18835/42.

Приложение 2

Изображения монет

И. И. Рыкунова, А. Н. Рыкунов

Рыбинск

Новые находки предметов христианского культа средневековой Усть-Шексны

В археологической коллекции Рыбинского музея-заповедника содержится более 100 находок — предметов христианского культа, собранных при раскопках на памятнике Усть-Шексна — поселении XI–XVI вв., расположенном на территории современного г. Рыбинска Ярославской области. Это кресты-тельники, энколпионы и подвески-иконки, изготовленные из различных материалов. В 2010 г. был опубликован первый научный обзор предметов христианской мелкой пластики средневековой Усть-Шексны¹. Цель данной публикации — ввод в научный оборот находок, выявленных после указанного времени.

Наиболее многочисленны и разнообразны изделия, изготовленные из цветных металлов (большой частью из бронзы). Особый интерес среди них представляют 2 змеевика. Эта категория предметов культа не встречалась ранее на памятнике Усть-Шексна.

Первый предмет — круглая подвеска диаметром около 4,5 см с неровными обломанными краями. На лицевой стороне — слабо различимая фигура, предположительно, архангела, на оборотной — овальная выпуклость в центре — голова Медузы со змеями вокруг неё (рис. 1: 1). Стратиграфически находка датируется XIII — началом XIV в.

Второй змеевик представляет собой круглую подвеску с массивным гранёным оглавием — 6,7 x 5,7 см. Тонкий рельефный пояс с обеих сторон украшен короткими поперечными линиями — имитацией плетенки. На одной стороне — изображение двух святых конных воинов, на обороте — змеевидная композиция (рис. 1: 2). Тип композиции — IV по Ни-

¹ Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н. Предметы христианского культа средневековой Усть-Шексны // Археология: история и перспективы: Четвёртая межрегиональная конференция: сборник статей. Ярославль, 2010. С. 85–94.

Рис. 1. Усть-Шексна. 1–2 — змеевики

колаевой — т. н. «вензелевидный» (человеческое туловище образовано змеями, голова помещена сверху, змеиные головки расположены вдоль внешнего края). Предположительно, этот тип змеевидной композиции имеет русское происхождение. Вероятно, изображение представляет двух святых воинов-змееборцев Феодора-Стратилата и Георгия. Подобные появляются в XIII в. и наиболее характерны для XIV в.² Аналогичные амулеты есть в хранении музея им. Андрея Рублёва³.

Подвески-иконки, являющиеся нечастой находкой (ранее в коллекции хранились 2 единицы), обнаружены в количестве 8 экземпляров. Они разнообразны по сюжету и формам, все являются плоскими, литыми в односторонних формах.

Три иконки — круглой формы. На лицевой стороне первой помещено рельефное изображение сцены Успения Богородицы. Композиция

² Николаева Т. В., Чернецов А. В. Древнерусские амулеты-змеевики. М.: Наука, 1991. С. 72–73, кат. 29, табл. XIV, рис. 1, 3.

³ Из новых поступлений: Каталог выставки музея им. Андрея Рублева 1988–1992. М., 1995. Кат. 110, рис. 113; Гутова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни. М.: Интербук-Бизнес, 2000. С. 41, рис. 52.

Рис. 2. Усть-Шексна. 1–8 — иконки

заключена в рамку в виде неровного по ширине выступающего ободка. Оглавие — плоское ушко (рис. 2: 1). Подобные изделия встречены главным образом на территории Северо-Восточной Руси. Согласно исследованиям М. В. Седовой, они бытовали в первой половине — середине XII в. и являлись продукцией мастеров Владимиро-Суздальской Руси, а прообразом для них послужила актовая печать конца XI в.⁴ Некоторые исследователи рассматривают эти иконки как паломнические реликвии, связанные с Успенским собором во Владимире⁵. 7 аналогичных находок с территории Украины и из Ярославской области описаны А. К. Станюковичем и отнесены к группе VIII, типу 1⁶.

⁴ Седова М. В. О двух типах иконок-привесок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. М., 1974. С. 191–194; Седова М. В. Сложение местной иконографии местного литья во Владимиро-Суздальской Руси // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 272, 279.

⁵ Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в XI–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002. С. 187.

⁶ Станюкович А. К. Неизвестные памятники русской металлопластики. Миниатюрные иконки-привески XI–XVI веков. М.: Группа «ИскагелИ», 2011. С. 18, табл. XVI, 251–257; Чудновец А. А. Каталог средневековой мелкой пластики. М., 2006. С. 51, 124, 3.

У второй круглой подвески по периметру лицевой стороны — выступающий бортик, украшенный рубчатым орнаментом. В центр помещено погрудное изображение святого бородатого (?) воина с копьем в правой руке. Оглавие — бусина (рис. 2: 2). На подобных иконках, по мнению М. В. Седовой⁷, изображён святой Георгий. Близкие аналогии выявлены в слое XII–XIII вв. Белоозера, погребениях того же периода Минино II, кургане у с. Петрушино Костромской области и др.⁸ А. К. Станюкович относит подобные изделия к группе IV.Б, тип 1⁹. На третьей круглой иконке изображена Богоматерь Одигитрия вправо с Младенцем Христом на левой руке. Композиция заключена в рельефную рамку из двух круговых ободков. Оглавие — плоское ушко (рис. 2: 3). Подобные подвески широко распространены по всей территории домонгольской Киевской Руси, по Станюковичу относятся к группе II Г, тип 1¹⁰.

Две иконки — прямоугольной формы. На первой повторяется сюжет, описанный выше: рельефное изображение Богоматери «Умиление» вправо с Младенцем Христом на левой руке. Композиция заключена в прямоугольную рамку. Рельеф выполнен мелкими точечными и штриховыми выпуклостями. Оглавие — плоское ушко (рис. 2: 6). Аналогичны данные и по распространению и датировке, относятся к группе II Г, тип 3¹¹. На второй иконке (рис. 2: 7) в рамке в виде узкого рельефного бортика размещено рельефное изображение Богоматери «Оранта» в рост с воздетыми руками и нимбом над головой. Богоматерь изображена в длинном хитоне и складчатом мафории, голова окружена нимбом. Слева и справа от нимба размещены нечитаемые рельефные монограммы под титлами, петля утрачена. Аналогичные обнаружены по всей территории Киевской Руси, наиболее распространена датировка XII — первая половина XIII в.

3 иконки — арочной формы. На первой размещено фронтальное поясное изображение святителя. Голова окружена рельефным нимбом, который соединён с рельефной контурной обводкой тела. Руки показаны схематично. Композиция заключена в рамку из двух линейных ободков, с одной стороны между ними сохранились остатки орнамента типа «плётки». Внутренний ободок рамки и нимб соединён тонкими линиями. Оглавие имеет вид горизонтального цилиндра (рис. 2: 5). Подобные компо-

⁷ Седова М. В. Нательные иконки с изображением святого Георгия Ростово-Суздальской Руси (XI–XIII вв.) // Г. К. Вагнер — учёный и человек. М., 2006. С. 241–250.

⁸ Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. С. 161, рис. 38, 4; Макаров Н. А. Переход от язычества к христианству по материалам новейших исследований селищ и могильников на севере Руси // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М., 2008. С. 34, рис. 4, 1–3.

⁹ Станюкович А. К. Указ. соч. С. 25, табл. IX, 136.

¹⁰ Там же. С. 18, табл. V, 57–61.

¹¹ Чудновец А. А. Указ. соч. С. 52, 125, 8–10; Нечитайло В. В. Каталог христианских нагрудных изделий периода Древней Руси. Киев, 2001: ил. 599; Станюкович А. К. Указ. соч. С. 18, табл. V, 68–71.

зиции характерны для конца XIV — начала XV в. На некоторых подписных иконках изображён Николай Чудотворец¹². В Новгороде схожий образец выявлен в слоях конца XIV — рубежа XIV–XV вв., интерпретирован как изображение Василия Кесарийского¹³.

На второй иконке (рис. 2: 6) представлен великомученик Никита, побивающий беса. Изображение святого великомученика Никиты показано стоящим в трёхчетвертном повороте вправо. Святой облачён в короткополую одежду, подпоясан. В высоко поднятой правой руке он держит вервие, замахиваясь на стоящего справа беса, которого держит левой рукой. Над изображением беса находится неразборчивая монограмма из двух букв. Композиция заключена в широкую рамку в виде выступающего бортика из двух валиков с частыми поперечными рубчиками между ними. Оглавие имеет вид уплощённой бусины. Данный сюжет, иллюстрирующий хорошо известный эпизод жития мученика Никиты, получил распространение в XV–XVII вв.¹⁴ Существует общепринятое суждение, что образки в форме киотца в целом характерны для изделий XV–XVI вв.¹⁵

Третья иконка подобной формы плохо сохранилась (рис. 2: 8). Значительные утраты и потёртости не позволяют реконструировать изображение. Угадывается широкий бортик по периметру и одиночная фигура, оглавие — плоская бусина.

Следующая категория находок — кресты-энколпионы (5 целых изделий и 5 створок). Шесть находок (3 целых и 3 створки) практически идентичны по форме и размерам. Это кресты с прямыми, слегка расширяющимися концами и подквадратными выступами в средокрестии. По обеим сторонам на центральную часть нанесены углубления в виде крестов с расширяющимися концами и «сиянием» со следами инкрустации. Различаются лишь сохранностью (рис. 3: 1, 3–6). У двух складней лучшей сохранности (рис. 3: 1) сохранились бусинные оглавия. Подобные обнаружены на памятниках XI–XIII вв. в Ярославской, Курской областях, в Белоозере, Приднепровье, Ярополче Залесском¹⁶. В нашей коллекции присутствует ещё один подобный целый экземпляр¹⁷.

¹² Станюкович А. К. Указ. соч. С. 27, табл. XIII, 198–202.

¹³ Седова М. В. Ювелирные изделия Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 64, рис. 20, 7.

¹⁴ Векслер А. Г., Беркович В. А. Находки нательных крестов с изображением святого Никиты-бесогона из раскопок на ул. Б. Дмитровка в Москве // Ставрографический сборник. Кн. III / V. 2005; Станюкович А. К. Указ. соч. С. 37, рис. 12.

¹⁵ Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XIII–XVII в. в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960. № 52, 76.

¹⁶ Чудновец А. А. Указ. соч. С. 36, 37; С. 102, рис. 21–23, 25; Захаров С. Д. Указ. соч. С. 167, рис. 45, 8–11; Николаева Т. В., Недошвина Н. Г. Предметы христианского культа // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 350, табл. 104, 7, 13.

¹⁷ Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н. Предметы христианского культа средневековой Усть-Шексны.... С. 88, рис. 2, 9.

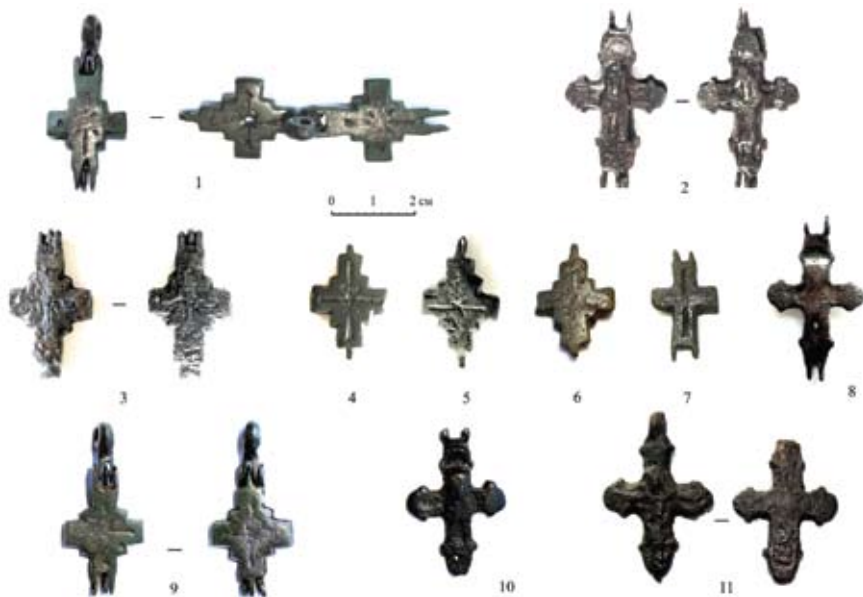

Рис. 3. Усть-Шексна. 1–11 — кресты-энколпионы

Тип креста-складня круглоконечный с прямым средокрестием и каплевидными выступами на оконечностях представлен 1 целым предметом и 1 створкой (рис. 3: 2, 8). На обеих створках первого все лицевые поверхности занимают рельефные ростовые изображения: Распятие и Богоматерь (Ассунта). Обе створки имеют шарнирные петли, не скреплены между собой, оглавие утрачено. Изображение на створке аналогичной формы (рис. 3: 8) не читается. Исследователи считают подобную форму энколпионов наиболее распространённой на Киевщине, позднее они встречаются по всей Древней Руси¹⁸. Аналогичные находки отмечены среди материалов Белоозера, Новгорода, Старой Рязани, Ярополча Залесского, их датировка — XII–XIII вв.¹⁹ Ранее нами были учтены 1 целый энколпион и 3 створки подобного вида.

Та же датировка у створки небольшого энколпиона с почти прямыми, незначительно расширяющимися ветвями, украшенной инкрустирован-

Рис. 4. Усть-Шексна. 1–41 — нательные кресты

ном крестом (рис. 3: 7). Аналогичные кресты обнаружены на Белоозере, в Новгороде²⁰, три находки сделаны ранее на Усть-Шексне.

Больше всего обнаружено металлических крестов-тельников — свыше 30. Два из них выделены в группу поздних, время бытования которых — XIV–XVI вв. Это четырёхконечный с прямоугольными боковыми лопастями и килевидным завершением нижней оконечности. В центральной части — рельефное изображение шестиконечного Голгофского креста. На верхней оконечности — прямоугольная табличка с монограммой ИΝ (Иисус Назорей), на боковых оконечностях в квадратных клеймах — буквы С, в изножии — монограмма Г̄А (Глава Адамова). Оглавие имеет вид округлой бусины, оборотная сторона гладкая (рис. 4: 1). Известны аналоги того же времени из Брянской области, ещё один — неизвестного происхождения²¹. Второй крест плоский четырёхконечный со слегка расширяющимися лопастями (рис. 4: 2). На лицевой стороне — гладкий бортик по периметру и орнамент в виде косой плетёнки — внутри. Оглавие — гранёная бусина, украшенная на лицевой стороне прямым

¹⁸ Николаева Т. В., Недошивина Н. Г. Предметы христианского культа... С. 174.

¹⁹ Захаров С. Д. Указ. соч. С. 167, 168, рис. 45, 13, 15; Седова М. В. Ювелирные изделия Новгорода (X–XV вв.)... С. 55, рис. 17, 5; Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. Рис. 12, 6; Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978. С. 118, рис. 12.8; Чудновец А. А. Указ. соч. С. 32, с. 96–97, рис. 1а, 1б, 3а, 5а; с. 100, рис. 13а, 14а, 15а.

²⁰ Захаров С. Д. Указ. соч. С. 167, рис. 45, 1–3; Седова М. В. Ювелирные изделия Новгорода (X–XV вв.)... С. 57, рис. 18, 5; Чудновец А. А. Указ. соч. С. 35, с. 101, рис. 18, с. 102, рис. 24; Николаева Т. В., Недошивина Н. Г. Предметы христианского культа... С. 350, табл. 104, 14.

²¹ Чудновец А. А. Указ. соч. С. 46, № 26; с. 101, рис. 26.

крестиком в овальном углублении. Два подобных креста в Новгороде были обнаружены в слоях первой половины XV в.²²

Для двух крестов из оловянно-свинцового сплава аналогии не обнаружены, датированы они XIV–XV вв. по стратиграфии и сопутствующей керамике:

- Четырёхконечный равносторонний. Ветви креста — круглые в сечении — завершаются небольшими шариками, такой же помещён в средокрестие. Оглавие выполнено в виде узкого цилиндрического ушка. От верхней перекладины в стороны и вниз расходятся 2 петлевидных выступа, соединяющиеся с короткими дугообразными, отступающимися вверх от боковых концов (рис. 4: 3);
- Четырёхконечный равносторонний. Ветви креста — круглые в сечении — завершаются плоскими круглыми завершениями, оглавление выполнено в виде длинного неровного цилиндрического ушка с поперечными кольцевидными выступами по краям и в центре, украшенного рельефным рубчатым орнаментом. Перекладины с обеих сторон украшены двусторонним рельефным орнаментом, имитирующим витьё (рис. 4: 4).

Датировка четырёхконечного равностороннего креста с трёхлепестковыми криновидными завершениями лопастей (рис. 4: 5) широкая — XIII–XV вв. Ранее нами были учтены 3 подобных креста, данный экземпляр обнаружен с поздней древнерусской керамикой к. XIII – нач. XIV в.

Большая часть находок датируется XI–XIII вв. и относится к широко распространённым типам. 6 крестов украшены эмалью. Три из них — 4 x 3 см — плоские четырёхконечные с простым средокрестием и трёхлопастными концами; с обеих сторон круглые и прямоугольные углубления заполнены остатками желтовато-белёсой эмали (рис. 4: 6–8). Различаются тем, что у двух экземпляров ушки в виде плоской петли, у одного — бусины (рис. 4: 8), а также тем, что центральные выступы завершений лопастей одного (рис. 4: 7) слегка вытянуты и подострены. Три миниатюрных размерами 1,9 x 1,3 см крестика — односторонние четырёхконечные равносторонние с треугольными концами. На лицевой стороне рельефный пояс по периметру образует углубление, заполненное остатками жёлтой эмали, обратная сторона гладкая, петля крупная (рис. 4: 19–20). Аналогичные кресты с эмалью были ранее описаны нами, широко распространены по всей территории Древней Руси и относятся соответственно к XI–XIII и XII–XV вв.²³

²² Седова М. В. Ювелирные изделия Новгорода (X–XV вв.)... С. 55, рис. 16, 21.

²³ Седова М. В. Ювелирные изделия Новгорода (X–XV вв.)... С. 52; Николаева Т. В., Недошивина Н. Г. Предметы христианского культа... Табл. 103, 30; Голубева Л. А. Вещи и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 173. С. 144; Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических

Четыре находки практически идентичны. Это пострадавшие от огня равносторонние четырёхконечные кресты с дугами в средокрестии, окруженными на концах и выпуклостью в центре, в оглавии бусина, размеры 2,2 x 1,8 см (рис. 4: 9–12). Рельеф поверхностей плохо читается из-за сохранности. Подобные из собрания Владимиро-Суздальского музея датируются XI — сер. XII в.²⁴

Наиболее представительный (свыше 10 экземпляров) тип крестов — с шариками или округлыми утолщениями на концах. Датировка всех — XII–XIII вв.²⁵ Два целых и один фрагмент четырёхконечных равносторонних крестов с шариками и небольшими каплевидными выступами на каждом конце и шариками в центре практически идентичны (рис. 4: 13, 14, 16). Ещё один (рис. 4: 17) отличается тем, что у него с двух сторон на слегка уплощённое округлое средокрестие нанесены простые кресты. У фрагмента миниатюрного (1,5 x 1 см) креста с шариком в средокрестии (рис. 4: 15) утолщённые округлые завершения лопастей ровно обрезаны. Три экземпляра с шариками на концах — 2 целых и 1 фрагмент имеют квадратные средокрестия (рис. 4: 21–23). У первого на средокрестие с одной стороны помещён косой крест, у второго — неясная выпуклость, у фрагмента средокрестие гладкое. У фрагмента одностороннего креста с квадратным средокрестием с косым крестом внутри круглые концы уплощены и украшены круглыми углублениями (рис. 4: 24). Единичными фрагментами представлены кресты с округлыми утолщениями на концах и у основания ветвей в средокрестии, с тремя шариками на концах и четырьмя — в средокрестии (рис. 4: 25, 27). У одного экземпляра размерами 3,2 x 2,3 см (рис. 4: 26) ветви равномерно расширяются к концам с каплевидными выступами, округло-ромбическое уплощённое средокрестие украшено неясным орнаментом.

Две находки идентичны: плоские гладкие кресты с прямоугольными средокрестиями и перекрещенными концами, т. е. двенадцатиконечные кресты (рис. 4: 29, 30). Подобный массивный, украшенный «плетёнкой» обнаружен в Новгороде в слое 60–80 гг. XIV в.²⁶ Наши экземпляры по стратиграфии ближе ко второй пол. XIII в.

памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997. С. 117, табл. 337, 1–3; Колпакова Ю. В. Предметы христианского культа в археологической коллекции Псковского музея-заповедника // Археология и история Пскова и псковской земли. Материалы научных семинаров за 2001–2002 гг. Псков, 2003. С. 69, рис. 1, 5; Захаров С. Д. Указ. соч. С. 162, рис. 337, 3, 4; Кудряшов А. В. Древности Средней Шексны X–XIV вв. Череповец, 2006. Рис. 35, 2; Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. С. 74–75, 135, табл. IV, 24.

²⁴ Нечитайло В. В. Каталог христианских нагрудных изделий ... № 82–85.

²⁵ Чудновец А. А. Указ. соч. С. 16, № 1, 3; с. 80, рис. 1, 3; Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьёв Н. М. Тысячелетие креста: Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. М., 2003. Илл. 121, 9; илл. 122, 10.

²⁶ Седова М. В. Ювелирные изделия Новгорода (X–XV вв.)... Рис. 16.

Интересен криноконечный крест (рис. 4: 35). Эта форма хорошо известна по ближайшим аналогиям²⁷ и датируется концом XII — первой третью XIII в., однако во всех случаях речь идёт об односторонних изделиях, такова была и наша первая находка. Данный экземпляр двусторонний.

У следующих двух находок (рис. 4: 36, 37) с прямыми ровными завершениями лопастей, овальных в сечении и двусторонним полустёртым орнаментом в виде углублённой квадратной рамки с прямым полустёртым крестом внутри имеется некоторое сходство с более крупным крестом из Рязанской области²⁸.

Ряд находок — 3 креста и 2 подвески — пока не нашли точных аналогий. Это фрагмент креста с треугольными завершениями лопастей с утраченным нижним концом (рис. 4: 28). Лицевая сторона в средокрестии и на концах лопастей орнаментирована углублёнными окружностями, оглавие имеет вид плоской бусины. Равносторонний гладкий крест со слегка расширяющимися, ровно обрезанными концами лопастей, округлых в сечении, в средокрестии — небольшое углубление с обеих сторон. Оглавие — бусина, украшенная продольной выпуклостью по центру (рис. 4: 38). Односторонний крестик с расширениями подтрапециевидной формы на концах и неясным орнаментом в виде рельефной рамки от первой нашей находки такой же формы и размера отличается отсутствием косоугольного креста в средокрестии (рис. 4: 39).

Первая из двух в коллекции подвесок (рис. 4: 40) — двусторонняя крестовидная равносторонняя с пальметообразными ветвями и круглым средокрестием с каплевидными выступами, петля плоская. Вторая (рис. 4: 40) — односторонняя, составленная из четырёх круглых щитков на широкой продольно-рельефной петле. Щитки по периметру украшены выпуклым пояском с поперечной насечкой, внутри — крупной круглой выпуклостью в центре с 8 мелкими — вокруг. В центре в средокрестии аналогичная крупная выпуклость обведена подквадратным пояском с оттянутыми углами.

Нательных крестиков из камня — 4. Все — четырёхконечные, у 2 — слегка удлинённые вертикальные перекладыны. У всех простые средокрестия, образованные пересечением ветвей, и прямые лопасти, у 3 — четырёхугольные в сечении (рис. 4: 31–33), у одного — восьмигранные (по продольным ребрам сняты узкие аккуратные фаски) (рис. 1: 34). Высота крестов колеблется от 2,3 до 4,6 см. Минералогическое определение не проводилось, поэтому можно лишь предположительно утверждать, что 3 из них

²⁷ Чудновец А. А. Указ. соч. С. 26, № 68; с. 88, рис. 68; Нечитайло В. В. Каталог христианских нагрудных изделий. Каталог: № 108–116; Станюкович А. К., Оситов И. Н., Соловьёв Н. М. Тысячелетие креста... Илл. 144, 32.

²⁸ Станюкович А. К., Оситов И. Н., Соловьёв Н. М. Тысячелетие креста... С. 115, 116, 3–4.

изготовлены из местных сланцевых пород тёмно- и светло-серого цветов, один — из шифера. Подобные предметы были широко распространены по всей древней Руси. В Новгороде аналогичные крестики датированы XII — концом XIV в., но основная масса приходится на XII в.²⁹

Приведённый обзор ещё раз показывает, что на Усть-Шексне были распространены широко известные типы предметов личного благочестия, а качество исполнения некоторых позволяет предположить местное производство. Этот материал позволяет судить об активном проникновении христианства на данную территорию уже на рубеже XI–XII вв. Примечательно, что подобные предметы обнаружены при раскопках поселения. Ведь все они были предметами личного ношения, передавались по наследству, оберегались, при любых бедствиях и катаклизмах уносились с собой. Это является ещё одним весомым фактором для характеристики средневековой Усть-Шексны как богатого и развитого поселения. Большая часть находок датируются XII–XIII вв. — периодом его расцвета.

Список литературы

1. Векслер, А. Г. Находки нательных крестов с изображением святого Никиты-бесогона из раскопок на ул. Б. Дмитровка в Москве / А. Г. Векслер, В. А. Беркович // Ставрографический сборник. — Кн. III / V. — М.: Изд-во Московской Патриархии, 2005. — С. 223–230.
2. Гнутова, С. В. Кресты, иконы, складни / С. В. Гнутова, Е. Я. Зотова. — М.: Интербук-Бизнес, 2000. — 136 с.
3. Голубева, Л. А. Вещь и славяне на Белом озере X–XIII вв. / Л. А. Голубева. — М.: Наука, 1973. — 212 с.
4. Даркевич, В. П. Древняя столица Рязанской земли / В. П. Даркевич, Г. В. Борисевич. — М.: Кругъ, 1995. — 445 с.
5. Захаров, С. Д. Древнерусский город Белоозеро / С. Д. Захаров. — М.: Индрик, 2004. — 592 с.
6. Каталог выставки музея им. Андрея Рублёва 1988–1992. — М.: Авангард, 1995. — 96 с.
7. Колпакова, Ю. В. Предметы христианского культа в археологической коллекции Псковского музея-заповедника / Ю. В. Колпакова // Археология и история Пскова и псковской земли: материалы научных семинаров за 2001–2002 гг. / Отв. ред. В. В. Седов. — Псков: Гос. центр народного творчества, 2003. — С. 57–66.
8. Колчин, Б. А. Хронология новгородских древностей / Б. А. Колчин // СА. — 1958. — № 2. — С. 92–111.
9. Кудряшов, А. В. Древности Средней Шексны X–XIV вв. / А. В. Кудряшов. — Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2006. — 197 с.

²⁹ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 2. С. 106, рис. 8.

10. *Макаров, Н. А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья / Н. А. Макаров. — М. : НИЦ «Скрипторий», 1997. — 386 с.
11. *Макаров, Н. А.* Переход от язычества к христианству по материалам новейших исследований селищ и могильников на севере Руси / Н. А. Макаров // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. — М. : Институт археологии РАН, 2008. — С. 29–42.
12. *Мусин, А. Е.* Христианизация Новгородской земли в XI–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности / А. Е. Мусин. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2002. — 269 с.
13. *Нечитайло, В. В.* Каталог христианских нагрудных изделий периода Древней Руси / В. В. Нечитайло. — Киев : Максим, 2001. — 94 с.
14. *Николаева, Т. В.* Древнерусские амулеты-змеевики / Т. В. Николаева, А. В. Чернецов. — М. : Наука, 1991. — 124 с.
15. *Николаева, Т. В.* Предметы христианского культа / Т. В. Николаева, Н. Г. Недошивина // Древняя Русь. Быт и культура. — М., 1997. — С. 166–178.
16. *Николаева, Т. В.* Произведения мелкой пластики XIII–XVII вв. в собрании Загорского музея. Каталог / Т. В. Николаева. — Загорск : б/и, 1960. — 338 с.
17. *Рыкунова, И. И.* Предметы христианского культа средневековой Усть-Шексны / И. И. Рыкунова, А. Н. Рыкунов // Археология : история и перспективы : четвёртая межрегиональная конференция : сборник статей / под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль : б/и, 2010. — С. 85–94.
18. *Рябинин, Е. А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья / Е. А. Рябинин. — Л. : Наука. Ленингр. отд., 1986. — 160 с.
19. *Седова, М. В.* Нательные иконки с изображением святого Георгия Ростово-Суздальской Руси (XI–XIII вв.) / М. В. Седова // Г. К. Вагнер — учёный и человек. — М., 2006. — С. 241–250.
20. *Седова, М. В.* О двух типах иконок-привесок Северо-Восточной Руси / М. В. Седова // Культура средневековой Руси. — Л. : Наука, 1974. — С. 191–194.
21. *Седова, М. В.* Сложение местной иконографии местного литья во Владимиро-Суздальской Руси / М. В. Седова // Древности славян и Руси. — М. : б/и, 1988. — С. 272–279.
22. *Седова, М. В.* Ювелирные изделия Новгорода (X–XV вв.) / М. В. Седова. — М. : Наука, 1981. — 196 с.
23. *Седова, М. В.* Ярополч Залесский / М. В. Седова. — М. : Наука, 1978. — 158 с.
24. *Станюкович, А. К.* Неизвестные памятники русской металлопластики. Миниатюрные иконки-привески XI–XVI веков / А. К. Станюкович. — М. : Группа «ИскательИ», 2011. — 224 с.
25. *Станюкович, А. К.* Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний / А. К. Станюкович, И. Н. Осипов, Н. М. Соловьёв. — М. : Родонит, 2003. — 260 с.
26. *Чудновец, А. А.* Каталог средневековой мелкой пластики / А. А. Чудновец. — М. : Минувшее, 2006. — 137 с.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-91730-000-9.173-187>

Н. Г. Сатойлович

Москва

Археологические наблюдения в Успенском соборе Ростова Великого в 2018 г.¹

В 2018 г. экспедиция Института археологии провела спасательные археологические исследования, связанные с работами по устройству отопления в ростовском Успенском соборе. В 2017 г. прокладывалась траншея теплоцентрали вдоль северной стены собора², в 2018 г. работы проводились в его внутреннем объёме, где монтировалась система отопления формата «тёплый пол».

Успенский собор и окружающая его соборная площадь (ил. 1) — древнейший сакральный и топографический центр Ростова Великого. Сформировавшийся за многовековую историю собора в его внутреннем объёме культурный слой, мощность которого, по археологическим данным, составляет свыше 4,5 кв. м, является объектом археологического наследия и подлежит охране при любых строительных работах³.

Проект устройства отопления здания Успенского собора разработан Федеральным государственным унитарным предприятием «Центральные

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси — археологическое измерение» (№ НИ-ОКТР АААА-А18-118021690056-7).

² Успенский собор и Соборная площадь в Ростове Великом / Леонтьев А. Е. [и др.] // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 г. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 174–179.

³ Отчёт Архитектурно-археологической экспедиции Гос. Эрмитажа о работах в Ростове Великом в 1995 г. / О. М. Иоаннисян [и др.] // Архив ИА РАН. Р-1. № 19649; Памятники древнерусского зодчества XII–XIII вв. в Ростове Великом // Труды VI Международного конгресса славянской археологии / Иоаннисян О. М. [и др.] Т. 5. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 252–264. Леонтьев А. Е. Археологические наблюдения в ростовском Успенском соборе // Сообщения Ростовского музея. Вып. V. Ростов, 1993. С. 162–171.

Ил. 1. Успенский собор в Ростове Великом. Вид с запада. Фото 2017 г.

научно-реставрационные проектные мастерские» (ФГУП ЦНРПМ). По проекту источником тепла является котельная, расположенная вне здания. К собору до точки ввода в его северо-западном углу теплоноситель подводится по теплоцентрали, трубы которой вдоль северной стены были уложены в ходе работ осени 2017 г.

Внутри собора проект предусматривал устройство «тёплого пола» (системы подпольного водяного отопления) по всей внутренней площади собора, за исключением южной апсиды (Леонтьевского придела).

Технический горизонт «тёплого пола» по проекту имел толщину до 11 см, поверх него предполагалось возобновление плиточного пологового покрытия в исходном виде, при обязательном сохранении существующего к началу работ уровня его поверхности. Таким образом, техническому воздействию при создании системы отопления подвергалось верхнее, незначительное по глубине пространство под существующим покрытием.

Современный пол в Успенском соборе сложен из чугунных плит размером 71 x 71 см (1 кв. аршин). Первоначальное его устройство относится к 80-м гг. XIX в. Плиты были уложены поверх сложенных из кирпича калориферных ходов, горячий воздух в которые поступал от печей, стоявших в пристройке, находившейся у северо-восточного

Ил. 2. Начало работ. Демонтаж плит пола в центральной части собора. Вид с запада

угла храма⁴. Таким образом, с 80-х гг. XIX в. собор отапливался системой «тёплый пол», концептуально практически аналогичной проектируемой. За несколько десятилетий после закрытия храма в 30-е гг. XX в. система отопления пришла в негодность, пристройку с печами разобрали в ходе реставрационных работ в 1960-х гг.⁵ Пол в соборе был переложен при последующей реставрации середины 90-х гг. XX в., когда чугунные плиты были уложены на песчаную подсыпку.

Работы 2018 г. начались с демонтажа плит по всей площади четверика собора (ил. 2). Под ними вскрылась подсыпка из технического песка, местами с включениями цементной крошки и мелкого гравия. Новодельные чугунные плиты, изготовленные по образцам в середине 90-х гг. XX в., отличаются от оригинальных своей тыльной стороной — на ней нанесены косые насечки (ил. 3).

Плиты опирались на утопленные в песок, уложенные рядами с шагом 0,67 м металлические балки. У западной стены северо-восточного столба четверика под плитами зафиксированы сохранившиеся остатки кирпичной кладки калорифера системы отопления XIX в. (ил. 4). Аналогичный фрагмент калориферной кладки отмечен у юго-западного столба, здесь на кирпи-

⁴ Вахрина В. И. Успенский собор Ростова Великого. Ростов: Отчий дом, 2012. С. 58.

⁵ Банизе В. С. Кремль Ростова Великого. М., 1976. С. 43.

Ил. 3. Песчаная засыпка подпольного пространства и балки-опоры под плиты пола. Вид с запада

Ил. 4. Остатки калориферного хода у западной стены северо-восточного столба четверика. Вид с запада

чаж местами сохранился сажистый налёт.

При снятии плит пола по периметру четверика, в том числе вдоль солей, были вскрыты траншеи шириной 0,6 м и глубиной 0,8 м с бетонным дном и кирпичными стенками на цементном растворе (ил. 5). Внутри каждой были устроены по две арки в один кирпич по высоте чуть ниже края. Траншеи предназначались для укладки труб отопления по неосуществлённому проекту середины 1990-х гг.⁶

Траншея отсутствует в северо-западном углу собора, её северный и западный рукава заканчивались здесь заложёнными кирпичными стенками

тушиками. Очевидно, таким образом было сохранена белокаменная кладка, открытая при работах Н. Н. Воронина в 1954–1955 гг. и определённая им как основание лестницы собора XIII в., ведущей на хоры⁷.

После полного демонтажа плит пола и опорных металлических балок песчаная подсыпка под ними была выровнена и утрамбована (ил. 6).

При работах по выравниванию горизонта песка под снятыми плитами пола были выявлены следующие объекты:

1. У западного портала под снятыми плитами пола расчищена верхняя ступень белокаменной лестницы (ил. 7), составленная из нескольких, хорошо подогнанных плит неправильной формы с незначительно выхоженной поверхностью, т. е. использовавшейся сравнительно недолгое время.

Ил. 5. Общий вид траншеи вдоль солей

⁶ Необходимо отметить, что эти работы проводились без необходимого археологического сопровождения. В ходе работ 2018 г. траншеи были засыпаны.

⁷ Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова // Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. Вып. 1. Древний Ростов. Ярославль, 1958. С. 7; рис. 1, 5.

*Ил. 6. Утрамбовка подсытки после снятия плит пола.
Центральный неф собора, вид с востока*

*Ил. 8. Белокаменные блоки в основании
юго-восточного столба четверика*

Ил. 7. Ступень белокаменной лестницы у западного портала

2. У западной стены юго-восточного столба четверика, на участке, где до начала работ фиксировался провал плит пола, раскрыто основание столба, в кладке которого использованы белокаменные блоки (ил. 8). Здесь вместо металлических балок плиты пола опирались на кладку из современного кирпича. В песчаной засыпке у столба был найден крупный обломок белокаменного блока с фрагментом фресковой росписи (ил. 9).

3. В северо-западном углу в песчаной засыпке расчищены две лежавшие рядом панели из белого мрамора (ил. 10), вблизи них был найден небольшой фрагмент мраморной колонки диаметром 12 см. Можно полагать, что это остатки мраморного киота. Панели залежали на глубине, превышающей необходимую для монтажа «тёплого пола», на одну из них опиралось основание реставрационных лесов, поэтому было принято решение оставить панели «in situ». Фрагмент колонки был изъят и вошёл в коллекцию артефактов, подготовленную для передачи в музей⁸.

4. У восточной стены северо-восточного столба четверика в засыпке был найден фрагмент белокаменной колонки аркатурно-колончатого пояса (ил. 11), возможно происходящей из интерьера собора XIII в.

⁸ *Самойлович Н. Г.* Отчёт о спасательных работах в Успенском соборе Ростова Великого в 2018 г. Приложение 1. М., 2020 // Архив ИА РАН, Р-1.

*Ил. 9. Фрагмент
белого камня
с фресковой росписью*

*Ил. 11. Белокаменная
колонка у восточной
стены северо-восточного
столба*

*Ил. 10. Мраморные панели в песчаной засыпке
в северо-западном углу собора*

*Ил. 12. Монтаж технического горизонта системы «тёплый пол».
Центральный неф собора. Вид с востока*

Работы в алтаре

Разработанный проект предусматривал устройство системы «тёплый пол» в центральной и северной апсидах собора, где со времени реставрации 90-х годов XX в. были настланы деревянные полы. В отличие от центрального объёма собора, работы по оборудованию нового пологового покрытия в алтаре не предполагали земляных работ. Лаги, на которых лежали доски пола, опирались на кирпичные столбики, поставленные на белокаменный плиточный пол XVII в. (ил. 14). Столбики были разобраны, всё пространство засыпано сухим просеянным песком, на который после утрямбовки был уложен технический горизонт «тёплого пола» (ил. 15). В качестве пологового покрытия в алтарной части проектом было предусмотрено использование тесаных белокаменных плит размером 50 x 50 см (ил. 16).

В северной апсиде у северной стены собора под вскрытым полом на глубине 2,1 м (уровень пола собора XIII в.) обследован не содержащий захоронения белокаменный саркофаг (ил. 17, 18). Саркофаг был обнаружен при раскопках экспедиции Государственного Эрмитажа в 1995 г. (шурф 7) и с тех пор сохранялся под временным деревянным настилом. Работы 2018 г. позволили сделать его полные обмеры. Длина крышки саркофага составляла 1,9 м, одинаковая по всей длине ширина — 55 см. Относительно корпуса саркофага крышка выдавалась к востоку на 10 см, то есть была длиннее и, возможно, первоначально предназначалась

Ил. 14. Алтарь. Столбики-опоры под лаги деревянного пола. Вид с юго-запада

Ил. 13. Укладка чугунных плит пола на технический горизонт.
Вид с юго-востока

Обстоятельства находок показывают, что белокаменная колонка и детали мраморного киота были обнаружены при рытье траншей для системы отопления в 90-е гг. и затем оставлены в слое песка.

После окончания работ по нивелировке и утрямбовке песчаного грунта начался последовательный монтаж технического горизонта «тёплого пола», состоящего из слоя теплоизолятора толщиной 5 см, армирующей сетки, системы пластиковых труб диаметром 1,5 см и покрывающей их бетонной стяжки толщиной до 3 см (ил. 12). После высыхания поверхность стяжки была отшлифована и на неё уложены чугунные плиты пола (ил. 13).

Отдельным этапом работ являлось устройство ввода труб теплоносителя в северо-западном углу собора. Расчищенное в стенной нише и зафиксированное ещё при работах Н. Н. Воронина и О. М. Иоаннисяна скопление крупных валунов не позволило углубиться здесь на запланированную глубину до 0,5 м от уровня первоначального пола. Бурение скважины диаметром 15 см было начато с глубины 0,25 м, после вывода труб отверстие с внешней стороны северо-западного угла собора было замуровано.

*Ил. 15. Алтарь. Монтаж технического горизонта отопительной системы.
Вид с северо-запада*

*Ил. 17. Саркофаг у северной стены северной апсиды.
Вид сверху с юга*

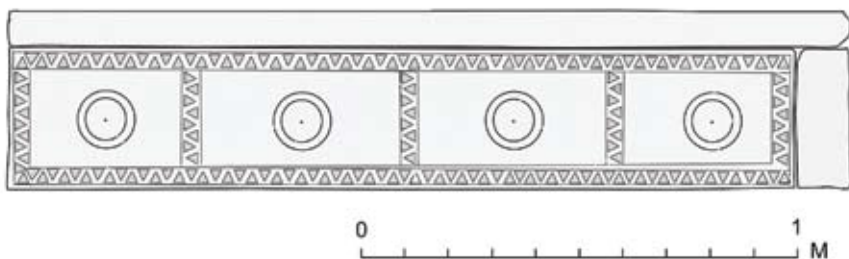

*Ил. 16. Алтарь.
Укладка белокаменных плит пола*

*Ил. 18. Саркофаг.
Вид с юго-востока*

Ил. 19. Внешняя (южная) сторона саркофага (ил. А. Е. Леонтьева)

для другого саркофага. Внешняя высота корпуса — 31 см, внутренняя — 27 см, ширина внутреннего объёма — 45,5 см.

Саркофаг имеет редкую для Северо-Восточной Руси орнаментацию стенок и крышки. Орнаментальная композиция на крышке представляет ограниченную линиями ленту выемчатых треугольников, вразбивку поставленных вершинами друг к другу и аналогичной продольной лентой по центру плиты. Доступная обозрению южная стенка аналогичными орнаментальными полосами обрамлена по периметру и разделена по вертикали на четыре секции, в центре которых помещены двойные концентрические круги с точкой в центре (ил. 19). На поверхности видны следы копоти, это позволяет предполагать, что саркофаг мог пережить известный по летописи большой пожар 1408 г. По внешним признакам саркофаг может быть датирован 2-й пол. XIII в.

Отсутствие останков погребённого было зафиксировано при раскопках 1995 г. В 2018 г. внутри саркофага находились обломки досок и кусок шифера, с помощью которых была укреплена крышка во время реставрационных работ 90-х годов.

Хранившийся в храме пустой гроб — явление необычное, требующее объяснения. Обращение к письменным источникам позволяет рассмотреть две версии, но обе не кажутся очевидными. Согласно первой, гробницу можно рассматривать как место захоронения умершего в 1288 г. ростовского епископа Игнатия, мощи которого после канонизации были перемещены в аркосолий южной апсиды, а в XVIII в. — в раку у северной стены собора. Согласно второй, саркофаг мог быть предназначен для умершего в 1279 г. ростовского князя Глеба Васильковича, тело которого, по летописным свидетельствам, через несколько месяцев после захоронения в Успенском соборе по указанию того же епископа Игнатия было перезахоронено в Спасском монастыре на окраине Ростова⁹.

⁹ Кашкин А. В., Леонтьев А. Е., Самойлович Н. Г. Соборная площадь и Успенский собор в Ростове Великом // Новые археологические проекты: Воссоздавая прошлое. М.: Институт археологии РАН, 2019. С. 183.

В ходе работ по устройству пола крипта в северной апсиде была заново перекрыта, и пространство над ней также было включено в общую площадь с отоплением и белокаменным полом. В юго-восточной части камеры смонтирован технический люк для возможности контроля за состоянием саркофага, вдоль северной стены оставлено узкое пространство для обустройства над саркофагом системы вентиляции и смотрового окна с подсветкой.

Список источников и литературы

1. Баниге, В. С. Кремль Ростова Великого / В. С. Баниге. — М.: Искусство, 1976. — 144 с.
2. Вахрина, В. И. Успенский собор Ростова Великого / В. И. Вахрина. — Ростов: Отчий дом, 2012. — 88 с.
3. Воронин, Н. Н. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова / Н. Н. Воронин // Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. — Вып. 1. Древний Ростов. — Ярославль, 1958. — С. 4–25.
4. Иоаннисян, О. М. Отчёт Архитектурно-археологической экспедиции Гос. Эрмитажа об исследованиях памятников древнерусского зодчества в Ростове Великом в 1995 г., т. V. / О. М. Иоаннисян // Архив ИА РАН, Р-1. № 19649.
5. Кашкин, А. В. Соборная площадь и Успенский собор в Ростове Великом / А. В. Кашкин, А. Е. Леонтьев, Н. Г. Самойлович // Новые археологические проекты: Воссоздавая прошлое. — М.: Институт археологии РАН, 2019. — С. 180–183.
6. Леонтьев, А. Е. Археологические наблюдения в ростовском Успенском соборе / А. Е. Леонтьев // Сообщения Ростовского музея. — Вып. V. — Ростов, 1993. — С. 162–171.
7. Памятники древнерусского зодчества XII–XIII вв. в Ростове Великом / О. М. Иоаннисян [и др.] // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. — Т. 5. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — С. 252–264.
8. Самойлович, Н. Г. Отчёт о спасательных работах в Успенском соборе Ростова Великого в 2018 г. Приложение 1 // Архив ИА РАН, Р-1. — М., 2020.
9. Успенский собор и Соборная площадь в Ростове Великом / А. Е. Леонтьев [и др.] // Города, селища, могильники. Раскопки 2017: материалы спасательных археологических исследований. — Т. 25. — М.: ИА РАН, 2018. — С. 174–179.

Е. В. Спиридонова

Ярославль

Стекло́нные флаконы XIX — начала XX века с надписями (из коллекции Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника)

Стекло́нные флаконы представляют собой частую археологическую находку в слоях XIX–XX вв., но в музеях, как правило, подобные экспонаты находятся в фондах стекла и к археологии непосредственного отношения не имеют, т. к. поступают в основном из частных коллекций. Зато, в отличие от флаконов из раскопа, на музейных экспонатах нередко сохраняются этикетки, подтверждающие предназначение изделия.

В коллекции Ярославского музея-заповедника сохранилось немало стеклянных изделий такого типа. Данная работа посвящена исключительно дореволюционным флаконам, имеющим различные надписи и (или) сохранившиеся этикетки. В коллекции 27 флаконов разных форм, размеров и цветов, на основе которых можно выделить несколько типологических групп.

Так, с точки зрения внешнего вида можно выделить плоские флаконы — 17 штук. Они могут быть овальными или прямоугольными в основании, причём переходы между гранями порой «срезаны» вертикально и образуют дополнительные узкие грани, иногда встречаются закруглённые углы. Менее многочисленную группу стеклянных изделий составляют флакончики цилиндрической формы с узким горлышком — 5 штук. Цилиндрическое тулово может сужаться книзу или, наоборот, вверх. Также в коллекции имеются два четырёхгранных флакона с квадратом в основании, два грушевидной формы, причём один с острым дном и один трёхгранный флакон.

При сохранении формы могут различаться детали оформления и пропорции: тулово выше или ниже; плечики чуть скошенные, почти прямые или округлые; дно ровное или вогнутое; горлышко шире или уже, может

чуть расширяться вверх, как правило, с валиком, но есть варианты, где вместо валика венчик со сливом — «капельницей». Размеры флаконов тоже весьма разнообразны, их высота может варьироваться от 7 до 23 см. Кроме бесцветных флаконов, попадаются коричневые (3 штуки), зелёные (3 штуки) и синие (1 штука). Как правило, в тёмное стекло упаковывали лекарства, боящиеся прямого света.

На многих флаконах, помимо основной надписи или лицевой глади сосуда, встречаются буквы, обозначающие место производства стеклянной тары. На наших сосудах дважды встречаются буквы «И. П.» и один раз — «С. Г.» Данные буквы являются инициалами владельцев стекольных заводов. Так, «И. П.» — инициалы Ивана Ивановича Павлова, который в 1870–1884 гг. был владельцем Стекло́нного завода аптекарской, кондитерской и парфюмерной посуды в пустоши Рельнево у д. Мартынки Переславского уезда Владимирской губернии¹. А буквы «С. Г.» свидетельствуют об изготовлении флакона на заводах Сергея Глинского, действовавших с 1880 г. Он был одним из крупнейших производителей аптекарской тары в конце XIX — начале XX вв., выпускал аптекарскую, химическую и парфюмерную посуду и другие принадлежности для аптек и лабораторий. Ему принадлежали Божедомский и Ребровский стекольные заводы в Москве, производство стеклянных изделий на станции Спирово в Тверской губернии и стекольный завод в Клину².

Ещё одним видом надписей на сосудах, точнее на их донцах, были цифры, обозначающие объём стеклянной тары. Правда, изготовители часто пользовались разными системами медицинского (аптекарского) взвешивания, что нередко влекло за собой определённую путаницу. Введённая в 1840 г. во Франции и в 1872 г. в Германии десятичная и граммовая система постепенно распространяется и в России. Параллельно с десятичной системой существовали нюрнбергский, русский и английский аптекарские фунты, а рекламные проспекты стекольных заводов XIX — начала XX вв. включали указания вместимости своей продукции и в унциях, и в золотниках, и в раздробленных фунтах. Вполне возможно, что производителям стекла и парфюмерам приходилось балансировать между многими объёмными и весовыми категориями, поскольку покупатель, русский или иностранец, требовал отмерить товар в тех единицах, к которым он привык. Сложности вызывались ещё и тем, что некоторые флаконы изготавливались под вполне конкретное содержимое и на донце

¹ Статистические сведения о фабриках, заводах, мельницах и прочих промышленных заведениях Владимирской губернии за время с 1882 по 1890 год / Переславская Краеведческая Инициатива. Тема: предприятие. № 2052. URL: <http://pki.botik.ru/articles/f-prom1890stats.pdf>

² Пирог В. Р. Клиновое стекло: о продукции клинских стекольных заводов Орловых и Глинского до 1917 г. // Музейные записки: Статьи. Публикации. Сообщения. Вып. 1. Клино, 2002. С. 6–16.

Рис. 1. 1–5 – простые аптечные флаконы

ставился вес этого, например, лекарства. Цифровая маркировка могла обозначать, кроме вышеуказанного, номер изделия, номер партии поставки, номер заказа. На донцах флаконов из коллекции ЯИАХМЗ встречаются такие цифры, как 2, 3, 6 и 12.

Любопытно, что флаконы одинаковой конфигурации, размеров и маркировки почти никогда точно не совпадали по собственному весу. Причиной была разница толщины стенок, дна, высоты горлышек. Естественно, количество лекарства или парфюмерной продукции могло не совпадать с указанным на этикетке, что вело к вольному или невольному обману покупателя.

Если попытаться классифицировать сосуды по назначению, то здесь тоже можно будет выделить несколько категорий стеклотары: аптечные, парфюмерные, пищевые и т. д. Правда, точное предназначение некоторых флаконов выяснить трудно, т. к. фирмы-производители часто отличались богатым ассортиментом товаров. Подавляющее большинство флаконов из коллекции ЯИАХМЗ относится к аптечным флаконам.

Аптечные флаконы

На простых аптечных флаконах на лицевой поверхности изображался российский герб, сверху надпись – «АПТЕКА», снизу – «PHARMACIE». Таких сосудов в нашей коллекции 3 штуки (рис. 1: 1–3), ещё на 2 шт. слово «PHARMACIE» отсутствует (рис. 1: 4–5). Размеры варьируются от 9 до 21 см высотой, 2 – коричневых, остальные прозрачные. На гербовом щите проставлены буквы «А» или «Н», что позволяет датировать флаконы, относя их к времени правления Александра III или Николая II. Кстати, разрешения на употребление государственного герба давало или

Министерство финансов, в знак поощрения за высокое качество изделий и рациональную организацию производства, или Министерство императорского двора для своих поставщиков³.

Большую подгруппу составляют флаконы с названиями аптек и (или) лекарств. Начнём с аптек Ярославской губернии. Три флакона имеют надпись «СТРЬЛЕЦКАЯ АПТЕКА // И. Ю. МОРГЕНЬ». Два из них прямоугольной формы, 17 см высотой, 1 – коричневый, 1 – прозрачный (рис. 2: 1–2). Третий представляет собой сужающуюся кверху бутылку высотой 21 см с круглым основанием из прозрачно-зеленоватого стекла (рис. 2: 3). Помимо надписи, на ней имеется рельефное изображение двуглавого орла. Исааку Юделевичу Моргену принадлежали аптеки в Тверицах и на Стрелецкой улице, а также завод минеральных и фруктовых вод, которыми торговали в той же Стрелецкой аптеке⁴.

Рис. 2. 1–3 – флаконы из Стрелецкой аптеки в Ярославле

Четыре флакона относились к Казанской аптеке. На первом прозрачном плоском флаконе высотой 16,4 см можно прочесть: «СТ. КАЗАНСКАЯ // А. ШНЕЙДЕРА // АПТЕКА». С другой стороны, плохо сохранившаяся бумажная этикетка с двуглавым орлом и надписью «А. А. Шнейдеръ // ... // ВНУТРЕННЕЕ» (рис. 3: 1). На втором, похожем по форме, но меньшего размера, надпись: «СТ. КАЗАНСКАЯ АПТ. // А. ШНЕЙДЕРЪ // премн. ФИШЕРЪ» (рис. 3: 2). Третий сосуд представляет собой бутылочку зелёного стекла грушевидной формы, с оттиснутым рельефом: две стороны медали с портретом Александра III, под ними надпись: «А. А. ШНЕЙДЕРЪ ВЪ ЯРОСЛАВЛЪ» (рис. 3: 3). В таких бутылках, как правило, продавали минеральную воду, которую также относили к медицинским препаратам. Ещё один плоский флакон с высоким горлом имеет бумажную этикетку с надписью «СТАРО-КАЗАНСКАЯ АПТЕКА // Касторовое масло // Т-ва ВОРОНИНЪ и ПРОШКОВСКІЕ въ ЯРОСЛАВЛЪ» (рис. 3: 4).

³ Скворцова А. Символика на русских парфюмерных флаконах // Альманах «Марс». 2005. № 2. URL: http://www.geraldika.org/02_2005_15.htm

⁴ Торгов А. Я. Деловой спутник по Северному краю и верхнему Поволжью. 3-е изд. Ярославль, 1912. С. 341, 366.

Рис. 3. 1–4 – флаконы из Казанской аптеки в Ярославле

Казанская аптека была основана ещё в 1740 г. аптекарем Гильдебрантом Гиндрихсоном Дуропом. Сменив ряд владельцев, в 1859 г. она попала в руки провизора Августа Августовича Шнейдера, который и построил угловой дом, в котором аптека располагается и сейчас. Во флигеле при аптеке Шнейдер открыл

«Завод искусственных минеральных вод». Как было написано в его некрологе, «приняв аптеку с 9 тысячами рецептурных номеров, он довёл ход её до 49 тысяч». После кончины Шнейдера его вдова сдала аптеку в аренду аптекарю Людвигу Карловичу Полю, а управляющим завода искусственных минеральных вод стал Франц Фишер, который впоследствии становится владельцем и самой аптеки. В 1914 г. аптека перешла во владение «генерал-майора М. И. Воронина, провизора Александра и аптекарского помощника Ивана Иосифовичей Прошковских». В том же году А. И. Прошковский становится управляющим «вольной Старо-Казанской аптеки Т-ва «Воронина и Прошковских» в г. Ярославле»⁵.

На двух флаконах есть бумажные этикетки, указывающие на Власьевскую аптеку. На одном плоском флаконе высотой 22 см имеется изображение двуглавого орла и надпись «Власьевская аптека // Interieure Innerlich // Телефон № 120 // Внутреннее // А. И. БУРШТЕЙНЪ въ Ярославле // Существ. съ 1822 г.» (рис. 4: 1). На другом, цилиндрическом, высотой 8,4 см имеются 3 отдельные этикетки: «Власьевская аптека // Interieure Innerlich // Внутреннее // А. О. БУРШТЕЙНЪ въ Ярославле», «По 15 капель» (15 вписано от руки) и «Власьевская аптека // А. О. БУРШТЕЙНЪ» (рис. 4: 2). Аркадий Осипович (Иосифович) Бурштейн владел аптекой на углу Власьевской и Семёновской улиц в доме Городского общества провизоров⁶.

⁵ Первая частная аптека в провинциальной России / Музей истории фармации и медицины «IMPERIA MUSEUM». URL: <http://museum.impharma.ru/text/211>

⁶ Торгов А. Я. Деловой спутник... С. 341.

Рис. 4. Аптечные флаконы: 1–2 – из Власьевской аптеки Ярославля; 3 – из Духовской аптеки Ярославля; 4–5 – из Вознесенской аптеки Ярославля

Один небольшой плоский флакон с носиком-капельницей имеет надпись: «ДУХОВСКАЯ АПТЕКА // Г. А. БРЕДРИХЪ // ЯРОСЛАВЛЬ» (рис. 4: 3). Герман Антонович Бредрих, имевший немецко-шведское происхождение, владел аптекой на Духовской улице (перекрёсток Республиканской и Пушкина). Любопытно, что ему же принадлежал расположенный рядом Аптекарский фотографический склад, где «всегда имелся большой выбор фотографических аппаратов последних моделей». А дом, в котором располагалась аптека, принадлежал магистру фармакологии Ивану Окерблому, сыну известного в Ярославле архитектора, выходца из шведских дворян. Он был владельцем Вознесенской аптеки, которая располагалась возле казарм⁷. В коллекции музея есть два флакона и этой аптеки. В частности, плоский пузырёк высотой 12 см с бумажной этикеткой с изображением герба и надписью: «Маг Фарм И. И. ОКЕРБЛАНЪ // ЯРОСЛАВЛЬ // ВОЗНЕСЕНСКАЯ АПТЕКА // Нашатырно-анисовые капли» (рис. 4: 4). И второй маленький цилиндрический с этикеткой «Маг Фарм И. И. ОКЕРБЛАНЪ // ЯРОСЛАВЛЬ // ВОЗНЕСЕНСКАЯ АПТЕКА // Зубные капли // Д-ра Попова» (рис. 4: 5).

Один из флаконов коллекции происходит из Рыбинска. Это бутылочка зелёного стекла вытянуто-грушевидной формы с надписью, расположенной по вертикали относительно дна сосуда: «Ю. В. БЕНДТЪ // Зав. иск. мин. водъ» (рис. 5: 1). Юлиус (Юлий) Бендт родился в Новгороде. Окон-

⁷ Там же.

Рис. 5. 1 — флакон из-под минеральной воды из Рыбинска; 2 — флакон из-под французского скипидара из Пречистенской аптеки в Москве; 3 — флакон из фармацевтической лаборатории Грюннинга в Риге; 4 — флакон из-под наружного лекарственного средства

писал: «Воды минеральные, фруктовые и ягодные завода Ю. В. Бендт в Рыбинске. Приготавливаются на дистиллированной воде, на лучшем рафинадном сахаре, без всякихъ красокъ, искусственныхъ эссенций и тому подобныхъ вредныхъ примесей»⁸.

Есть в коллекции музея и несколько флаконов из столичных аптек. Например, плоский флакон с рельефным двуглавым орлом и бумажной этикеткой с другой стороны, на которой также изображён орел и имеется надпись «ФРАНЦУЗСКІЙ СКИПИДАРЪ // Пречистенская аптека // К. С. // И. О. Финь» (рис. 5: 2). Пречистенская аптека была открыта в 1873 г. московским фармацевтом А. Форбрихером⁹.

Имеется здесь и очень интересный флакон из С.-Петербурга, четырёх-гранный, высотой 8,5 см. Надпись на одной грани гласит: «АПРОБОВАННАЯ ЖИЗНЕННАЯ ЭССЕНЦИЯ, ПРИГОТОВЛЕННАЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЕ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫМЪ АПТЕКАРЕМЪ ДАНИЛОМЪ ГРОДНИЦКИМЪ», на соседней грани та же надпись на немецком: «APROVIATE LEBENS ESSENZ PERPEVTIC TINSPEDEV BURGION DENPOIM LECIRTEN APOTNEK ER DANIEL GRONITSKY». На бумажной этикетке другие сведения: «Вновь // Апробованная // Жизненная //

чил Московский университет, получил звание провизора — аптечного работника высшей квалификации. А в 1888 г. переехал в Рыбинск и перевёз сюда завод искусственных минеральных и фруктовых вод, открытый его отцом в 1866 г. сначала в Новгороде, затем переведённый в Мологу. Рекламирая продукцию, владелец завода

Эссенция // въ С^ть Петербурге // у Вдовы // покойнаго Аптекаря // Гродницкаго // Катерины Гродницкой». Сверху изображение двуглавого орла с гербом СПб на груди, снизу рисунок в круге: голубь с шестиконечной звездой над головой и странный зверёк, похожий на крылатого тушканчика. Всё это написано и нарисовано от руки и сопровождается большим количеством завитушек. На другой грани та же этикетка, но с надписью на немецком языке, а внизу вместо «герба» переплетённые буквы СГ (рис. 6). Даниил Романович Гродницкий (?–1808) не был изобретателем

данного чудесного средства. Судя по всему, оно было придумано в Аугсбурге советником баварского курфюрста и доктором Иоганном Георгом Кизовым. В 1790 г. Гродницкий издал собственный перевод с немецкого языка трактата Кизова с описанием этого чудодейственного препарата, отсюда же, видимо, позаимствовал и его рецептуру¹⁰. А в 1793 г. выпустил книгу «Употребление, действие и польза трёх лекарств: эссенции жизни, гарлемских капель и наружнаго бальзама называемаго оподелдок», в ней он описывает полезные свойства трёх лекарств и наставления к их применению, как для людей, так и для животных. Большую часть сочинения автор посвятил письмам пациентов, которым помогли эти лекарства. В книге приводится письмо нижегородского губернатора Ивана Савиновича Белавина, который благодарит аптекаря за Эссенцию жизни¹¹. Выпускали «жизненную эссенцию» очень долго, вплоть до начала XX в., причём она имела в продаже у разных фирм. В 1902 г. в журнале «Развлечение» был опубликован фельетон «Из курьёзов былых времён», посвящённый данному эликсиру, в котором автор с насмешкой перечислял болезни, которые он исцелял: испорченный желудок, желчная болезнь, обмороки, параличи, головная болезнь, девичья бледность, одышка, лихорадка, горячка, лишай, проказа и многое-многое другое. Причём, от бесплодия, например, нужно было принимать одну ложку в день, а от ревматизма — две¹².

Рис. 6. Флакон из-под «Жизненной эссенции» Д. Гродницкого

⁸ Иванова Е. Рыбинский завод минеральных вод Бендта // Рыбинские известия. 15.12.2018. (2018. 15 декабря). URL: <http://gazeta-rybinsk.ru/2018/12/15/41691>

⁹ Рутковский В. Аптека Форбрихеров на Пречистенке // Фармацевтический вестник. 25.04.2016. URL: <https://pharmvestnik.ru/content/articles/apteka-forbrixerov-na-prechistenke.html>

¹⁰ Попков С. А. Каталог старинных бутылок, флаконов, банок и ёмкостей медицинского назначения. Ростов-на Дону, 2014. С. 177.

¹¹ Гродницкий Д. Р. Употребление, действие и польза трёх лекарств: эссенции жизни, гарлемских капель и наружнаго бальзама, называемаго Оподелдок, изобретённых аптекарем Данилом Гродницким. СПб., 1793.

¹² Из курьёзов былых времён // Развлечение. 1902. 14 сентября.

Рис. 7. 1–2 – мерные бутылки; 3 – флакон из-под продукции фирмы Брокера;
4 – флакон из-под продукции фирмы Кёлера;
5 – флакон из-под продукции фирмы А. Тихоновой

Ещё один флакон попал в Ярославль издалека. Надпись на плоском флаконе высотой 7 см с восьмиугольным основанием гласит «В. ГРЮННИНГЪ // РИГА» (рис. 5: 3). Магистр фармации В. В. Грюнинг был владельцем химико-фармацевтической лаборатории, располагавшейся в Риге на 2 Выгонной дамбе в доме 21а. Основана она была в 1901 г., а на 1913 г. имела торговый оборот на сумму 54,5 тыс. рублей¹³.

Один из цилиндрических флаконов из музейной коллекции не имеет указания на аптеку, но, судя по этикетке с надписью «Наружное. EXTERIERE AUSSTERLICH» (рис. 5: 4), тоже относится к аптечным.

Аптечными флаконами коллекция не ограничивается. Два флакона представляют собой мерные бутылки. Это трёхгранный, высотой 11 см, продолговатый, с высоким круглым горлом, носиком и вертикальными нарезками на гранях флакон с рельефной надписью: «МЕРА на 1 БУТЫЛКУ» (рис. 7: 1). Такую форму и шершавую поверхность, как правило, имели уксусные флаконы, видимо, чтобы их легко можно было даже в темноте определять на ощупь. В рекламе говорилось: «В продажу уксусная эссенция поступает в бутылках трёхгранной формы, с нанесён-

ными на грани делениями, показывающими степень разведения её водой: каждое из четырёх больших делений на широких гранях — на 0,5 л, каждое из 20 малых делений на узких гранях — на 0,1 л воды для получения 4%-ного раствора уксусной кислоты, которую можно использовать как при консервировании, так и в кулинарии»¹⁴.

Второй флакон четырёхгранной формы, 20 см высотой, со срезанными гранями, с отгиснутым рельефом: на одной стороне горизонтальные деления, на другой — надпись: «МЕРА на 8^м БУТЫЛОКЪ» (рис. 7: 2). Скорее всего, в эту бутылку тоже наливали уксусную эссенцию, которую можно было превратить в восемь бутылок не столь концентрированного уксуса.

Есть в коллекции и парфюмерный флакон известной фирмы «Брокер». Это большой плоский флакон 15,5 см высотой с надписью: «ТОВАРИЩЕСТВО // БРОКАРЪ и К^о // въ МОСКВЪ» (рис. 7: 3). Генрих (Андрей) Афанасьевич Брокер происходил из семьи французских парфюмеров. В 1864 г. открыл собственную мастерскую (с 1869 г. — фабрика). В 1872 г. для владения ею учредил торговый дом, в 1893 г. — Товарищество парфюмерного производства в Москве — «Брокер и Ко», которое стало одной из крупнейших парфюмерных фирм в России. В производстве использовались новейшие технологии. Продукция фабрики ежегодно отмечалась высшими наградами на всероссийских, всемирных и международных выставках, широко продавалась в России и за рубежом. Наряду с элитарной продукцией выпускалась дешёвая, изделиям придавалась необычная форма, использовалась экстравагантная реклама. После революции товарищество «Брокер и Ко» было национализировано и переименовано в «Новую зарю»¹⁵.

Предназначение ещё двух флаконов сложно определить из-за широкой специализации их владельцев. В частности, это плоский сосуд высотой 8 см с надписью «Т-ВО Р. КЕЛЕРЪ и К^о // въ МОСКВЪ» (рис. 7: 4). Роман Романович Кёлер свою трудовую деятельность начал в Старо-Никольской аптеке Феррейнов. В 1862 г. он открыл первую в России фабрику для производства водочных и конфетных специй и эссенций. Фирма имела химико-фармацевтическую фабрику в Москве, эфирный и мыловаренный заводы в Хорошеве, стекольный завод аптекарской и парфюмерной посуды в Вербилках, фабрику фотографических пластин. Среди самых известных парфюмерных товаров — лавандовый спиртовой и цветочный одеколон¹⁶. Соответственно, точно сказать, для чего предназначался наш флакон, очень сложно.

¹⁴ Бирюкова Т. Знакомьтесь: «Р. Кёлер и К» // Фармацевтический вестник. 1999. № 25 (141).

¹⁵ Савинов А., Семенова Н. Русский коллекционер Генрих Брокер // Наше наследие. 2010. № 93–94. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/9402.php>

¹⁶ Бирюкова Т. Знакомьтесь: «Р. Кёлер и К»...

¹³ Попков С. А. Каталог старинных бутылок, флаконов, банок и ёмкостей... С. 124.

Последний флакон из коллекции предназначался для продукции Торгового дома Анны Тихоновой. Он цилиндрической формы, содержал изображения 3 медалей (аверс и реверс), расположенных в два вертикальных ряда, и надпись: «ТОРГОВЫЙ ДОМЪ // АННЫ ТИХОНОВОЙ // въ МОСКВЕ // ПРЕЕМ // И. Е. ГЕЛЬТИЩЕВЪ» (рис. 7: 5). Этот торговый дом был открыт в 1845 г. и специализировался на лакокрасочной продукции. Мощность производства на 1884 г. — 6 500 пудов лака и 950 пудов сургуча, годовой оборот — 120 000 руб., 20 рабочих. Первым владельцем был Я. Ф. Тихонов, потом его вдова, купчиха Анна Паромонова Тихонова, с 1904 г. её сменил Иван Егорович Гельтищев. На флаконах изображена лицевая и оборотная стороны медали «За трудолюбие и искусство московскому купцу А. Тихоновой» (1865) и медали Всероссийской художественно-промышленной выставки (1882 и 1896).

Таким образом, мы видим, что коллекция стеклянных сосудов XIX — начала XX вв. с надписями из Ярославля при всей своей немногочисленности отличается разнообразием и по функциональной принадлежности сосудов, и по их формам, и по месту производства.

Список источников и литературы

1. *Бирюкова, Т.* Знакомьтесь: «Р. Кёлер и К» / Т. Бирюкова // Фармацевтический вестник. — 1999. — 11–20 сентября. — № 25 (141).
2. *Гродницкий, Д. Р.* Употребление, действие и польза трёх лекарств: эссенции жизни, гарлемских капель и наружного бальзама, называемого Оподелдок, изобретённых аптекарем Данилом Гродницким / Д. Р. Гродницкий. — СПб.: Имп. тип., 1793. — 132 с.
3. *Иванова, Е.* Рыбинский завод минеральных вод Бендта / Е. Иванова. — Текст: электронный // Рыбинские известия. — 2018. — 15 декабря. — URL: <http://gazeta-rybinsk.ru/2018/12/15/41691>
4. Первая частная аптека в провинциальной России / Музей истории фармации и медицины «IMPERIA MUSEUM». — Текст: электронный. — URL: <http://museum.impharma.ru/text/211>
5. *Пирог, В. Р.* Клинское стекло: о продукции клинских стекольных заводов Орловых и Глинского до 1917 г. / В. Р. Пирог // Музейные записки: Статьи. Публикации. Сообщения. — Вып. 1. — Клин, 2002. — С. 6–16.
6. *Попков, С. А.* Каталог старинных бутылок, флаконов, банок и ёмкостей медицинского назначения / С. А. Попков. — Ростов-на Дону, 2014. — 298 с.
7. *Рутковский, В.* Аптека Форбрихеров на Пречистенке / В. Рутковский. — Текст: электронный // Фармацевтический вестник. — 25.04.2016. — URL: <https://pharmvestnik.ru/content/articles/apteka-forbrixerov-na-prechistenke.html>
8. *Савинов, А.* Русский коллекционер Генрих Брокер / А. Савинов, Н. Семенова. — Текст: электронный // Наше наследие. — 2010. — № 93–94. — URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/9402.php>
9. *Скворцова, А.* Символика на русских парфюмерных флаконах / А. Скворцова. — Текст: электронный // Альманах «Марс»: он-лайн журнал. — 2005. — № 2. — URL: http://www.geraldika.org/02_2005_15.htm
10. Спутник-путеводитель по Северному краю и Верхнему Поволжью. — СПб., 1912. — С. 341, 366.
11. Статистические сведения о фабриках, заводах, мельницах и прочих промышленных заведениях Владимирской губернии за время с 1882 по 1890 год / Переславская Краеведческая Инициатива. Тема: предприятие. № 2052. — Текст: электронный. — URL: <http://pki.botik.ru/articles/f-prom1890stats.pdf>
12. *Торгов, А. Я.* Деловой спутник по Северному краю и верхнему Поволжью / А. Я. Торгов. — 3-е изд. — Ярославль: Типо-лит. Н. Х. Николаевой, 1912. — 698 с.

А. В. Уткин, А. Мацанс

Иваново, Гётеборг

Восточные зоофакты в квази-энеолитическом захоронении Сахтыш ПА

В настоящей заметке авторами рассматриваются зоофакты конца III тыс. до н. э. из волосовского погребения Сахтыш ПА, которые здесь были инородными. Это — резцы сурков (*Marmota bobak*). Они выявлены только в захоронении № 24. Резцы располагались в районе таза и верха бедренных костей. Не имели следов крепления (ни отверстий, ни простых нарезок) и, видимо, были просто нашиты через ребро на удлинённый подол рубахи.

Принимая во внимание чётное количество зубов, исходящих из нижней и верхней челюстей, можно предположить, что зубы прикреплялись к одежде попарно. Отсутствие находок других костей сурков аргументирует декоративный аспект их использования.

Основная территория обитания сурков — степи и лесостепи Евразии. Сейчас наиболее часто этот вид встречается на среднем и южном Урале, в степях северного Казахстана.

Охота на сурков была распространена с древних времён, практикуется она и в современное время. Однако сурок, наряду с чёрной крысой, является природным носителем возбудителя бубонной чумы. Случаи заражения чумой от сурков известны и в настоящее время. Один из последних (со смертельным исходом и заражением окружающих) зафиксирован в 2013 г. в Киргизии.

Довольно-таки внушительная коллекция восточных, точнее, южно-уральских, украшений в погребениях сахтышских могильников финального энеолита надёжно свидетельствует о притоке на берега палеозера нового населения в шубах из шкурок сурка, увешанных серпентиновыми подвесками. В чём была причина такой миграции? Мы вряд ли узнаем в обозримом будущем.

По нашей версии, случилось следующее. Люди одновременно покинули насиженные места и бежали в леса, спасая свои жизни от аридизации климата и чумы. Часть общин осела в устье Камы и на Волге, близ современной Казани. А часть, пройдя восточную половину Волго-Клязьмы, поселилась на озере Сахтыш. Ну, почти как у В. С. Высоцкого: «К лесу — там хоть немногих из вас сберегу! /.../ Унесите же ноги, спасайте щенков!».

Вблизи оз. Сахтыш (Тейковский р-н Ивановской обл.) раскопками Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР (РАН) под руководством Д. А. Крайнова в 1960–1990-е гг. на пяти памятниках в общей сложности было исследовано 165 захоронений неолита-энеолита, относящихся к льяловской и волосовской культурам. Материалы их всесторонне изучались и неоднократно публиковались.

Волосовская культура не была единым культурным массивом, оставшимся неизменным на всём протяжении своего существования. Нам весьма импонирует точка зрения А. Л. Никитина, который ещё в 70-е гг. прошлого столетия предлагал выделять культуры «Волосово-I» и «Волосово-II»¹. В первой из них он усматривал западные веяния, в которых можно видеть раннюю стадию развития волосовской культуры в Волго-Окском междуречье, то есть «рождение» волосовской культуры мы связываем с приходом из Восточной Прибалтики отдельных групп населения (преимущественно мужского), оставившего погребения с янтарём². А вот на поздней и финальной стадии развития культуры проявляются «восточные веяния».

¹ Эта краткая по объёму заметка, по мысли автора, должна была «разжечь» дискуссию в советской археологической печати и подтолкнуть руководство экспедициями опубликовать новые материалы. Но дискуссии не получилось. Её дружно проигнорировали мэтры науки (О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, А. Х. Халиков, И. К. Цветкова) и присоединившаяся к ним тогдашняя молодёжь (С. В. Ошибкина, М. П. Зимина и др.). Единственным, кто отреагировал на заметку А. Л. Никитина, был В. П. Третьяков (*Третьяков В. П.* В защиту единства волосовских древностей (По поводу статьи А. Л. Никитина «Существовала ли волосовская культура?») // Советская археология. М., 1975. № 4. С. 14–22; *Никитин А. Л.* Существовала ли волосовская культура? // СА. М., 1974. № 2. С. 27–33).

² *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Археологическая периодизация Сахтышских краниологических серий эпохи нео-энеолита // Вторые антропологические чтения памяти академика В. П. Алексеева: тез. докл. М., 1999. С. 48, 49; *Они же.* Волосовские погребения с янтарём могильника Сахтыш ПА // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000. С. 175–184; *Они же.* Погребальные комплексы эпохи первобытности на Сахтышском торфянике // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 4. Иваново, 2008. С. 3–20; *Они же.* Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М., 2010.

Рис. 1. Стоянка Сахтыш IIА. Резцы сурка (фото А. Мацане)

Мы не будем сейчас касаться подвесок из серпентина и кристаллов горного хрусталя, которые надёжно фиксируют эти «веяния»³, а остановимся лишь на материалах единственного погребения с резцами сурка (*Marmota bobak*).

Резцов в женском захоронении № 24 идентифицировано до 40 штук, достаточно хорошо сохранившихся (рис. 1), а также более 20 сравнительно мелких фрагментов⁴.

Сама покойница была молодой; примерно около 20 лет⁵. Уложена в неглубокую могилу на спину, вытянуто, головой на юго-запад. Скелет сохранился в почти полном анатомическом порядке; утрачены были только кости стоп (рис. 2: 16).

Резцы располагались в районе таза и верха бедренных костей. Не имели следов крепления (ни отверстий, ни простых нарезок) и, видимо, были просто нашиты через ребро или приклеены смолой на удлинённый подол рубахи.

³ Костылёва Е. Л., Уткин А. В., Мацане А. «Восточный след» в энеолитических захоронениях Сахтышских могильников // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь, 2018. С. 565–577.

⁴ Единичные резцы были обнаружены при расчистке ещё в двух полуразрушенных захоронениях, № 21 и № 26. Скорее всего, они были перемещены сюда позднее грызунами с 24-го костяка. Подробнее см.: Мацане А., Костылёва Е. Л. Взаимоотношения человека и зверя в восточной Прибалтике и в Центре Русской равнины в неолите // Труды V Всероссийского археологического съезда в Барнауле. Барнаул: Алтайский государственный ун-т, 2017. С. 681–682.

⁵ Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок / Алексеева Т. И. [и др.]. М.: Научный мир, 1997.

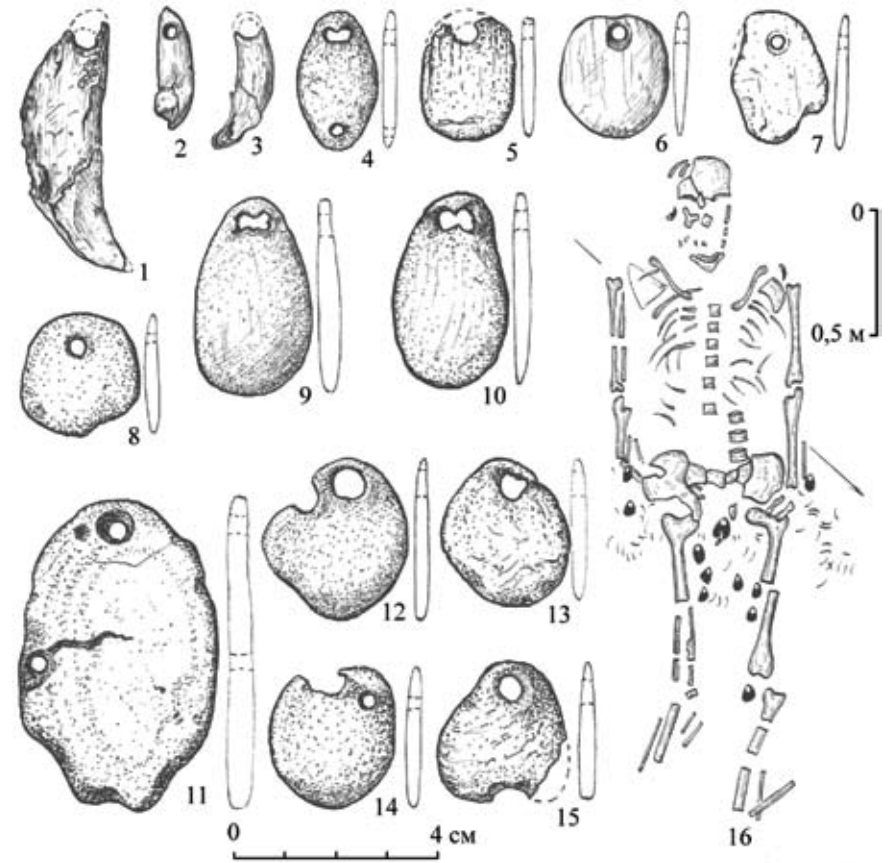

Рис. 2. Стоянка Сахтыш IIА. Погребение № 24 (16).
1–15 — подвески. 1–3 — зубы животных; 4–10, 12–15 — серпентин; 11 — сланец
(1–5 — рис. М. Н. Михайловой; 16 — рис. Е. Л. Костылёвой)

В ходе анализа нами выделялись резцы нижней и верхней челюстей, а также определялась их принадлежность к правой или левой сторонам челюсти, чтобы можно было подсчитать индивидуальное число особей. Анализ показал довольно чёткое количество зубов с левой и правой сторон, как из нижней, так и из верхней челюстей (15 dex –; 14 sin –; 5 sin +, 6 dex +). Таким образом, минимальное количество особей может быть оценено до 15. Количество особей могло быть выше, но плохое состояние зубов не позволяет дать более точную оценку. Были попытки соединить зубы с левой и правой сторон, но из-за плохого состояния материала это оказалось невозможно. Возраст и пол сурков оценить также не удалось.

Принимая во внимание чётное количество зубов, исходящих из нижней и верхней челюстей, можно предположить, что зубы прикреплялись к одежде попарно. Декоративные свойства зубов сурков (форма и оранжево-красноватый цвет) могли быть одной из причин их использования. Отсутствие находок других костей сурков аргументирует декоративный характер их использования⁶. Вероятно, мех сурков был достаточно ценен, и использование резцов сурков в одежде могло быть свидетельством навыков охотника. На сурков охотились не только из-за шкур; они могли быть и источником питания.

Резцы сурка были обнаружены в ряде захоронений Татарстана и Южного Урала. Так, они были найдены в погребениях Мурзихино II, Меллятамак V и Русско-Шуганского могильников⁷.

На могильнике Меллятамак V единичные и немногочисленные резцы были обнаружены среди инвентаря трёх погребений каменного века (№№ 9, 14, 15). Сам погребальный ритуал сопровождался приношением «даров», созданием жертвенных ям, возжиганием огня, в котором сгорали приносимые дары. Заметим, что это очень напоминает погребальную обрядность населения волосовской культуры на финальной стадии её развития, зафиксированную на могильниках Верхнего Поволжья и Поочья — Сахтыш II и Володары⁸.

В одиночном Русско-Шуганском захоронении находилось более 50 резцов байбака⁹. Два десятка резцов сурка было найдено в одиночном детском захоронении Второй Усть-Катавской пещеры на Южном Урале. О. Н. Бадер склонен был относить одиночные захоронения южноуральских пещер к позднему неолиту или энеолиту¹⁰.

Е. П. Казаков первоначально не исключал возможность датирования Русско-Шуганского захоронения временем развитого неолита¹¹. Впоследствии эта датировка была им пересмотрена в сторону удревнения, и погребение было отнесено к раннему неолиту¹².

Основная территория обитания сурков — степи и лесостепи Евразии. Он также известен в Белоруссии. Сейчас наиболее часто этот вид встречается в разбросанных колониях по рекам Дон и Донец, а также на среднем и южном Урале, в степях северного Казахстана. Однако современный ареал составляет лишь часть обширной территории, ранее населённой *M. bobak*¹³.

В своё время нами отмечалась как возможная причина исчезновения волосовской культуры привнесение пришедшими на территорию волосовцев племенами фатьяновской культуры какой-то инфекции, вызвавшей эпидемию и массовую гибель населения, которая отмечена появлением коллективных захоронений¹⁴. В свете вышеизложенного мы можем частично «реабилитировать» фатьяновцев и предположить, что не исключена была возможность занесения в финале развития волосовской культуры из степных регионов новой дозы смертельных возбудителей, на сей раз бубонной чумы. Учитывая то, что присутствие её, начиная от 5 000 лет назад, было зафиксировано на обширных пространствах Евразии — от Восточной Прибалтики до Зауралья, на материалах погребений шнуровой керамики, унетичской, афанасьевской, андроновской, синташтинской культур¹⁵.

В литературе уже обосновывалась хронология сахтышских захоронений на данных радиоуглеродного датирования, планиграфических структур кладбищ, связанных с последовательностью их формирования, находках следов меди¹⁶.

Поэтому, не вдаваясь в излишние подробности, мы отметим лишь, что, судя по всему, финалом развития волосовской культуры должен быть определён возраст энеолитического бессистемного могильника Сахтыш II, где находились коллективные (3) и одиночные захоронения (в том

⁶ Отметим также, что в остеологических коллекциях с сахтышских стоянок отсутствуют кости посткраниального скелета сурка. Определения выполнялись В. П. Данильченко и представлены в отчётах по результатам исследований сахтышских стоянок, хранящихся в научном архиве ИА РАН.

⁷ Казаков Е. П. Неолитические погребения в восточных районах Татарии // СА. М., 1978. № 2. С. 165–177; Казаков Е. П. Памятники эпохи камня в Закамье. Казань, 2011.

⁸ Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья...

⁹ Казаков Е. П. Неолитические погребения в восточных районах Татарии... Рис. 8.

¹⁰ Бадер О. Н. Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца и его аналоги // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 104–109.

¹¹ Казаков Е. П. Неолитические погребения в восточных районах Татарии... С. 176.

¹² Казаков Е. П. Памятники эпохи камня в Закамье... С. 46.

¹³ Ognev S. Mammals of U.S.S.R and Adjacent Countries- Rodents // Israel Program for Scientific Translations. Jerusalem, 1963. Vol. 5; Nowak R. Walkers Mammals of the World. Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1999.

¹⁴ Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья...

¹⁵ В последнее время европейские биологи и примкнувшие к ним археологи «всем кагалом набросились на опухоль» чумы, но дело, помимо констатации факта как такового, не пошло дальше. См.: Rasmussen S. et al. Early Divergent Strains of Yersinia pestis in Eurasia 5,000 Years Ago. Cell, 2015. 163 (3). P. 571–582.

¹⁶ Подробнее см.: Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Погребальные комплексы эпохи первобытности на Сахтышском торфянике...; Они же. Радиоуглеродная хронология нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш II // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 4. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2009. С. 28–37; Они же. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья...; Flesh or fish? First results of archaeometric research of prehistoric burials from Sakhtysh IIa, Upper Volga region, Russia / H. Piezonka etc. // Documenta Praehistorica. Vol. XL. 2013. Ljubljana, 2013. P. 57–73.

числе и с серпентиновыми украшениями). Основные аргументы в пользу нашего утверждения: находка окислов меди на черепе погребённого № 9 и радиоуглеродные даты. Три получены по древесному углю из кострищ на ритуальной площадке кладбища – 3820 ± 40 (ЛЕ-2617), 3900 ± 40 (ЛЕ-2613) и 4190 ± 50 л. н. (ЛЕ-2615)¹⁷. Одна – по костям грудной клетки погребённого № 18 (где, кстати, была найдена серпентиновая подвеска). Судя по ней, захоронение было совершено 4080 ± 60 л. н. (ГИН-5239)¹⁸.

К несколько более раннему времени можно отнести захоронения с серпентином, совершённые на Сахтыше ПА. В отличие от бессистемного расположения захоронений Сахтыша П, на Сахтыше ПА была выявлена достаточно строгая рядовая структура, позволившая установить относительную хронологию совершения захоронений. На Сахтыше ПА первые два ряда погребённых ('А' и 'Б') относились к ранневолосовскому времени и содержали янтарные украшения. Пять радиоуглеродных дат по костям из этих захоронений относят ранние погребения к интервалу 4800 ± 200 – 4540 ± 150 л. н.¹⁹. Погребения с серпентиновыми подвесками находились в следующих по хронологии рядах: 'В' (№№ 7 и 13) и 'Г' (№№ 19, 21 и 24).

По костям одного из погребений с серпентином (№ 13А) была получена дата 4200 ± 240 л. н. (ГИН-7189). К сожалению, попытка продатировать кости из захоронений ряда 'Г' оказалась безуспешной²⁰. Однако, если валидной является дата погребения № 35 из следующего по хронологии ряда 'Д' – 4080 ± 180 л. н. (ГИН-7273), то совершение захоронений в ряду 'Г' можно поместить в интервал 4200 ± 240 – 4080 ± 180 л. н. Возможно, с погребениями с серпентиновыми подвесками связано и «Святилище» № 2, которое, судя по углю со дна его ямы, было сооружено около 4240 ± 160 л. н. (ГИН-6787)²¹.

«Радиоуглеродный» возраст установлен и для одного резца из погребения № 24 на Сахтыше ПА, располагавшегося, кстати, в планиграфиче-

ческом ряду 'Г'. Дата – 4769 ± 38 л. н. – получена в датской лаборатории университета г. Орхус методом акселерационной масс-спектрометрии (AMS)²². Дата «волосовская», но она не соответствует историческим реалиям, в частности, украшениям из сланца, серпентина и зубов животных, сопровождавших покойницу. Складывается впечатление, что образец (и соответственно кости самого скелета) самоудревнелись. Произошло это по банальной причине, а именно вследствие того, что низы могильной ямы были углублены в верхние горизонты ранневолосовского слоя. Подобная ситуация хорошо известна на данном памятнике. Таких «удревнённых» погребений в поздневолосовских рядах могильника зафиксировано четыре из 20 проанализированных по С-14 костяков. Причём анализы проводились как методом AMS, так и классическим методом²³.

Заключение

Довольно-таки внушительная коллекция восточных, точнее, южно-уральских, украшений в погребениях сахтышских могильников финального энеолита надёжно свидетельствует о притоке на берега палеоозера нового населения в шубках из шкурки сурка, увешанных серпентиновыми подвесками. Пришельцы были миролюбиво приняты аборигенами и переняли у последних их быт и, возможно, их верования.

Энеолитический этап в истории Южного Зауралья заканчивается на рубеже III и II тыс. до н. э. Об этом можно говорить с полной уверенностью, так как к XVIII веку до н. э. на этой территории распространяются укрепленные поселения синташтинской культуры эпохи бронзы. Автохтонная линия развития культур Южного Зауралья, которая существовала с эпохи мезолита, прерывается. Памятники ранней бронзы в Южном Зауралье до сих пор не выявлены. Все имеющиеся на сегодняшний день данные говорят о том, что местное энеолитическое население не участвовало в формировании культуры эпохи бронзы²⁴.

Конец раннего этапа суббореала (4100–3900 л. н.) связан с ксеротермическим этапом и резкой аридизацией климата. На территории Южного Зауралья начинают доминировать полупустынные сообщества, образующие солончаковые соры. Так, в долине реки Большая Караганка

¹⁷ Абсолютная хронология Сахтышских стоянок / *Крайнов Д. А.* [и др.] // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 5. Иваново, 1991. С. 33–42.

¹⁸ *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья...

¹⁹ *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Погребальные комплексы эпохи первобытности на Сахтышском торфянике...; *Они же.* Радиоуглеродная хронология нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш ПА...; *Они же.* Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья...; *Flesh or fish? First results of archaeometric research of prehistoric burials from Sakhtysh Pa, Upper Volga region, Russia / Н. Piezonka etc...*

²⁰ *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья...

²¹ *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Радиоуглеродная хронология нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш ПА...

²² Все приводимые в нашей публикации радиоуглеродные даты даются в формате «л. н. – лет назад» или «BP – before present».

²³ *Уткин А. В.* Ещё раз о радиоуглеродной хронологии нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш ПА // [в печати в настоящем сборнике]

²⁴ *Шорин А. Ф.* Доандроновское погребение могильника Березки VI в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 68–79; *Они же.* Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург, 1999.

образуется номинальная сеть трещин усыхания, характерен очень низкий уровень грунтовых вод²⁵.

Подобные процессы аридизации отмечены и на материалах торфяников Среднего Зауралья, где в начале суббореала можно говорить о своеобразном переломном периоде. Увеличение сухости климата привело к обмелению и заболачиванию водоёмов, ставшему для многих из них необратимым процессом, в результате которого они превратились в торфяные болота, что привело к коренной перестройке состава растительности и фауны.

В конце III тыс. до н. э. на всей территории зауральской энеолитической общности начинается период дестабилизации. В южных районах Зауралья энеолитическое население покидает свои обжитые места. Вероятно, к этому времени относится появление импортной зауральской энеолитической посуды с тальком в памятниках Приуралья и Прикамья. В Пришимье это движение фиксируется появлением сосудов с геометрическими мотивами на поселении Ир II. Проследить дальнейшую судьбу энеолитического населения — носителей гребенчатой керамики с геометрическими мотивами довольно сложно ввиду отсутствия достоверных фактов. Между финалом энеолита и эпохой бронзы есть существенные лакуны, а выводить напрямую из энеолита черкаскульскую или фёдоровскую культуру очень затруднительно.

Другими словами, это время, в которое энеолитическое население Южного Зауралья не связано с последующей культурой ранней бронзы. Оно куда-то исчезает в финале энеолита. С другой стороны, это время отмечено изменениями климата в сторону аридизации, что могло привести и к расширению зоны степей, и увеличению численности сурков, и роста очагов эпидемии чумы.

Список источников и литературы

1. Абсолютная хронология Сахтышских стоянок / *Крайнов Д. А.* [и др.] // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. — Вып. 5. — Иваново, 1991. — С. 33–42.
2. *Бадер, О. Н.* Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца и его аналоги / *О. Н. Бадер* // Проблемы археологии Урала и Сибири. — М.: Наука, 1973. — С. 104–109.
3. *Казаков, Е. П.* Неолитические погребения в восточных районах Татарии / *Е. П. Казаков* // Советская археология. — № 2. — М.: Наука, 1978. — С. 165–177.

²⁵ *Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А.* Геологическая история зоны евразийских степей в последние 10 000 лет // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: материалы конференции. Челябинск, 1995. С. 165–170.

4. *Казаков, Е. П.* Памятники эпохи камня в Закамье / *Е. П. Казаков*. — Казань: ООО «Фоллиант», 2011. — 180 с.
5. *Костылёва, Е. Л.* Археологическая периодизация Сахтышских краниологических серий эпохи нео-энеолита / *Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин* // Вторые антропологические чтения памяти академика В. П. Алексеева: тез. докл. — М.: Старый сад, 1999. — С. 48, 49.
6. *Костылёва, Е. Л.* Волосовские погребения с янтарём могильника Сахтыш ПА / *Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин* // Тверской археологический сборник. — Вып. 4. Т. I. — Тверь, 2000. — С. 175–184.
7. *Костылёва, Е. Л.* «Восточный след» в энеолитических захоронениях Сахтышских могильников / *Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин, А. Мацане* // Тверской археологический сборник. — Вып. 11. — Тверь, 2018. — С. 565–577.
8. *Костылёва, Е. Л.* Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры / *Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин*. — М.: ТАУС, 2010. — 300 с.
9. *Костылёва, Е. Л.* Погребальные комплексы эпохи первобытности на Сахтышском торфянике / *Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин* // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». — Вып. 4. — Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2008. — С. 3–20.
10. *Костылёва, Е. Л.* Радиоуглеродная хронология нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш ПА / *Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин* // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». — Вып. 4. — Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2009. — С. 28–37.
11. *Лаврушин, Ю. А.* Геологическая история зоны евразийских степей в последние 10 000 лет / *Ю. А. Лаврушин, Е. А. Спиридонова* // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: материалы конференции. — Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1995. — С. 165–170.
12. *Мацане, А.* Взаимоотношения человека и зверя в восточной Прибалтике и в Центре Русской равнины в неолите / *А. Мацане, Е. Л. Костылёва* // Труды V Всероссийского археологического съезда в Барнауле. — Барнаул: Алтайский государственный ун-т, 2017. — С. 681–682.
13. Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок / *Алексеева Т. И.* [и др.]. — М.: Научный мир, 1997. — 191 с.
14. *Никитин, А. Л.* Существовала ли волосовская культура? / *А. Л. Никитин* // Советская археология. — № 2. — М.: Наука, 1974. — С. 27–33.
15. *Третьяков, В. П.* В защиту единства волосовских древностей (По поводу статьи А. Л. Никитина «Существовала ли волосовская культура?») // Советская археология. — № 4. — М.: Наука, 1975. — С. 14–22.
16. *Уткин, А. В.* Ещё раз о радиоуглеродной хронологии нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш ПА / *А. В. Уткин* // [в печати в настоящем сборнике].
17. *Уткин, А. В.* К вопросу о волосовских коллективных погребениях / *А. В. Уткин, Е. Л. Костылёва* // Тверской археологический сборник. — Вып. 2. — Тверь, 1996. — С. 305–309.
18. *Уткин, А. В.* «Рождение» и «гибель» волосовской культуры / *А. В. Уткин, Е. Л. Костылёва* // Археологическое изучение Центральной России: К 100-летию В. П. Левенка. — Липецк, 2006. — С. 124–126.

19. *Шорин, А. Ф.* Доандроновское погребение могильника Березки VI в горно-лесном Зауралье / А. Ф. Шорин // Неолитические памятники Урала. — Свердловск, 1991. — С. 68–79.
20. *Шорин, А. Ф.* Энеолит Урала и сопредельных территорий : проблемы культурогенеза / А. Ф. Шорин. — Екатеринбург : УрО РАН, 1999. — 182 с.: ил.
21. Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years Ago / *S. Rasmussen* etc. — Cell, 2015. — 163 (3). — P. 571–582.
22. Flesh or fish? First results of archaeometric research of prehistoric burials from Sakhtysh IIa, Upper Volga region, Russia / *H. Piezonka* etc. // Documenta Praehistorica. — Vol. XL. 2013. — Ljubljana, 2013. — P. 57–73. [Словения].
23. *Nowak, R.* Walkers Mammals of the World / R. Nowak. — Baltimore and London : The John Hopkins University Press, 1999. [in English]
24. *Ognev, S.* Mammals of U.S.S.R and Adjacent Countries- Rodents / S. Ognev // Israel Program for Scientific Translations. — Vol. 5. — Jerusalem, 1963. [in English]

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-91730-000-9.211-226>

А. В. Уткин

Иваново

Ещё раз о радиоуглеродной хронологии нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш IIА

Нео-энеолитический могильник на стоянке Сахтыш IIА является на сегодняшний день самым крупным среди некрополей Сахтышского археологического комплекса и пока самым крупным на территории всего Волго-Окского междуречья. Его материалы уже частично изданы, в том числе подробная кранио-антропологическая характеристика погребённых¹ и радиоуглеродные датировки. Даты опубликованы в нашей специальной статье и в нашей монографии (в качестве отдельного раздела)². К ним не стоило бы возвращаться, но в конце первого десятилетия 2000-х гг. в Дании были датированы кости ещё из шести захоронений (Сах-IIА: 4, 14, 40, 54, 61 и 66), итоги исследования которых напечатаны в труднодоступном журнале люблянского университета, в Словении³.

В настоящей статье мы вновь возвращаемся к результатам радиоуглеродного датирования костных останков человеческих захоронений,

¹ Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок / *Алексеева Т. И.* [и др.]. М.: Научный мир, 1997; *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Археологическая периодизация Сахтышских краниологических серий эпохи нео-энеолита // Вторые антропологические чтения памяти академика В. П. Алексеева: тез. докл. М.: Старый сад, 1999. С. 48–49.

² *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Радиоуглеродная хронология нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш IIА // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 4. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2009. С. 28–37; *Они же.* Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС, 2010.

³ Flesh or fish? First results of archaeometric research of prehistoric burials from Sakhtysh IIa, Upper Volga region, Russia / *H. Piezonka* etc. // Documenta Praehistorica. Vol. XL. 2013. Ljubljana, 2013. P. 57–73.

выполненного в середине 1990-х гг. в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН с помощью классической β -распадной методики⁴ и вкратце рассматриваем даты, полученные уже в лаборатории университета г. Орхуса, но методом акселерационной масс-спектрометрии (AMS)⁵.

Стоянка Сахтыш IIA (Тейковский р-н Ивановской обл.) расположена на низком левом берегу небольшого озёрвидного расширения старого русла р. Койки (прежнее название — Кийка), примерно в 2 км к югу от её истока из древнего оз. Сахтыш.

Поселение исследовалось Верхневолжской экспедицией ИА РАН под руководством Д. А. Крайнова в 1987–1994 гг. Оно многослойное. Культурный слой формировался на тяжёлых минеральных суглинках на протяжении нескольких тысячелетий: от эпохи позднего мезолита до начала раннего железного века. Его мощность колебалась в пределах 40–60 см. Здесь за восемь лет раскопок на вскрытой площади в 764 кв. м, помимо огромного количества артефактов, многочисленных столбовых и хозяйственных ям, было обнаружено два «святилища» и 72 захоронения. Захоронения имели достаточно чёткую стратифицированность и в большинстве случаев относительно хорошую сохранность. Кроме того, последовательность и непрерывность раскопок позволили предельно полно изучить по отдельности практически все погребения, понять общую систему в их расположении и в итоге разделить их на два автономных кладбища — льяловское и волосовское, объединённых общей территорией, но разделённых во времени.

Льяповский могильник

Состоял из 15 погребений (Сах-IIA: 11, 12, 16, 22, 29, 40–43, 52, 55, 59–61, 65)⁶. Два из них (Сах-IIA: 16, 22) обнаружены в материковом жёлтом суглинке, одно (Сах-IIA: 11) — в материковых орзандах, остальные — в основании культурного слоя, представлявшего собой твёрдую осуглиненную супесь серого цвета. Глубина залегания скелетов от современной поверхности составляла в основном 0,47–0,55 м, а некоторых — от 0,58 до 0,7 м.

⁴ Автор выражает искреннюю благодарность Л. Д. Сулержицкому, ныне покойному, за проведённое датирование.

⁵ Все приводимые в публикации радиоуглеродные даты даются в формате «л. н. — лет назад» или «BP — defore present».

⁶ Нумерация для нео- и энеолитических погребений единая.

Радиоуглеродные датировки погребений могильника Сахтыш IIA

№ погребений	Погребения		Индекс лаборатории и номер образца	Дата (л. н.)	Соответствие / несоответствие хронологии культуры
	Пол	Возраст			
I. Льяловские погребения					
12	М	30–40	ГИН-7185	6 110 ± 200	Соответствует
16	Ж	20–25	ГИН-7492	6 130 ± 120	Соответствует
29	Ж	40–45	ГИН-7195	5 820 ± 200	Соответствует
40	М	50–60	ГИН-6586а	–	–
40	М	50–60	AAR-15050	6 406 ± 24	Удревнена
42	М	20–25	ГИН-6586	6 060 ± 150	Соответствует
43	?	5–6	ГИН-6587	8 700 ± 800	Ошибочна
61	Ж	20–25	AAR-15052	6 356 ± 23	Удревнена
65	Ж	35–45	ГИН-7491	–	–
II. Ранневолосовские погребения					
1	М	≈35	ГИН-6236	–	–
2	М	30–35	ГИН-6235	–	–
4	М	50–55	AAR-5789	6 590 ± 50 (кости животных)	Удревнена
5	М	40–45	ГИН-6237	4 800 ± 200	Соответствует
10	Ж	20–25	ГИН-6234	4 540 ± 160	Соответствует
14	М	≈40	ГИН-7187	5 380 ± 140	Удревнена
14	М	≈40	AAR-5787	6 680 ± 45 (кости животных)	Удревнена
17	?	Детский	ГИН-7493	–	–
20	Ж (?)	?	ГИН-7196	–	–
28	М	35–40	ГИН-7190	4 740 ± 110	Соответствует
34	М	50–55	ГИН-7276	4 540 ± 150	Соответствует
39	М	30–35	ГИН-6585, 6752, 6753, 7175	–	–
64	Ж	45–50	ГИН-7490	4 550 ± 350	Соответствует

№ погребений	Погребения		Индекс лаборатории и номер образца	Дата (л. н.)	Соответствие / несоответствие хронологии культур
	Пол	Возраст			
III. Поздневолосовские погребения					
13А	Ж	35–40	ГИН-7189	4 200 ± 240	Соответствует
13Б	М	50–60	ГИН-7186	–	–
19	Ж	?	ГИН-7193	–	–
21	?	≈25	ГИН-7191	–	–
23	Ж	?	ГИН-7192	–	–
25	Ж	30–35	ГИН-7192	–	–
27	Ж	30–35	ГИН-7194	–	–
31	Ж	?	ГИН-7275	5 540 ± 150	Удревнена
32А	М	?	ГИН-7274	7 730 ± 70	Ошибочна
32Б	М	40–45	ГИН-7271	3 040 ± 200	Ошибочна
33	М	50–55	ГИН-7277	3 550 ± 200	Ошибочна
35	М	35–40	ГИН-7273	4 080 ± 180	Соответствует
36А	М	40–45	ГИН-7272	2 030 ± 260	Ошибочна
36Б	М	20–25	ГИН-7270	5 090 ± 90	Удревнена
37А	Ж	40–45	ГИН-7497	–	–
47	Ж	50–55	ГИН-7493	–	–
48	Ж	30–35	ГИН-7498	–	–
49	Ж (?)	40–45	ГИН-7499	–	–
54	Ж	40–45	AAR-15051	4 964 ± 23	Удревнена
66	Ж	20–25	AAR-15053	5 033 ± 24	Удревнена
66	Ж	20–25	AAR-21042	5 252 ± 29 (подвеска из резца лося)	Удревнена

Примечания: (1). Прочерки («–») в третьей и четвёртой колонках означают, что датировка образца не получилась. (2). Курсивом помечены даты, полученные в лаборатории университета города Орхуса в Дании.

Могильные ямы зафиксированы в девяти случаях. В плане они имели форму правильного прямоугольника с закруглёнными углами или вытянутого овала. В продольном и поперечном разрезах напоминали корытообразные выемки. Размеры ям с костяками взрослых субъектов колебались от 182 x 50 до 212 x 65 см, с детскими — от 90 x 47 до 140 x 68 см.

Прослеженная глубина (от отметки фиксации могильного пятна до дна) составляла 12–20 см, что, по-видимому, близко к изначальной глубине ям. Засыпка могил состояла из относительно рыхлого культурного слоя с разрозненными находками, среди которых преобладали отщепы, кости животных и керамика. Последняя представлена была только двумя видами — верхневолжской и льяловской, причём черепки первой по количеству превосходили черепки второй в два с половиной раза. И самое главное: если верхневолжская керамика относится к различным периодам развития верхневолжской культуры, то льяловская представлена исключительно ранними типами, в том числе и фрагментами от сосудов так называемого «северного» облика.

13 захоронений являлись одиночными, два — парными. В могиле 59 находились два ребёнка, в могиле 61 — молодая женщина с младенцем. Степень сохранности скелетов была различной. Костные останки в трёх детских погребениях (Сах-IIА: 41, 52, 59) имели большие утраты в силу естественных причин. Пять захоронений (Сах-IIА: 12, 16, 55, 60, 61) оказались механически повреждёнными в энеолитическое время: два — при постройке «святилищ», одно — волосовской могилкой, прочие — хозяйственными ямами. Костяки остальных погребённых (Сах-IIА: 11, 22, 29, 40, 42, 43, 65) сохранились в более-менее полном анатомическом порядке.

В 12 захоронениях (Сах-IIА: 11, 12, 16, 22, 29, 40, 42, 43, 59а–б, 61а, 65) положение скелетов фиксировалось чётко, в двух — предположительно (Сах-IIА: 41, 60), в трёх — позу определить не представлялось возможным из-за полной разрушенности костяков (Сах-IIА: 52, 55, 61б). В первом парном погребении (Сах-IIА: 59) детские останки лежали параллельно друг другу в вытянутом состоянии: один — на спине, другой — на левом боку. Во втором парном захоронении (Сах-IIА: 61) женский костяк (точнее, его сохранившаяся верхняя половина) находился в вытянутой позе навзничь с руками вдоль туловища, а поверх таза покоился череп младенца.

Среди индивидуальных погребений два обнаружены в положении вытянуто на животе (Сах-IIА: 12, 22), восемь — вытянуто на спине (Сах-IIА: 16, 29, 40–43, 60, 65). Верхние конечности и у тех, и у других фиксировались параллельно корпусу или были слегка согнуты в локтях с кистями, положенными в области живота. В 11-й могиле молодая женщина была захоронена в сильно скорченном состоянии на левом боку.

Каких-либо следов от внутримогильных сооружений не отмечено. Но визуальные наблюдения над костяками в процессе расчистки дают основания сделать заключение, что некоторые трупы, как детей, так и взрослых, погребались туго спелёнутыми (Сах-IIА: 11, 16, 22, 43)⁷. При-

⁷ Трупы, очевидно, заворачивали в шкуры животных. В связи с этим предположением представляется любопытным обнаружение на дне могилы 43 двух небольших бумажников. Они находились на одной линии с правой стороны скелета, возле черепа

чём, у последних пеленалось только туловище. Об этом свидетельствует неестественная узость верхней части посткраниального скелета, предельно сильное сжатие грудной клетки и плотное примыкание к ней костей рук. Единственный случай использования в похоронном обряде охры, помимо фиксации её крупинок в засыпке могил, прослежен в погребении 61. Здесь небольшое по размерам пятно тёмно-розовой краски находилось под женским черепом.

Ориентировка по сторонам света установлена практически для каждого костяка, за исключением уничтоженного захоронения 55. Основная масса погребённых была положена головами в южном направлении (Сах-ПА: 16, 22, 41, 52, 65, 29, 42, 43, 60). У четырёх зафиксировано диаметрально противоположное направление — на северо-запад (Сах-ПА: 12, 40 и 61а–б). Другими словами, ориентировку абсолютного большинства погребений следует определять как близкую к меридиональной, а положение костяков как параллельное течению р. Койки. Из этой схемы выпадают два захоронения, в которых скелеты (Сах-ПА: 11 — скорченный; Сах-ПА: 59 — два детских) лежали черепами на восток.

Расположение могил по площади кладбища было достаточно рассеянное, но вместе с тем имело чёткую систему: они образовывали некое подобие четырёх коротких рядов, ориентированных с юго-запада на северо-восток и состоявших каждый из двух–трёх параллельных захоронений (Сах-ПА: 60–59–61; 55–42; 41–43–40; 22–29), удалённых друг от друга на 1,5–4, иногда до 6,5 м. Кроме того, две могилы (Сах-ПА: 12, 16) длинной осью находились практически на одной линии с погребением 29. То есть структурно льяловский могильник на стоянке Сахтыш ПА можно назвать линейно-рядовым.

Из 15 захоронений 11 являлись безынвентарными, остальные 4 сопровождалась немногочисленными, но достаточно эффектными изделиями, среди которых доминировали орудия из кости (Сах-ПА: 22, 40, 61а). В одном (Сах-ПА: 65) обнаружена псевдоэмбрионовидная глиняная фигурка.

Половозрастной состав погребённых достаточно пёстрый: семь костяков — детские, в основном младенческого возраста (Сах-ПА: 41, 43, 52, 55, 59а–б, 61а), прочие принадлежали взрослым субъектам, из них шесть являлись женскими (Сах-ПА: 11, 16, 22, 29, 61а, 65), три мужскими (Сах-ПА: 12, 40, 42) и пол одного, полностью разрушенного (Сах-ПА: 60), не установлен.

и коленного сустава и были положены в яму, без сомнения, преднамеренно; скорее всего, ими прижали край погребального савана-шкурты.

Возможно, спелёнутой (или связанной наподобие куля) была также женщина в 11-м захоронении, на что, как будто, указывает общая сдавленность скелета, когда многие кости впоследствии просто лопнули, не выдержав механического сжатия.

Отнесение рассмотренных захоронений к льяловской культуре надёжно документируется их стратиграфической диспозицией. Они не могли быть верхневолжскими, поскольку были впущены в материковые и предматериковые отложения с подошвы льяловского слоя и прорезали верхневолжский горизонт. Нет оснований интерпретировать их и как волосовские, т. к. три погребения — Сах-ПА: 16, 55, 61 — были нарушены достоверно волосовцами, а ещё три — Сах-ПА: 29, 42, 65 — оказались перекрыты волосовскими захоронениями.

Об их льяловской принадлежности свидетельствуют также многочисленные, но типично льяловские вещи, намеренно положенные с покойниками, в частности орнаментированный короткий кинжал с антропоморфной рукоятью, обломок гарпуна с крупными клювовидными зубцами и уже упоминавшаяся *a la* эмбрионовидная глиняная фигурка. Обнаруженные в засыпке ряда могильных ям фрагменты льяловской керамики, относящиеся исключительно к её ранней фазе, однозначно указывают на раннеल्याловское время совершения захоронений, т. е. льяловский могильник на Сахтыше ПА функционировал на начальном этапе развития льяловской культуры. На это косвенно указывают и резкие различия в антропологических типах покойников, что следует рассматривать как отображение исторических реалий, а именно: расовую дифференциацию сахтышской общины льяловцев, состоявшую из пришлого с севера населения монголоидного облика (Сах-ПА: 11, 22, 61а), европеоидов-аборигенов — представителей раннеолитической верхневолжской культуры (?) (Сах-ПА: 42) — и метисов (Сах-ПА: 40).

Выводы, обоснованные сугубо археологически, как нельзя лучше подтвердились независимым радиоуглеродным анализом костных останков из четырёх могил — Сах-ПА: 12, 16, 29 и 42 (табл. 1). В них покойники были захоронены в интервале $6\ 130 \pm 120$ — $5\ 820 \pm 200$ л. н., если брать за основу даты, полученные в ГИН'овской лаборатории (табл. 1). Это хорошо согласуется с хронологической шкалой развития льяловской культуры⁸.

Из этого, достаточно компактного, блока выпадает датировка 43-го погребения — $8\ 700 \pm 800$ л. н. (табл. 1). Она указывает на «мезолитический» возраст погребённого, что противоречит и стратиграфии, и планиграфии льяловского могильника, и вообще представлениям о хронологии лесного неолита. Чем объяснить столь «древний» возраст этого костяка? Учитывая большую погрешность даты (± 800 л. н.), можно считать её ошибочной, поэтому в дальнейшем принимать её во внимание не стоит.

---

⁸ Энгватова А. В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь: Тверской гос. объединённый музей, 1998. С. 238–246.

На радиоуглеродный анализ были представлены образцы ещё из двух погребений (Сах-ПА: 40 и 65; табл. 1), однако датировки по ним не получились из-за крайне малого объёма материала.

Дополняют серию радиоуглеродных датировок льяловских погребений Сахтыша ПА пара AMS-дат из Орхуса, полученных по анализу скелетных останков из двух захоронений (Сах-ПА: 40 и 61) — $6\,496 \pm 24$ (AAR-15050) и $6\,356 \pm 23$ (AAR-15052) л. н. соответственно (табл. 1). Как видим, они старше «московских»⁹ датировок почти на четверть тысячелетия. Исходя из формальной логики, их можно не принимать во внимание, т. к. они не соответствуют археологическим реалиям и временной шкале развития льяловской культуры в целом¹⁰ и погребальной обрядности, в частности¹¹.

Волосовский могильник

Он объединял 57 захоронений (Сах-ПА: 1–10, 13–15, 17–21, 23–28, 30–39, 44–51, 53, 54, 56–58, 62–64, 66, 67). Все находились в культурном слое поселения, сильно насыщенном органикой. Могильные ямы не прослежены. Уровень залегания погребённых был незначителен и колебался в пределах 15–53 см от современной поверхности, большинство же зафиксировано в верхней части волосовского горизонта, на глубине 15–25 см. Сохранность костяков была очень плохая, анатомический порядок практически всех скелетов в той или иной степени оказался нарушенным. Более-менее удовлетворительно сохранилось только около двадцати костяков (Сах-ПА: 4, 6, 10, 13А, 14, 15, 24, 26, 28, 32А, 34, 36А, 39, 56, 58, 63, 64, 66). Восемь были разрушены полностью (Сах-ПА: 13В, 18, 21, 25, 31, 37В, 38). Большинство скелетов имело явно механические нарушения: костяки ранее погребённых частично или полностью разорвались при совершении более поздних захоронений, но особенно активно они разрушались в процессе хозяйственной деятельности последующими обитателями поселения¹² и грызунами. Специфической формой нарушения костяков являлись посмертные манипуляции с трупами. Таковые установлены для четырёх скелетов. Во втором погребении была ампутирована голова; её захоронили рядом, а на её место положили крупный валун. В захоронении 63 среди обломков раздавленного черепа расчи-

⁹ Здесь и далее название блоков дат, полученных в лаборатории Геологического института РАН (т. е. ГИН'овские), заменены на прилагательное «московские».

¹⁰ *Энговатова А. В.* Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья ...

¹¹ *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья...

¹² В частности, у мужского костяка в 67-м погребении левая сторона туловища оказалась разрушенной ямой эпохи бронзы, в которую была складирована разрубленная туша овцы (козы).

щена кварцитовая галька, которой покойнику перед засыпкой разбили лицевой скелет. У молодой женщины в 66-м погребении отсутствовали кости обеих ступней, а на большой и малой берцовых костях левой ноги имелись глубокие следы ударов рубящим орудием. Следы неглубоких и незаживлённых порезов костной ткани отмечены также на левом бедре мужчины из 62-го захоронения.

Все волосовские погребения были одиночными¹³, возможно, за исключением одного — Сах-ПА: 50¹⁴. Поза установлена у 51-го костяка. Она однообразна — погребённые лежали на спине вытянуто, с руками вдоль туловища, у некоторых они были слегка согнуты в локтях и кистями положены в области живота, у трёх фаланги пальцев находились под тазовыми костями (Сах-ПА: 15, 24, 28). 49 скелетов (и два предположительно) были ориентированы черепами в юго-западном направлении, перпендикулярно берегу Койки; по одному — на северо-запад (Сах-ПА: 47) и север (Сах-ПА: 49).

21 погребение не сопровождалось никакими вещами. В прочих 36 присутствовали только украшения: из янтаря, камня, кости и зубов животных, которые были нашиты на одежду покойников. Кроме того, возле некоторых костяков встречены единичные зоо- и артефакты, положенные преднамеренно. Это — нижние челюсти бобра, клыки медведя, расколотый вдоль рог лося и обломок костяного заострения. Охра в погребальном обряде не применялась.

По площади некрополя погребения располагались рядами¹⁵. Формально выделяются пять рядов и ещё, как минимум, два по планиграфии и стратиграфии. Шесть из них ('А', 'В-Ж') ориентированы с северо-запада на юго-восток, один ('Б') — с севера на юг. Четыре захоронения находились вне рядов (№ 8, 44, 54, 49). В первом ряду ('А') было захоронено семь покойников, интервалы между погребёнными составляли около 2,5–5 м. Примерно аналогичная дистанция между могилами отмечена в седьмом ('Ж') ряду. Несколько бо́льшая — в выделенном мною шестом ряду ('Е'). В остальных захоронения залегали относительно друг друга на близком расстоянии, иногда вплотную, или вообще перекрывали одно другое.

¹³ В качестве парных погребений в процессе раскопок нами были атрибутированы два ярусных захоронения — Сах-ПА: 7 и 32. Однако в обоих случаях нижние костяки оказались разрушенными при погребении верхних, т. е. формально и те, и те автономны, и их следует рассматривать как одиночные.

¹⁴ При лабораторном изучении скелета (женского) из этого захоронения В. Н. Федосова обнаружила несколько детских костей младенческого возраста.

¹⁵ В отличие от первых публикаций (Абсолютная хронология Сахтышских стоянок / *Крайнов Д. А.* [и др.] // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 5. Иваново, 1991. С. 33–42), в настоящей публикации цифровая нумерация рядов заменена на буквенную.

Рядовая структура рассматриваемого могильника свидетельствует, на мой взгляд, о хронологических этапах формирования волосовского кладбища. Правда, установить чёткую последовательность групп погребений окончательно не представляется возможным.

Достоверно выделяются только наиболее ранние и наиболее поздние группировки. К первой относятся три ряда — 'А', 'Б' и 'Е'. Здесь у всех погребённых низы фиксировались на отметках 25–53 см (первый ряд) и 26–45 см (ряды 'Б' и 'Е'), в основании волосовского горизонта или чуть ниже его, т. е. покойники были захоронены в период начальной стадии накопления энеолитического слоя. Во вторую группу выделяются захоронения в третьем, четвёртом, пятом и седьмом рядах ('В', 'Г', 'Д' и 'Ж'), где уровень залегания костяков от современной поверхности составлял всего 15–25 см, что соответствует верхнему ярусу волосовского горизонта. Порядно наблюдались отличия и в степени сохранности скелетных остатков. В первом ('А') ряду почти все они залежали в полном анатомическом порядке, во втором ('Б') и в шестом ('Е') — оказались частично растащенными или неполными, в остальных и вне рядов — сильно разрушенными.

Если различий между ранними и поздними погребениями в позях костяков и их ориентировках, за исключением единичных случаев, практически не фиксировалось, то по составу украшений они имели существенные отличия. В ранних ведущих, а порой и единственными, видами были изделия из восточно-прибалтийского янтаря, особенно популярного у мужчин¹⁶, в поздних же — подвески из камня, кости и зубов животных. Наконец, только на заключительном этапе функционирования кладбища отчётливо отмечался ритуал посмертной манипуляции с трупами, который получит у волосовцев широкое распространение в финальный период развития культуры.

Краниологическая серия из волосовских погребений Сахтыша ПА, оказавшаяся пригодной для всестороннего антропологического изучения, состоит из 16 единиц (семь женских и девять мужских)¹⁷. Из семи черепов раннего периода три (Сах-ПА: 4, 9, 39) диагностируются как мезокранные европеиды со специфическими особенностями горизонтального профиля — при незначительной уплощённости в верхней части лица средняя профилирована очень резко. Эти же признаки повторяются на одном мужском черепе (Сах-ПА: 15), но есть у него и отличие: он брахикранен. Последние два черепа — женские (Сах-ПА: 10, 46) — характеризуются как короткоголовые с сильно уплощённым лицевым скелетом и средневысту-

¹⁶ Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Волосовские погребения с янтарём могильника Сахтыш ПА // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000. С. 175–184.

¹⁷ Подробнее см.: Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок / Алексеева Т. И. [и др.]...; Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Археологическая периодизация Сахтышских краниологических серий...

пающим носом, т. е. в их облике явственно чувствуются черты большой монголоидной расы, по которым они сближаются с льяловской брахикранной серией. В поздневолосовских погребениях черепа продолжают иметь европеоидный облик с незначительной примесью монголоидности, распадаясь по черепному указателю на мезокранные (Сах-ПА: 13Б, 33, 66) и брахикранные, причём брахикранный, за исключением одного случая, выражена слабо (Сах-ПА: 32Б, 54). Новым в этот период является чётко вычленяемая краниологическая группа европеоидных, умеренно долихокранных черепов (Сах-ПА: 13А, 35, 36А, 47, 58). Возможно, некоторые из этих индивидуумов влились в состав поздневолосовской общины со стороны. Таковым вполне мог быть, в частности, верхний покойник из ярусного двухактного погребения 36А, измерения на черепе которого близки краниологическому бланку фатьяновцев¹⁸.

С комплексом ранневолосовских захоронений я связываю также первое «святилище», в котором обнаружена уникальная роговая маскаличинаи два ритуальных клада вещей: один состоял из восьми янтарных подвесок, второй — из стольких же узких иволистных наконечников стрел с двусторонней струйчатой ретушью¹⁹. А с поздневолосовским — вторую «святилищную» яму, раскопанную в 1991 г. на северо-восточной окраине могильника²⁰.

На радиоуглеродное датирование было передано 30 образцов из 28 волосовских погребений. Результаты их анализов, в отличие от льяловских, оказались далеко неоднозначными. Так, для 18 захоронений (пяти ранних и девяти поздних; табл. 1) даты вообще не получились, и причина этого довольно-таки странная. В костных останках отсутствовал коллаген?! Подобное возможно, когда кости вывариваются, но костяки погребённых, если судить по их положению *in situ*, не подвергались никакой варке. Поэтому объяснение следует искать в других плоскостях. Или коллаген был «съеден» какими-то бактериями, или... перед сокрытием трупов их специально окропляли каким-то неизвестным нам раствором. Последнее предположение, в общем-то, из области фантастики, но в будущем на него,

¹⁸ Денисова Р. Я. Новые данные об антропологическом типе населения фатьяновской культуры // Советская этнография. 1966. № 4. С. 24–37.

¹⁹ Уткин А. В., Костылёва Е. Л. Клады с янтарными украшениями на нео-энеолитических могильниках Русской равнины // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 200–204.

²⁰ Подробнее см.: Абсолютная хронология Сахтышских стоянок / Крайнов Д. А. [и др.]...; Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Волосовские погребения с янтарём могильника Сахтыш ПА // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000. С. 175–184; Они же. Погребальные комплексы эпохи первобытности на Сахтышском торфянике // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 4. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2008. С. 3–20.

как мне кажется, следует обратить внимание исследователей²¹. Ясно одно: объём образцов здесь не при чём, т. к. 39-е захоронение пытались датировать и по мелким, и по крупным костям четыре раза. Результат нулевой. Подобная ситуация повторилась при датировании одного костяка из коллективного финально-волосовского захоронения 15 на соседней стоянке Сахтыш II и девяти синхронных погребений на поселении Сухое в Восточном Прионежье²².

Семь дат (одна для ранне-волосовского захоронения и шесть — для поздних) оказались не соответствующими хронологии волосовской культуры (табл. 1). Это наглядно иллюстрируется датировками двух погребений (Сах-IIА: 32А и Б), перекрывавших одно другое: возраст верхнего костяка определён как «мезолитический», а нижний «датирован» позднебронзовым веком. Лабораторные ошибки в этом случае нами исключаются однозначно, однако как-то объяснить эти результаты на сегодняшний день сложно. С одной стороны, это могло быть обусловлено малым объёмом датированных образцов, а с другой — содержанием малой дозы коллагена в костях. Возможно, на конечные результаты повлияло и то, и другое.

Семь датировок мы признаём достоверными. Пять дат относят ранние погребения к интервалу $4\ 800 \pm 200$ — $4\ 540 \pm 150$ л. н., и две ограничивают совершение поздних захоронений в пределах $4\ 200 \pm 240$ — $4\ 080 \pm 180$ л. н. (табл. 1). Объективность этих дат обуславливается не только их соответствием хронологии волосовских древностей, но и четырьмя радиоуглеродными датировками, полученными с этого же памятника, но уже по углям. Три из них фиксируют ранне-волосовское время. Для угля, взятого из мощного кострища в нижнем горизонте волосовского слоя в квадрате 38 с глубины 40–50 см, получена дата $4\ 690 \pm 190$ л. н. (ГИН-5892). Древесина из первого «святилища», отобранная непосредственно из-под роговой маски-личины, имеет возраст $4\ 790 \pm 180$ л. н. (ГИН-6556), а угли из верхнего яруса заполнения, т. е. когда «святилище» было уже заброшено, — $4\ 430 \pm 250$ л. н. (ГИН-6555).

Наконец, четвёртая дата определяет время существования второго, поздне-волосовского «святилища». Судя по углю со дна ямы, оно было сооружено около $4\ 240 \pm 160$ л. н. (ГИН-6787).

²¹ В пользу этого предположения как будто свидетельствуют следующие наблюдения. Глубина залегания погребений была незначительной. Могильных ям, в нашем понимании, не было. По-видимому, на поверхности просто расчищалась выемка, в неё клалось тело покойного и обкладывалось дёрном. Однако почему-то трупы не разрывались хищниками и не поедались: на костях нет никаких следов погрызов. Что-то зверей отпугивало. Перемещение же части мелких костей грызунами при устройстве своих нор и подземных ходов происходило в более позднее время, когда мышечные ткани уже успевали разложиться или были съедены муравьями и жуками-мертведами.

²² Личное сообщение С. В. Ошибкиной в 1997 г.

Ещё две «датские» AMS-даты якобы фиксируют кончину двух индивидуумов в захоронениях 54 и 66 — $4\ 964 \pm 23$ л. н. (AAR-15051) и $5\ 033 \pm 24$ л. н. (AAR-15053). Формально их следовало бы признать реальными, если бы они датировали ранне-волосовских покойников, а не поздних²³. Археологический же возраст последних установлен достаточно надёжно²⁴. Стратиграфически оба погребённых обнаружены сразу же под дерновым покровом. Первое погребение с полностью разрушенным женским скелетом (Сах-IIА: 54) к тому же располагалось в границах постройки над первой «святилищной» ямой, которая была уже заброшена, и её котлован был, надо полагать, почти заплывшим. Во-вторых, оба покойника (точнее — покойницы) сопровождалась скудными наборами украшений, состоявшими из подвесок. Исходными материалами для них являлись тонкие сланцевые плитки с подточенными краями и зубы млекопитающих. Все имеют двусторонние сверлёные отверстия для подвешивания (или для нашивания). Такие декоры костюма не известны в ранне-волосовских захоронениях, но регулярно встречаются в погребальных древностях позднего и финального периодов волосова. Кроме того, 66-е погребение пробовали датировать ещё и опосредованно, по подвеске из резца лося, но полученная дата оказалась старше даты по скелетным остаткам костяка почти на 220 лет — $5\ 252 \pm 29$ л. н. (AAR-21042)²⁵.

Поэтому по изложенным выше причинам мы не можем включать AMS-даты — $4\ 964 \pm 23$ л. н. (AAR-15051) и $5\ 033 \pm 24$ л. н. (AAR-15053) — в колонку радиоуглеродных датировок погребений Сахтыша IIА.

Наконец, ещё пара дат получена по методике AMS для ранне-волосовских костяков 4 и 14 — $6\ 590 \pm 50$ л. н. (AAR-5789) и $6\ 680 \pm 45$ л. н. (AAR-5787), но они (даты) явно не волосовские (и даже не льяловские), а маркируют верхне-волжское время²⁶. Поэтому авторская бригада Х. Пицонки²⁷ их даже не анализировала, а ограничилась лишь скромным упоминанием в подстрочнике текста статьи. Параллельно им были про-

²³ Flesh or fish? First results of archaeometric research of prehistoric burials from Sakhtysh IIa, Upper Volga region, Russia / H. Piezonka etc.... P. 57–73.

²⁴ Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Радиоуглеродная хронология нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш-IIА // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 4. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2009. С. 28–37; Они же. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья...

²⁵ Stone Age pottery chronology in the northeast European forest zone: New AMS and EA-IRMS results in foodcrusts / H. Piezonka etc. // Radiocarbon. Vol. 58, № 2. Arizona, 2016. P. 267–289.

²⁶ Природное окружение и история заселения многослойного памятника Сахтыш IIА / Жилин М. Г. [и др.] // Природная среда и модели адаптации озёрных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы: материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 19–21 мая 2014 г. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2014. С. 41–45.

²⁷ Flesh or fish? First results of archaeometric research of prehistoric burials from Sakhtysh IIa, Upper Volga region, Russia / H. Piezonka etc....P. 57–73.

датированы кости животных (точнее, их мелкие осколки), отобранные из засыпки этих погребений: 6 165 ± 45 л. н. (AAR-5788) и 6 140 ± 50 л. н. (AAR-5790) соответственно. То есть они указывают на время перекрытия отложений верхневолжских артефактов льяловским слоем.

Если наша гипотеза верна, то следует признать, что трупы, впущенные в более ранние горизонты культурного слоя, «самоудревнились» за счёт древней органики из культурных отложений. И лабораторные данные, и расчёты специалистов здесь не при чём; машины видят то, что видят; они не отвечают за то, что кости скелетов удревнены природой. Это наблюдается и на других памятниках, где покойников хоронили на месте древних поселений²⁸. На это же указывают и мелкие куски более ранней керамики, встреченные в засышке практически всех волосовских покойников на памятнике.

Другая ситуация прослеживается на «чистых» могильниках без древних культурных напластований. Так, на могильнике Звейниекы по костякам получены внушительные серии радиоуглеродных дат, причём серийно они фиксируют захоронения всех стадий каменного века, начиная с мезолита, и все достаточно чётко и логично вписываются в археологическую шкалу балтийских лимитрофов²⁹.

Другими словами, волосовский некрополь на стоянке Сахтыш ПА, если ориентироваться на блок «московских» дат, функционировал фактически беспрерывно очень длительное время, ориентировочно около 700–720 лет. За этот период похоронный обряд, по крайней мере, его внешние формы кардинально не менялись, что свидетельствует об устойчивости выработанных традиций и об отсутствии каких-либо мощных инокультурных воздействий со стороны, а если случалось, по тем или иным причинам, попадание в волосовскую общину инородцев, то пришельцы жили и хоронились по обрядам аборигенов.

²⁸ Так, на многослойном поселении Караваиха в бассейне оз. Воже (Вологодской обл.), В. Н. Федосовой были отобраны на радиоуглеродный анализ кости трёх поздне-неолитических погребений. Для первого захоронения получена «мезолитическая» дата — 8 200 ± 50 (ГИН-7173) л. н., для шестого — «энеолитическая» — 4 420 ± 50 (ГИН-7172) л. н., а датировка одиннадцатого не получилась вовсе (ГИН-7174).

Датировки костей ещё трёх, но уже позднеэнеолитических скелетов по C-14 не соответствуют стратиграфическим уровням залегания костяков: погребение 7 — 6 880 ± 90 (ГИН-7176), погребение 21 — 4 760 ± 100 (ГИН-7090), погребение 22 — 5 890 ± 220 (ГИН-7091) л. н. (Уткин А. В., Костылёва Е. Л. Погребения на стоянке Караваиха // Российская археология. 2001. № 3. С. 55-66.). «Ошибочность» всех караваевских датировок по костным материалам объяснить сложно. По крайней мере, мы полагаем, что четыре из них просто «удревнены».

²⁹ Zagorska I. Radiocarbon chronology of the Zvejnieki burials // Back to the Origin: New research in the mesolithic-neolithic Zvejnieki cemetery and environment, northern Latvia. Acta archaeologica lundensia. Stockholm, 2006. Series in 8°. № 52. P. 91–113.

Таким образом, на стоянке Сахтыш ПА Верхневолжской экспедицией ИА РАН за семь лет исследованы два погребальных комплекса — неолитический (льяловский) и квазиэнеолитический (волосовский). Оба раскопаны полностью. Для обоих обоснованы археологические датировки («ранний — поздний»), которые надёжно подтверждаются и уточняются независимыми радиоуглеродными датами³⁰.

Эти комплексы следует рассматривать как эталонный памятник при изучении захоронений эпохи неолита-энеолита лесной зоны Европейской части России. Они пока самые представительные в Волго-Очье и археологически, и антропологически, и единственные, имеющие солидный корпус радиоуглеродных датировок. Других в обозримом будущем, к сожалению, пока не предвидится.

Список источников и литературы

1. Абсолютная хронология Сахтышских стоянок / Крайнов Д. А. [и др.] // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. — Вып. 5. — Иваново, 1991. — С. 33–42.
2. Денисова, Р. Я. Новые данные об антропологическом типе населения фатьяновской культуры / Р. Я. Денисова // Советская этнография. — 1966. — № 4. — С. 24–37.
3. Костылёва, Е. Л. Археологическая периодизация Сахтышских краниологических серий эпохи нео-энеолита / Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин // Вторые

³⁰ Из 40 погребений на радиоуглеродное датирование было отобрано в общей сложности 45 образцов. Из них 20 дат вообще не получились. Пять явно не соответствуют общей хронологии лесного неолита, девять «удревнены» органикой нижележащих культурных слоёв и только 11 датировок мы признаём достоверными. Причём «ошибочных» и неполучившихся дат для льялова всего пять, а вот для раннего волосова — 11, и ещё больше для образцов из поздневолосовских погребений — 18, т. е. последние, по сути, остались без конкретной временной привязки (табл. 1).

Р. С. Когда эта статья была написана, был установлен «радиоуглеродный» возраст для одного резца сурка из погребения № 24, располагавшегося, кстати, в планиграфическом ряду 'Г'. Дата — 4 769 ± 38 л. н. — получена в североирландской лаборатории университета г. Белфаста методом AMS (Костылёва Е. Л., Уткин А. В., Мацане А. «Восточный след» в энеолитических захоронениях Сахтышских могильников // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь, 2018. С. 565–577).

Дата «волосовская», но она не соответствует историческим реалиям, в частности, украшениям из серпентина и зубов животных, сопровождавших покойницу. Складывается впечатление, что образец (и, соответственно, кости самого скелета) самоудревнились вследствие того, что низы могильной ямы были углублены в верхние горизонты ранневолосовского слоя.

Но все эти временные определениястораживают. Возможно, всё гораздо проще: надо только на 500–800 лет сдвинуть начало позднего этапа волосова и выделить группу погребений финального периода, как на Сахтыше II. Однако это не позволяет сделать ни стратиграфия, ни планиграфия, ни аналогии (нет коллективных захоронений) могильника.

- антропологические чтения памяти академика В. П. Алексеева: Тез. докл. — М.: Старый сад, 1999. — С. 48–49.
4. *Костылёва, Е. Л.* Волосовские погребения с янтарём могильника Сахтыш ПА / Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин // Тверской археологический сборник. — Вып. 4. Т. I. — Тверь, 2000. — С. 175–184.
  5. *Костылёва, Е. Л.* «Восточный след» в энеолитических захоронениях Сахтышских могильников / Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин, А. Мацане // Тверской археологический сборник. — Вып. 11. — Тверь, 2018. — С. 565–577.
  6. *Костылёва, Е. Л.* Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры / Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин. — М.: ТАУС, 2010. — 300 с.
  7. *Костылёва, Е. Л.* Погребальные комплексы эпохи первобытности на Сахтышском торфянике / Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». — Вып. 4. — Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2008. — С. 3–20.
  8. *Костылёва, Е. Л.* Радиоуглеродная хронология нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш ПА / Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». — Вып. 4. — Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2009. — С. 28–37.
  9. Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок / *Алексеева Т. И.* [и др.]. — М.: Научный мир, 1997. — 191 с.
  10. Природное окружение и история заселения многослойного памятника Сахтыш ПА / *Жилин М. Г.* [и др.] // Природная среда и модели адаптации озёрных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы: материалы Международной научной конференции. — Санкт-Петербург, 19–21 мая 2014 г. — СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2014. — С. 41–45.
  11. *Уткин, А. В.* Клады с янтарными украшениями на нео-энеолитических могильниках Русской равнины / А. В. Уткин, Е. Л. Костылёва // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене. — СПб.: МАЭ РАН, 2017. — С. 200–204.
  12. *Уткин, А. В.* Погребения на стоянке Караваиха / А. В. Уткин, Е. Л. Костылёва // Российская археология. — 2001. — № 3. — С. 55–66.
  13. *Энговатова, А. В.* Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья / А. В. Энговатова // Тверской археологический сборник. — Вып. 3. — Тверь: Тверской гос. объединённый музей, 1998. — С. 238–246.
  14. *Flesh or fish? First results of archaeometric research of prehistoric burials from Sakhtysh Pa, Upper Volga region, Russia / H. Piezonka etc.* // Documenta Praehistorica. — Vol. XL. 2013. — Ljubljana, 2013. — P. 57–73.
  15. *Stone Age pottery chronology in the northeast European forest zone: New AMS and EA-IRMS results in foodcrusts / H. Piezonka etc.* // Radiocarbon. — Vol. 58, № 2. — Arizona, 2016. — P. 267–289.
  16. *Zagorska, I.* Radiocarbon chronology of the Zvejnieki burials / I. Zagorska // Back to the Origin: New research in the mesolithic-neolithic Zvejnieki cemetery and environment, northern Latvia. Acta archaeologica lundensia. — Series in 8°. № 52. — Stockholm, 2006. — P. 91–113.

У. В. Фролов

Ярославль

Водяные мельницы как объекты археологического изучения (по материалам полевых исследований)

На протяжении XX в. ушли в прошлое некогда широко распространённые водяные мельницы. Немногие из них, дошедшие до современности, датируются поздним временем и часто не функционируют по своему назначению. Изучению особенностей их конструкций и архитектуры посвящён ряд публикаций¹.

Современное законодательство рассматривает в качестве памятников археологии объекты возрастом старше 100 лет, для изучения и сохранения которых требуется применение методов полевых археологических исследований. Таким образом, остатки сооружений водяных мельниц являются объектами археологического наследия.

Основными источниками для организации поиска некогда существовавших мельниц являются письменные и картографические материалы. Письменные источники ранее середины XVIII в. содержат скудную информацию. В них идёт речь о владельцах, производственном назначении водяных мельниц (мукомольная, маслостойная, бумажная мануфактура и т. д.). Наиболее ранние картографические сведения о водяных мельницах относятся к XVII в. На практике локализовать местоположение остатков мельниц, изображённых на планах XVII — первой половины XVIII в. представляет большую сложность. Достоверную информацию содержат карты и планы второй пол. XVIII — XIX в.

¹ *Заяц И. С.* Водяные и ветряные мельницы Северо-Западного региона России. История и перспективы сохранения: автореф. дис. на соискание учёной степени канд. архитектуры. На правах рукописи. СПб., 2007; *Волшаник В. В., Юрченко А. Н.* Конструкции водяных и ветряных мельниц России XIX–XX веков. М.: Изд-во «АСВ», 2010. С. 57–79; *Черных О. Н., Волшаник В. В.* Роль водяных мельниц в воссоздании культурно-исторических ландшафтов // Природоустройство. 2017. № 4. С. 50.

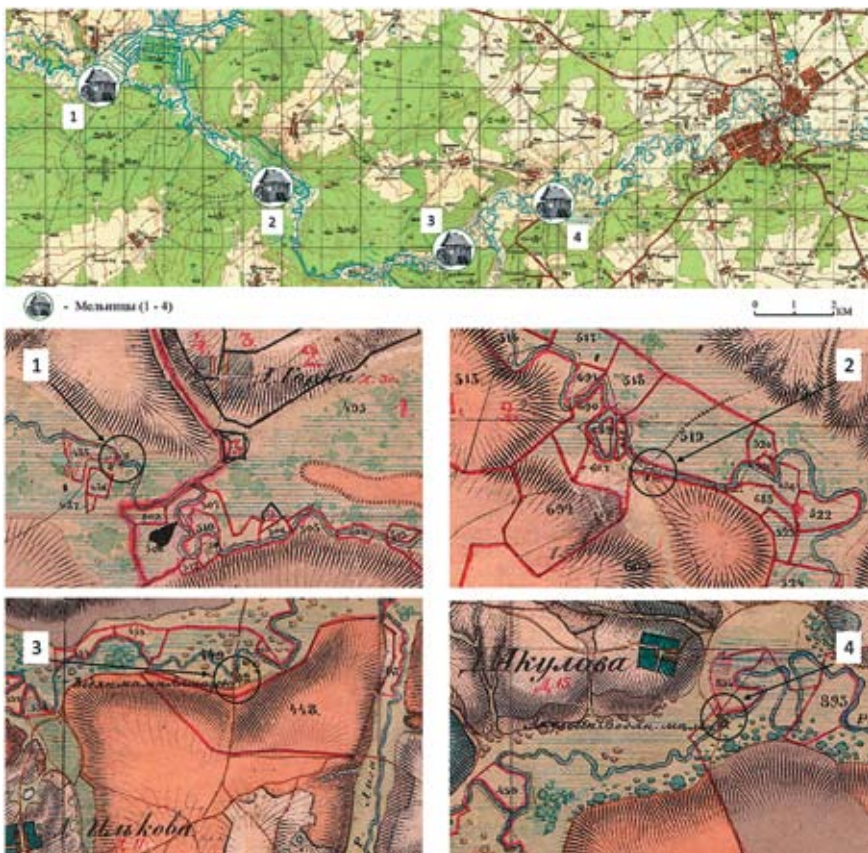

Рис. 1. Расположение водяных мельниц в среднем течении р. Устье:
 1 — Горки; 2 — Березники-на-Устье (ур. Душиловский Лес, мельница Крутец);
 3 — Гавино (ур. Алмазиха); 4 — Акулово (Акуловская мельница)

В качестве первого этапа программы археологических исследований водяных мельниц на территории Ярославской области было изучено среднее течение р. Устье в границах Борисоглебского района. Выбор маршрута был обусловлен сведениями Топографического межевого атласа Ярославской губернии 1857 г. (составитель — А. И. Менде), в котором на 40 км участке русла реки было указано местоположение четырёх мельниц (рис. 1). По направлению течения реки они располагаются в следующем порядке.

Первая водяная мельница у деревни Горки оказалась самой крупной из обследованных нами (рис. 1: 1). Она находится в 1,3 км к югу-юго-западу от одноимённой деревни. Остатки её сооружений наблюдаются

на обоих берегах реки Устье, в пойме. На карте 1857 г. обозначены три строения, остатки которых читаются в современном рельефе. Здесь нами был зафиксирован водосбросный канал для сброса избытка воды, чтобы предотвратить разрушение основной плотины и конструкций мельницы. Для его устройства был использован рукав старицы. Чётко прослеживается искусственное спрямление рукава старицы на участке длиной 20 м. Сохранились остатки ряжей, заполненные бутом, — конструкции плотины, перекрывавшей основное русло реки. Перепад воды, судя по остаткам конструкций, мог достигать 3 м. Это указывает на то, что мельница относилась к верхнебойным.

Вторая водяная мельница находилась в 10 км ниже по течению, в 2,3 км на север-северо-запад от деревни Березники на правом берегу реки Устье в пойме правого берега (рис. 1: 2). Локализовать остатки мельницы удалось благодаря воспоминаниям старожилов дер. Березники. При обследовании остатков мельницы был собран подъёмный материал, в основном фрагменты керамической посуды и черепицы, в том числе один целый экземпляр кровельной черепицы. Собранные материалы позволяют предположить датировку мельницы XIX — началом XX в.

Здесь сохранились две дамбы и параллельно им выбранная канава. Первая дамба перекрывает пойму реки. В настоящее время представляет собой земляную насыпь по оси юго-запад — северо-восток, в обнажениях наблюдались деревянные конструкции. Служила удержанию воды в засушливый период.

Здесь же, на левом берегу, нами зафиксирована канава шириной 1–1,5 м и глубиной 0,8–1,4 м, протяжённостью 20 м. Канава выкопана вдоль пойменной дамбы, скорее всего, выбранный грунт был использован для насыпи дамбы. Возможно, канава играла роль канала, чтобы направлять основной поток сточных вод на участок, где было установлено колесо. Это могло способствовать увеличению силы и скорости водного потока.

Вторая вспомогательная дамба устроена по склону береговой террасы. Насыпь имеет небольшие размеры (высота не превышает 1 м) и, видимо, служила для направления талой и дождевой воды в искусственное водохранилище. Здесь следов канавы, как в первом случае, не наблюдается.

На правом берегу имеется рукав старицы, который мог играть роль водосбросного канала. В русле сохранились остатки деревянных конструкций основной плотины. Перепад воды мог составлять 1–1,5 м.

Третья водяная мельница находилась в 12,7 км ниже по течению, в 1,7 км к северу от деревни Гавино на обоих берегах реки Устье, в пойме (рис. 1: 3). На карте 1857 года эта мельница отмечена как «Водяная мельница Алмазова». Сохранились остатки деревянных ряжей дамбы. Перепад воды мог составлять 1,8–2 м.

Четвёртая водяная мельница находилась в 5,6 км ниже по течению, в 0,3 км к югу-юго-востоку от одноимённой деревни в 0,15 км к востоку от памятника археологии Акуловское городище, на обоих берегах р. Устье, в пойме (рис. 1: 4). Слева и справа от мельницы в Устье входят два рукава стариц. Правый рукав мог играть роль водосбросного канала. На левом берегу в непосредственной близости имеется хорошо утрамбованная площадка. Именно сюда выходит дорога, ведущая из д. Акулово. На время обследования перепад воды составлял до 1 м. Для более точной реконструкции требуются дополнительные исследования с детальным изучением остатков конструкций.

Местоположение водяных мельниц хорошо прослеживается по историческим картам. Для Ярославского края это Планы генерального межевания конца XVIII в. и Топографический межевой атлас А. И. Менде середины XIX в. Важную информацию о мельницах содержат экономические комментарии к этим картам.

Локализация водяных мельниц на местности возможна благодаря ряду общих черт, которые характеризуют остатки мельниц как единый тип объекта археологических исследований. В ландшафте при визуальном осмотре хорошо читаются остатки плотин дамбы, каналы, дороги, при тщательном осмотре несложно увидеть искусственно утрамбованные пойменные площадки, остатки сооружений.

Плотины для перекрытия основного русла реки имеют фрагментарную сохранность. В отдельных случаях можно наблюдать остатки ряжей с остатками заполнения бутового камня. В основном остатки плотин представляют собой ряды свай и отдельные сваи в русле реки и каменные гряды из бутового камня, которые образуют рукотворные пороги, местами — небольшие островки-осередки. Зафиксирован перепад воды 1 м и более. Это указывает на использование в конструкции рассмотренных нами мельниц верхнебойных колёс.

Дамбы представляют собой трапецевидные в сечении земляные насыпи высотой 1,5–2 м, которые частично или полностью перекрывают пойму реки. Они служили удержанию воды в искусственных водоёмах на период летней засухи. Меньшая по размерам дамба (высотой до 1 м) зафиксирована нами в одном случае на склоне первой надпойменной террасы и служила, видимо, для направления талых и сточных вод.

Каналы для сброса избытка воды, чтобы предотвратить разрушение основной плотины и конструкций мельницы, представляют собой рукава стариц, которые на отдельных участках спрямляли и углубляли. Водонаправляющие каналы представляют собой канавы, которые обустроены таким образом, чтобы направлять основной поток сточных вод на участок реки, где было установлено колесо. Это могло способствовать увеличению силы и скорости водного потока.

Во всех изученных нами случаях наблюдались искусственно укрепленные пойменные площадки. Судя по обнажениям, они представляют собой свайное поле с дополнительной отсыпкой и трамбовкой грунта. Полагаем, они были необходимы для подвозки грузов. В пользу этого свидетельствует факт, что обозначенные на исторических картах дороги выходят именно на них. Дороги, которые вели от населённых пунктов и обозначены на исторических картах, как правило, существуют и используются до сих пор.

Дальнейшее изучение методами археологии остатков водяных мельниц необходимо. Важным представляется создание детальных ортофотопланов остатков мельниц методом фотограмметрии и получение образцов для дендрохронологического и радиоуглеродного анализа непосредственно из конструкций плотин, дамб и пойменных площадок.

Список источников и литературы

1. *Волшаник, В. В.* Конструкции водяных и ветряных мельниц России XIX–XX веков / В. В. Волшаник, А. Н. Юрченко. — М.: Изд-во «АСВ», 2010. — 344 с.
2. *Глушенко, М. А.* Перспективы использования развалин водяных мельниц в качестве источника по культуре русских / М. А. Глушенко, Б. П. Яровой // Культура русских в археологических исследованиях: сб. статей / под ред. Л. В. Татауровой. — Омск: Наука, 2017. — С. 374–380.
3. *Заяц, И. С.* Водяные и ветряные мельницы Северо-Западного региона России. История и перспективы сохранения: автореф. дис. на соискание учёной степени канд. архитектуры. На правах рукописи. — СПб., 2007. — 25 с.
4. *Тютюнник, Ю. Г.* Водяные мельницы в междуречье и на водосборах Днепра и Южного Буга: опыт полевого исследования / Ю. Г. Тютюнник, А. Д. Лаврик // Вопросы истории естествознания и техники. — 2011. — № 4. — С. 172–189.
5. *Черных, О. Н.* Роль водяных мельниц в воссоздании культурно-исторических ландшафтов / О. Н. Черных, В. В. Волшаник // Природоустройство. — 2017. — № 4. — С. 47–55.

А. В. Яганов, Е. У. Рузаева

Москва

Архитектурные наблюдения в Успенском Соборе Ростова Великого в 2018 г.¹

Ныне существующее здание ростовского Успенского собора, третье из ранее возведённых на этом участке, построено в начале XVI в. и до последнего времени не имело точной датировки. Все выводы делались на основании анализа объёмно-пространственных решений и архитектурного декора фасадов и интерьеров, что дало возможность А. Г. Мельнику поместить время постройки собора предположительно между 1508–1512 гг.²

Этот вывод впоследствии был подтверждён письменным источником — новгородской Большаковской летописью, опубликованной Е. Л. Конявской, где в записи о смерти и погребении ростовского архиепископа Вассиана содержится уточнение «положен бысть в Ростове в соборной церкви Успения Святеи Богородицы. А церковь он же воздвигнул нову камену, велику и чудну велми. А преже бысть церковь камена же, велми ветха»³. Предложенная датировка подтверждается дендродатами — 1506 г.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Археологические и антропологические источники и верификация гипотез: методические аспекты фундаментального знания и полевых исследований» (№ НИОКТР АААА-А18-118011790092-5).

² Мельник А. Г. Новые данные об Успенском соборе Ростова Великого // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. Вып. 1. С. 130–132.

³ Конявская Е. Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // НИС. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 338–341; Рузаева Е. И. К вопросу о датировке Успенского собора в Ростове // Археология: история и перспективы: Третья межрегиональная конференция: сборник статей / под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль, 2007. С. 184–186.

и 1510 г. образцов дерева из горизонта строительства, зафиксированного в раскопках 1986 г. у западной паперти собора⁴.

Изучение первоначального оформления интерьера Успенского собора было начато А. Г. Мельником, опубликовавшим результаты обследования пространства за иконостасом, где были выявлены первоначальные пилястры на западных гранях алтарных столбов, определены высота и конструкция первоначального иконостаса, характер профилировки импостов и цоколей столпов и внутренних лопаток⁵. В дальнейшем А. Г. Мельником были предложены варианты графической реконструкции иконостаса и алтарной преграды на XVI в. и XVII в. Переделки иконостаса в XVII в. документально не датированы, но, очевидно, относятся ко времени митрополита Ионы Сысоевича, который устроил между алтарными столпами «своеобразное кирпичное сооружение», охарактеризованное в описи собора 1691 г. как «у царских дверей столпы и фрамуги каменные обложены медью золоченою, на фрамугах по споем Спасов образ...»⁶. Это сооружение представляло собой высокую каменную «сень», подобную имеющим место в каменных иконостасах других церквей митрополичьего дома, внутри которой были заключены Царские врата и центральный образ Спаса деисусного чина.

По мнению А. Г. Мельника, «сень» в значительной степени была утрачена при устройстве нового иконостаса после большого ростовского пожара 1730 г. От неё сохранились лишь два участка алтарной преграды с растёсанным проёмом Царских врат и фрагменты выступающих из неё на запад пилонов. Выводы сделаны на основании визуального осмотра пространства за ныне существующим иконостасом, их результаты были отражены А. Г. Мельником в схематической реконструкции⁷.

В мае–июне 2015 г. в интерьере Успенского собора в ходе работ по усилению конструкций иконостаса архитектором С. В. Демидовым (ЦНРПМ) разобрана высокая солея, под которой были обнаружены декоративные элементы и основание алтарной преграды, расположенное ниже уровня пола солей⁸.

⁴ Леонтьев А. Е., Самойлович Н. Г., Черных Н. Б. Частные аспекты хронологии Ростова (по материалам дендрохронологического анализа материалов археологических раскопок) // ИКРЗ. 1995. Ростов, 1996. С. 5.

⁵ Мельник А. Г. Новые данные об Успенском соборе Ростова Великого... С. 126–129; Мельник А. Г. К истории иконостаса Успенского собора Ростова Великого // ПКНО, 1992. М., 1993. С. 338–343.

⁶ Мельник А. Г. Опись Ростовского архиерейского дома 1691 г. как исторический источник // Рефераты докладов и сообщений VI Всероссийской научно-практической конференции по изучению и изданию писцовых книг и других историко-географических источников. (Ферапонтово, 27–29 мая 1993 г.). СПб., 1993. С. 58–61.

⁷ Мельник А. Г. К истории иконостаса Успенского собора Ростова Великого... С. 341.

⁸ Обмерные чертежи выполнены в 2015 г. Ю. Е. Семиной. Архив ФГУП ЦНРПМ. Инв. №№ 414/705–708, 722–724.

Летом 2018 г. экспедицией ИА РАН проводились археологические наблюдения за ремонтно-реставрационными работами в интерьере собора, связанные с заменой полов в четверике и алтаре. Это дало возможность уточнить или пересмотреть ряд моментов, связанных как с первоначальным обликом памятника начала XVI в., так и с этапами его перестроек в XVII в. Наибольшее внимание было обращено на участки вскрытия полов в центральной и северной арках, соединяющих четверик с алтарём. Конструкции XVI–XVII вв. в южной арке подверглись капитальным переделкам при «реставрации» придела свт. Леонтия Ростовского в 1885 г., их сохранность пока не выяснена.

Северная арка

На участке между северо-восточным столбом и северной стеной собора выявлено основание первоначальной алтарной преграды шириной в полтора кирпича, сохранившейся на высоту до трёх рядов (ил. 1). Её западная линия соответствует плоскости западной грани столба; преграда приложена к нему и стене без перевязки⁹, так как возводилась на завершающем этапе строительства¹⁰. Кладка преграды выполнена из большемерного кирпича формата (в среднем) 31,5 x 14 x 8 см¹¹ на прочном растворе из сероатой извести с большим включением светлого песка, в том числе и крупного (до 1,2 мм)¹².

Дверной проём, бывший в алтарной преграде (ширина в свету 87–88 см), заметно смещён к северу. В его восточных внутренних углах сохранились выбранные в кирпиче четверти (в среднем 6 x 6 см), предназначенные для установки дверного полотна, из которых северная имеет явное очертание выкружки (по линии открывания двери). Подставы для навески двери располагались выше и разобраны вместе с кладкой.

К дверному проёму и внутренней плоскости алтарной преграды примыкает одновременный ей сильно выхоженный и заметно просевший пол (ил. 2). Он составлен из прямоугольных подогнанных друг к другу белокаменных плит различных размеров и толщины (вплоть до очень маленьких доборных вставок)¹³. Элементы пола уложены по песчаной

⁹ Северная стена при ремонтах XIX в. на значительном участке утратила лицевую поверхность на 23–24 см, но сохранилась ниже отметки пола этого времени.

¹⁰ Отсутствие перевязки алтарной преграды с основным массивом кладки не столь редкое, а скорее, обычное явление для храмов, построенных в XVI в.

¹¹ Усреднённый формат кирпича, использованного в кладке начала XVI в., — 31–31,5 x 13,5–14,5 x 7,5–8 см.

¹² Это визуальные наблюдения. Использованный в кладке преграды раствор аналогичен применённому в других частях собора начала XVI в., с той только разницей, что он несколько различается по цвету вяжущего.

¹³ Разноформатность плит может указывать на то, что для их изготовления использованы расколотые и обработанные квадраты от стеновой кладки предшествующего белокаменного собора.

Ил. 1. Фрагменты северной алтарной преграды начала XVI в. и перспективного портала середины XVII в. Вид с юга. Фото 2018 г.

Ил. 2. Южная часть северной алтарной преграды начала XVI в. и приложенного к ней с запада перспективного портала середины XVI в. Вид с севера. Фото 2018 г.

подготовке, швы между ними (зазор от 0,5 до 1,5 см) промазаны сверху раствором. На исследуемом участке сохранился лишь небольшой фрагмент пола (в ширину от северной грани северо-восточного столба и северной стеной — 209 см; в длину — от 27 до 50 см от внутренней плоскости алтарной преграды), восточнее он разобран при устройстве калориферного отопления северной апсиды в 1880-х гг. и, частично, археологических раскопках 1994–1995 гг.

Солеи у западной плоскости преграды изначально не существовало; в проёме имеется лишь белокаменная ступень с сильно выхоженной к западу центральной зоной, то есть изначальная отметка древнего пола в соборе была на высоту этой ступени ниже, чем в алтаре¹⁴.

К западному фасаду преграды приложено выполненное позже обрамление портала, основанное на кирпичной прикладке, сделанной заподлицо с белокаменным порогом дверного проёма. От западной плоскости преграды эта прикладка прослеживается на ширину в полтора кирпича, но, судя по схематическим чертежам 2015 г., на момент фиксации она сохранялась на большем участке.

От перспективного портала с чередованием уступов и колонок сохранилась только нижняя часть: два ряда кирпичной кладки уступов и базы колонок в виде усечённого конуса. Обрамление портала плохо сохранилось; в примыкании к крайним колонкам прослеживаются фрагменты кирпичного каблучка, который, возможно, заканчивался полкой (ил. 3).

Откосы проёма алтарной преграды и базы портала сохранили следы левкаса, к тому же в южный откос проёма вбит фресковый гвоздь, следовательно, портал и алтарная преграда эксплуатировались и после 1659 г., когда собор был впервые расписан (ил. 4). Наличие левкаса или подготовки под него в виде забитых в стену клеммеров для интерьера Успенского собора является, по мнению А. Г. Мельника, надёжным маркером между временем бытования памятника до 1659 г. и последующими привнесениями митрополита Ионы Сысоевича и его последователей. Это даёт возможность без труда отделить элементы начала XVI — первой половины XVII в. от более поздних.

Участок с преградой и порталом в северной арке уже вскрывался в ходе археологических исследований собора в 1995 г. (работы Архитектурно-археологической экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством О. М. Иоаннисяна). Тогда исследователями были предложены свои

¹⁴ Если ещё два десятилетия назад было невозможно представить отсутствие высокой солеи для храмов до XVII в., то исследования последних лет дали обширный материал, позволяющий утверждать обратное. В ранних церквях обычно роль солеи выполнял круглый или иной центрической формы в плане амвон, не связанный непосредственно с порогом царских врат. Ступень в проёме алтарной преграды отделяла собственно храм от алтаря.

Ил. 3. Северная часть алтарной преграды начала XVI в. и приложенные к ней элементы перспективного портала середины XVII в. Вид с юго-востока. Фото 2018 г.

Ил. 4. Фресковый гвоздь и следы левкаса на откосах дверного проёма алтарной преграды и элементах северного портала. Фото 2018 г.

варианты датировок выявленных конструкций. Так, появление в соборе белокаменного пола, без какой-либо серьёзной аргументации, авторы связали с реконструкцией, «проведённой во 2-й половине XVII века митрополитом Ионой Сысоевичем». Преграда и примыкавшие к ней остатки портала, обработанного «многоступенчатым перспективным откосом с архивольтами, сложенными из литых кирпичей», отнесены к XVI в. По вопросу о времени разборки преграды в археологическом отчёте имеются разночтения — в одном случае она датируется XVII в. (л. 3), в другой версии — периодом восстановления собора после пожара 1730 г. (л. 4)¹⁵.

Центральная арка

В пределах центральной части первоначальная алтарная преграда разобрана ниже проёма царских врат (белокаменный порог утрачен), но в примыкании к столбам и в уровне первоначального белокаменного пола её кладка прослеживается на высоту от четырёх до пяти рядов (до границы живописного слоя). Пол сохранился только по линии примыкания к внутренней плоскости преграды (ил. 5).

На месте преграды по кирпичной выстилке¹⁶ возведена новая, отличная от прошлой конструкция. В центре её находился перспективный портал, от которого сохранился цоколь на высоту до 30 см¹⁷, и проём Царских врат с прямыми откосами шириной 135 см. В базах здесь использованы белокаменные, а выше кирпичные, детали с измельчённой профилировкой. В настоящее время от этих элементов сохранились два основания колонок (третья, фасадная, сильно повреждена в 2015 г.) и два уступа (ил. 6).

Профилировка баз портала уплощённая и состоит из нижнего белокаменного плинта, разделённого на три части горизонтальными тягами, кирпичной наклонной плоскости и подобия слабо выраженной кирпичной выкружки. Выше располагалась кирпичная деталь в виде полувала, заключённого между двумя полками. Лицевые поверхности деталей залевкашены под живопись.

Центральный портал обрамляли расположенные справа и слева от него пилоны шириной в два кирпича, которые были вынесены относительно плоскости западной стены на расстояние не менее 1,20 м. Пилоны перевязаны с алтарной преградой, а фрагменты их южной и северной плоскостей, не повреждённые подтеской на угол, сохранили участки залев-

¹⁵ Архив ИА РАН. Р-1. № 19649. Л. 3–4.

¹⁶ Отметка выстилки соответствует зафиксированной у северного портала.

¹⁷ До работ 2015 г. от колонок портала сохранялось больше деталей, но определить полную высоту профилированной базы не представляется возможным. В 2018 г. несколько отломанных кирпичных элементов было найдено под солеей.

Ил. 5. Белокаменный пол начала XVI в. в примыкании к внутренней плоскости алтарной преграды в центральной арке. Нижние ряды южного участка алтарной преграды начала XVI в. Фото 2018 г.

Ил. 6. Базы портала и откос проёма царских врат южной части портала в центральной алтарной преграде. Фото 2018 г.

Ил. 7. Южная грань пилона, выступающего из центральной алтарной преграды. Видны участки залевкашенной поверхности и фресковые гвозди. Фото 2018 г.

кашенной поверхности и вбитые в швы кладки фресковые гвозди (ил. 7). По высоте границей этой поверхности служат выложенные в пилонах гнёзда под тябла.

На десять рядов выше отметки тябла (с отметки второго яруса существующего иконостаса) кладка пилонов стёсана заподлицо с преградой. При переделках в центр преграды вставлена довольно грубо исполненная арочная перемычка высотой в кирпич, рассчитанная на новый увеличенный в ширину проём.

Ещё выше в преграде наблюдается пята разобранного коробового свода толщиной в полкирипча, шельга которого была ориентирована по линии север-юг (ил. 8). В его пяты были заложены ныне обломанные металлические связи. Свод был устроен одновременно

с преградой и к западу от неё опирался на конструкцию, значительно вынесенную за её пределы. Он довольно грубо залевкашен до пят, но никаких следов живописи нет. Расположенная ниже лицевая кирпичная кладка преграды отделки не имеет.

При вторичной реконструкции центрального участка преграды наибольшей растеске подверглись внутренние стороны пилонов (из них сделаны откосы более широкого проёма, отвечавшего размерам новых Царских врат), причём портал был разобран до отметки его баз. Их сохранность объясняется тем, что при этой переделке перед иконостасом была устроена высокая солея, которой ранее не существовало, и нижние элементы портала оказались в засыпке под её полом. Тогда же разобраны

Ил. 8. Пята коробового свода над проёмом царских врат в центральной алтарной преграде. Обломанная металлическая связь. Ниже — шельга вставной арки. Фото 2018 г.

Ил. 9. Ступень с арочными нишами в примыкании к западной плоскости северо-восточного столба. Фото 2017 г.

столбы, на которые был перекинут коробовый свод от преграды. Эта часть предалтарной конструкции при работах 2018 г. не исследовалась.

К югу и северу от портала, параллельно западной плоскости столба и алтарной преграды располагаются ступени высотой 56 см и шириной 65 см, установленные на ту же кирпичную выстилку, что и портал. Фасадная поверхность северного участка декорирована рядом из шести полуциркулярных арочных нишек глубиной 45 см с профилированным архивольфом в виде четвертного вала с двумя полками из кирпича на ребро. Южный участок сохранил четыре арочки, одна из них полуразрушена. Они завершаются кирпичным плинтом, незначительно выступающим из плоскости (ил. 9). Сохранность ступеней также объясняется тем, что при устройстве солеи ступень служила основой для нового чугунного пола.

Ступень и порталы относятся к одному строительному периоду и предназначались для установки икон местного ряда иконостаса, сооружённого на первом этапе переделки интерьера собора в XVII в.

Выводы

Таким образом, можно выделить три основных этапа устройства и переделок алтарной преграды в северной и центральной арках собора.

1-й этап (начало XVI — середина XVII в.)

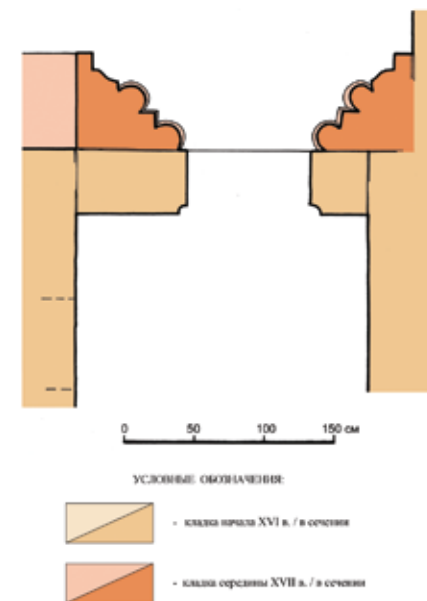
Алтарная преграда в северной и центральной арках одновременна постройке собора в начале XVI в. и примыкала к столбам и стенам без перевязки. В северной части преграды существовал дверной проём, несколько смещённый с её оси. Изначально солеи не было, отметка пола в собственно церкви и алтаре разнилась на одну ступень. Изнутри и снаружи к преграде примыкал белокаменный пол, современный или близкий по времени постройке собора.

Кладка первоначальной алтарной преграды в центральной арке сохранилась ниже отметки проёма Царских врат. Она, как и в северной части, была приложена к столбам без перевязки, из-за чего определить её высоту не представляется возможным. Других очевидных капитальных переделок конструкций в зоне исследований за рассматриваемый период не выявлено.

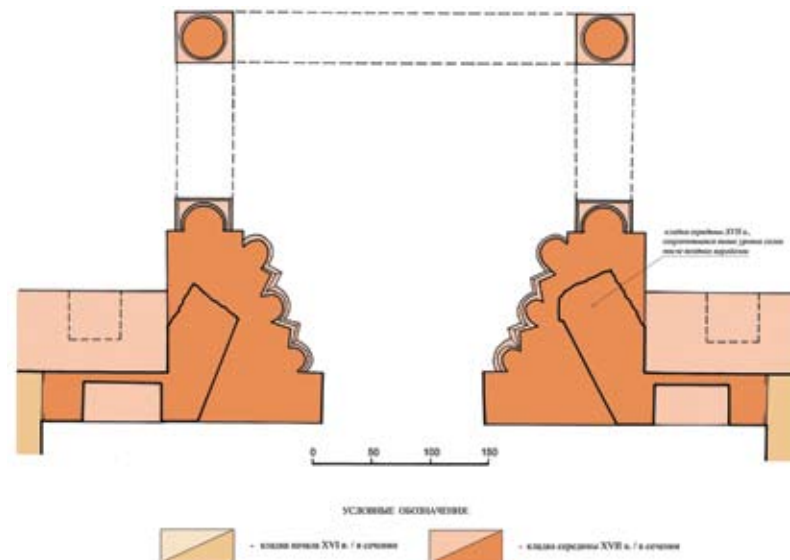
2-й этап (середина XVII в. — после 1691 г.)

При реконструкции интерьера собора около 1659 г. к западной плоскости северной части алтарной преграды был приложен перспективный портал, вероятно, заключённый в некую раму, обрамлённую колонками. Вряд ли здесь существовала вынесенная сень, но утверждать это невозможно, так как верхняя часть преграды утрачена, а участок перед порталом не исследовался (ил. 10).

Более сложное решение применено в центральной части. Царские врата во вновь сооружённой алтарной преграде обрамлял (высокий?) перспективный портал, значительно вынесенный из её западной плоскости. Расположенный выше коробовый свод был перекинут на конструкцию, отстоявшую от портала, — видимо, две колонны, соединённые между собой и с пилонами арочными перемычками (ил. 11). Всё это образовывало предалтарную сень, подобие которой можно наблюдать в церквях Ростовского архиерейского дома, построенных при митрополите Ионе Сысоевиче. Не исключено, что сень в Успенском соборе была первой в ряду подобных нововведений ростовского митрополита.

Ил. 10. Графическая реконструкция плана северного портала

Ил. 11. Графическая реконструкция плана центрального портала

Между тремя порталами (нет сомнения, что подобное архитектурное решение имел и южный), в западной плоскости столбов устроена ступеньцоколь, декорированная внизу рядом профилированных арочек, которая предназначалась для установки икон местного ряда.

3-й этап (1691 г. — после 1730 г.)

Устройство нового резного иконостаса при митрополите Иоасафе Лазаревиче, в результате чего были уничтожены элементы порталов и сень, появившиеся в годы управления епархией Ионы Сысоевича. Разобрана северная часть алтарной преграды, а в центральной значительно увеличен в ширину и высоту проём царских врат. Перед восточными столбами устроена солея высотой в три ступени, то есть до отметки кирпичного выступа на арках под местный ряд предшествующего иконостаса, повышен пол в четверике. Иконостас, появившийся после пожара 1730 г., в целом, видимо, сохранил конструкцию возведённого при митрополите Иоасафе.

После разборки современного пола были сделаны некоторые наблюдения по другим объектам, выявившимся в пределах северной и центральной апсид.

В северо-восточном столбе обследована камера, расположенная под лестницей, ведущей на своды собора. Она имеет внутренние размеры 203 x 140 см; ведущий в неё проём (ширина в свету 65 см) с арочной перемычкой высотой в полкирпича расположен в северной грани столба примерно в уровне первоначального белокаменного пола. Проём сохранил внутренние четверти в откосах (14 x 14 см), в западные из которых установлены металлические подставки, а в восточный откос — пробой (сохранился только обломок пластины в кладочном шве).

Камера перекрыта коробовым сводом с направлением шельги северо-юг. Пол из кирпича плашмя уложен по подготовке из мелкого булыжника, пролитого известковым раствором. Он прослеживается только в северо-восточном углу и в примыкании к западной стене, а в центре разобран кладочниками, местами ниже булыжной подготовки (ил. 12).

В месте, где северная стена переходит в полукружие апсиды, в первоначальном белокаменном полу выявлен след кирпичной конструкции. Выше отметки пола она разобрана, в уровне белокаменных плит хорошо видна кладка полуциркульного в плане очертания. Основание выполнено из большемерного кирпича формата, близкого первоначальному (30,5 x 14; 31 x 14 см), но полностью её абрис не прочитывается, так как её восточная часть перекрыта более поздней кирпичной надкладкой (ил. 13).

Установить высоту конструкции над полом не представляется возможным, так как северная стена апсиды, к которой она примыкала, залевкашена под живопись. Очевидно лишь то, что западной границей конструкции являлся первоначальный белокаменный импост, отмечавший основание

Ил. 12. Вид на северную стену камеры, расположенной внутри северо-восточного столба. Фото 2018 г.

Ил. 13. Основание рукомя у северной стены северной алтарной апсиды. Фото 2018 г.

Ил. 14. Место примыкания стены, разделяющей южную и центральную апсиды, к восточной грани юго-восточного столба. Вид с севера. Фото 2018 г.

ныне срубленной лопатки. Следовательно, разборка конструкции и сооружение перекрывающей её кирпичной надкладки относится ко времени до 1659 г., когда собор был впервые расписан.

Местоположение выявленного сооружения указывает на то, что оно является основанием рукомя, являвшегося одной из частей жертвенника. Этот элемент появился при строительстве собора в начале XVI в. и был разобран при одной из реконструкций интерьера в XVII в., видимо, около 1659 г., когда древний жертвенник был упразднён и перенесён в центр северной апсиды. Здесь он зафиксирован на плане Успенского собора в составе плана Митрополичьего двора второй половины XVIII столетия. Под новый жертвенник была сделана кирпичная надкладка, перекрывшая основание разобранной конструкции начала XVI в. и часть белокаменного пола.

В 1885 г. в северной апсиде был устроен тёплый придел свт. Игнатия Ростовского¹⁸, престол которого (вероятно, деревянный) занял место жертвенника XVII в.¹⁹

¹⁸ ЯЕВ. 1885. № 39. Ч. оф. С. 308.

¹⁹ Над северной апсидой был сделан промежуточный пониженный свод, отметка шельги которого приходилась на середину нижних окон собора. Видимо, здесь с XVII в. располагалась соборная ризница.

В арке, разделяющей центральную и южную апсиды, прослежены следы примыкания капитальной стены, некогда отделявшей придел свт. Леонтия от главного алтаря собора (ил. 14).

Список источников и литературы

1. *Конявская, Е. Л.* Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова / Е. Л. Конявская // НИС. — СПб., 2005. — Вып. 10 (20). — С. 322–383.
2. *Леонтьев, А. Е.* Частные аспекты хронологии Ростова (по материалам дендрохронологического анализа материалов археологических раскопок) / А. Е. Леонтьев, Н. Г. Самойлович, Н. Б. Черных // ИКРЗ, 1995. — Ростов, 1996. — С. 3–7.
3. *Мельник, А. Г.* Новые данные об Успенском соборе Ростова Великого / А. Г. Мельник // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. — М., 1991. — Вып. 1. — С. 125–135.
4. *Мельник, А. Г.* К истории иконостаса Успенского собора Ростова Великого / А. Г. Мельник // ПКНО, 1992. — М., 1993. — С. 338–343.
5. *Мельник, А. Г.* Опись Ростовского архиерейского дома 1691 г. как исторический источник / А. Г. Мельник // Рефераты докладов и сообщений VI Всероссийского научно-практического совещания по изучению и изданию писцовых книг и других историко-географических источников. (Ферапонтово, 27–29 мая 1993 г.). — СПб., 1993. — С. 58–61.
6. Отчёт Архитектурно-археологической экспедиции Гос. Эрмитажа о работах в Ростове Великом в 1995 г. / О. М. Иоаннисян [и др.] // Архив ИА РАН. Р-1. № 19649.
7. *Рузаева, Е. И.* К вопросу о датировке Успенского собора в Ростове / Е. И. Рузаева // Археология : история и перспективы : Третья межрегиональная конференция : сборник статей / под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль : Ремдер, 2007. — С. 184–186.
8. Ярославские епархиальные ведомости. — 1885. — № 39.

М. С. Яковчик, А. В. Энговатова,
О. В. Орфинская, О. Ф. Чернова

Москва

Ткани из коллективного захоронения XIII в. в Ярославле¹

Древнерусский текстиль, в частности, ткани, принадлежит к ряду достаточно редких, а порой и уникальных археологических находок. Причиной этому служит органическая природа таких артефактов, мало способствующая их сохранности в неблагоприятных почвенных условиях. Как следствие, исследователям в основном приходится иметь дело не с целыми изделиями из тканей, а с их фрагментами, зачастую весьма незначительных размеров. Однако такие находки представляют интерес для изучения, поскольку их анализ может предоставить ценную информацию технологического и историко-культурного характера. Примером такого подхода является настоящая статья, посвящённая изучению небольшой коллекции тканей, происходящих из одного санитарного захоронения в Ярославле, датированного 30-ми гг. XIII в.

Обстоятельства находки. В ходе спасательных археологических работ в исторической части г. Ярославля — на территории Рубленого города, которые проводились Институтом археологии РАН в период 2004–2020 гг., были выявлены и исследованы девять коллективных захоронений, датирующиеся 1238 г. (судя по совокупности данных дендрохронологии, AMS-датирования и типологии вещей из закрытых комплексов), временем взятия и разорения Ярославля войсками Бату-хана².

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Хронологические индикаторы культурного слоя средневекового города (Торжок и Ярославль)» (№ НИОКТР АААА-А20-120070990064-2).

² Энговатова А. В. Рубленый город Ярославля в домонгольский период по данным археологии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (78). М.: Индрик, 2019. С. 98–99.

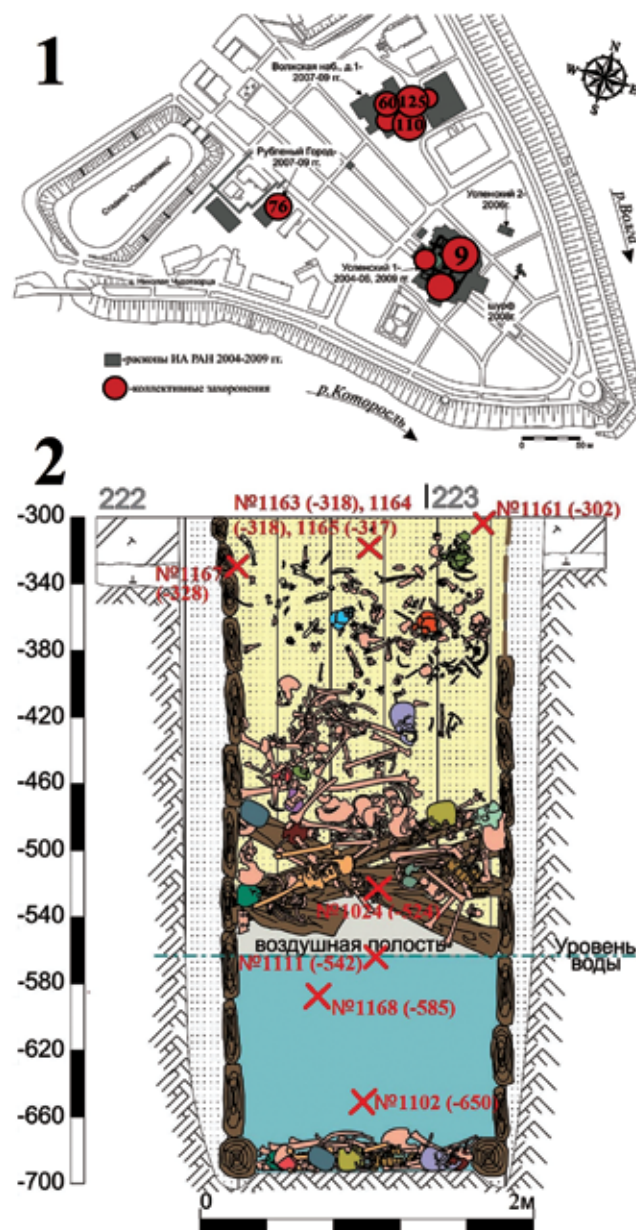

Рис. 1. Коллективное захоронение в Ярославле (сооружение № 110).
1 — план Рубленого города с массовыми захоронениями; 2 — разрез сооружения № 110 с отметками находок тканей

Результаты AMS-датирования для сооружения № 110

R_Date Яма 110. Инд. 24 (UGAMS-45577)	1181	1263	95.4
R_Date Яма 110. Инд. 41 (UGAMS-45578)	1169	1256	95.4
R_Date Яма 110. Инд. 49 (UGAMS-45579)	1052	1220	95.4
R_Date Яма 110. Инд. 55 (UGAMS-45584)	1049	1218	95.4
R_Date Яма 110. Инд. 57 (UGAMS-45585)	1164	1250	95.4
R_Date Яма 110. Инд. 73 (UGAMS-45586)	1158	1247	95.4

Таблица 2

Соответствие образцов тканей полевым номерам по описи

Образец	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
№ по описи	1024	1102	1111	1161	1161	1163	1164	1165	1167	1168

Одно из таких массовых захоронений (сооружение № 110) было обнаружено в 2007 г. в юго-западной части раскопа «Волжская набережная, д. 1» (рис. 1: 1). Оно было совершено в колодце глубиной 3,5 м, который частично пострадал при пожаре: верхняя часть конструкции обгорела, в заполнении встречались фрагменты горелого дерева и многочисленные угольки. В средней части заполнения колодца находились сброшенные брёвна и доски, на которых лежали разрозненные фрагменты человеческих скелетов, засыпанные культурным слоем. Нижняя часть колодца под досками и брёвнами была заполнена водой, под которой прослеживался толстый слой ила; в воде и иле также находилось большое количество провалившихся сверху человеческих останков и различных вещей из органических материалов (рис. 1: 2). В захоронении были обнаружены останки 84 человек, при этом скелеты в основном утратили анатомический порядок, кости залегали разрозненно³. Что касается артефактов, то очевидно, что основной их массив попал в колодец в процессе совершения захоронения, то есть одновременно с телами погибших и вместе с засыпкой его культурным слоем. Эти вещи типологически датируются концом XII — первой половиной XIII в.; основной массив фрагментов сосудов (97 %) относится к древнерусской круговой керамике и может быть датирован первой третью XIII в.⁴

С целью верификации датировки сооружения № 110 и, соответственно, найденных в нём предметов был проведён ряд дополнительных анализов. Было выполнено AMS-датирование (Центр изотопных исследований Университета Джорджии под руководством А. Черкинского); результаты, полученные по итогам исследования костей шести индивидов (табл. 1), согласуются со временем разрушения Ярославля монгольским войском⁵. Дендрохронологический анализ брёвен венцов сооружения № 110 показал, что они были срублены в промежутке от 1207 г. до 1228 г.⁶ Исходя из этого, можно заключить, что колодец был построен не ранее 1228 г. На основании всех имеющихся данных можно сделать вывод, что происходящий из сооружения № 110 материал датируется первой третью XIII в. Таким образом, перед нами уникальный закрытый комплекс, анализ вещевого набора которого даёт особо ценную информацию.

³ *Энговатова А. В.* Отчёт об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриотт (Волжская набережная, д. 1). Т. II. 2008. Архив ИА РАН. Р-1, № 44362. С. 230–237.

⁴ *Энговатова А. В.* Круговая керамика Ярославля первой половины XIII в. из заполнения комплексов массовых захоронений 1238 г. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 11. Тверь, 2018. С. 23–60.

⁵ *Энговатова А. В.* Рубленный город Ярославля в домонгольский период по данным археологии... С. 99.

⁶ *Карпущин А. А., Соловьёва Л. Н., Энговатова А. В.* Дендрохронологическое датирование сооружений XIII в. из раскопок в Ярославле // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2011. С. 92–114.

Описание тканей. Результатом исследования коллективного захоронения, совершённого в сооружении № 110, стала обширная коллекция, включающая несколько десятков артефактов из органических материалов. Находки тканей занимают в ней довольно скромное место: всего было обнаружено 10 образцов (табл. 2); все они были подвергнуты комплексному исследованию (результаты сведены в табл. 3). Структурно-технологический анализ тканей был выполнен М. С. Яковчик (ИА РАН) и О. В. Орфинской (ЦЕИ РАН) и включал следующие этапы и методы:

1. Определение структуры тканей (тип переплетения, плотность по основе и утку) и морфологических характеристик нитей (толщина, направление крутки, промежутки между нитями) проведено методом микроскопии: при помощи стереомикроскопов Zeiss Stemi-2000C (увеличение 6,5–50^х) и МБС-10 (увеличение 10–40^х). Стоит отметить, что у ряда образцов тканей точное определение нитей основы и утка представляется затруднительным: в таких случаях используются обозначения «система (нитей) 1» и «система (нитей) 2».

2. Определение природы текстильных волокон, из которых спрядены нити, выполнено методами оптической микроскопии в проходящем неполяризованном (микроскоп Zeiss Primo Star с увеличением 200–600^х) и проходящем поляризованном (микроскопы Olympus BX41 с увеличением 100–400^х и ADF U-300 с увеличением 200–400^х) свете.

Поскольку в ходе исследования материала были выявлены ткани, выполненные из шерсти, было решено провести её видовую идентификацию,

Ткани из сооружения № 110

Об-разец	Пере-тление	Основа/система 1				Уток/система 2				Плотность ткани (основа/уток), н/см
		Природа волокна	Толщина, мм	Крутка	Промежуток между нитями, мм	Природа волокна	Толщина, мм	Крутка	Промежуток между нитями, мм	
1	Полотняное 1/1	Раст.	0,4–0,5	Z (средняя, слабая)	0,6–0,7	Раст. + шерсть	0,4	Z (средняя, слабая)	0,3–0,4	10/20
2	Саржа 2/1, Z	Шерсть	0,6–1	Z (средняя, сильная)	0	Шерсть	0,8–1,6	Z (средняя, сильная)	0,5–0,6	9–13/5–6
3	Полотняное 1/1	Раст. (?)	0,4–0,6	Z (средняя, слабая)	0,5	Раст. (?)	0,4–0,6	Z (средняя, слабая)	0,2	12/18
4	Полотняное 1/1	Лён	0,6–0,7	Z (слабая)	0,9–1	Лён	0,7–0,9	Z (слабая)	0–0,2	8/12
5	Полотняное 1/1	Лён	0,4–0,5	Z (средняя, слабая)	0,1–0,2	Лён	0,4–0,5	Z (средняя, слабая)	0,2–0,3	15–20/20
6	Полотняное 1/1	Раст. (?)	0,4–0,5	Z (слабая), без крутки	0,1–0,2	Раст. (?)	0,5–0,6	Z (слабая), без крутки	0,1–0,2	14–15/13–15
7	Полотняное 1/1	?	0,3–0,6	Z (слабая, средняя)	0,1–0,3	?	0,5–0,7	Z (слабая, средняя)	0,1–0,2	14–15/13–14
8	Полотняное 1/1	Раст. (?)	0,4–0,55	Z (слабая)	0,1	Раст. (?)	0,5–0,6	Z (слабая)	0,2	11–13/10–11
9	Полотняное 1/1	Раст. (лубяное)	0,5–0,6	Z (слабая)	0,2–0,3	Раст. (лубяное)	0,5–0,7	Z (слабая)	0,1–0,2	10/13
10	Полотняное 1/1	Раст. (?)	0,4–0,5	Без крутки	0,2–0,3	Раст. (?)	0,4–0,5	Без крутки	0,3	13/15

то есть определить, шерсть каких животных послужила сырьём для данных тканей. Таксономическая экспертиза шерсти выполнена О. Ф. Черновой (ИПЭЭ РАН). В основе анализа лежит эталонный метод, предполагающий сравнение ряда диагностических показателей (архитектоники, морфометрических показателей и микроструктуры) образцов исследуемых шерстяных волос с аналогичными параметрами эталонов волос различных млекопитающих⁷. Основные необходимые для видовой идентификации показатели шерсти от исследованных тканей были изучены методом световой (микроскоп Zeiss Primo Star с увеличением 200–600^x) и сканирующей электронной (микроскоп Jeol JSM-6510LV (ИБВВ РАН)) микроскопии. Шерсть была обнаружена в нитях двух тканей (образцы 1 и 2); остатки шерстяных волос, выявленные на поверхности ещё одной ткани (образец 3), были атрибутированы как остатки меха. Основные морфометрические данные изученных шерстяных волокон и некоторых эталонных образцов представлены в таблицах 4 и 5.

Таблица 4

Толщина шерстяных волос тестируемых образцов тканей и меха

Образец	Категория волос, толщина, мкм, $M \pm t$, $n = 4^*$						
	Направ-ляющий	Ость I	Ость II	Ость III	Пух I	Пух II	Пух III
1	–	43,1 ± 0,7	35,4 ± 0,5	–	27,8 ± 0,7	20,1 ± 0,9	–
2 (основа)	83,6 ± 10,7	52,7 ± 6,6	40,1 ± 0,8	26,5 ± 6,0	23,3 ± 1,3	18,0 ± 1,5	–
2 (уток)	78,3 ± 10,8	51,3 ± 0,6	37,7 ± 4,9	26,1 ± 0,4	20,6 ± 1,4	17,2 ± 0,8	–
3 (мех)	83,2 ± 0,5	71,2 ± 2,0	47,4 ± 2,4	36,1 ± 0,8	28,7 ± 2,0	21,5 ± 0,8	10,9 ± 1,2

* $M \pm t$ – средняя арифметическая с ошибкой средней арифметической; n – число измерений для каждого параметра.

⁷ Подробнее о методе см.: Чернова О. Ф. Архитектоника волос и её диагностическое значение. М.: Наука, 2006; Чернова О. Ф., Целикова Т. Н. Атлас волос млекопитающих. Тонкая структура остевых волос и игл в сканирующем электронном микроскопе. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004; Атлас микроструктуры волос млекопитающих – объектов судебной экспертизы / О. Ф. Чернова [и др.]. М.: ООО «ЭКМ Паблшерз», 2011.

Основные параметры шерстяных волос от образцов тканей и меха (*limit*, *n* = 4*)

Образец	Dmax/ dmin	Форма поперечника волоса	Сердцевина		Кутикула	
			% от толщины волоса	Тип	Индекс кутиккулы	Тип, описание
1	1,7–1,9	Овальная, уплотнённая	65–85	Ячеистая	Пух: 0,7 Ость: 0,2	Пух: полукольцевидная, с закруглённым свободным краем с зазубринами Ость: волнообразная, уплотнённая, без вставочных чешуек, чешуйки обломанные, с волнистым свободным краем и мелкими зазубринами
2 (основа)	1,2	Каплевидная, овальная	50–69	Сетчатая	Пух: 0,4–0,6 Ость: 0,3–0,4	Ость: мозаичная, неупорядоченная
2 (уток)	1,7	То же	55–66	То же	Пух: 0,5–0,7 Ость: 0,4–0,6	То же
3 (мех)	1,3–1,6	То же	57–65	То же	0,3–0,4	То же
Овца	1,3–1,9	Каплевидная, овальная	56–72	Сетчатая, ячеистая	0,2–0,4; 0,3–0,6	Кольцевидная, полукольцевидная, волнистая, с гладким свободным краем, со вставочными чешуйками
Коза	1,8–1,9	Овальная, сильно уплотнённая	65–89	Ячеистая	Пух: 0,7–0,8 Ость: 0,1–0,2	Кольцевидная, полукольцевидная, уплотнённая, с гладким или слегка волнистым свободным краем, без вставочных чешуек

* *limit* — пределы значений; *n* — число измерений для каждого параметра.

Степень сохранности тканей различна и, как показало исследование, в значительной степени коррелирует с местом их обнаружения *in situ* в колодце (рис. 1: 2). Образцы 4, 5, 6, 7, 8, 9, найденные в заполнении верхней части колодца (ярусы 1–3), сохранились плохо из-за пожара, от которого пострадал верх сооружения и остались фрагменты обгорелого дерева и угли⁸. Спрессованные в плотные конгломераты ткани в результате воздействия высоких температур подверглись пиролизу⁹, вследствие чего приобрели чёрный цвет, утратили эластичность, стали твёрдыми, хрупкими и ломкими, их практически невозможно разделить на слои; несмотря на это, структура тканей хорошо читается. Особенно сильно пострадали волокна: у всех образцов они в какой-то степени потеряли прозрачность, сильно повреждены и загрязнены, что существенно усложнило определение их природы.

Образцы 1, 3, 10, обнаруженные в нижней части колодца (ярусы 11, 12), имеют несколько лучшую сохранность¹⁰. Они избежали губительного влияния высоких температур, хоть и утратили эластичность и стали хрупкими. Некоторая деформация и загрязнения тканей затруднили точное определение ряда структурных характеристик (например, плотности по основе и утку). Волокна также довольно серьёзно повреждены.

Наилучшую сохранность имеет образец 2, найденный в придонной части колодца в воде (ярус 12)¹¹. Ткань не утратила эластичность, структура и прочие морфометрические параметры легко определяются, волокна также хорошо сохранились.

Образец 1. Многочисленные мелкие фрагменты тонкой ткани тёмно-коричневого цвета (рис. 2: 1), найденные внутри остатков плетёного лыкового лапта; очевидно, это фрагменты онучей — обмоток для ног, носившихся вместе с лаптями (см. ниже).

Тонкая ткань полотняного переплетения 1/1¹² (рис. 2: 2). Система 1 — нить, спрядённая из растительных (лубяных) волокон с несильной Z-круткой, толщина составляет 0,4–0,5 мм. Система 2 — нить из лубяных волокон с добавлением шерсти, скрученная в Z-направлении, толщиной 0,4 мм. Промежуток между нитями системы 2 примерно в два раза меньше

⁸ *Энговатова А. В.* Альбом иллюстраций к Отчёту об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриотт (Волжская набережная, д. 1). Т. VII. 2008. Архив ИА РАН. Р-1, № 44367. Ил. 508, 513, 518.

⁹ При пиролизе органика подвергается медленному термическому разложению (по сути, тлению) без доступа кислорода и без непосредственного воздействия огня.

¹⁰ *Энговатова А. В.* Альбом иллюстраций к Отчёту об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриотт... Ил. 566, 578.

¹¹ Там же. Ил. 578.

¹² Полотняное переплетение является одним из основных ткацких переплетений (наряду с саржевым и атласным). Нити основы и утка попеременно, в шахматном порядке перекрывают друг друга. Раппорт таких тканей равен 2 нитям.

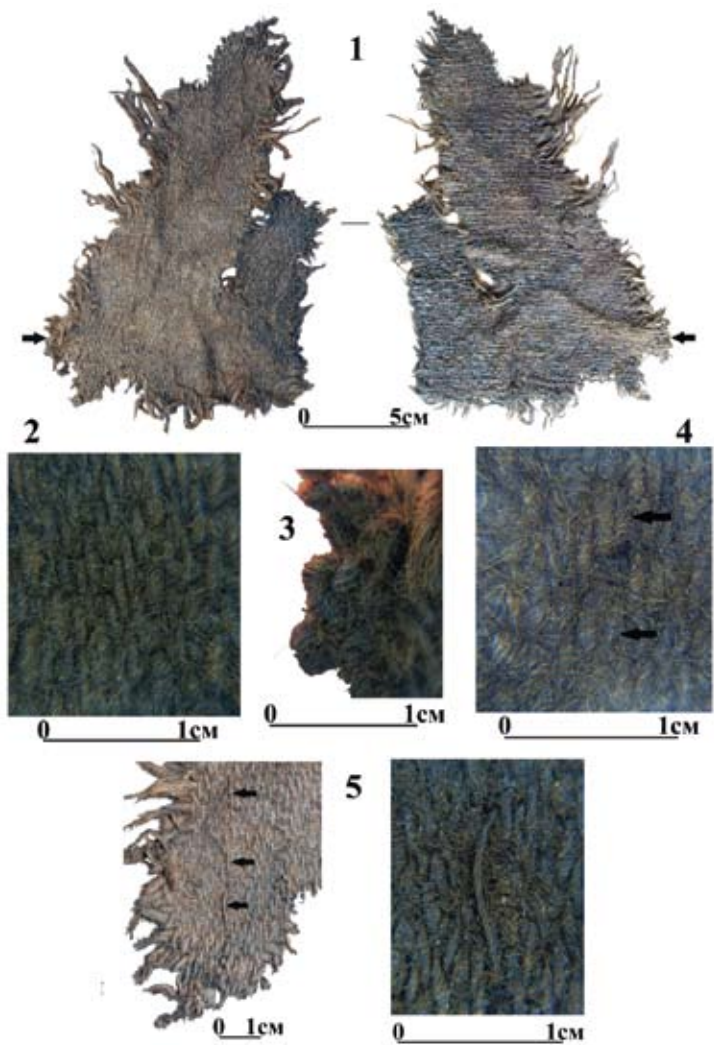

Рис. 2. Образцы 1 и 3.

Образец 1: 1 – некоторые фрагменты ткани; 2 – микрофотография ткани; 3 – микроструктура шерсти ткани и эталонных волос козы: А – корень и основание пуха от нитей ткани; Б – орнамент кутикулы пуха от нитей ткани; В – то же ости от нитей ткани; Г – то же пуха козы; Д – то же ости козы.
 Образец 3: 4 – некоторые фрагменты ткани; 5 – микрофотография ткани с остатками меха на поверхности; 6 – микроструктура шерсти ткани и эталонных волос овцы: А – орнамент кутикулы двух пуховых волос от нитей ткани; Б – то же ости I от нитей ткани; В – отверстие сердцевинного канала на поперечном срезе ости III от нитей ткани; Г – орнамент кутикулы волоса овцы (по: Кисин, 2001)

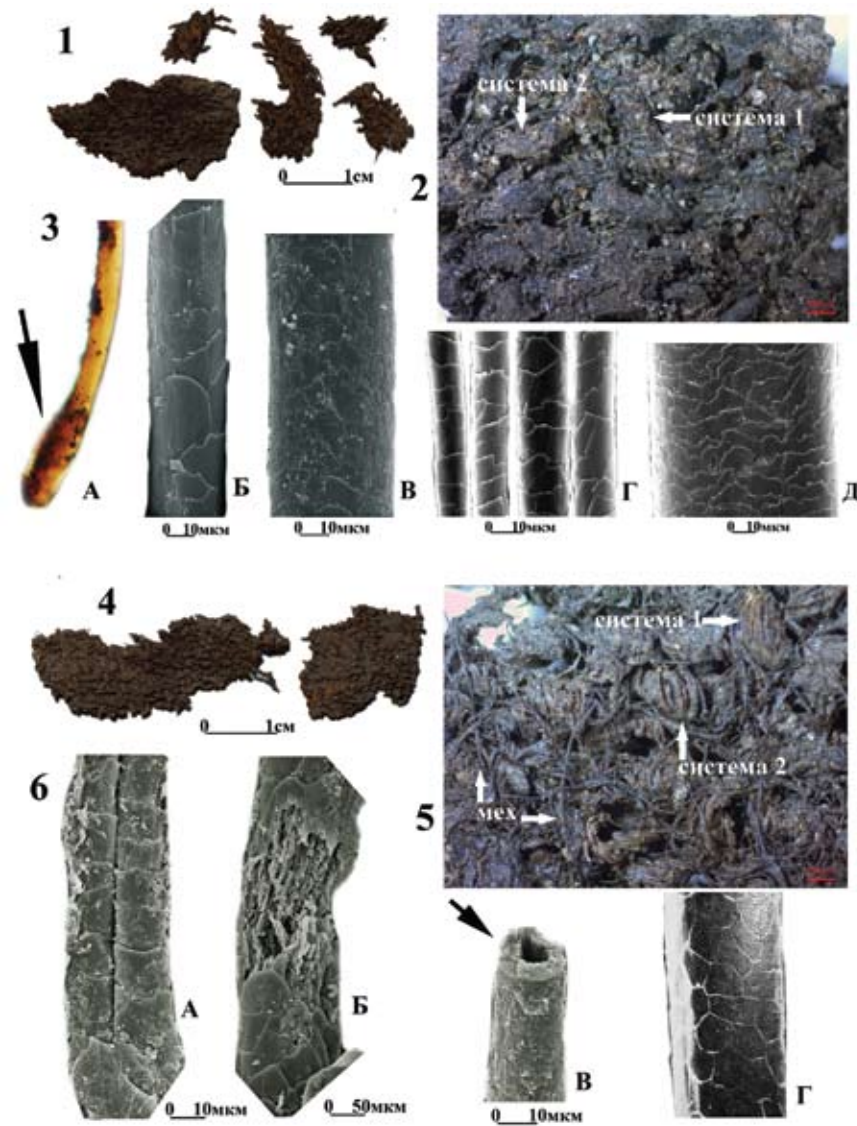

Рис. 3. Образец 2.

1 – общий вид ткани, лицевая и изнаночная стороны (стрелками отмечен участок с кромкой); 2 – микрофотография ткани; 3 – микрофотография боковой кромки ткани; 4 – ткацкая ошибка: уток перекрывает две основы (стрелками отмечены нити основы); 5 – ткацкая ошибка: пропуск основы нитями утка (стрелками отмечены нити основы)

аналогичного показателя для системы 1. Плотность ткани составляет около 10 нитей по одной и 20 нитей по другой системе на 1 см.

Таксономическая экспертиза шерсти из нитей системы 2 показала, что они были спрядены из остевых и пуховых волос (табл. 4, 5). Присутствует корневая часть стержня, которая не отделена от него сужением-ножкой (рис. 2: 3А). Стержень пуха имеет локальное утолщение. Орнамент кутикулы пуха полукольцевидный; чешуйки высокие ($19,7 \pm 5,2$ мкм), полиморфные (рис. 2: 3Б), с закруглёнными свободными краями, многие лежат под углом 40–50° к поперечной оси волоса. У ости орнамент кутикулы волнообразный, свободный край ориентирован под углом (рис. 2: 3В).

Морфометрические показатели шерстяных волокон имеют некоторое сходство с идентичными параметрами волос домашней козы. Эталонные волосы козы отличаются по размерным характеристикам от тестируемых волос (толщина пуха — $16,1 \pm 0,3$ мкм, ости — $78,3 \pm 1,2$ мкм). Однако орнамент кутикулы пуха и ости от образца 1 вполне сходен с орнаментом кутикулы волос домашней козы (рис. 2: 3Г, Д), как и индекс кутикулы у обоих типов волос. Таким образом, можно заключить, что ткань соткана с использованием шерсти домашней козы, судя по толщине пуха, вероятно, шерстной породы.

Образец 2. Фрагмент довольно толстой, плотной шерстяной ткани размером 18 x 12 см, цвет — коричневый (рис. 3: 1).

Переплетение — основная саржа 2/1, направление рисунка — Z¹³ (рис. 3: 2). На фрагменте сохранился крошечный участок боковой простой кромки (рис. 3: 1, 3); данный край, как и весь сохранившийся фрагмент ткани, не имеет никаких следов обработки. Основа — достаточно толстые шерстяные нити с сильной Z-круткой, их толщина сильно варьирует, её показатели у нитей с максимальной и минимальной толщиной различаются практически в два раза (от 0,6 до 1 мм); нити прилегают друг у другу очень плотно, без промежутков. Нити утка также спрядены из шерсти и достаточно сильно скручены в Z-направлении, по толщине практически сопоставимы с основой (0,7–1,5 мм). Промежутки между утками довольно значительные, однако вместе с тем благодаря высокой плотности ткани по основе нити утка практически не видны на её лицевой поверхности. Плотность ткани составляет по основе 9–13 н/см, по утку — 5–6 н/см.

На ткани выявлен ряд ткацких ошибок. Так, в двух случаях уток перекрывает две нити основы вместо одной, из-за чего нарушается рисунок

¹³ Саржа — одно из базовых ткацких переплетений. При формировании таких тканей одна система нитей перекрывает от 2 до 4 нитей (раппорт саржи составляет от 3 до 5 нитей) другой системы со сдвигом по диагонали на одну нить, вследствие чего на поверхности ткани формируется рисунок в виде диагонального рубчика. Саржевые ткани различаются в зависимости от характера перекрытий. Например, если, как на образце 2, лицевую поверхность образуют нити основы, то такая саржа называется основной.

саржи (рис. 3: 4); такая ошибка может возникать вследствие неправильной заправки ткацкого станка. Также зафиксирован пропуск нитями утка одной нити основы в трёх местах на небольшом участке, из-за чего нить основы напоминает стежки (рис. 3: 5). Наличие ошибок, а также неодинаковая толщина нитей говорят об относительно невысоком качестве ткани, а также о том, что работа, возможно, выполнена неопытным мастером.

Анализ шерсти нитей основы и утка показал, что она сильно дифференцирована: в ней обнаружены крупные сильно пигментированные направляющие волосы, ости I, более светлые ости II и пуховые волосы нескольких категорий (табл. 4, 5). Конфигурация стержня остевых волос изменяется от незначительно уплощённой цилиндрической в основании стержня до почти правильной цилиндрической в расширенной его части (рис. 4: 1А); в нитях утка фиксируются волосы с незначительным уплощением с вентральной и дорсальной сторон (рис. 4: 2А). По центральной части стержня одного волоса тянется неглубокая бороздка (рис. 4: 1Д, второй снимок слева).

Степень развития сердцевин сильно варьирует от полного отсутствия в пухе и некоторых остях до неровного прерывистого тяжа в остевых волосах. Сердцевина может быть сильно- или слабопигментированной, имеет неупорядоченное губчатое строение, небольшие хаотично расположенные воздушные полости и утолщённые перегородки, лежащие под углом к продольной оси стержня (рис. 4: 1Б, В, 2Б); её строение аналогично таковому у мериносской овцы (рис. 4: 1Г).

Орнамент кутикулы незначительно изменяется по стержню волос и пуха. У ости (рис. 4: 1Д, 2Д) он мозаичный и неупорядоченный, но всё же напоминает таковой у волос домашней овцы (рис. 4: 1Е). Индекс кутикулы остевых волос от нитей ткани близок к показателям волос овец русской (0,2–0,3) и алайской (0,2–0,4) пород. Орнамент и индекс кутикулы пуха (рис. 4: 1Ж, 3) сходны с таковыми у пуховых волос мериносской овцы (рис. 4: 1И), у волос нитей утка — особенно с показателями овцы алайской породы (рис. 4: 2В, Г).

Таким образом, нити обеих систем рассматриваемой ткани спрядены из шерсти жесткошёрстной домашней овцы.

Образец 3. Многочисленные мелкие фрагменты тонкой ткани тёмно-коричневого цвета (рис. 2: 4), на поверхности которых обнаружены остатки меха.

Ткань полотняного переплетения 1/1 (рис. 4: 5). Определение природы волокна было затруднено ввиду его неудовлетворительной сохранности и множественных повреждений; тем не менее, можно осторожно предположить, что это были растительные (лубяные) волокна. Основа и уток (система 1 и система 2) — нити толщиной 0,4–0,6 мм, со слабой и средней Z-круткой. Промежуток между нитями системы 1 составляет 0,5 мм, между

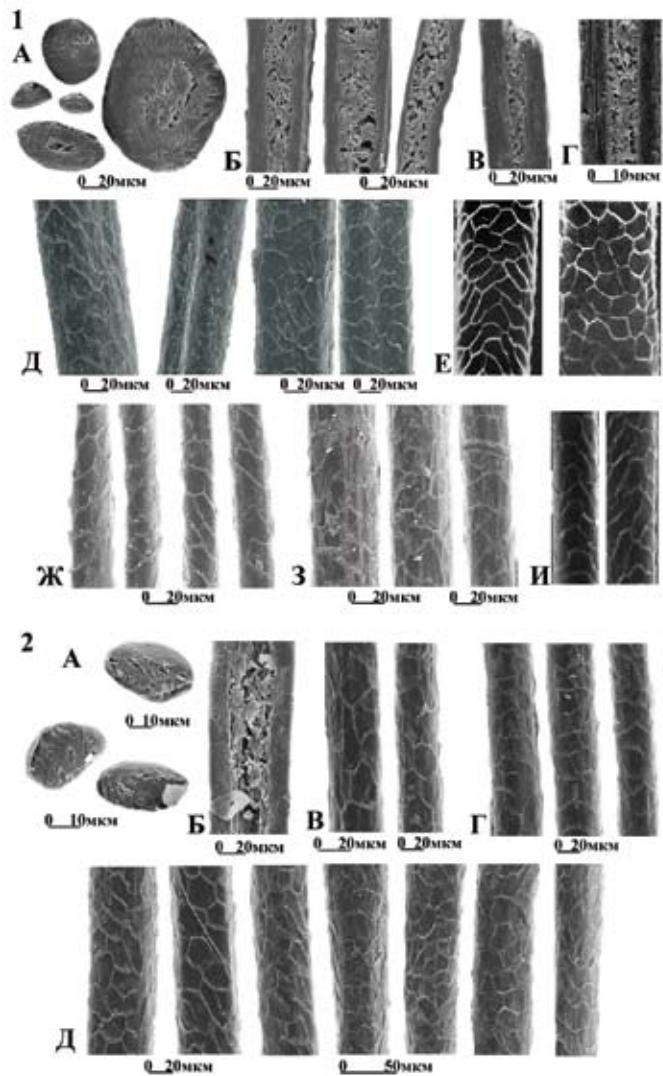

Рис. 4. Образец 2. Микроструктура волос.

1 – основа ткани: А – поперечные срезы остевых волос; Б, В – сердцевина на продольных срезах двух волос; Г – то же эталонных волос домашней овцы породы Дорсет; Д – орнамент кутикулы по стержню остевого волоса от нитей ткани; Е – то же эталонных волос домашней овцы алтайской (слева) и русской пород (по: Кисин, 2001); Ж, З – орнамент кутикулы двух пуховых волос от нитей ткани (сверху вниз); И – то же эталонных пуховых волос мериносовой овцы.
2 – уток ткани: А – поперечные срезы ости II; Б – продольный срез ости II; В, Г, Д – орнамент кутикулы по стержню трёх волос

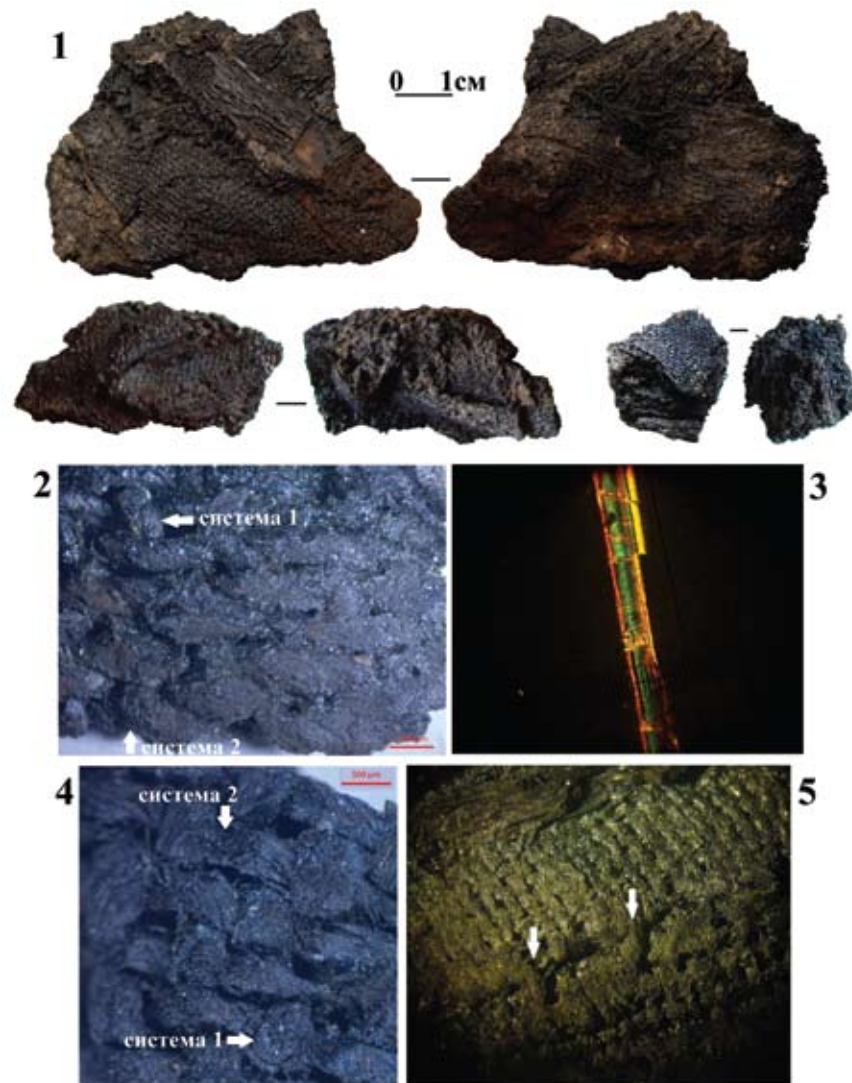

Рис. 5. Образцы 4 и 5.

1 – общий вид конгломератов, состоящих из двух тканей;
2 – микрофотография ткани образца 4;
3 – микрофотография волокна льна в проходящем поляризованном свете (тёмное поле);
4 – микрофотография ткани образца 5;
5 – шов на ткани образца 5 (отмечен стрелками)

нитями системы 2 — почти в два раза меньше. Плотность ткани — около 12 нитей по одной системе и 18 нитей по другой системе на 1 см.

На поверхности ткани обнаружены шерстяные волокна, вероятно, это остатки меха. В нём различимы фрагменты остевых волос, размерные характеристики которых дают основание предполагать, что анализируемая шерсть — овечья. Сердцевина неправильной цилиндрической формы (рис. 2: 6Б, В, стрелка). Чешуйки кутикулы крупные, высотой до 13 мкм (рис. 2: 6А), с гладким краем, упорядоченно расположенные поперёк стержня на пуховых волосах, что характерно для волос овец. У ости III орнамент кутикулы напоминает таковой у домашней овцы эдильбаевской породы (рис. 2: 6Г). Наличие меха на поверхности ткани свидетельствует, что ткань и мех были плотно прижаты друг к другу, следовательно, можно предположить, что на ткань была нашита овчина, либо это было некое изделие из овчины, перекрытое тканью.

Образцы 4 и 5. Три конгломерата (рис. 5: 1) из двух спрессованных, образующих несколько слоёв тканей (образец 4 и образец 5); ткани различаются толщиной и структурно-технологическими характеристиками. Подобное сочетание в едином конгломерате различных тканей может свидетельствовать о наличии двух предметов одежды (см. ниже).

Образец 4. Довольно толстая ткань полотняного переплетения 1/1 (рис. 5: 2). Нити обеих систем спрядены из волокон льна (рис. 5: 3) и имеют слабую Z-крутку. Нити системы 1 немного тоньше нитей системы 2 (0,6–0,7 мм и 0,7–0,9 мм соответственно). Нити системы 2 плотно, практически без промежутков прилегают друг к другу, в то время как нити системы 1 довольно редкие: промежуток между ними может достигать 1 мм. Плотность ткани составляет 8/12 н/см.

Образец 5. Ткань полотняного переплетения 1/1 (рис. 5: 4). Обе системы — льняные нити с одинаковыми параметрами: со слабой или средней Z-круткой и толщиной 0,4–0,5 мм. Расстояние между нитями обеих систем невелико и составляет 0,1–0,3 мм. Плотность ткани по системе 1 составляет около 15–20 н/см, по системе 2 — около 20 н/см.

На ткани зафиксирован шов: очевидно, два куска ткани были сшиты встык швом «через край» (рис. 5: 5). Сшивная нить толщиной около 0,5 мм скручена в Z-направлении.

Образец 6. Четыре спрессованных конгломерата из многослойных тканей (рис. 6: 1).

Ткань полотняного переплетения 1/1 (рис. 6: 3). Нити обеих систем спрядены, вероятно, из растительных (лубяных) волокон; они либо не имеют крутки, либо слабо скручены в Z-направлении. Нити довольно тонкие, практически одинаковой толщины: система 1 — 0,4–0,5 мм, система 2 — 0,5–0,6 мм. Нити прилегают друг к другу почти без промежутков. Плотность ткани составляет 14–15/13–15 н/см.

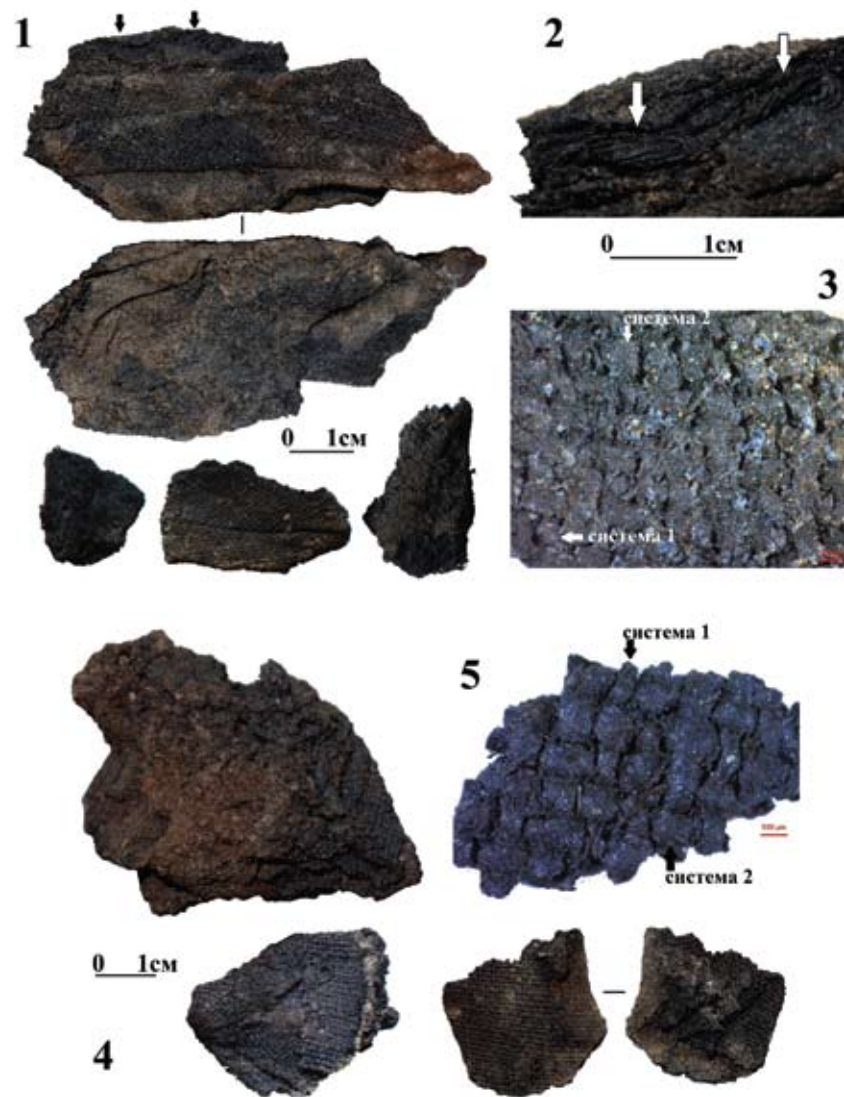

Рис. 6. Образцы 6 и 7.

Образец 6: 1 — общий вид конгломератов ткани (стрелками отмечено местоположение шнурка); 2 — витой шнурок (отмечен стрелками); 3 — микрофотография ткани.
Образец 7: 4 — общий вид конгломератов ткани; 5 — микрофотография ткани

Между слоями одного из конгломератов зафиксированы остатки тонкого витого шнура (рис. 6: 2) толщиной около 1,5 мм. Он скручен в S-направлении из 4 нитей толщиной 0,2–0,3 мм со слабой Z-круткой. Природу волокна определить не удалось.

Образец 7. Четыре многослойных конгломерата ткани (рис. 6: 4). Воздействие высоких температур фактически разрушило волокна, сделав невозможным определение их природы.

Ткань полотняного переплетения 1/1 (рис. 6: 5). Система 1 и система 2 – нити как со слабой, так и со средней Z-круткой. Нити системы 1 имеют толщину 0,3–0,6 мм, системы 2 – 0,5–0,7 мм. Нити обеих систем достаточно плотно прилегают друг к другу, промежуток между ними не превышает 0,3 мм. Плотность ткани по системе 1 составляет 14–15 н/см, по системе 2 – 13–14 н/см.

Образец 8. Многослойный конгломерат ткани (рис. 7: 1).

Ткань полотняного переплетения 1/1 (рис. 7: 2), выполненная предположительно из растительных (лубяных) волокон. Система 1 – нить толщиной 0,4–0,55 мм со слабой Z-круткой. Система 2 – нить со слабой круткой в Z-направлении, толщиной 0,5–0,6 мм. Промежуток между нитями обеих систем практически отсутствует. Плотность ткани по системе 1 равна 11–13 нитей, по системе 2 – 10–11 нитей на 1 см.

Образец 9. Многослойный конгломерат ткани коричневого цвета (рис. 7: 3).

Ткань полотняного переплетения 1/1 (рис. 7: 4). Система 1 и система 2 – нити из лубяных волокон (рис. 7: 5) имеют почти идентичные характеристики: их толщина составляет 0,5–0,6 мм (в системе 2 встречаются нити толщиной 0,7 мм), они слабо скручены в Z-направлении. Промежуток между нитями незначителен (от 0,1 до 0,2 мм – у системы 1 и от 0,2 до 0,3 мм – у системы 2). Плотность ткани составляет 10/13 н/см.

Образец 10. Многочисленные мелкие фрагменты тонкой ткани коричневого цвета (рис. 7: 6).

Ткань полотняного переплетения 1/1 (рис. 7: 7). Плохая сохранность и разрушения волокон не позволили однозначно определить их природу: это могли быть как растительные (лубяные) волокна, так и шерстяные¹⁴. Системы 1 и 2 – нити без крутки, толщиной 0,4–0,5 мм. Нити обеих систем прилегают друг к другу не очень плотно: расстояние между ними не более 0,3 мм. Плотность ткани по системе 1 составляет около 13 н/см, по системе 2 – около 15 н/см.

¹⁴ По косвенным признакам (определение О. В. Орфинской), ткань сработана из лубяных волокон. По определению Ю. С. Шустова (РГУ им. А. Н. Косыгина), ткань выполнена, вероятно, из шерсти.

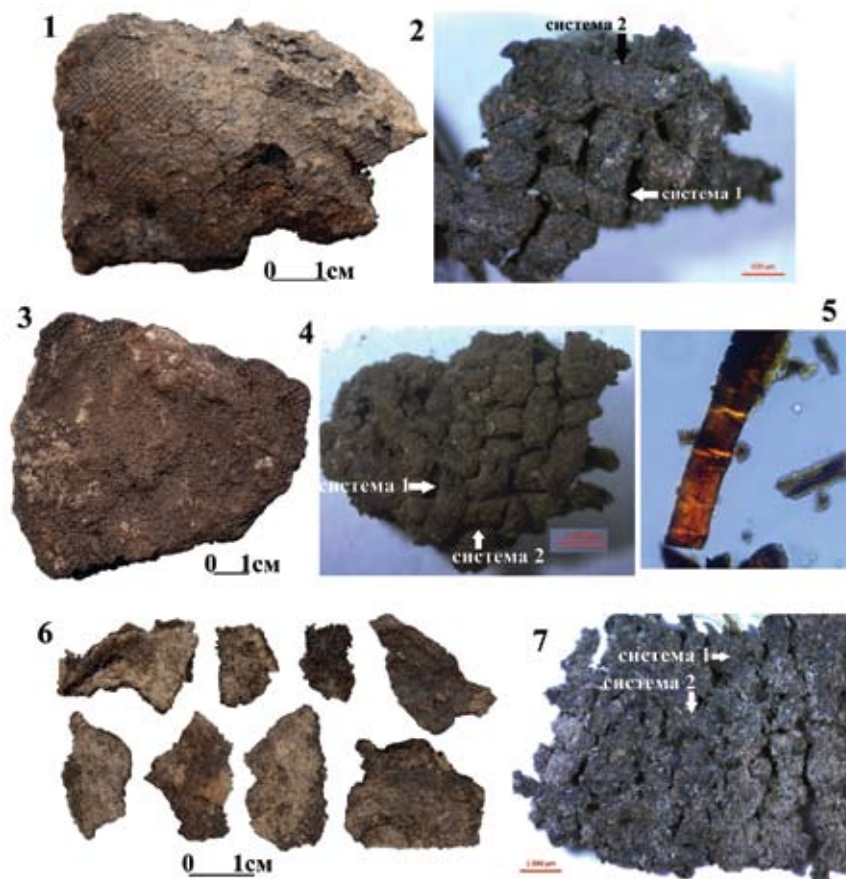

Рис. 7. Образцы 8, 9, 10.

Образец 8: 1 – общий вид конгломерата ткани; 2 – микрофотография ткани.

Образец 9: 3 – общий вид конгломерата ткани; 4 – микрофотография ткани;

5 – лубяное волокно в проходящем поляризованном свете (светлое поле).

Образец 10: 6 – некоторые фрагменты ткани; 7 – микрофотография ткани

Обсуждение и выводы. Основная часть исследованного материала (7 образцов) представлена тканями полотняного переплетения 1/1, сотканными из растительных волокон (образцы 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10). Из них две ткани (образцы 4 и 5) выполнены из льна; для остальных пяти образцов удалось определить только то, что их нити спрядены из лубяных волокон, к которым, помимо льна, относятся также конопля, крапива и другие растения, чье волокно могло использоваться в текстильном производстве (более точная идентификация природы волокна невозможна из-за его

неудовлетворительной сохранности). Все ткани тонкие, выполнены из нитей толщиной в пределах 0,4–0,6 мм, редко 0,7 мм, с Z-круткой различной интенсивности; лишь нити образца 10 не имеют крутки. Несколько особняком стоит образец 4, выполненный из более толстых льняных нитей; данная ткань вдобавок отличается от остальных образцов довольно разреженными нитями одной из систем.

Отдельно следует сказать об образцах 6, 7, 8. Они были обнаружены в заполнении верхней части колодца на одной глубине в пределах небольшого компактного пространства около 5 x 5 см¹⁵. Образцы 6 и 7 близки по структурным характеристикам (табл. 3), особенно по показателям плотности; имеются небольшие отличия в степени крутки нитей, но они единичны, а отсутствие крутки у некоторых нитей образца 6 может являться результатом деформации нитей с изначально слабой круткой. На основании сказанного можно осторожно предположить, что образцы 6 и 7 являются фрагментами одного изделия, изготовленного из одной ткани; вместе с тем, нельзя утверждать это наверняка, поскольку природа волокон нитей от образца 7 осталась неизвестна. Некоторое структурное сходство с образцами 6 и 7 демонстрирует и образец 8, однако он имеет меньшую плотность по основе и утку, что даёт основание предполагать, что образец 8 является фрагментом другой ткани.

К сожалению, по имеющимся небольшим фрагментам тканей невозможно сделать какие-либо выводы о типе и крае изготовленных из них изделий. Известно, что ткани из растительных волокон широко применялись в быту, кроме этого, они шли на пошив как нательной, так и верхней одежды, а также использовались для головных уборов¹⁶. Найденные в составе единых конгломератов образцы 4 и 5, очевидно, являются остатками двух неопределённых форм одежды, которые были надеты друг на друга; к сожалению, сохранившийся на образце 5 шов не даёт дополнительной информации о том, что это могли быть за предметы одежды.

Найденные вместе с тканью образца 6 остатки шнура также не поддаются однозначной атрибуции. Столь тонкий шнурок (толщина около 1,5 мм) не мог быть поясом, которым подпоясывалась одежда, поскольку для этой цели применялись более толстые изделия. Известно, что подобные шнурки использовались для украшения костюма: из них делали различные кисти, узелки, нашивки¹⁷; можно предположить, что и рассма-

¹⁵ Энговатова А. В. Альбом иллюстраций к Отчёту об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриотт... Ил. 513.

¹⁶ Сабурова М. А. Древнерусский костюм // Древняя Русь. Быт и культура. Археология. М.: Наука, 1997. С. 96; Степанова Ю. В. Костюм древнерусского человека: реконструкция по данным археологии. Тверь: Тверской государственный университет, 2014. С. 44, 155.

¹⁷ Левинсон-Нечаева М. Н. Ткачество // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 33. М.: Советская Россия, 1959. С. 10, рис. 1.

триваемый шнурок служил элементом декора одежды, сшитой из ткани образца 6.

Зафиксированные на поверхности ткани образца 3 шерстяные волокна, не включённые в структуру нитей, скорее всего, являются остатками меха (овчины). Предположительно, либо мех был непосредственно соединён с тканью, либо сшитый из данной ткани предмет одежды носился вместе с меховым изделием. Известно, что овчина широко использовалась в Древней Руси для изготовления верхней зимней одежды и была популярна прежде всего среди крестьян и городского простонародья¹⁸.

Шерстяные ткани представлены одним экземпляром (образец 2). Это достаточно толстая грубая ткань. В пряже встречены волокна всех типов: от тонкого пуха до жёстких направляющих волос; очевидно, сырьё не подвергалось тщательной сортировке и удалению толстых остевых волокон перед прядением. Также был зафиксирован волос с луковицей¹⁹: это может говорить о том, что шерсть для данной ткани вычёсывали или собирали руками во время линьки, а не состригали²⁰. Образец 2 имеет невысокую плотность по основе и, особенно, утку и по классификации сортности тканей, принятой рядом исследователей, может быть отнесён к IV сорту — тканям самого невысокого качества²¹; в пользу этого также говорит неравномерная толщина нитей обеих систем и наличие ткацких ошибок. Шерстяные ткани, выполненные в технике основной саржи 2/1, были довольно популярны на территории Древней Руси: например, внушительная коллекция таких тканей была собрана в Новгороде²². В то же время ярославская ткань отличается от новгородской более низкой плотностью основы и утка. Ввиду незначительного размера и отсутствия следов обработки, прежде всего швов, сложно судить, что это была изначально за вещь. Можно отметить, что шерстяные саржевые ткани 2/1 отлично подходят для зимней одежды, поскольку они достаточно тёплые и не впитывают влагу²³.

¹⁸ Левашёва В. П. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 33. М.: Советская Россия, 1959. С. 51; Рабинович М. Г. Древнерусская одежда IX–XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы (Материалы к историко-этнографическому атласу). М.: Наука, 1986. С. 46.

¹⁹ Орфинская О. В. Исследование археологических органических материалов из раскопок в городе Ярославле в 2007 году // Энговатова А. В. Приложения к отчёту об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриотт (Волжская набережная, д. 1). Т. V. 2008. Приложение № 8. Архив ИА РАН. Р-1, № 44365. С. 136. Рис. 2: 6.

²⁰ Нахлик А. Ткани Новгорода // МИА. 1963. № 123. С. 243.

²¹ Там же. С. 229.

²² Нахлик А. Ткани Новгорода... С. 258–264; Савенкова М. М. Об одном из видов одежды в средневековом Новгороде (по материалам археологических раскопок) // АВ. 2015. Вып. 21. С. 261–271.

²³ Савенкова М. М. Об одном из видов одежды в средневековом Новгороде... С. 262.

Единственный образец, атрибуция которого не представляет затруднений, — фрагменты ткани, найденные в лыковом лапте (образец 1). Скорее всего, это остатки онучей — обмоток для ног, носившихся вместе с лаптями и другой обувью. По данным этнографии, в XIX — начале XX в. летние онучи изготавливались из холщовой ткани, зимние — из сукна²⁴. Известно, что онучи бытовали и в средневековой Руси²⁵. Ткань онучей из сооружения № 110 интересна в плане материала: одна система нитей полностью выполнена из растительного волокна, для второй системы использована пряжа из растительного волокна с примесью шерсти. Благодаря такому подходу ткань становилась достаточно тёплой при минимальных затратах шерстяного сырья.

Ткани из сооружения № 110 изготовлены из разных материалов: растительных волокон и шерсти (овец и коз). Остеологическая коллекция Ярославля содержит кости мелкого рогатого скота: это говорит о том, что рядом с городом и в самом городе разводили коз и овец. Археоботанический анализ показал наличие среди возделывавшийся в округе Ярославля в XI — первой половине XIII в. сельскохозяйственных культур льна²⁶. Всё вышесказанное даёт основание предполагать, что сырьё для всех тканей из коллективного захоронения, скорее всего, имеет местное происхождение.

Использование местного сырья, невысокое качество ткани образца 2, добавление шерстяных волокон к льняной нити — всё это может свидетельствовать о домашнем ткацком производстве. На невысокое материальное положение людей, похороненных в колодце, указывают отсутствие декора на одежде (за исключением шнурка), наличие лаптей с онучами и отсутствие импортных тканей.

Принимая во внимание тот факт, что в сооружении № 110, помимо шерстяной и смешанной растительно-шерстяной тканей, были обнаружены следы меха и фрагменты войлочных изделий, можно с большой вероятностью говорить о том, что гибель людей и их погребение имели место в холодное время года. Это хорошо коррелирует со временем разорения Ярославля монголами (согласно летописи, в феврале 1238 г.).

Таким образом, комплексное исследование найденных в массовом санитарном захоронении в Ярославле тканей позволило получить новые данные о текстильном производстве на территории домонгольской Руси. Изучены и описаны несколько образцов тканей; к сожалению, незначи-

тельные размеры и плохая сохранность не дали возможности атрибутировать все изделия. Ткани выполнены из растительных волокон и шерсти; особый интерес представляют онучи из растительно-шерстяных нитей.

Список литературы

1. Антипина, Е. Е. Растения и животные / Е. Е. Антипина, Е. Ю. Лебедева // Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. — М. : ИА РАН, 2012. — С. 144–229.
2. Атлас микроструктуры волос млекопитающих — объектов судебной экспертизы / О. Ф. Чернова [и др.]. — М. : ООО «ЭКОМ Паблишерз», 2011. — 286 с.
3. Карпухин, А. А. Дендрохронологическое датирование сооружений XIII в. из раскопок в Ярославле / А. А. Карпухин, Л. Н. Соловьёва, А. В. Энгватова // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. — Вып. 2. — М. : ИА РАН, 2011. — С. 92–114.
4. Кисин, М. В. Судебно-биологическая экспертиза волос животных : Методики экспертного исследования / М. В. Кисин. — Вып. 2. — М. : РФЦСЭ, 2001. — 175 с.
5. Левашёва, В. П. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья / В. П. Левашёва // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. — Вып. 33. — М. : Советская Россия, 1959. — С. 38–60.
6. Левинсон-Нечаева, М. Н. Ткачество / М. Н. Левинсон-Нечаева // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. — Вып. 33. — М. : Советская Россия, 1959. — С. 9–37.
7. Нахлик, А. Ткани Новгорода / А. Нахлик // МИА. — 1963. — № 123. — С. 228–313.
8. Орфинская, О. В. Исследование археологических органических материалов из раскопок в городе Ярославле в 2007 году / О. В. Орфинская // Энгватова А. В. Приложения к отчёту об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриотт (Волжская набережная, д. 1). — Т. V. — 2008. — Приложение № 8. Архив ИА РАН. Р-1, № 44365.
9. Рабинович, М. Г. Древнерусская одежда IX–XIII вв. / М. Г. Рабинович // Древняя одежда народов Восточной Европы (Материалы к историко-этнографическому атласу). — М. : Наука, 1986. — С. 40–62.
10. Сабурова, М. А. Древнерусский костюм / М. А. Сабурова // Древняя Русь. Быт и культура. Археология. — М. : Наука, 1997. — С. 93–109.
11. Савенкова, М. М. Об одном из видов одежды в средневековом Новгороде (по материалам археологических раскопок) / М. М. Савенкова // АВ. — 2015. — Вып. 21. — С. 261–271.
12. Соснина, Н. Русский традиционный костюм : иллюстрированная энциклопедия / Н. Соснина, И. Шангина. — СПб. : Искусство, 2006. — 400 с.
13. Степанова, Ю. В. Костюм древнерусского человека : реконструкция по данным археологии / Ю. В. Степанова. — Тверь : Тверской государственный университет, 2014. — 201 с.

²⁴ Соснина Н., Шангина И. Русский традиционный костюм: иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство, 2006. С. 197–198.

²⁵ Рабинович М. Г. Древнерусская одежда IX–XIII вв... С. 44; Сабурова М. А. Древнерусский костюм... С. 103.

²⁶ Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю. Растения и животные // Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. М.: ИА РАН, 2012. С. 151, 153, 164–166.

14. *Чернова, О. Ф.* Архитектоника волос и её диагностическое значение / О. Ф. Чернова. — М. : Наука, 2006. — 80 с. (Серия «Библиотека судебного эксперта».)
15. *Чернова, О. Ф.* Атлас волос млекопитающих. Тонкая структура остевых волос и игл в сканирующем электронном микроскопе / О. Ф. Чернова, Т. Н. Целикова. — М. : Товарищество научных изданий КМК, 2004. — 429 с.
16. *Энговатова, А. В.* Альбом иллюстраций к Отчёту об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриотт (Волжская набережная, д. 1) / А. В. Энговатова. — Т. VII. — 2008. Архив ИА РАН. Р-1, № 44367.
17. *Энговатова, А. В.* Круговая керамика Ярославля первой половины XIII в. из заполнения комплексов массовых захоронений 1238 г. / А. В. Энговатова, Е. К. Кадиева // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Вып. 11. — Тверь, 2018. — С. 23–60.
18. *Энговатова, А. В.* Отчёт об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриотт (Волжская набережная, д. 1) / А. В. Энговатова. — Т. II. — 2008. — Архив ИА РАН. Р-1, № 44362.
19. *Энговатова, А. В.* Рубленый город Ярославля в домонгольский период по данным археологии / А. В. Энговатова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — № 4 (78). — М. : Индрик, 2019. — С. 91–111.

Список сокращений

<p> АВ — Археологические вести, СПб. АКР — Археологическая карта России АН СССР — Академия наук СССР АО — Археологические открытия ВГПУ — Вологодский государственный педагогический университет ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры ГИМ — Государственный Исторический музей ГМЗРК — Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль» ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук ИБВВ РАН — Институт биологии внутренних вод им. И. Д. Папанина Российской академии наук ИКРЗ — история и культура Ростовской земли ИПЭЭ РАН — Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова Российской академии наук КСИА — Краткие сообщения Института археологии КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры [М.] ЛГУ — Ленинградский государственный университет МИА — Материалы и исследования по археологии СССР ННЗ — Новгород и Новгородская земля ОКН — объект культурного наследия ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея </p>	<p> ОРЯС — отдел русского языка и словесности Императорской Академии наук ПКНО — Памятники культуры. Новые открытия РА — Российская археология РГАДА — Российский государственный архив древних актов РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства РГИА — Российский государственный исторический архив САИ — Свод археологических источников СА — Советская археология, журнал СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет СПГИХМЗ — Сергиево-Посадский государственный музей УКМ — Устюженский краеведческий музей ЦЕИ РАН — Центр египтологических исследований Российской академии наук ЦНРПМ — Центральные научно-реставрационные проектные мастерские ЯЕВ — Ярославские епархиальные ведомости ЯГВ — Ярославские губернские ведомости ЯГИАХМ — Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник </p>
---	--

Археология: история и перспективы:

Девятая
межрегиональная конференция

Сборник статей

Ответственный редактор *А. Е. Леонтьев*
Корректор *М. В. Шахова*
Обложка и компьютерная верстка *Т. Ю. Лахновой*

Подписано в печать 13.12.2020.
Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Гарнитура «PeterburgC».
Усл. печ. л. 17,00. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Канцлер»
150008, Ярославль, ул. Клубная, 4-49
Тел.: (4852) 58-76-37, 58-76-39
kancler2007@yandex.ru